

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

SLAV 4241.1.810

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ

~~№ 2366.~~

СОЧИНЕНІЕ

А. БРИКНЕРА.

BRICKNER

=

= POSOSHKOV //

ЧАСТЬ I. = 1 //

ПОСОШКОВЪ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.

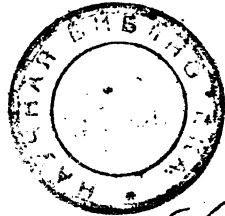

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАЛАШЕВА (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1876.

Slav 4241.1. 810 (1)

16555

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Введение	1— 6
Литература объ Иванъ Посошковъ	6— 20
Свѣдѣнія о жизни Посошкова	20— 73
ПОСОШКОВЪ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.	
Введение	73— 95
Наука о хозяйствѣ на западѣ	75— 79
Наука о хозяйствѣ въ Россіи до Посошкова	80— 95
Домострой	81— 84
Юрій Крижаничъ	84— 89
Петръ Великій	90— 95
Глава I. Обще-экономическія воззрѣнія Посошкова	95—151
О богатствѣ вообще	97—103
О народномъ богатствѣ	103—111
О праздности	111—122
О сбереженіи	122—151
Одежда	122—128
Писчая бумага	129—130
Лѣсъ	130—136
Орѣхи	137—138
Рыба	138—147
Глава II. Мысли Посошкова о торговлѣ и промышленности	151—258
Значеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышлен- ности	151—173
Понятія о торговлѣ на западѣ	173—191
Уальтеръ Ралей	178—186
Питеръ-де-ла-Куръ	186—191

Посшковъ и Петръ Великій—меркантилисты	191—215
Ограниченіе потребленія привозныхъ товаровъ	192—198
Усиленіе вывоза и поощреніе русской промышлен- ности	198—215
Прочія мысли Посшкова о торговлѣ	215—231
Прочія мысли Посшкова о промышленности	231—258
Цехи	232—243
Контроль доброты качества товара	243—247
Мѣры поощренія промышленности	247—258
Иконопись	251—258
Глава III. Мысли Посшкова о земледѣліи.	258—289
Крестьяне	258—278
О деревенскихъ постройкахъ	278—280
О межеваніи	280—284
О поземельной подати	284—289
Глава IV. Мысли Посшкова о финансахъ	289—358
О расходахъ государства	292—295
О собираніи налоговъ	295—303
Поземельная подать	303—305
Пошлина съ продажи и покупки разныхъ предметовъ	305—311
Соляная регалія	311—316
Винная регалія	316—332
Монетная регалія	332—358
Заключеніе	358—359

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

Исторія общества въ эпоху Петра Великаго мало разработана. О томъ, какъ относились современники къ дѣятельности великаго преобразователя, мы знаемъ почти исключительно изъ дѣлъ Преображенскаго тайнаго приказа. Намъ извѣстны главнымъ образомъ отзывы противниковъ реформы, преслѣдуемыхъ правительствомъ. Такихъ противниковъ было много, какъ мы узнаемъ изъ исторіи стрѣльцкаго бунта, изъ исторіи раскола, изъ исторіи царевича Алексѣя Петровича и т. д. Иванъ Посошковъ говоритъ: „Нашъ монархъ на гору еще самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?“¹⁾ Множество данныхъ, сообщенныхъ г. Соловьевымъ въ „Исторіи Россіи“, показываетъ намъ, какъ многимъ „становилось тѣсно отъ государя“, какъ многіе жаловались, что со времени вступленія на престолъ Петра „свѣтлыхъ дней не видали“, что „отдыху нѣтъ“, что „тягота на міръ“ и т. д. Называли Петра „міроѣдомъ“, „антихристомъ“, удивлялись тому, „что его по сея мѣсть не уходятъ“, „нигдѣ его не убьютъ“ и пр.

Петръ, какъ представитель эпохи просвѣщеннаго деспотизма, не могъ быть останавливаемъ подобными знаками общаго и повсемѣстнаго неудовольствія. Онъ былъ правъ, утверждая, „что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ объ общемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“²⁾. Онъ считалъ себя въ правѣ по случаю казни стрѣльцовъ возразить патриарху, желавшему остановить страшныя мѣры Петра:

¹⁾ Соч. I, 95.

²⁾ Соловьевъ, XV, 96 и 97.

„Я исполняю свою обязанность и дѣлаю благоудное дѣло, защищая народъ“¹⁾. Не даромъ Фридрихъ Великій замѣтилъ о Петрѣ: „Il travaillait sur sa nation comme de l'eau forte sur le fer“.

Въ то время общество, слѣдившее за образомъ дѣйствій правительства, еще не имѣло возможности высказывать своего мнѣнія о современныхъ событіяхъ въ печати. Литература вообще, а публицистика въ особенности, не имѣли простора. При изученіи эпохи Петра, мы, къ сожалѣнію, лишены почти вовсе того важнаго пособія, которое заключается въ памятникахъ словесности. По крайней мѣрѣ сія послѣдніе лишь рѣдко имѣютъ предметомъ вопросы государственнаго и общественнаго состоянія и развитія. Понинѣ, впрочемъ, исторіографія, имѣвшая главнымъ предметомъ политическія событія и развѣ только въ видѣ исключенія обращавшая вниманіе на состояніе и развитіе общества, мало нуждалась въ такого рода источникахъ. При новѣйшемъ направленіи исторической науки однако исторія общества, исторія народа, исторія умственной и нравственной атмосферы все болѣе и болѣе становятся важнѣйшимъ предметомъ вниманія историковъ. Мы не только желаемъ узнавать о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ законодателей, администраторовъ, полководцевъ; намъ кажется, по крайней мѣрѣ, столько же любопытнымъ отношеніе къ нимъ общества. Кромѣ немногихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ политической исторіи, наше вниманіе обращаетъ на себя и сцена, на которой происходятъ событія. Кромѣ инициативы правительства, оказывается важною и почва, на которой оно дѣйствуетъ болѣе или менѣе успѣшно. Понинѣ при разборѣ исторіи эпохи Петра гораздо болѣе вниманіемъ пользовался молотъ: наковальня же оставалась на заднемъ планѣ.

Ничто столько не содѣйствовало приведенію въ ясность главныхъ вопросовъ исторіи дореволюціонной Франціи какъ изученіе состоянія французскаго общества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, оппозиціонной литературы, публицистики вообще; изученіе писемъ Юніуса вводитъ насъ во всѣ существенные вопросы политической исторіи Англіи въ эпоху царствованія Георга III; „*Epistolae obscurorum virorum*“ и пасквили противъ средневѣковой церкви можно отнести къ самымъ важнѣйшимъ матеріаламъ для исторіи періода реформаціи въ Германіи; комедіи Аристофана служатъ важнѣйшимъ пособіемъ при изученіи исторіи пелопоннесской войны. Отсутствие подобныхъ памятниковъ сло-

¹⁾ Устрляовъ, III, 216.

весности при изученіи исторіи эпохи Петра Великаго затрудняетъ занятія историческаго изслѣдователя. Между тѣмъ какъ государи и министры-преобразователи на западѣ могутъ считаться учениками современной имъ литературы просвѣщенія, Петръ не могъ находиться подъ вліяніемъ какой-либо партіи прогрессистовъ-писателей въ Россіи. Направленіе общественнаго мнѣнія доходило до свѣдѣнія правительства, главнымъ образомъ, въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа, публицистики не было; общимъ правиломъ было глубокое молчаніе.

При всемъ томъ однако общество въ Россіи не переставало слѣдить за дѣйствіями правительства, разсуждать о нихъ, хотя и не громко. Рѣдко масса народа одобряла мѣры Петра; чаще, гораздо чаще, она осуждала ихъ. Заговоры и бунты, неосторожныя рѣчи недовольныхъ, революціонныя движенія въ различныхъ классахъ общества, безпрестанныя полицейскія распоряженія начальства для подавленія мятежнаго духа доказываютъ, каково было броженіе умовъ. Посошковъ былъ правъ: миллионы танули подъ гору.

Чѣмъ болѣе становились мало по малу извѣстными данныя, относящіяся къ этому движенію массы противъ Петра, тѣмъ болѣе любопытнымъ должно считать историческій матеріалъ, доставляющій намъ возможность ознакомиться съ взглядами того меньшинства въ народѣ, которое вполне сочувствовало Петру и его преобразовательной дѣятельности. Вотъ почему изученіе литературной дѣятельности Ивана Посошкова можетъ служить значительнымъ пополненіемъ историческаго матеріала, относящагося къ исторіи Петра.

Посошковъ можетъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ представителемъ литературы просвѣщенія XVIII вѣка. Онъ заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ названіе энциклопедиста, потому что его сочиненія затрогиваютъ множество наукъ, мѣстами заключаютъ въ себѣ столь же любопытныя обобщенія и тезисы, какъ сочиненія знаменитыхъ публицистовъ запада. Исходною точкою для Руссо и для Монтескье, какъ и для Посошкова, служатъ основныя понятія о человѣколюбіи, о правдѣ и о нравственности вообще. Обсуждая вопросы законодательства, администраціи, школы, церкви, народнаго хозяйства, общественной нравственности и т. д., онъ соединяетъ понятія объ общихъ началахъ съ техническимъ знаніемъ дѣла. Не будучи литераторомъ, онъ можетъ быть названъ публицистомъ; не бывши философомъ, онъ былъ столь опытенъ въ дѣлахъ общезитія, что имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ право повторить изреченіе: „Nihil humani

я me alienum puto". Его начитанность ограничивалась знакомством со Священным Писаниемъ и нѣкоторыми произведеніями духовной литературы, но дѣла, приключенія обиденной жизни, путешествія въ различныя области Россіи, отношенія къ различнымъ сословіямъ и къ органамъ правительства служили ему полезною школою. Главнымъ наставникомъ его былъ Петръ Великій, который, подобно Посошкову, былъ самоучкою, котораго, также какъ Посошкова, воспитывала жизнь, и который, какъ и крестьянинъ села Покровскаго, былъ горячимъ патриотомъ, предприимчивымъ и смѣлымъ преобразователемъ и подъ часъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Оба любили не только учить, но и учиться. Оба сознавали необходимость крутыхъ реформъ. Оба предлагали сильныя мѣры, для испъленія язвъ въ общественномъ организмѣ Россіи. А между тѣмъ Петръ и Посошковъ едва знали другъ друга лично. Мы увидимъ, что сначала между ними существовали кое-какія официальные сношенія; но попытки Посошкова сблизиться съ Петромъ въ послѣднее время жизни обоихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, Петръ и не подозрѣвалъ, что въ скромномъ крестьянинѣ онъ имѣлъ ревностнаго сотрудника въ дѣлѣ реформы, что „мизирнѣйшій и всенижайшій рабчищъ“ во всю свою жизнь трудился на пользу Россіи и государя, и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые „самъ-десять съ монархомъ тянули на гору“.

Другіе публицисты XVIII вѣка, богатые теоріями и предлагавшіе важныя реформы, находили гораздо легче способы обращенія на себя вниманія публики и правительства. Нѣкоторые изъ нихъ даже занимали высокія мѣста въ обществѣ или въ государствѣ. Тюрго былъ министромъ, Адамъ Смитъ имѣлъ прямое и сильное вліяніе на законодательство не только Англіи, но и другихъ государствъ. Они, разумѣется, гораздо лучше Посошкова были приготовлены къ практической политической дѣятельности; да и почва, на которой они дѣйствовали, была лучше приготовлена для приведенія въ исполненіе широкихъ преобразовательныхъ мыслей и смѣлыхъ проектовъ реформы. Хотя однако Посошковъ образованіемъ, начитанностію, опытностію въ политическихъ дѣлахъ далеко уступаетъ корифеямъ западно-европейской литературы просвѣщенія, многія высказанныя имъ мысли и соображенія, многія общія положенія и выводы отличаются тою ясностію и мѣткостью, которыя встрѣчаются въ знаменитѣйшихъ произведеніяхъ публицистики въ западной Европѣ.

Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ Посошковъ оказывается отсталымъ сторонникомъ старины, ограниченнымъ борцомъ за предраз-

судьи и суевѣріе; чаще однако онъ является смѣлымъ прогрессистомъ, радикальнымъ преобразователемъ, мѣстами даже, по крайней мѣрѣ по тогдашнимъ понятіямъ, отчаяннымъ проводникомъ новыхъ революціонныхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ и на самаго Петра, и на всю эпоху Петра, соединявшихъ въ себѣ въ странной смѣси старое и новое, кнутъ и пытку XVII столѣтія и либерализмъ XIX вѣка, грубость нравовъ прежнихъ временъ и утонченность послѣднего времени, восточный деспотизмъ, отчасти даже китаизмъ до-Петровской Россіи и зачатки коренныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Такъ, и Посошковъ, съ одной стороны, отстаиваетъ самыя сложныя приемы полиціи и бюрократіи, а съ другой — является ревностнымъ поборникомъ свободы личности. Въ одно и то же время онъ, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Домостроя“, ратуетъ противъ новыхъ идей въ области педагогики и религіи и — признаетъ результаты новаго просвѣщенія и требуетъ коренныхъ измѣненій относительно быта духовенства. Въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ могъ казаться слишкомъ ревностнымъ защитникомъ казенныхъ интересовъ; другіе съ удивленіемъ могли прислушиваться къ его предложеніямъ устроить что-то въ родѣ законодательнаго собранія. Съ одной стороны, Посошковъ, хотя и самъ крестьянинъ, осуждаетъ рѣзко испорченность крестьянскаго сословія и можетъ казаться противникомъ крестьянской реформы; съ другой — онъ за полтора ста лѣтъ до этой реформы предлагаетъ важныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Съ одной стороны, ему и въ голову не приходитъ, что пытка есть бессмысленное, варварское и нисколько не цѣлесообразное учрежденіе, а съ другой — онъ относительно судопроизводства высказываетъ понятія, достойныя создателей закона „Набесаа сѣргис“.

Нѣтъ основанія видѣть во всемъ этомъ противорѣчіе, отсутствие послѣдовательности или логичности мыслей. Онъ былъ произведеніемъ этой эпохи; смѣлая, упорная борьба противоположныхъ мнѣній должна была и въ умникъ, просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ, любившихъ отечество и стремившихся къ истинѣ, породить такую смѣсь различныхъ мнѣній. Въ отношеніи ко многимъ вопросамъ Посошковъ далеко предупредилъ своихъ современниковъ, въ отношеніи къ другимъ онъ раздѣлялъ всецѣло понятія и убѣжденія большинства послѣднихъ. Увлечаться слишкомъ далеко, выдумывать утопіи было для него невозможно уже потому, что онъ и по своему образованію, и по своему общественному положенію былъ

чуждъ всякому доктринерству и схематизму. Практика воспитывала его. Вся его литературная дѣятельность имѣла лишь одинъ практическія цѣли.

Цѣлью нашего разсужденія служить разборъ жизни и публицистической дѣятельности Ивана Посошкова. Прежде всего мы указываемъ на то вниманіе, которымъ пользовался Посошковъ у потомства, на то мѣсто, которое принадлежитъ ему въ русской исторической литературѣ. Затѣмъ мы предлагаемъ очеркъ біографіи Посошкова. Наконецъ, мы надѣемся подвергнуть разбору взгляды Посошкова на главные вопросы общезитія, на религію и церковь, на правосудіе и полицію, на финансы и войско, на торговлю, промышленность и земледѣліе.

Историческая литература объ Иванѣ Посошковѣ.

Полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Посошковъ. Не ранѣе однако какъ сто почти лѣтъ тому назадъ имя Посошкова впервые является въ печати. Значитъ, въ продолженіе полулѣтка послѣ кончины извѣстнаго весьма лишь немногимъ лицамъ сотрудника Петра Великаго не было со стороны исторической науки обращено почти никакого вниманія на личность и дѣятельность Посошкова. Нѣкоторые изъ его сочиненій и понынѣ остаются не открытыми, другія были найдены случайно и ностененно въ продолженіе послѣдняго столѣтія.

Нельзя однако сказать, чтобы Посошковъ въ первыя десятилѣтія, слѣдующія за его кончиной, оставался совершенно неизвѣстнымъ русской публикѣ. Существовало нѣсколько списковъ главнѣйшихъ его сочиненій. Здѣсь и тамъ встрѣчаются намеки, изъ которыхъ видно, что эти сочиненія читались, переписывались и могли имѣть нѣкоторое вліяніе на современниковъ императрицъ Елизаветы и Екатерины.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ румонисномъ отдѣлѣ бібліотеки Императорской Академіи Наукъ были найдены списки нѣкоторыхъ сочиненій Посошкова. На послѣдней страницѣ списка гманинаго изъ нихъ — „О скудости и богатствѣ“, писецъ отъ себя или по указанію академическаго бібліотечнаго прибавилъ: „Списана 1752 года, а для списанія получена отъ г. совѣтника Михаила Васильевича Ломоносова“. Гдѣ взялъ Ломоносовъ свой списокъ, съ котораго вероятно было снятъ копію, неизвѣстно. Въ журналѣ канцеляріи Ака-

демин Наукъ, 11-го февраля 1752 года, говорится только: „Книгу, называемую о скудости и богатствѣ, въ вѣдомствѣ ассесора и унтеръ-библіотекаря г. Тауберта, на чisto переписать и по переписаніи... оригиналь внести въ канцелярію“.

Съ почину Ломоносова дѣло пошло, какъ видно, дальше. Въ академической библіотекѣ есть рукопись подъ заглавіемъ: „Книга о раздѣленіи земли пашенной по росписанію крестьянскаго тягла десятинь, пятинь, четвертей, полчетвертей и поль-полчетвертей и меньши, описанное какъ государевыхъ сель, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству въ плодосію доброй, средней и худой земли“. Въ концѣ (стр. 61) писецъ замѣтилъ: „Списана при Академіи Наувъ 1755 года“. На какомъ основаніи и когда въ первый разъ рукопись академической библіотеки приписана была Посошкову—остается покуда неизвѣстнымъ. Но касательно одного небольшого сборника in-fol. въ академической библіотекѣ это не подлежитъ сомнѣнію: не только въ каталогѣ академическихъ рукописей, составленномъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, сочинителемъ значится Посошковъ, но тоже выходитъ и изъ другихъ обстоятельствъ, такъ что нѣтъ болѣе надобности и доказывать это. Въ концѣ сборника присовокуплено: „Съписана изъ книгъ бывшаго при синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 году мая 18 дня“. Въ концѣ первой статьи, имѣющей заглавіе: „Проекъ о школахъ“, написано „Убогій земледѣлецъ, Московскій уроженецъ Иванъ Посошковъ“¹⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка занимались уже Посошковымъ. Между владѣльцами списковъ или рукописей его сочиненій встрѣчаются членъ Академіи Наукъ, знаменитый Ломоносовъ, и оберъ-секретарь синода.

Изъ другихъ данныхъ видно, что другое сочиненіе Ивана Посошкова, „Отеческое завѣщаніе къ сыну“ пользовалось вниманіемъ частныхъ лицъ, а именно купцовъ и крестьянъ. На рукописи этого сочиненія, открытой и изданной недавно г. Андр. Половнымъ, сохранились повдніа разныхъ почерковъ записи прежнихъ владѣльцевъ: 1) „Сня книга дому Московской второй гильдіи купца Явима Петрова 1760 г. ноября дня“. 2) „Сня книга крестьянина Финогена Степановича Давыдова“. На оборотѣ послѣдняго листа дѣтскимъ почеркомъ написано:

¹⁾ См. Записки Импер. Академіи Наукъ, V, 62—63: Извѣстіе о недавнихъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова, акад. А. Кумика.

„Милостивому моему государю и братцу“, и затѣмъ повторена записка: „Сия книга Московской второй гильдіи купца Іоакима Петрова“¹⁾.

Отсюда видно, что это сочиненіе Посошкова въ то время служило чтеніемъ для людей скромнаго состоянія. Въ кругахъ крестьянъ и купцовъ, быть можетъ, встрѣчались еще другіе списки этого труда. Содержаніе „Отеческаго завѣщанія“ было общедоступно; оно имѣло общій правоучительный характеръ. Поэтому такое сочиненіе весьма удобно могло служить подаркомъ въ семействахъ.

Однако не ранѣе 1772 года имя Посошкова какъ писателя было упомянуто въ печати, а именно въ „Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ“ Николая Новикова (С.-Пб. 1772). Вотъ отзывъ его: „Посошковъ Иванъ. Изъ сочиненій его осталась только книга о скудости и богатствѣ, хранящаяся рукописною въ Императорской библіотекѣ“.

Немногимъ позже, а именно въ 1793 году, впервые явилось въ печати одно изъ мелкихъ сочиненій Посошкова. Въ Москвѣ было открыто письмо Посошкова къ Головину и издано въ 1798 г. Ѡ. Розановымъ подъ заглавіемъ: „Россіянинъ пріемеднаго вѣва, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Ѡеодору Алексѣевичу Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писано въ 1708 году. Издвленіемъ Ѡ. Розанова“ (въ 16-ю долю, 123 стр.). Въ этой брошюрѣ, значить, были напечатаны двѣ рукописи, изъ которыхъ только первая и обширнѣйшая была сочиненіемъ Посошкова. Имя автора втораго сочиненія — письма къ сыну въ Голландію — осталось неизвѣстнымъ. Напрасно это послѣднее сочиненіе г. Погдиннымъ, а вождѣ за нимъ нѣкоторыми другими учеными было счѣтаемо также за сочиненіе Ивана Посошкова. Въ особенномъ изслѣдованіи мы старались доказать, что нѣтъ основанія приписывать Посошкову этотъ трудъ, и что, напротивъ, нѣкоторые довольно сильныя поводы заставляютъ думать, что письмо къ сыну было писано какимъ-либо дворяниномъ и богатымъ человекомъ²⁾.

Ѡ. Розановъ не приложилъ никакого комментарія къ своему изданію, не занялся разборомъ содержанія издаваемаго имъ сочи-

¹⁾ См. Завѣщаніе отческое къ сыну. Соч. *Ио. Посошкова*, откр. и издано Андр. Поповымъ. Москва, 1873, стр. III.

²⁾ См. *Русскій Вѣстникъ*, 1874 августъ, стр. 779—826: «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову».

женія Посожкова и ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно, ибо показываетъ образъ мыслей, каковой имѣли Русскіе минушаго столѣтія о новыхъ въ государствѣ нашемъ европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предрасудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Пощенцова, до тактики касающіяся, не смотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Разчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служить то, что онъ писалъ отъ добраго сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ государственныхъ предначинаній происходившую, но не въ силахъ былъ, непросвѣщенію своему, проникать далѣе“.

Митрополитъ Евгеній, въ своемъ „О русскихъ свѣтскихъ писателяхъ“ называя два сочиненія Посожкова: 1) „О скудости и богатствѣ“ и 2) донесенію Головину, изданное Розановымъ, замѣчаетъ при этомъ, что первое сочиненіе, писанное въ 1724 году, хранится рукописнымъ въ Императорской библиотекѣ, что сочинитель въ предисловіи говоритъ, что писалъ эту книгу три года, и что она посвящена государю Петру Великому.

Вѣроятно, и Евгеній и Новиковъ, говоря о рукописи сочиненія „О скудости и богатствѣ“, хранящейся въ Императорской библиотекѣ, имѣли въ виду ту самую рукопись академической библиотеки, о которой было упомянуто выше.

Въ 1815 году, въ первой части *Русскихъ достопамятностей*, издаваемыхъ Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, было помѣщено К. Ф. Калайдовичемъ открытое имъ между рукописями Московской типографской синодальной библиотеки „Донесеніе Ивана Посожкова“, писанное къ митрополиту Стефану Яворскому, тогдашнему синодальному патриаршему престолу. Калайдовичъ не упоминаетъ при этомъ случая о главномъ сочиненіи Посожкова „О скудости и богатствѣ“, на которое указывали Новиковъ и Волюжениновъ. Онъ замѣчаетъ къ предудѣвленію: „Имя Посожкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному боярину Федору Алексѣевичу Головину, относящемуся

муся въ военной наукѣ (неданному г-му Розановичу)“. Кажется, Калайдовичъ не одѣлалъ той ошибки, которую, какъ ми видѣли, дѣлали другіе ученые, приписывая письмо въ сынъ, находившемуся въ Голландіи, также Посошкову. Онъ упоминаетъ лишь о донесеніи Голландцу.

Калайдовичъ также не сопровождаетъ своего изданія замѣчаніями или комментаріемъ. Онъ говоритъ только: „Должно дивиться изяществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образованъ своихъ врожденныхъ способностей“.

Въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій никто не обращалъ вниманія на жизнь и сочиненія Посошкова, пока наконецъ въ 1842 г. не явилось въ печати приготовленное М. П. Погодинымъ изданіе: „Сочиненія Ивана Посошкова, изданы на изживеніи Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“.

Г. Погодину посчастливилось найти списокъ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ между разными книгами, купленными Т. Ф. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 г., послѣ покойнаго И. И. Лаптева, известнаго собирателя отечественныхъ древностей. Въ введеніи къ своему изданію г. Погодинъ сообщаетъ намъ о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело на него чтеніе этой драгоценной рукописи. Его поразила полнота содержащагося въ этомъ сочиненіи изслѣдованія о состояніи Россіи во время Петра I, многосторонность, съ которою Посошковъ обсуждалъ равные государственные вопросы, смѣлость и мѣткость, съ которыми онъ предлагалъ важныя политическія мѣры, подобныя тѣмъ, воими прославились царствования Екатерины II и Александра I. Г. Погодинъ называетъ Посошкова гениальнымъ, великимъ русскимъ политикомъ-самоучкою, удивляется тому, что Посошковъ „лѣтъ за пятьдесятъ до политической экономіи въ Европѣ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни“.

Г. Погодинъ въ изданіи дотолѣ неизвѣстнаго сочиненія О, скудости и богатствѣ“ присоединилъ второе изданіе уже некихъ вышупомннутыхъ сочиненій Посошкова, изданныхъ Розановичемъ и Калайдовичемъ, и при этомъ случаѣ, введенный въ заблужденіе неслучайно заглавія въ изданіи Розанова, считая и письмо въ сынъ, находившемуся въ Голландіи, сочиненіемъ Посошкова. Въ предисловіи

ни г. Погодинъ предложилъ составленный по содержанию сочиненій Посошкова биографическій очеркъ и нѣкоторые замѣчанія о нежданыхъ трудахъ Посошкова, о слогѣ и характерѣ его сочиненій и о спискахъ, употребленныхъ имъ при изданіи сочиненій Посошкова.

Чрезвычайно любопытно сообщеніе г. Погодина, что главное сочиненіе Посошкова даже до своего обнаруженія возбудило сомнѣнія. Разнеслись слухи, что оно принадлежало не крестьянину Ивану Посошкову, но князю Борису Алексѣевичу Голицыну, боярину Головину, какому-то Новгородскому дворянину, наконецъ, что оно было писано только въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ эпоху созванія его депутатовъ. Узнавъ объ этихъ слухахъ, г. Погодинъ въ *Москвитяинѣ* предложилъ вопросъ о доказательствахъ, но никто не представилъ отвѣта¹⁾. Однако долго не прекращались сомнѣнія, отрицанія и даже насмѣшки. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно, не смотря на изданія Розанова и Калайдовича, на замѣчанія въ словаряхъ Новикова и митрополита Евгенія. Г. Погодинъ разказываетъ, во введеніи въ изданію второй части сочиненій Посошкова²⁾, какъ нѣкоторые его пріятели, изъ самыхъ образованныхъ людей вознегодовали на него и на Посошкова за его мысли о крестьянахъ, объ отношеніи ихъ въ помещикамъ и о необходимости опредѣлить ихъ судьбу, какъ другіе завидовали открытію и старались уменьшить его достоинства, съ какими усиліями онъ долженъ былъ отстаивать своего героя, и съ какими затрудненіями долженъ былъ бороться при изданіи въ 1842 году сочиненія „О скудости и богатствѣ“ между прочимъ и со стороны цензуры. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, министръ С. С. Уваровъ принялъ Посошкова подъ свое покровительство и чрезъ нѣсколько времени прислалъ г. Погодину рукопись, подписанную тогдашнимъ лучшимъ цензоромъ Корсаковымъ. Очевидно, слухи о томъ, что Посошкова никогда не существовало, дошли до Уварова, который, 8-го октября 1841 г., писалъ къ г. Погодину: „О Посошковѣ постараюсь доставить вамъ въ скоромъ времени разсужденіе; множество (sic) между тѣмъ списковъ встрѣчаются въ бібліотекахъ и архивахъ. *Желательно бы отродить, не поведомить ли?*“³⁾.

Г. Погодинъ вслѣдствіе этого счелъ нужнымъ доказывать, что никто

¹⁾ См. Соч. Погод. I. XXI.

²⁾ Соч. Пос., II Москва, 1863, стр. XI.

³⁾ См. *Русскій архивъ* 1871 г., стр. 2100. Для біографіи графа Уварова.

нѣ въ вышеупомянутыхъ лицахъ не могъ быть авторомъ сочиненій, поддѣльными была подпись Посошкова. Такъ, напримѣръ, онъ указывалъ на то обстоятельство, что князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, человѣкъ самый приближенный къ Петру, едва ли имѣлъ бы нужду скрывать свое имя предъ бывшимъ своимъ воспитателемъ, и что его не было въ живыхъ съ 1718 года, между тѣмъ какъ подъ сочиненіемъ „О скудости и богатствѣ“ подписанъ 1724 г., и въ немъ говорится объ указахъ и мѣрахъ 1718 и 1719 гг.; боярину Феодору Алексѣвичу Головину не могло оно принадлежать, ибо ему представлено Посошковымъ сочиненіе „О ратномъ поведеніи“, которое повторено съ прибавленіями въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“; дворяниномъ вообще это сочиненіе не могло быть написано, ибо проникнуто все плебейскимъ духомъ противъ притѣсненій и злоупотребленій дворянства того времени. Далѣе, изъ рукописей каждыя могъ заключить, что онѣ были писаны прежде царствованія Екатерины II. Иностранныя слова, разбѣяныя въ сочиненіи, могли быть извѣстны и человѣку скромнаго происхожденія, потому что эти слова встрѣчались въ печатныхъ книгахъ, при Петрѣ изданныхъ¹⁾. Въ то время различіе между образованіемъ бояръ и простыхъ людей не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника. Сочинитель къ тому же слишкомъ коротко знакомъ съ простонароднымъ бытомъ, и судя по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ низшему сословію. Ясный взглядъ на вещи, умъ творческій—все это явленіе естественное и возможное и между простолюдинами.

Вотъ каковы были доводы г. Погодина, жившіе цѣлью доказать, что Посошковъ не былъ искудомъ. Разумѣется, можно было бы представить еще гораздо болѣе основательную аргументацію къ пользу авторства Посошкова. Но самое обнаруженіе перваго тома сочиненій Посошкова, біографическій очеркъ, составленный г. Погодинымъ, и многія частности, относящіяся къ жизни и литературной дѣятельности Посошкова, открытыя въ продолженіе слѣдующаго времени, сдѣлали невозможнымъ такое сужденіе.

Нельзя сказать однако, чтобъ изданіе сочиненій Посошкова г. По-

¹⁾ Г. Погодинъ еще прибавлялъ къ этому, что Посошковъ могъ узнать о такихъ терминахъ чрезъ сына, путешествовавшего за границую. Такъ какъ мы знаемъ, что «письмо къ сыну» не можетъ считаться произведеніемъ Посошкова, этотъ аргументъ для насъ не существуетъ.

годинымъ произвело глубокое впечатлѣніе на публику вообще и на историковъ въ особенности, или вызвало какія-либо изслѣдованія по части бытовой исторіи эпохи Петра Великаго. Въ то время еще не столь усѣбно, какъ въ шестидесятихъ годахъ и въ нынѣшнее время, занимались новою русскою исторіей. Останавливались скорѣе на разборѣ вопросовъ исторіи древней Руси. Къ тому же исторія хозяйства почти вовсе не существовала, между тѣмъ какъ Посошковъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ экономистомъ, если не считать таковымъ Юрія Крижанича, получившаго однако свое образованіе главнымъ образомъ за границею.

Вообще бытовая исторія, исторія культуры была тогда весьма мало разработана, между тѣмъ какъ сочиненія Посошкова заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ именно для этой отрасли исторической науки. Наконецъ, и публицистика вообще въ началѣ сороковыхъ годовъ была менѣе оживленною; существовало сравнительно немного періодическихъ изданій, которыя могли бы съ сочувствіемъ встрѣтить обнаруженіе столь драгоценнаго памятника. Появленіе въ свѣтъ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ было встрѣчено довольно холодно. Въ *Москвитяинѣ* явилось составленное самимъ же г. Погодинымъ извлеченіе изъ сочиненій Посошкова¹⁾. Другихъ подробныхъ разборовъ сочиненій Посошкова, обширныхъ статей объ этомъ предметѣ не явилось вовсе. Г. Погодинъ предоставлялъ профессорамъ политической экономіи и юриспруденціи заняться вопросомъ о значеніи Посошкова въ исторіи этихъ наукъ. Никто не брался за эту задачу. Лишь изрѣдка въ сочиненіяхъ экономическаго или историческаго содержанія и то лишь въ видѣ украшенія или съ риторическимъ отнѣсеньемъ, встрѣчались ссылки на Посошкова, выписки изъ его сочиненій; полною разработкою сочиненій Посошкова никто не занялся. Поэтому намъ кажется, что услуга, оказанная г. Погодинымъ наукамъ русской исторіи чрезъ изданіе сочиненія „О скудости и богатствѣ“, далеко недостаточна была оцѣнена современными учеными. Тѣмъ не менѣе, хотя и не ранѣе какъ почти двадцать лѣтъ спустя, некоторые открытія въ архивахъ, относившіяся къ Посошкову, снова обратили на него вниманіе науки.

Чрезвычайно любопытно было открытіе одного довольно мрачнаго эпизода изъ исторіи Посошкова, относящагося къ 1697 году. Открытіе это было сдѣлано г. Соловьевымъ и сообщено имъ въ статьѣ

¹⁾ 1842, № 3.

„Школа Посошкова“ въ *Библиографическомъ замѣткѣ*. 1861 г. № 5. Черезъ эту статью сдѣлались извѣстными нѣкоторыя весьма важныя черты въ первыхъ фазисахъ жизни Посошкова.

Около того же времени было сдѣлано г. Есиновымъ еще важнѣйшее открытіе, пролившее яркій свѣтъ на концы жизни и дѣятельности Посошкова. Въ государственномъ архивѣ оказались собственноручныя бумаги Посошкова, и между прочимъ, подусгнувшая черновая просьба Петру, при которой онъ представилъ свое главнѣйшее произведеніе „Книгу о скудости и богатствѣ“. Выстъ съ тѣмъ были найдены бумаги, относящіяся къ послѣднимъ страданіямъ Посошкова, находившагося подъ судомъ и скончавшагося въ крѣпости, множество данныхъ о его денежныхъ дѣлахъ, промышленныхъ предпріятіяхъ, отношеніяхъ къ родственникамъ и пр. ¹⁾

Въ сенатскомъ архивѣ и въ кабинетныхъ дѣлахъ академикъ Устряловъ, занимавшійся исторіей Петра, нашелъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ экономическому положенію Посошкова и къ его родственникамъ. Напрасно только Устряловъ, сообщая нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, черты изъ жизни его въ введеніи въ исторію Петра ²⁾, замѣчаетъ: „Вотъ все, что извѣстно о жизни сего перваго русскаго политико-эконома, занимавшаго не послѣднее мѣсто между нашими писателями своимъ сочиненіемъ о скудости и богатствѣ“— тогда какъ въ предисловіи къ своему изданію въ 1842 году, значить, за 16 лѣтъ до изданія перваго тома „Исторіи Петра Великаго“, г. Погодинъ уже собралъ довольно много данныхъ о жизни Посошкова, заимствованныхъ, впрочемъ, исключительно изъ его сочиненій.

Г. Погодинъ имѣлъ два списка другаго и весьма обширнаго сочиненія Посошкова, а именно „Зеркала“, но не обращалъ на нихъ вниманія, потому что имя автора этихъ рукописей ему не было извѣстно. Въ пятидесятыхъ годахъ однако Ю. Ѡ. Самарину въ Костромскомъ Бѣлбажскомъ монастырѣ попалось это сочиненіе съ надписью въ концѣ: *Исаѣ Тихоновичъ Посошковъ, творецъ книжннхъ сез 1709 года*. Г. Самаринъ сообщилъ это извѣстіе г. Погодину, который по этому поводу тотчасъ же принялся за изученіе рукописей, до тѣхъ поръ остававшихся у него въ пренебреженіи, и на первыхъ же страницахъ увидѣлъ тотъ же здравый смыслъ, тотъ же ясный взглядъ, тотъ же твердый убѣдительный языкъ, которые встрѣчаются въ

¹⁾ См. статью г. Есинова въ *Русскомъ Словѣ* 1861, июль, стр. 1—23.

²⁾ Стр. LX.

известных уже сочинениях Посошкова. Въ тому же нельзя было не удивляться тщательности Посошкова, его живому участию въ составѣ о расколѣ. Мѣстами въ этомъ сочиненіи встрѣчаются слишкомъ різкія выраженія, обнаружившія безусловную историчность.

Въ то время, когда сдѣлано было это отысканіе, нельзя было по условіямъ цензуры и подумать печатать это сочиненіе Посошкова. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1863 г., оказалось возможнымъ издать эту *вторую часть* Сочиненій Посошкова (Москва, 1868). Здѣсь издатель помѣстилъ „Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ“ въ дополненіе къ сообщеннымъ въ предисловіи первой части и перечислить и частію перепечаталъ нѣкоторые изъ тѣхъ новыхъ документовъ о Посошковѣ, которые были открыты въ промежутокъ между 1842 и 1863 годами.

Сочиненіе „Зерцало“ значеніемъ своимъ далеко уступаетъ сочиненію „О скудости и богатствѣ“; оно имѣетъ исключительно богословскій характеръ и не заключаетъ въ себѣ столь богатаго матеріала для бытовой исторіи Россіи въ эпоху Петра. Однако занятія этимъ сочиненіемъ оживили въ г. Погодинѣ память о замѣчательномъ современникѣ Петра Великаго. Архивныя данныя, открывшія жалкій конецъ жизни Посошкова ¹⁾, произвели на издателя его сочиненій потрясающее впечатлѣніе. Ужась, что Посошкова похоронить у церкви Самсонія страннопримца ²⁾ въ Петербургѣ, г. Погодинъ, въ 1869 г., отправился къ „Самсонію“; но при церкви не оказалось никакихъ свѣдѣній о Посошковѣ. Онъ отслужилъ панихиду „по рабѣ Божіѣ Иванѣ“ и попросилъ священника совершить литургію заупокойную въ день кончины Посошкова, 1-го февраля. Краснорѣчиво сообщаетъ г. Погодинъ о чувствахъ, наполнившихъ его душу во время службы. Тутъ выражается и глубокое сожалѣніе о томъ, что имъ современники, не потомство не умѣли цѣнить заслугъ Посошкова, и нѣкоторая вполне справедливая гордость, что ему, М. П. Погодину, выпало на долю „помянуть добромъ страдальца, исторгнуть славное русское имя изъ забвенія“.

Въ первомъ томѣ сочиненій Посошкова было напечатано: „Отече-

¹⁾ О кончинѣ И. Посошкова въ Петропавловской пѣрвості г. Погодинъ узналъ лишь случайно чрезъ откъскъ моей статьи, напечатанной въ журналѣ *Baltische Monatschrift*, т. VI, кн. 2, см. предисловіе ко второму тому Сочиненій Посошкова, стр. XVI.

²⁾ Г. Погодинъ говоритъ: «на Васильевскомъ острову» между тѣмъ какъ эта церковь находится на такъ называемой Выборгокой сторонѣ.

свое возмездательное поучение посланному для обучения въ дальнія страны своему сыну“, о которомъ въ послѣднее время было доказано, что оно не можетъ быть сочиненіемъ Посошкова. Точно также и во второмъ томѣ сочиненій Посошкова явилось сочиненіе, принадлежавшее не Посошкову, а другому лицу.

Въ 1854 г. г. Купріяновъ нашелъ въ Новгородской Софійской библиотекѣ рукопись сочиненія, которое и имъ и г. Погодинымъ было признано за произведение Посошкова. Оно явилось въ печати въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1856 г. (т. CV) подъ заглавіемъ „Два неизвѣстные проекта Посошкова“. Въ концѣ статьи о жизни и литературной дѣятельности Посошкова въ журналѣ *Baltische Monatschrift* мною было выражено сомнѣніе въ томъ, можно ли считать Посошкова авторомъ проектовъ, изданныхъ г. Купріяновымъ, и потому, говоря въ этой статьѣ о содержаніи всѣхъ извѣстныхъ доколѣ сочиненій Посошкова, я не считалъ возможнымъ вмѣстить сюда разборъ и этихъ двухъ проектовъ, при чемъ замѣтилъ, что вопросъ объ авторѣ ихъ долженъ быть изслѣдованъ критически. Тѣмъ не менѣе г. Погодинъ, въ своей статьѣ о Посошковѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1863, июль), назвалъ Посошкова авторомъ этихъ проектовъ, которые и напечаталъ во второй части сочиненій Посошкова подъ заглавіемъ „Записка 1725 г.“ Случайно, однако еще до выхода въ свѣтъ этой второй части, г. Погодинъ узналъ, что авторомъ двухъ проектовъ былъ не Посошковъ, а Аврамовъ. Объ этомъ и сообщена замѣтка къ предисловію во второй части¹⁾. Такимъ образомъ эта попытка отвергнуть намя, до того неизвѣстна сочиненія Ивана Посошкова, не увѣнчалась успѣхомъ. Между тѣмъ случайно были найдены еще кое-какія замѣтки, относящіяся къ биографіи Посошкова. Въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ 4-го марта 1864 года академикъ Куниинъ представилъ записку о неваданныхъ сочиненіяхъ Посошкова, о которыхъ мы упомянули выше, съ цѣлью показать, что уже въ царствованіе императрицы Елизаветы рукописи сочиненій Посошкова ходили по рукамъ и списывались для различныхъ цѣлей. Въ томъ же 1864 году академикомъ Наварокинымъ были сообщены нѣкоторыя данныя для биографіи Посошкова, заимствованныя изъ архивовъ; эти матеріалы, между которыми встрѣчается собственноручное представленіе Посошкова къ неизвѣстному лицу о необхо-

¹⁾ См. мое мнѣніе о томъ, къ какому времени должно отнести записку Аврамова, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 г. августъ, стр. 781—783.

дипомати распространения въ русскомъ народѣ свѣдѣній о благодѣ-
стивой вѣрѣ, г. Пекарскій былъ нагѣренъ препроводить въ профес-
сору Московскаго университета Н. С. Тихонравову для напечатанія
ихъ въ его изданіи *Лѣтописи русской литературы и древности* ¹⁾.
Въ пятнадцатомъ томѣ своей „Исторіи Россіи“ ²⁾ г. Соловьевъ
сообщилъ замѣтку о Посошковѣ, изъ которой видно, что послѣдній
состоялъ въ нѣкоторой связи съ знаменитымъ прибыльщикомъ Кур-
батовымъ. Въ шестнадцатомъ томѣ ³⁾ встрѣчается краткая оцѣнка
литературной дѣятельности Посошкова, заключающая въ себѣ, впро-
чемъ, почти исключительно нѣкоторые выписки изъ его сочиненій.
Г. Соловьевъ называетъ Посошкова живымъ, талантливымъ, умнымъ
русскимъ человекомъ, ясно понимавшимъ необходимость для Россіи
выйти изъ прежняго положенія и сочувствовавшимъ преобразовате-
лю, его благонамѣренности, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяготившимся тѣмъ,
что преобразование идетъ не такъ скоро и что мѣры Петра встрѣ-
чаютъ повсюду страшныя препятствія.

Въ продолженіе всего времени, начиная съ изданія г. Погодинымъ
сочиненія „О скудости и богатствѣ“ до изданія г. Андр. Поповымъ въ
1873 г. „Отеческаго завѣщанія“, о которомъ мы сейчасъ будемъ го-
ворить, историографія не особенно часто обращала вниманіе на По-
сошкова. Такъ, напримѣръ, можно считать весьма страннымъ упуще-
ніемъ со стороны Певарскаго, что въ его прекрасномъ трудѣ „На-
ука и литература при Петрѣ Великомъ“ ни слова не сказано о По-
сошковѣ, который былъ столь достойнымъ представителемъ науки и
литературы при Петрѣ. Это молчаніе можетъ быть объяснено развѣ
только тѣмъ, что почтенный авторъ обращалъ, главнымъ образомъ, ви-
маніе на печатные труды того времени, на сочиненія, имѣвшія влія-
ніе, извѣстныя современникамъ, тогда какъ Посошковъ писалъ не для
публики, а для отдѣльныхъ лицъ, не дожидъ до напечатанія своихъ
трудовъ и оставался неизвѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе Певарскому слѣдо-
вало бы упомянуть о Посошковѣ.

Не особенно важными по содержанію могутъ считаться разбросан-
ныя въ различныхъ журналахъ и газетахъ статьи о Посошковѣ, за-
ключающія въ себѣ отчасти оцѣнку литературной дѣятельности его,
отчасти выписки изъ его сочиненій. Таковы, напримѣръ, статьи:

¹⁾ *Записки Имп. Акад. Наукъ* V, 243—244.

²⁾ Въ 1865 г. XV, стр. 95.

³⁾ XVI, стр. 297.

г. Орлова въ журналѣ *Производитель и промышленникъ* 1859 № 69: „Посошковъ какъ экономистъ XVIII вѣка“; г. Е. М—ва въ *Вѣстникѣ Императорскаго Казанскаго Общества Сельскаго Хозяйства* 1859 № 7: „Нѣсколько мыслей о Посошковѣ, какъ экономистѣ XVIII вѣка“; г. Шапова „Русскіе самородки“ въ журналѣ *Вѣкъ* 1862 № 9—10; г. Фоброва „Историческія воспоминанія о Посошковѣ“ въ газетѣ *Народное Богатство* 1863, приложение 6; въ журналѣ *Народное Чтеніе* 1861 № 4 (стр. 59—72) и № 5 (19—45) „Иванъ Посошковъ и его сочиненія“; въ *Мирскомъ Вѣстникѣ* 1863 № 8; въ *Библиотекѣ для чтенія* 1864 № 2; въ *Воскресномъ досугѣ* 1864 № 65 и 66; статья „Посошковъ, современникъ Петра, о крестьянствѣ“ въ журналѣ *Русскій*, 1868 № 35; и т. п. Нѣсколько болѣе подробный разборъ нѣкоторыхъ главъ изъ сочиненій Посошкова заключается въ нашихъ статьяхъ о Посошковѣ, помѣщенныхъ въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ, а именно въ журналѣ *Baltische Monatschrift* 1862 (пять статей), въ журналѣ *Russische Revue*, изд. *Вольфомомъ* 1864 I, 2: „Zur Geschichte der Nationalökonomie in Russland“; въ журналѣ *Palmblatt*: „Industriepolizeiliches aus früherer Zeit“¹⁾, и въ напередъ трудѣ „*Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen*“ (S.-Petersburg 1867, стр. 141—146).

Вотъ въ какомъ положеніи находилась литература о Посошковѣ, когда въ 1873 году почитатели Посошкова были обрадованы изданіемъ неизвѣстнаго до тѣхъ поръ и весьма важнаго сочиненія Посошкова: „Отеческое завѣщаніе къ сыну“. Сочиненіе это было открыто и издано г. Андреемъ Поповымъ (Москва, 1873, XV и 246 стр.). Оно было приобрѣтено г. издателемъ отъ одного изъ случайныхъ продавцевъ старинныхъ книгъ. Такъ какъ имени автора не было названо въ рукописи, то г. издатель долженъ былъ доказывать принадлежность завѣщанія перу Посошкова. Далѣе г. Поповъ сдѣлалъ попытку опредѣлить время составленія этого труда, который и отнесемъ г. Поповымъ ко времени до 1706 года. Въ статьѣ „О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (августъ, 1874 г.), мы высказали мнѣніе о времени составленія „Отеческаго завѣщанія“, не согласное съ мнѣніемъ г. Попова. Исслѣдуя этотъ вопросъ, мы

¹⁾ Черезъ эти статьи Посошковъ сдѣлался извѣстнымъ за границу; см. замѣтку въ журналѣ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, изд. профессоромъ Гильдебрандомъ въ Лейпъ, 1864, и статью Рошера въ *Verhandlungen der Königl. Sächs. Ges.* 1871, въ декабрь.

пришли къ тому результату, что „Отеческое завѣщаніе“ было писано не до 1706 г., а между 1715 и 1719 годами. Что же касается до принадлежности его веру Посошкова, то мы не только не отрицали этого, но даже подтвердили новыми доводами мнѣніе г. Попова, что авторомъ „Отеческаго завѣщанія“ былъ никто иной, какъ Иванъ Посошковъ, и для этой цѣли указали на совершенное сходство мыслей, предложеній, мѣстами даже и редакціи въ „Отеческомъ завѣщаніи“ и въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова, преимущественно въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“. Г. Поповъ ограничился самыми общими замѣчаніями о значеніи открытой имъ рукописи; объ отношеніи этого труда къ прочимъ ужъ извѣстнымъ сочиненіямъ Посошкова онъ не говоритъ вовсе. Хотя и это сочиненіе Посошкова значительно уступаетъ богатствомъ содержанія сочиненію „О скудости и богатствѣ“, г. Поповъ тѣмъ не менѣе оказалъ науцѣ весьма важную услугу чрезъ это изданіе.

Что же касается до обнаруженія еще не напечатанныхъ сочиненій Посошкова, то нельзя не изъявить сожалѣнія о томъ, что Академія Наукъ, съ тѣхъ поръ какъ (десять лѣтъ тому назадъ) г. Кунякъ сдѣлалъ сообщеніе о находящихся въ академической библіотекѣ рукописяхъ Посошкова, не занялась печатаніемъ этихъ сочиненій о школахъ, о кадастрѣ и о ереси, и сравненіемъ списка книги „О скудости и богатствѣ“ съ Погодинскимъ изданіемъ. Быть можетъ, откроются еще гдѣ-нибудь тѣ неизвѣстныя пока сочиненія Посошкова, о существованіи которыхъ мы знаемъ изъ ссылокъ на оныя въ доступныхъ намъ его произведеніяхъ, а именно „Денежное письмо“, о которомъ говорится въ донесеніи о ротномъ поведеніи боярину Головину¹⁾, и „Донесеніе о деньгахъ“ 1718 года, о которомъ упомянуто въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“²⁾. Быть можетъ, откроются еще и біографическія данныя, которыя прольютъ свѣтъ на отношенія Посошкова къ правительству и вообще объяснятъ нѣкоторые темные вопросы въ его біографіи. Важнѣе, однако, такихъ архивныхъ открытій должно считать изученіе сочиненій Посошкова специалистами-историками, юристами, богословами, экономистами, ибо они кѣтъ и изданы, но мало извѣстны публикѣ. Оцѣнка этихъ сочиненій возможна

¹⁾ Соч. Пос. I, 291.

²⁾ Соч. Пос. I, 250. Не знаемъ, откуда г. Погодинъ (I, XVI), замѣтывая предположеніе, что Посошковъ писалъ также особо о винной продажѣ и питейномъ сборѣ.

лишь при помощи весьма основательнаго знанія исторіи церкви, права, хозяйства, военнаго устройства и т. д. въ эпоху Петра. Поэтому разработка сочиненій Посошкова принадлежит не одному ученому, а нѣсколькимъ. Въ слѣдующихъ очеркахъ мы предлагаемъ сводъ пѣкоторыхъ данныхъ о жизни Посошкова и обзоръ содержанія его сочиненій, преимущественно по скольку онѣ относятся къ вопросамъ экономическаго быта.

Свѣдѣнія о жизни Посошкова.

Годъ рожденія Посошкова неизвѣстенъ. Такъ какъ первое хронологическое извѣстіе о Посошковѣ относится къ девяностымъ годамъ XVII вѣка, и какъ въ это время онъ уже былъ опытнымъ техникомъ, то мы имѣемъ основаніе думать, что въ девяностыхъ годахъ ему было приблизительно не менѣе 20 или 30 лѣтъ ⁴⁾.

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ встрѣчается замѣтка, заставляющая насъ думать, что Посошковъ родился не позже какъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. На стр. 194 сказано: „Азъ извѣстно зналъ въ Шепелеве полку солдата, прозваніемъ Кулнова“; объ этомъ солдатѣ Посошковъ разсказываетъ, что онъ отличался мягкостью нрава во время мира, былъ чрезвычайно храбръ на войнѣ и былъ убитъ Турками въ Чигиринскомъ походѣ. Чигиринскіе походы относятся къ 1676 и 1677 годамъ. Если Посошковъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ этого еще помнилъ лично знакомаго ему Кулнова, погибшаго въ этой войнѣ, то ему въ то время, когда онъ зналъ Кулнова, могло быть не менѣе 10—12 лѣтъ; значитъ, онъ родился не позже 1665 года.

Родиною Посошкова было подмосковное село Покровское. Въ *доношеніи* къ Стефану Яворскому онъ называетъ себя крестьяниномъ

⁴⁾ При этомъ случаѣ оказывается опять, какъ важенъ вопросъ о приписываемомъ Посошкову письмѣ къ сыну въ Голландію. Г. Погодинъ именно на этомъ письмѣ основываетъ слѣдующую аргументацію относительно времени рожденія Посошкова, см. Соч., I, X. Принимая въ помощь для соображеній 1708 годъ, когда сынъ его будто бы былъ отправленъ въ путешествіе, г. Погодинъ считаетъ вѣроятнымъ, что сыну тогда было около 20 лѣтъ, по крайней мѣрѣ не болѣе; слѣдовательно, онъ родился около 1690 года, слѣдовательно, Посошкову отцу, должно быть, тогда было не менѣе 20 лѣтъ, слѣдовательно, онъ родился около 1670 года, и никакъ не послѣ, а можетъ быть ранѣе. Съ этимъ числомъ сходятся и другія и пр. Такъ какъ мы знаемъ, что письмо къ сыну писано не Посошковымъ, то и вся эта аргументація не можетъ имѣть для насъ никакого значенія.

села Покровскаго ¹⁾). Г. Погодинъ полагаетъ, что это вѣрно есть то Покровское, которое подъ этимъ именемъ составляетъ нѣнѣ часть Москвы, называлось прежде Рубцовымъ, и принадлежало царю Михаилу Феодоровичу. Объ немъ есть еще пѣсня, которая до сихъ поръ поется:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ
Средѣ улицы большой.

Доказательствомъ, что родиною Посошкова было именно это село Покровское, служить документъ ²⁾, изъ котораго видно, что у Ивана Посошкова, его брата Романа и ихъ матери Улиты Михайловой, былъ дворъ за Яузою въ приходѣ у церкви Николая Чудотворца въ Котельникахъ. Яуза протекаетъ по селу Покровскому. Въ сосѣдствѣ за Яузою и былъ домъ дѣда Ивана Посошкова, доставшійся по наслѣдству его матери.

О молодости Посошкова мы почти ничего не знаемъ. Онъ, разумѣется, не получилъ школьнаго образованія. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ онъ говоритъ о себѣ; „еже азъ весьма мизирень и ученію школьному неискусень, и какъ по надлежащему достоинству писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь“ ³⁾.

Объ одномъ эпизодѣ, случившемся съ нимъ въ его молодости, онъ разказываетъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Какъ кажется, Посошковъ, впоследствии весьма часто бывшій въ разъѣздахъ, и во время своего юношества имѣлъ случай иногда путешествовать по Россіи. Объ одной изъ этихъ поѣздокъ онъ сообщаетъ слѣдующее: „Былъ я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и тамошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то истинно я не лгу, что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татарь не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они сказали: видимъ де мы, что скорѣ стрѣлять, и пулей даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь... а еслибы де человекъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли“ ⁴⁾.

Значитъ, Посошковъ довольно рано научился обращаться съ огне-

¹⁾ См. соч. Пес. I, 317.

²⁾ Напечатанный г. Погодинымъ II, XXII.

³⁾ I, 46.

⁴⁾ I, 39.

стрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ жителей Пензы своимъ мастерствомъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Онъ впоследствии не сдѣлался военнымъ, и сколько намъ извѣстно, никогда не участвовалъ въ какомъ-либо походѣ; за то онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за военными событіями, составлялъ себѣ довольно точныя понятія о причинахъ неудачъ Россіи въ войнахъ съ Турками, Татарами и Шведами, которые видѣлъ въ недостаткахъ военной организаціи, и для правительства исполнялъ порученія при сооруженіи военного снаряда, кажется, имъ же самимъ изобрѣтеннаго.

Весьма важно для насъ извѣстіе, что Посошковъ, который впоследствии былъ ревностнымъ защитникомъ церкви и самымъ ожесточеннымъ противникомъ раскола, нѣкоторое время самъ былъ расколникомъ. Въ то время расколъ былъ сильно распространенъ именно въ томъ классѣ общества, къ которому принадлежалъ Посошковъ. Простолюдины тогда фанатически занимались вопросами богословія. Вѣроятно, и Посошковъ, какъ другіе, получилъ въ дѣтствѣ чисто внѣшнее мертво-обрядное воспитаніе. Сообразно съ духомъ „Домостроя“, тогда учащимся не объясняли духа христіанства, а преподавали подробныя правила о земныхъ поклонаніяхъ и двуперстнымъ и трехперстнымъ сложеніи, о томъ, какъ вкушать просфоры и т. д. Мертвая внѣшность, фарисейство господствовали въ духовной жизни народа. Такимъ образомъ было много ревнителей буквы. Посошковъ былъ современникомъ, вѣроятно, даже и очевидцемъ раскольническихъ движеній въ началѣ правленія царевны Софіи. Въ 1682 году ему было по крайней мѣрѣ 17 лѣтъ. Не мудрено, что способный, грамотный, и по всей вѣроятности, уже тогда знакомый съ духовными книгами, Посошковъ подвергался вліянію того сильнаго движенія, которое было направлено противъ исправленія книгъ, противъ новизны вообще и въ области церкви, и въ области государства. На этомъ поприщѣ находили умственную пищу и тѣ классы общества, которые не принимали ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, касавшихся общества и государства, и должны были довольствоваться скромною ролью молчаливыхъ и покорныхъ зрителей при энергичныхъ мѣрахъ правительства, стремившагося впередъ и не обращающаго вниманія на настроеніе умовъ въ народѣ. Посошковъ, столь горячо относившійся впоследствии ко всемъ дѣламъ общественнымъ и государственнымъ, искавшій постоянно случая дѣйствовать, быть полезнымъ, высказывать свое мнѣніе, критиковать существующее, не могъ оставаться равнодушнымъ при чисто народномъ раскольниче-

своихъ движеніи. Вреженіе умовъ вовлекло и его въ борьбу между реакціей и реформою въ области духовной. Изъ его сочиненія „Зерцало“ мы видимъ, какъ тогда въ тѣхъ слояхъ общества, къ которымъ принадлежала Посошкова, любилъ обсуждать вопросы религіи, какъ въ этихъ кругахъ спорили о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, и какъ все это оставалось совершенно чуждымъ истинной религіозности.

Въ сочиненіи „Зерцало“ Посошкова разказываетъ, что онъ самъ „изначала хромалъ недугомъ раскольничьимъ; и крестился двуперстнымъ сложеніемъ, и мнѣкъ то древнее преданіе бити“. Но вотъ какимъ образомъ Посошкова освободился отъ этого недуга. Нѣкто Сергій Патрикѣевъ, Волгманинъ, родившійся двадцать лѣтъ и болѣе до мороваго повѣтрія (1655 года), значить около 1630—1636 годахъ, и еще другой старецъ, посадскій человекъ, Новгородецъ Федоръ Ташликовъ, убѣдили молодата Посошкова въ превосходствѣ трехперстнаго сложенія. Посошкова заключаетъ свой разказъ слѣдующими словами: „И я наипаче увѣрился, яко то есть самая правда, а по Господню словеси двумъ свидѣтелямъ нельзя не вѣрить а бесѣда съ ними была у меня не нынѣ, потому больше пятнадцати лѣтъ“¹⁾.

Эта послѣдняя замѣтка даетъ намъ возможность опредѣлить слѣдующія хронологическія данныя. Сочиненіе „Зерцало“ писано было въ 1706—1708 годахъ. Весѣды Посошкова съ Патрикѣевымъ и Ташликовымъ происходили 15-ю годами раньше, значить въ 1691—1693 годахъ, то-есть, тогда, когда Посошкову, по нашему вышеупомянутому предположенію было 25 до 30 лѣтъ.

Всѣ религіозныя убѣжденія, вся борьба между расколомъ и церковію, какъ видно изъ разказа Посошкова, заключались въ подобнаго рода виѣвностяхъ, въ спорѣ о двуперстномъ или трехперстномъ сложеніи. Какъ бы то ни было, Посошкова до начала девяностыхъ годовъ нѣсколько времени, а можетъ быть, и съ самаго ранняго возраста (такъ какъ онъ говоритъ: „я изъ начала хромалъ недугомъ раскольничьимъ“) былъ раскольникомъ. Тѣмъ болѣе фанатически обращенный въ правосѣріе, Посошкова въ послѣдствіи отстаивалъ церковь противъ раскольниковъ, осыпая послѣднихъ бранью и преслѣдуя ихъ самою безпощадною злою.

Помирившись въ 1691—1693 гг. съ православною церковью, По-

¹⁾ Соч. Пос., ч. II, 216 и 216.

сошкоть не многимъ поуже столкнулся съ свѣтскимъ правительствомъ, и едва не сдѣлался жертвою нѣкоторой неосторожности въ бесѣдахъ о современныхъ государственныхъ событіяхъ.

Въ то время образъ дѣйствій молодого царя вызывалъ разные толки въ народѣ. Было много недовольныхъ. Потѣхи царя, Божуховскій походъ, Азовскіе походы не нравились массѣ. Все это требовало силъ и средствъ; молодой царь требовалъ усиленныхъ жертвъ со стороны подданныхъ. Крестьяне жаловались: „Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлицъ дней не видали, тягота на мѣрѣ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьѣ крестьянству нѣтъ“. Говорили, что онъ раззорилъ крестьянъ; многихъ беретъ въ солдаты, напрасно знается съ Нѣмцами и т. д. Незавѣстно, откуда распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичъ извѣщалъ всему народу: „Братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ Нѣмцами“. На кружевномъ дворѣ разказывали, что государь непрестанно бываетъ у нихъ въ слободѣ; бывший тутъ иконникъ замѣтилъ: „Не честь отъ государя дѣлается, безчестье себѣ“¹⁾. Многимъ, дажѣ, не нравилось коледное отношеніе Петра къ женѣ.

И вотъ въ этомъ кругѣ недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣйствій, не согласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями и интересами народа, мы встрѣчаемъ Посошкова.

Въ концѣ 1696 или въ началѣ 1697 года у монаха Аврамія, бывшаго прежде келаремъ въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ, а потомъ строителемъ въ Московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, бывали часто, какъ „друзья и хлѣбоддцы давны“, подъячье Никифоръ Кривень и Игнатій Бубновъ, стряпчій Кузьма Рудневъ, „да села Покровскаго крестьяне Иранка да Ромашка Посошковы“. Содержаніе бесѣдъ, происходившихъ въ этомъ кружкѣ и относящихся къ современнымъ политическимъ событіямъ, составляло предметъ тетрадей, которыя монахъ Аврамій осмѣлился подать самому государю, Петру.

Въ этихъ тетрадяхъ было сказано, что именно поведеніе Петра соблизняло народъ. „Въ народѣ тужать многіе и болѣлануть о томъ; на кого надѣялись и ждали, какъ великій государь, возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда оставя младыхъ дѣть дѣла, все

¹⁾ См. напримѣръ, *Соловьева*, Ист. Росс. XIV, 242.

исправити на лучшее; но возмужавъ и женись, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всёми печальное и плачевное“.

Трудно понять, какимъ образомъ монахъ Аврамій могъ отважиться на подвигъ, который при тогдашнихъ приемахъ уголовного права, не могъ не влечь всѣхъ участвовавшихъ въ подобныхъ бесѣдахъ въ страшную бѣду. Аврамія взяли, разумѣется, тотчасъ же. На пыткѣ онъ повалъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ, которые, „бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такіа слова, что въ тетрадакъ написано, говаривали“. Арестовали всѣхъ друзей Аврамія, въ томъ числѣ и братьевъ Посошковыхъ.

Брянцевъ сказалъ, что говорили о потѣлахъ царя подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ, про судей, что безъ мзды дѣла не дѣлаютъ; далѣе сознался, что самъ говорилъ: еслибъ посажены были и судьи и дано бъ имъ жалованье, чѣмъ имъ сытыми быть, а мзды не брать, и тобъ было добро; а такихъ словъ не говорилъ, что, покинувъ всякое нравленіе, царь приказалъ государствомъ править кохотникамъ мадонимцамъ, немущимъ страха Божія, и будто государь протѣхъ судей, что они почести берутъ и для того въ приказы посажены, чтобъ имъ поворитъ, самъ вѣдаетъ; а про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ много предъ врежнимъ, говаривали.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволитъ жить въ своихъ государственныхъ чертогахъ на Москвѣ, и мнитъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престадо быть, и о томъ въ народѣ вельми тужать.

Бубневъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховомъ для того, что многие были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же потѣхахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; говорили про дьяковъ и подъячихъ, что умножились; говорили про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушаться и про нововмещанныхъ и ненородимыхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ приказѣ самъ итаетъ и казнитъ; говорили про то, „что чинилось пророчествомъ Василія Сѣдовина и въ комедіяхъ въ Измаиловѣ“, про морскія бѣды, которыя также не нравились народу.

Аврамій считалъ не пригожимъ, что въ триумфальномъ входѣ въ Москву послѣ взятія Азору, царь шель пѣщкомъ, а Шеннъ и Лефортъ вѣхали.

Допрашивали и Ивана Посошкова; онъ сказалъ, что Аврамій

знакомцемъ ему учинился третій годъ; призвалъ онъ его Иванку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлать на образецъ въ поднось великому государю; а онъ, Иванка, никакихъ словъ, что въ тетрадахъ написано, не говорилъ". Авраміи подтвердилъ это послѣднее показаніе, объявляя, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ.

Этотъ эпизодъ кончился обыкновеннымъ образомъ: Вубновъ, Крещетъ и Рудневъ биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, чтобы быть тамъ имъ подъячими. Авраміи сосланъ въ Голутвинъ монастырь. Посошковы остались безъ наказанія ¹⁾.

Вотъ какова обстановка, въ которой мы застаемъ Посошкова въ 1697 году не за долго до заговора Цыклера, Соловнина, Пушкина и др., такъ сказать, накануне знаменитой поѣздки Петра за границу, усилившей въ народѣ неудовольствіе, подавшей поводъ къ стрѣльческому бунту и давшей дальнѣйшему царствованію Петра то направленіе, которое въ главныхъ основаніяхъ возбудило сочувствіе Посошкова.

Тогда однако, въ девяностыхъ годахъ, онъ еще не принадлежалъ къ тому меньшинству, о которомъ онъ говорилъ; выражался, что „царь самѣдсать въ гору тнеть, а подъ гору миллионы тнуть“. Тогда Посошковъ вмѣстѣ съ большинствомъ участвовалъ въ бесѣдахъ, въ которыхъ выражались жалобы на молодого царя.

И дѣйствительно, мы не можемъ удивляться тому, что потѣхи Петра, его несчастный бракъ съ Евдокіей Лопухиной и т. п. вызвали негодованіе массы народа. Мы знаемъ, какую роль игралъ въ то время въ царскихъ потѣхахъ „Иваша Хмѣльницкій“, какъ походы Семеновскіе и Кожуховскіе дѣйствительно были сопряжены съ значительными пожертвованіями со стороны народа. Князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій дѣйствительно въ октябрѣ 1691 г. подъ Семеновскимъ былъ жестоко раненъ и умеръ отъ раны, послѣ чего Петръ, какъ-бы продолжая и тутъ еще потѣху, писалъ къ Апраксину: „Князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжія своя раны, наче же изволеніемъ Божиимъ переселился въ вѣчное крѣвь, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени Батіа“ ²⁾. Въ Кожуховскомъ походѣ участвовало около 15.000 человекъ. Для него требовалось

¹⁾ См. *Сол.* XIV, 243. Дѣла секретнаго Преображенскаго приказа. Уже прежде г. Соловьевъ напечаталъ объ этомъ эпизодѣ статью въ *Библиографич. Запискѣхъ*, 1861 № 5: «Школа Посошкова».

²⁾ *Умиславъ*, II, 141.

для подъема обоза, перевозки орудій, военныхъ снарядовъ, провiанта нѣскольке сотенъ подводъ. При всѣхъ схваткахъ было довольно много раненныхъ и обожженныхъ порохоми; много несчастій случилось оттого, что самонали разрывались въ рукахъ стрѣлковъ. Ручныя грабли и начиненные горючими веществами горшки, длинныя песты съ зажженными на концѣ ихъ пучами смолы нѣнки, оказались далеко не безопасными. Въ дневникѣ Гордона говорится объ одномъ солдатѣ, убитомъ на приступѣ, и о другомъ, который умеръ отъ раны.

Что касается до упрека, сдѣланнаго Петру, что онъ самъ пыталъ и казнилъ людей, то онъ повторяется неоднократно и впоследствии, особенно послѣ возвращенія Петра изъ-за границы и страшнаго стрѣлечнаго розыска. И Талицкий говорилъ о Петрѣ: „Какой онъ царь? самъ людей мучить“ ¹⁾, и иностранцы, какъ напримѣръ Корбъ и Фокеротъ, обвиняли Петра въ жестокости ²⁾, и разумбетея, не безъ основанія ³⁾.

Въ глазахъ потомства именно скромность Петра при торжественномъ вшествіи въ Москву осенью 1696 года, достойна похвалы. Между тѣмъ какъ Зотовъ, Головинъ, Нарышкинъ, Шейнъ ѣхали въ каретахъ и коляскахъ, а Лефертъ—даже въ золотыхъ государскихъ саняхъ въ шесть лошадей, самъ царь въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана, „съ протазаномъ“ въ рукѣ, шелъ пѣшкомъ передъ морскимъ regimentомъ, за великолѣпною колесницею адмирала отъ Серпуховскихъ воротъ до самаго Преображенскаго ⁴⁾.

Русскіе, до Петра, привыкли видѣть своего государя на первомъ мѣстѣ, окруженнымъ всѣмъ великолѣпиемъ, всею пышностью царскаго сана. Теперь же, когда Петръ медленно дослуживался до высшихъ чиновъ, опредѣляя этихъ самымъ совсѣмъ новымъ, неслыханнымъ до того отношенію личности государя къ рѣшаемымъ имъ задачамъ, народъ гнушался такимъ униженіемъ царя.

Вотъ каноны были, между прочимъ, отзывы товарищей Посошкова. Когда онъ самъ еще счастливо вывернулся изъ этого опаснаго положенія, благодаря показаніямъ его и Аврамія, что не позволялъ себѣ никакихъ разсужденій противъ царя, подъячихъ и т. д., мы едва ли

¹⁾ Соловьевъ XV.

²⁾ Негутманъ, Zeitgenössische Berichte, 29.¹

³⁾ Какъ видно, напримѣръ, у Соловьева XIV. 281.

⁴⁾ Устряловъ II, 303.

можемъ вѣрить этимъ показаніямъ. Посошкову тогда было около тридцати лѣтъ; въ послѣдствіи онъ постоянно оказывается строгимъ критикомъ во всѣхъ отношеніяхъ, сильнымъ обвинителемъ всевозможныхъ пороковъ и недостатковъ, беспощадно порицающимъ все, что не заслуживало одобренія. Поэтому едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы Посошковъ, при такомъ волненіи его друга Аврамія и прочихъ собесѣдниковъ, оставался спокойнымъ и безмолвнымъ слушателемъ подобныхъ бесѣдъ. Немногомъ позже въ дописаніяхъ къ Головину и Яворскому онъ, обращаясь къ вліятельнымъ вельможнымъ лицамъ, чрезвычайно откровенно и въ сильныхъ выраженіяхъ подвергаетъ строгой критикѣ военный и церковный строй Россіи.

Дѣло Аврамія и его друзей, открытое въ архивѣ Преображенскаго приказа, интересно еще въ другомъ отношеніи. Мы узнаемъ изъ него не только объ обществѣ, въ которомъ находился Посошковъ, объ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ той среды, къ которой онъ принадлежалъ, но также и о его занятіяхъ. Въ протокаѣ допроса Посошкова сказано, что „Аврамія знакомцемъ ему учинился третій годъ: призывалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднось въ великому государю“¹⁾.

Посошковъ былъ крестьяниномъ. Онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называетъ себя земледѣльцемъ²⁾. Однако, какъ кажется, въ продолженіе всей своей жизни Посошковъ менѣе всего занимался земледѣліемъ. За то онъ часто былъ занятъ техническими, механическими работами. Монахъ Аврамія составлялъ станокъ для чеканенія денегъ и хотѣлъ поднести этотъ станокъ царю Петру. Онъ призываетъ на помощь Посошкова для совершенія этого дѣла. Мы можемъ полагать, что Посошковъ, при этомъ лишь случаѣ познакомившійся съ Авраміемъ, тогда уже былъ опытнымъ, можетъ быть, даже нѣсколько извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Аврамію какъ полезнаго мастера въ такихъ работахъ.

Немногомъ позже мы застаемъ Посошкова въ сношеніяхъ съ правительствомъ, даже съ самимъ государемъ, именно опять-таки въ слѣдствіе его механическихъ способностей. Въ дописаніи Головину Посошковъ разсказываетъ³⁾, что въ „прошломъ“, значить, въ 1700 году, такъ

¹⁾ См. *Соловьева*, Ист. Россіи, XIV, 243.

²⁾ Напр. I ч. Соч. Пос., стр. I. 291, а также въ рукописи, принадлежащей Академіи Наукъ.

³⁾ См. соч. Пос. I, 270.

как донесеніе Головину написано въ 1701 году, — великій государь въ Преображенскомъ, на сержантскомъ дворѣ, „изъ своихъ парскихъ усть изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пищаль, обращающейся на всѣ стороны, самия цѣльныя съ замками, чтобъ неприятеля встрѣтить мочно было сажень за сто и больши, или въ погоню за ними стрѣлять“.

Жаль, что ми не знаемъ, какимъ образомъ Петръ познакомился съ Посошковымъ, который этимъ путемъ могъ легко сдѣлаться важнымъ и вліятельнымъ лицомъ, занять мѣсто, подобное тому, которое въ это время, въ началѣ Шведской войны, занималъ Виниусъ. Можно считать вѣроятнымъ, что Посошковъ, изобрѣвъ „огнестрѣльныя рогатки“, изъяснилъ готовность поднести царю модель своего изобрѣтенія, что Петръ, котораго интересовали металлическія и механическія работы вообще, какъ знатока дѣла, и который въ это время готовился къ войнѣ съ Швеціей, пожелалъ видѣть скромнаго крестьянина; поэтому, можетъ быть, Посошковъ и былъ представленъ государю въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ. Теперь же, послѣ того, какъ уже началась война съ Карломъ XII, послѣ страшнаго пораженія при Нарвѣ, Посошковъ обратился къ боярину Феодору Алексѣевичу Головину съ просьбою: „И по тому его государскому словеси, ннѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде позволишь тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенныя, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки зри мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скороспѣшны въ стрѣльбѣ, и коль тамелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно“.

О томъ, каковы были эти рогатки, трудно себѣ составить понятіе. Мѣстами встрѣчающіяся замѣтки у Посошкова не особенно ясно опредѣляютъ ихъ устройство ¹⁾. Кажется, и двадцатью годами позже Посошковъ еще занимался этою мыслью о „рогаточной стрѣльбѣ“.

¹⁾ Въ письмѣ къ Головину, I, 270: «Дѣло жъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть: заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями и поставить ихъ на причинныхъ мѣстахъ и устроить ихъ, чтобы стояли стволы къ груди челоуѣку и запалить верхній рядъ, въ то время, какъ неприятель будетъ въ 30 или 40 сажняхъ отъ рогатокъ... и буде неприятель будетъ напорень, и чрезъ побитыхъ передовыхъ людей станеть выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ. И буде заупрямится и начнутъ справливаться, и тогда запалить изъ третьаго ряду; и въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить и къ стрѣльбѣ уготовать и пр.».

Въ сочиненіи „О снудости и богатствѣ“ сказано: „а если каковнѣ бойцамъ (умѣющимъ стрѣлять въ цѣль) да состроитъ рогатки огне-стрѣльныя съ запальными пинцальми, то изъ танковыхъ пиццалей встрѣ-титъ бы некрятелей саженой во стѣ“ и. пр. ¹⁾).

Мы не знаемъ, представилъ ли бояринъ Головинъ государю: мо-дель снаряда Посошкова, и было ли заказано у изобрѣтателя нѣ-сколько „совершенныхъ“, то есть, настоящихъ рогатокъ. Во всякомъ случаѣ изъ письма Посошкова къ Головину и изъ прочихъ сочиненій видно, что Посошковъ обладалъ техникою при такихъ работахъ. Онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями успешнаго приготовленія военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для дѣланія, наиримѣръ, бомбъ ²⁾; о киркахъ, употребляемыхъ солдатами для земляныхъ работъ онъ говоритъ подробно и дѣльно, также о сабляхъ, коньяхъ и пр. ³⁾).

Такиѣ механики-самоучки изъ простолюдиновъ изстари встрѣча-лись на Руси. Иногда они обращаютъ на себя вниманіе прави-тельства. Довольно часто ихъ изобрѣтенія оказываются нецѣлесо-образными, довольно часто даже такіа изобрѣтенія имѣютъ жалкія для изобрѣтателей послѣдствія. Такой примѣръ встрѣчается между прочимъ еще при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, когда въ 1629 году Тверской попъ Нестеръ подалъ царю челобитную, чъ которой вы-звался сдѣлать *походный городокъ называемый Рьдкодубъ*, и ему, какъ впоследствии Посошкову, велѣли сдѣлать образецъ деревянный или на бумагѣ начертить. Попа Нестера тогда за то, что онъ, не довѣ-ряя боярамъ, хотѣлъ лично переговорить о своемъ изобрѣтеніи съ царемъ, отправили въ монастырь, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ проси-дѣлъ въ цѣняхъ; неизвестно, чѣмъ кончилась судьба Нестера, потому что конецъ „дѣла“ его сгнилъ ⁴⁾). При Петрѣ, за нѣсколько лѣтъ до рогатокъ Посошкова, одинъ мужикъ „сказалъ за собою государево слово“ и въ распросѣ объявилъ, что онъ, сдѣлавъ крылья, станеть летать, какъ журавль; крылья были сдѣланы и стояли казнѣ 18 руб-лей. На нихъ мужикъ хотѣлъ летѣть, но не поднялся. Мужикъ сдѣ-лалъ другія крылья, которыя обошлись казнѣ 5 рублей, но и новый механизмъ не дѣйствовалъ. „За это“, какъ разказываетъ современ-

¹⁾ I, 39.

²⁾ I. 283.

³⁾ I. 284, 285, 286.

⁴⁾ Соловьевъ IX, 391—392.

нать, „ему утинско наказаніе: бить батоги снемъ рубашку, и въ деньги велѣно доправить на немъ, и продать животь и остатки“¹⁾. При Екатеринѣ уже гораздо болѣе успѣшно дѣйствуетъ Кулибинъ, который въ 1767 году былъ представляемъ Екатеринѣ, сдѣлавъ часы съ весьма сложнымъ механизмомъ, открывъ особенный составъ металла, изъ коего были сдѣланы зеркала въ телескопѣ; сдѣлавъ электрическую машину, микроскопъ и пр.²⁾.

Вѣроятно, встрѣча Посошкова съ Петромъ Великимъ въ 1700 г. въ Преображенскомъ, при заказѣ огнестрѣльныхъ рогатокъ, была единственною во всей жизни Посошкова. Нигдѣ болѣе онъ не упоминаетъ о дальнѣйшемъ знакомствѣ своемъ съ царемъ. Между тѣмъ Посошковъ, по видимому, былъ зажиточнымъ человекомъ, пускался въ разные предпріятія и не переставалъ составлять разнаго рода просеты. Между бумагами, найденными Цеварскимъ, есть козьяственная бумага, въ которой заключается подробный счетъ, во сколько Посошкову обошлась въ 1700 году постройка „горницы на аптекарскомъ дворѣ на старой шиловской свѣтлицѣ“³⁾. Не имѣла ли эта горница назначенія служить мастерскою при сооруженіи рогатокъ?

Ко времени до 1701 года относится составленіе „денежнаго письма“, о которомъ Посошковъ говоритъ въ донесеніи Головину, и которое, къ сожалѣнію, пока нигдѣ не было найдено⁴⁾. Мы видимъ, что одновременно Посошкова занимали вопросы военной техники и финансоваго управленія. Первое изъ сочиненій Посошкова „денежное письмо“ потеряно. О содержаніи его мы знаемъ только, что Посошковъ предлагалъ чеканить монету „съ мелвою дробью“. Такъ какъ Посошковъ въ 1701 году выражаетъ надежду, что государь при устройствѣ денежной системы будетъ руководствоваться указами, заключающимися въ этомъ „денежномъ письмѣ“, то мы можемъ считать вѣроятнымъ, что Посошковъ и этотъ просетъ старался довести до

¹⁾ Записки Желябужскаго, стр. 47.

²⁾ *Вейдемейеръ*, Дверь и замѣчательные люди въ Россіи во 2-й половинѣ XVIII вѣка, Спб. 1846. I. 69.

³⁾ См. *Зап. Имп. Акад. Наукъ* V, 243.

⁴⁾ См. стр. 291: «и есть ли бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма...» «и буде Великій Государь совершенно указать денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, амонъ прежде явихъ въ денежномъ письмѣ». Кстати замѣтимъ, что ссылки у г. Погодина — стр. XI: о рогаткахъ стр. 268, о денежномъ письмѣ 282—не вѣрны; слѣдовало бы обозначить стр. 270 и 291.

свѣдѣнія или самого царя, или приближенныхъ къ нему лицъ. Въ послѣдствіи, впрочемъ, Посошковъ не разъ въ запискахъ, назначенныхъ для самого Петра, обсуждалъ вопросы о денежной системѣ. Тамъ въ 1718 году, послѣ выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ написалъ „доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что деньги вальми къ воровству способны и т. д.“¹⁾, а въ сочиненіи „о скудости и богатствѣ“ заключается большой проектъ о радикальномъ преобразованіи денежной системы²⁾.

Въ письмѣ къ Головину „о ратномъ поведеніи“ говорится о различныхъ родахъ войска, объ оружіи, о необходимости ученія стрѣльбѣ въ цѣль и о содержаніи солдатъ. Далѣе упоминается о походахъ Голицына въ Крымъ, объ Азовскихъ походахъ, о Нарвской битвѣ, и затѣмъ Посошковъ предлагаетъ довольно подробную роспись расходамъ при содержаніи войска. Наконецъ, онъ выражаетъ надежду, что Петру сдѣлаются извѣстными его предположенія о преобразованіи войска. Во введеніи къ письму Посошковъ извиняется, что пишетъ „о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ“, но что онъ не могъ умолчать, искренно желая „учинить ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное“. Оканчивается это доношеніе слѣдующимъ образомъ: „Паки прошу твою преблагу и всецелую милость, Государь Федоръ Алексѣевичъ, Господи ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и рассмотреть, и буде что зришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ же пожалуй умолчи. А что написалъ отъ незнанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставь. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писалъ сіе, а не отъ достовѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ, и сего ради елико могохъ, только и написалъ. Ещѣжь прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зреть моего письма трудъ, но да будетъ онъ въ сохраненіи для потребныхъ статей. — Писавый Ивашко Посошковъ, главу свою подъ ноги твоя подносить и о всѣхъ погрѣшеніяхъ не дозванныхъ и сумнительныхъ, прощенія просить, и

¹⁾ Объ этомъ доношеніи Посошковъ говоритъ въ книгѣ «о скудости и богатствѣ», значить, послѣ принятія Петромъ Императорскаго титула.

²⁾ Опять ошибочная ссылка у г. Погодина, который на стр. XVI говоритъ о доношеніи о новыхъ деньгахъ 1719 г. (с. 256), тогда какъ на стр. 250 Посошковъ говоритъ о 718 годѣ.

желаетъ подѣ кровомъ твоимъ благоприкровеннымъ жити и за то вѣрне предѣ всѣми людьми достойнѣ тѣ блажити¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посошковъ хотѣлъ оказать услугу государю, не желая притомъ, чтобы Петръ узналъ о немъ какъ объ авторѣ этого сочиненія, и чтобы вообще этотъ трудъ сдѣлался извѣстнымъ другимъ лицамъ. Въ этомъ желаніи оставаться на заднемъ планѣ, соблюдать строго инкогнито, какъ намъ кажется, заключается доказательство самоботверженія, истинной любви къ отечеству со стороны Посошкова.

Мы уже говорили выше объ изданіи этого труда Посошкова Розановымъ²⁾. О рукописи, по которой было тогда напечатано это сочиненіе, Розановъ не сообщилъ ничего. Г. Погодинъ издалъ этотъ трудъ Посошкова по рукописи, хранившейся въ его собраніи рукописей. Устряловъ, которому однажды г. Погодинъ показалъ эту тетрадку, въ осьмушку на простой сѣрой бумагѣ, узналъ въ помѣткѣ на тетради „*модаль Посошковъ въ 1701 году*“ руку самаго Головина, такъ что изъ этого обстоятельства оба ученые заключили, что эта рукопись—автографъ Посошкова. Г. Погодинъ разказываетъ подробно, какъ онъ приобрѣлъ случайно эту тетрадку, какъ она лежала у него десять лѣтъ въ небреженіи, и какъ вдругъ случайно оказалось, что это есть драгоценнѣйшій автографъ. Рукопись эта въ настоящее время находится въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ³⁾.

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло предложеніе Посошкова. Выборъ лица, къ которому онъ обратился, могъ считаться удачнымъ. Бояринъ Феодоръ Алексѣевичъ Головинъ, генералъ и адмиралъ и графъ Римской имперіи, былъ важнымъ государственнымъ человекомъ, былъ близокъ государю и игралъ именно въ то время, когда было писано „*доношеніе*“ Посошкова, какъ-бы роль Мецената въ Россіи. Онъ былъ, между прочимъ, покровителемъ драматическаго искусства и приказывалъ списывать комедіи⁴⁾; къ нему обращались иностранцы, напримѣръ, типографщики Копіевскій и Тессингъ⁵⁾, заис-

¹⁾ См. I ч. соч. Пос., стр. 291 и 292.

²⁾ Г. Погодинъ, замѣчая справедливо въ I томѣ, стр. VII, что Розановъ напечаталъ донесеніе къ Головину въ 1793 году, во II т., стр. XII, дѣлаетъ ошибку, относя это изданіе Розанова къ 1801 году.

³⁾ Соч. Пос. II, стр. XIII.

⁴⁾ См. *Лекарская*, Наука и лит. I. 425.

⁵⁾ Тамъ же I, IX и II. IX.

живая его протекція; ему посвящались разныя сочиненія ¹⁾, съ нимъ находились иногда въ перепискѣ Руссіе, учившіеся за границею ²⁾.

Мы однако не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, какъ относился Головинъ къ просьбѣ Посошкова сообщить о его предположеніяхъ государю. Вѣроятно, старанія Посошкова не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторыя изъ своихъ предложеній онъ двадцатью годами позже повторяетъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Еслибъ письмо къ Головину, справедливо замѣчаетъ г. Погодинъ, имѣло успѣхъ, то Посошковъ не преминулъ бы упомянуть въ своемъ послѣднемъ сочиненіи объ этомъ, къ чему имѣлъ много поводовъ. Молчаніе его убѣждаетъ въ противномъ ³⁾.

Немногимъ позже, а именно въ 1703 году, Посошковъ обратился къ Стефану Яворскому съ запискою о духовныхъ дѣлахъ. Она издана Калайдовичемъ въ 1815 году въ *Достопамятностяхъ* Московскаго общества исторіи и древностей по рукописи, найденной въ типографской Синодальной библиотекѣ въ Москвѣ. Нигдѣ не сказано въ „доношеніи“, что оно было писано къ Яворскому; Калайдовичъ замѣчаетъ лишь: „Безъ сомнѣнія, оно написано къ извѣстному блюстителю патриаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ „Знаменія пришествія Антихристова“. Дѣйствительно, въ концѣ „доношенія“ сказано: „О Антихристѣ и вельми многотрудно въ изъявленіе учинить, обаче егда потѣщался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зеркалѣ“ ⁴⁾. Сочиненіе Яворскаго явилось въ 1703 году. Изъ этого можно заключить, что Посошковъ написалъ свое доношеніе не ранѣе этого года. И выраженія „Великій архипастырь Христовы церкви и нашъ великій свѣтильничъ Всероссійскій“, „Великій архіерею Божій“ и т. п. указываютъ на Яворскаго, какъ на то лицо, къ которому обращался Посошковъ со своею запискою.

Содержаніемъ ея служатъ жалобы на невѣжество духовенства, которое большею частью никакъ не въ состояніи разумѣть начала христіанскаго ученія; а вслѣдствіе невѣжества духовенства, какъ полагаетъ Посошковъ, и народъ коснѣетъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ и не имѣетъ никакихъ религіозныхъ понятій. Затѣмъ Посошковъ предлагаетъ Яворскому принять мѣры для распространенія просвѣщенія

¹⁾ Тамъ же I, 16.

²⁾ Тамъ же I, 248.

³⁾ Соч. Пос. I, XII:

⁴⁾ Объ этомъ сочиненіи см. *Пекарскаго*, Наука и лит. II, 77 и слѣд.

въ духовенствѣ; онъ требуетъ, чтобы царское начальство имѣло бы строжайшій надзоръ надъ всѣми духовными лицами, предписывало имъ подробно исполненіе всѣхъ обязанностей, составляло точныя правила о томъ, какъ должно исповѣдывать и учить народъ, и пр. Довольно подробно Посошковъ говоритъ о неразумномъ образѣ дѣйствій родителей при воспитаніи дѣтей. Въ заключеніе Посошковъ говоритъ: „Молю же ты, великаго архіерея Божіа, папа Господа ради, не отрини сего моего доношенія за необычное мое дерзновеніе или за несложность письма... Ей неученный есмь человекъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенныя ми отъ Бога ревности возжелалъ о сихъ статьяхъ донести; понеже вижу, что отсюда погибаемъ, а помощи и спасенія ни откуда не знаемъ... И естли, государь, изволишь ради всенародныя пользы означенныя статьи по благоразумію своему состроить, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна пробудятся. Писавшій убогій крестьянинъ села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ“¹⁾.

Намъ извѣстны еще двѣ записки Посошкова, въ которыхъ онъ обращается также къ Стефану Яворскому. Рукописи этихъ сочиненій, хотя и не подлинныя, но списки ихъ находятся въ бібліотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Онѣ, также какъ и только что приведенное доношеніе, заключаютъ въ себѣ разсужденія о вѣрѣ. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить время ихъ составленія. По всей вѣроятности, онѣ относятся къ первымъ годамъ восемнадцатаго вѣка. Такъ какъ онѣ содержаніемъ довольно сходны съ доношеніемъ 1703 года, то мы въ этомъ мѣстѣ вратцѣ уважемъ на мысли Посошкова, выраженные въ этихъ запискахъ. Впрочемъ и въ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ доношеніи, не упомянуто имени Стефана Яворскаго. Но такъ какъ во многихъ мѣстахъ то лицо, къ которому обращается Посошковъ, названо „ваше святительство“, „государь святой архіерею Божій“, „святость твою“ и т. п. то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Посошковъ писалъ такъ къ блюстителю патриаршаго престола.

Очевидно—къ нему, какъ въ главѣ духовенства, Посошковъ обращается съ предложеніями принять самыя крутыя мѣры противъ раскола, дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу распро-

¹⁾ См. соч. Пос. I. 316 и 316. Списокъ этого сочиненія, въ частностяхъ несогласный съ изданіемъ Калайдовича, хранится въ бібліотекѣ Имп. Академіи Наукъ.

страненія духовнаго пресвѣщенія. Такъ, напримеръ, въ заключеніи одной изъ этихъ записокъ сказано: „И естли Государь благоволиши сію пресвѣтлую свѣщу у насъ въ Россіи воспалить и исподспуда ее данести и на высоту возвести, то отъ Бога примешь вечное наслажденіе, отъ Великаго Государя чести повышеніе, а отъ народа Россійскаго благодареніе до скончанія вѣка“. Въ одной изъ этихъ записокъ встрѣчаются подобныя вышеупомянутымъ выраженія о „простоуміи“ и „дерзновеніи“ автора. Онъ даже ссылается на какое-то другое письмо, вѣроятно—именно на изданное Калайдовичемъ, замѣчая, что онъ пожелалъ „къ прежнему своему письму предложить второе писаніе къ вѣщшему искорененію раскола и къ созиданію святыя восточныя церкви, и къ соединенію развратившіяся наша христіанскія вѣры“.

Одно изъ этихъ сочиненій въ заключеніи прямо представляетъ доказательство, что Посошковъ былъ авторомъ: „Писавнй сіе писаніе благословенія и прощенія просить того ради и главу свою убогую къ ногамъ твоимъ честнымъ подносить убогій земледѣлецъ Московскій уроженецъ Иванъ Посошвофъ“. Тутъ говорится о невѣжествѣ духовенства, объ учрежденіи школъ, объ испытаніяхъ, которыя необходимо устроить для желающихъ сдѣлаться священниками, объ учрежденіи академій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и пр. — Въ другомъ сочиненіи, не имѣющемъ подписи и начинающемся словами „Много у насъ въ Руси раскольниковъ и ратниковъ на святую церковь христову и пр.“ предлагается довольно сложная система веденія книгъ для лучшаго контроля надъ всѣми христіанами. Тутъ соединены самыя строгіе приемы бюрократіи съ крайнею религіозною нетерпимостью. Самымъ тщательнымъ записываніемъ въ разныя книги (крестильныя, причастальныя, погребальныя и пр.) авторъ надѣется устроить крѣпкій надзоръ надъ всѣмъ населеніемъ и обличить раскольниковъ.

Въ бібліотекѣ Академіи Наукъ всѣ три сочиненія, писанныя для Стефана Яворскаго, составляютъ одинъ сборникъ; тамъ хранятся два экземпляра этого сборника. На обоихъ показано: „Списана изъ книгъ бывшаго при синодѣ оберъ-секретаря Леванидова, 1756“. Впереди сказано „Книга Ивана Посошкова“. Прежде всего помѣщено второе посланіе къ „архіерею Божию“, затѣмъ слѣдуетъ доношеніе, изданное въ первый разъ Калайдовичемъ, и во второй — Погодинымъ; наконецъ помѣщена записка о разныхъ запискахъ для искорененія раскола. Пока мы не считаемъ вполне ясно доказаннымъ, что послѣдняя записка принадлежитъ также Посошкову. Содержаніе ея однако вполне сходно

съ образомъ мыслей Посошкова, и то обстоятельство, что списокъ этого сочиненія соединенъ въ этомъ сборникѣ съ сочиненіями Посошкова, говоритъ: въ пользу авторства послѣдняго.

Мы видимъ, что и въ донесеніяхъ къ Стефану Яворскому, и въ донесеніи къ Головину Посошковъ ласкалъ себя надеждою, что его предложенія будутъ не только благосклонно приняты, но и приведены въ исполненіе. Въ такой надеждѣ проглядываетъ, съ одной стороны, искреннее желаніе оказать услугу современникамъ, обществу, правительству, съ другой—нѣкоторое самолюбіе, заставлявшее его считать себя авторитетомъ не только въ дѣлахъ финансовыхъ или военныхъ, но и въ дѣлахъ церковныхъ. Ожиданіе, что приведеніе въ исполненіе его предложеній должно имѣть огромный успѣхъ, коренное измѣненіе въ лучшему денежной системы, военнаго устройства, духовнаго просвѣщенія показываетъ въ Посошковѣ диллетанта, незнакомаго еще съ затрудненіями, встрѣчающимися на каждомъ шагѣ въ области практической политики. Хотя, однако, оптимизмъ Посошкова кажется нѣсколько наивнымъ, мы не можемъ отрицать, что главныя мысли его обнаруживаютъ вѣрный взглядъ на вещи и нѣкоторую опытность въ разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ вопросовъ, что его критика существовавшихъ тогда недостатковъ въ области церкви и военной организаціи была справедлива, что мѣры, предлагаемыя имъ для устраненія недостатковъ, были цѣлесообразны.

Однако, литературная дѣятельность Посошкова была лишь эпизодическою. Онъ не былъ писателемъ по призванію; его занимали промышленныя предпріятія. Онъ состоялъ въ связи съ разными предпримчивыми людьми, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго факта, относящагося къ 1704 году.

Къ этому времени относится дѣятельность знаменитаго приближенника Курбатова, доносившаго на разныхъ лицъ, виновныхъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, казнокрадствѣ и т. п. Такъ, напримѣръ, купецъ гостиной сотни Нѣмчиновъ донесъ на другихъ купцовъ Шустовыхъ, спрятавшихъ большую сумму умершихъ ихъ дѣдовъ въ селѣ Дѣдиновѣ въ нежилыхъ палатахъ между половъ и сводовъ и утаившихъ такое богатство отъ правительства, очевидно, чтобы не платить соответственныхъ торговыхъ пошлинъ. Эти деньги по доносу Нѣмчинова найдены и конфискованы. Изъ нихъ и Нѣмчиновъ, и Курбатовъ должны были получить весьма щедрую награду за доносъ, однако оказалось, что Нѣмчиновъ былъ приличенъ къ дѣлу о „Воронскомъ“ серебрѣ, и деньги ему не были выданы. Онъ занимался

выгнать старых тяжеловѣсныхъ серебряныхъ денегъ, что было весьма выгодно ¹⁾). На долю Нѣмчинова старыхъ денегъ выгнано безъ малаго шесть тысячъ рублей; и пошли онѣ на разные расходы, напримѣръ, выдано изъ нихъ 200 рублей Родиону Исаеву, *Ивану Посошкову* и Ивану Фирсову на новозаводство картнаго промысла ²⁾).

О томъ, что это за „картный промыселъ“, мы узнаемъ изъ письма Алексѣя Курбатова къ Меншикову, отъ 2-го августа 1704 года, слѣдующее: „Иванъ Посошковъ проситъ милости у великаго государя, чтобъ ему повелѣно было дѣлать карты самому и что сдѣлаетъ отдавать въ откупъ по опредѣленной цѣнѣ, а за то повелѣніе обѣщаетъ давать въ годъ по двѣ тысячи рублей денегъ, и образцовые ко мнѣ принесть, которые я съ симъ письмомъ послалъ къ милости твоей, а сказывалъ, что онъ вырѣзалъ ихъ родъ образца на деревѣ. А естли повелѣно будетъ, то вырѣзывать станеть на оловѣ и будутъ-де чистотою много лучше“ ³⁾).

Состоялась ли „картная“ фабрика Посошкова — мы не знаемъ. Едва ли, такъ какъ о ней нигдѣ послѣ не упомянуто. Однако, изъ этого случая мы узнаемъ, во первыхъ, что Посошковъ, опытный во многихъ дѣлахъ техники, какъ кажется, былъ знатомомъ и той части техники, о которой упомянуто въ письмѣ знаменитаго прибыльщика; во вторыхъ, узнаемъ изъ этого письма, что денежные средства, которыми располагалъ въ то время Посошковъ, были довольно значительны, и что предпріятіе, которое имѣлъ онъ въ виду, считалось имъ весьма выгоднымъ. Иначе онъ не могъ бы предложить ежегодной платы 2.000 руб. за дозволеніе заняться этимъ промысломъ.

Въ девяностыхъ годахъ мы встрѣтили Посошкова въ обществѣ

¹⁾ См. П. С. З. XII, 8948. Въ запискѣ Демидова объ отливѣ мѣдныхъ пятикопѣечниковъ сказано, что «съ 1700 г. въ рядахъ и торговыхъ лавкахъ начали деньги разбирать, и старыя отъ новыхъ отдѣлать, сдѣланными деревянными нарочно для того маленькими машинами». Новыя деньги были легковѣсны: до 1700 г. изъ 1 фунта серебра чеканено 10¹/₄ рублей, послѣ этого 15¹/₃ р. (см. мое сочиненіе: *Finanzgeschichtliche Studien*, S.-Petersburg. 1867, стр. 83). Не мудрено поэтому, что правительство строго запрещаю занимать извлеченіемъ тяжеловѣсныхъ серебряныхъ денегъ съ наддачею 10⁰/₀; см. П. С. З. IV, ММ 1855, 2351, 2371, 2713.

²⁾ См. *Соловьева*, Ист. Рос. XV, 95.

³⁾ Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ кн. 2, стр. 463. Сообщено г. Есиповымъ г. Погодину. Последнему я обязанъ сообщеніемъ мнѣ этой любопытной замѣтки.

людей недовольных, порицавших Петра и строго наказанных правительством за дерзостное осуждение правительственных мѣръ; теперь же, послѣ того, какъ онъ былъ представленъ самому Петру и старался дѣйствовать на вельможъ для проведенія коренныхъ преобразованій, мы встрѣчаемъ его имя тѣсно связаннымъ съ людьми нѣсколько компрометированными, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ правительства. Онъ получилъ нѣкоторую, хотя и весьма небольшую долю „воровскихъ“ денегъ, то-есть, денегъ, которыя Нѣмчиновъ нажилъ себѣ чрезъ вышеупомянутую операцію вымѣна старыхъ серебряныхъ монетъ на новыя.

Разумѣется, хотя и по мнѣнью правительства такой фактъ могъ легко испортить нѣкоторымъ образомъ репутацію Посошкова, едва ли есть для насъ основаніе сомнѣваться въ честности его. Мы не знаемъ, за что онъ получилъ отъ Нѣмчинова деньги. Быть можетъ, слова: „на новозаводство картнаго промысла“ относится ко всѣмъ тремъ лицамъ: Исаеву, Посошкову, Фирсову, и послѣ того уже Посошковъ занялся нѣкоторое время „картнымъ промысломъ“. Во всякомъ случаѣ, незаконныя дѣйствія Нѣмчинова, нажившаго эти деньги, не могутъ запятнать репутаціи Посошкова.

Изъ одного документа 1708 года мы узнаемъ, что Посошковъ до этого года былъ „у водочнаго строенія въ Москвѣ на Каменномъ мосту“. Къ сожалѣнію, въ этомъ документѣ заключается извѣстіе гораздо сильнѣе компрометирующее Посошкова; чѣмъ вышеупомянутый случай. Въ докладныхъ пунктахъ князя Меншикова съ высочайшими резолюціями 21-го марта 1708 года сказано ¹⁾: „Для строенія въ С.-Петербурѣ и въ прочихъ Ингерманландской губерніи городахъ водокъ, желаетъ служить изъ жалованья Москвичъ Иванъ Посошковъ, который до нынѣшняго года былъ у такого строенія на Москвѣ на Каменномъ мосту, а нынѣ свободенъ: онаго брать ли? И буде онъ тѣхъ дѣлъ быть годенъ, какое жалованье учинить, или изъ другихъ вому, понеже безъ такого человѣка быть невозможно?“ Резолюція: „*Посошковъ приличилъ въ ратушѣ въ воровствѣ*; того ради выбрать къ тому иного, кого пристойно“.

Г. Устраловъ ²⁾ нашелъ въ сенатскомъ архивѣ докладные пункты ландрихтера Корсакова, рекомендовавшаго Посошкова Меншикову, какъ опытнаго въ устройствѣ питейныхъ домовъ человѣка, и отказъ

¹⁾ П. С. З. IV, № 2194, стр. 406.

²⁾ Ист. Петра Великаго I, стр. LX.

Меншикова, напечатанный въ „Полномъ собраніи законовъ“. Г. Погодинъ, которому было тяжело упомянуть объ этомъ фактѣ, бросивъ тѣнь на любезное для него имя Посошкова, объяснилъ себѣ революцію навітами зложелательныхъ лицъ, „которыхъ всегда бываетъ много, которые терпѣть не могутъ такъ называемыхъ ими выскочекъ и стараются вредить имъ на всѣхъ путяхъ ихъ“¹⁾. То обстоятельство, что въ „Полномъ собраніи законовъ“ революція, вѣроятно, по ошибкѣ приписывается Петру вмѣсто Меншикова, по мнѣнію г. Погодина, усложняетъ дѣло. Г. Погодинъ пишетъ: „Безпристрастію Меншикова можно не имѣть такой довѣренности, какъ къ Петру I: самъ онъ былъ на руку не чистъ; притомъ могъ не любить Посошкова, какъ человѣка безпокойнаго, за его проекты, которыми, можетъ быть, былъ задѣваемъ, или вслѣдствіе какихъ-нибудь столкновеній, можетъ быть, не хотѣлъ допустить его до встрѣчи съ Петромъ I въ Петербургѣ и пр.“

Мы не имѣемъ данныхъ для разъясненія вопроса: правъ ли Меншиковъ, утверждавшій, что Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ, или правъ г. Погодинъ, считающій весьма вѣроятнымъ, что это обвиненіе лишено всякаго основанія. Быть можетъ, откроются новыя архивныя данныя, которыя могутъ содѣйствовать рѣшенію этого вопроса. Пока онъ долженъ оставаться открытымъ.

Что происходило съ Посошковымъ въ промежутокъ отъ 1708 до 1713 года²⁾ мы не знаемъ. За то къ сему послѣднему году относится

¹⁾ Соч. Пос. II, стр. XVII.

²⁾ Г. Погодинъ продолжаетъ: «Вѣроятно, Меншиковъ участвовалъ и въ конечномъ заключеніи Посошкова, по смерти Петра I, потому что онъ всегда былъ всемогущъ, и безъ его вѣдома не дѣлалось ничего. Г. Есиповъ предполагаетъ также нерасположеніе Меншикова къ Посошкову. Наконецъ, въ отстраненіе обвиненія Меншикова можно привести то, что Посошковъ былъ скорѣй опредѣленъ на службу и по документамъ оказывается въ Новгородѣ водочныхъ дѣлъ мастеромъ... Сочиненіе свое «О скудости и богатствѣ» онъ представлялъ государю въ 1724 году, и въ заключительномъ его обращеніи нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, чтобъ онъ былъ у государя на дурномъ счету. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ онъ и не осмѣлился бы къ нему обращаться». Соч. Пос. II, стр. XVIII—XIX. Дѣйствительно, Посошковъ былъ вслѣдствіи водочныхъ мастеромъ, но можно ли изъ этого заключить, что онъ «былъ опредѣленъ на службу?»

³⁾ Появилъ во всѣхъ біографическихъ очеркахъ Посошкова къ этому времени относили поѣздку сына Посошкова за границу и письмо, писанное сыну будто Посошковымъ. Мы доказали (*Русскій Вѣстникъ*, 1874, августъ), что это письмо не есть сочиненіе Посошкова.

письмо Новгородскаго митрополита Іова, который писалъ къ князю Я. Ѳ. Долгорукову, рекомендуя ему Посошкова. Какъ видно изъ содержания этого письма ¹⁾, самъ Посошковъ долженъ былъ передать князю оное. Послѣ обычныхъ вступительныхъ фразъ, въ этомъ письмѣ говорится о благородствѣ души князя, „отъ которой яко отъ источника истекають премногія благодати“. Іовъ продолжаетъ: „Сего ради и нынѣ молища пречестнѣйше господское лицо ваше о явленіи милости ко вручителю сего писанія, господину Посошкову, въ требованіяхъ его, просимъ усердно, за которыя твоя къ намъ милостивцы добродѣтели даруетъ вашему благородству Вседержитель Богъ „противодостойную мзду, здѣ многолѣтно, а тамо въ небесныхъ безконечно“.

Въ этомъ письмѣ г. Погодинъ видитъ что-то въ родѣ оправданія Посошкова въ отношеніи къ обвиненію его въ воровствѣ. Г. Погодинъ замѣчаетъ: „Іовъ, сколько мы знаемъ, былъ человекъ въ высшей степени достопочтенный: онъ не сталъ бы похвалять человека сомнительной нравственности, и кому? князю Якову Ѳеодоровичу Долгорукову! Да и Посошковъ, зная за собою что-либо нехорошее, не осмѣлился бы искать случая, чтобы представиться къ такому строгому блюстителю справедливости, какъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукой ²⁾).

Противъ такого взгляда можно замѣтить, что съ того времени какъ Посошкова обвинили въ воровствѣ, до письма митрополита Іова прошло, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, и что Іовъ могъ и не знать объ этомъ неблагопріятномъ случаѣ въ жизни Посошкова. Что же касается до совѣсти Посошкова, которая, по мнѣнію г. Погодина, удержала бы его представиться Долгорукову въ случаѣ справедливости обвиненія, то нельзя не вспомнить, что казнокрадство въ то время было общимъ зломъ, на которое тогда, развѣ за исключеніемъ самаго Петра, общество смотрѣло весьма снисходительно. То, что Петръ называлъ воровствомъ, считалось даже такими людьми, какъ Курбатовъ или Татищевъ, нестункомъ нисколько не предосудительнымъ ³⁾. Нельзя не вспомнить о продѣлкахъ самого Меншикова, которыя со стороны Петра вызвали угрозу: „Если онъ не испра-

¹⁾ Оно издано г. Погодинымъ въ *Москвитянинъ* въ 1855 г., V, стр. 8 и 9.

²⁾ Соч. Пос. II, стр. XIX.

³⁾ См. между прочимъ отзывъ Курбатова о взятіи посулъ судьями. *Соловьевъ*, XVI, стр. 258.

вится, то быть ему безъ головы“, а также о слѣдующемъ эпизодѣ: когда Петръ однажды въ сенатѣ слушалъ дѣло о казнокрадствѣ, онъ сказалъ Ягужинскому: „Напишите указъ, что если кто и на столько укралъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“; генераль-прокуроръ отвѣчалъ на это: „Государь, неужели вы хотите остаться императоромъ одинъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ вооружемъ съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“ ¹⁾. Петръ имѣлъ основаніе жаловаться на это зло, говоря: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и зѣло тшятся всякія мины чинить подь фортецію правды“ ²⁾. Вся дѣятельность прибыльщиковъ и генераль-прокуроровъ при Петрѣ показываетъ намъ, что нечестность была общимъ зломъ. Доносовъ было много. Между ними могли быть и злостные, лишенные основанія. Очень возможно, что Посошкова въ 1708 году олеветали понапрасну; но возможно также, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ. Впослѣдствіи онъ самъ ратовалъ противъ казнокрадства въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, замѣчая, между прочимъ: „что у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ и то на часъ“ ³⁾.

Какъ бы то ни было, изъ вышеупомянутаго документа мы узнаемъ, что Посошковъ до 1708 года былъ при винной продажѣ. Онъ впоследствии именно вопросу о контролѣ надъ цѣловальниками и бурмистрами посвящаетъ значительную часть главы „о царскомъ интересѣ“ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Изъ этихъ разсужденій видно, что онъ совершенно обладалъ техникою по этой части казенныхъ сборовъ.

О мѣстопребываніи Посошкова въ это время, то-есть, послѣ 1708 г., о его занятіяхъ и предпріятіяхъ мы имѣемъ лишь весьма скудныя данныя. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ часто былъ въ разъѣздахъ; бывалъ то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ, то въ С.-Петербургѣ. Изъ письма митрополита Іова, находившагося въ Новгородѣ, видно, что Посошковъ въ 1713 году предпринялъ путешествіе изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, и что это путешествіе, по всей вѣроятности, можно отнести къ февралю этого года.

¹⁾ Соловьев XVIII, 137.

²⁾ Соловьев XVIII, 137.

³⁾ Сочиненія Посошкова I, 71.

Хотя мы и весьма немного знаемъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Посошкова въ эти годы, но сочиненія его, относящіяся къ первымъ двумъ десятилѣтїямъ XVIII вѣка, даютъ намъ возможность составить подробное понятіе о внутренней его жизни, о томъ, что особенно интересовало его, на что были направлены его умственные способности, его нравственное настроеніе. Онъ создалъ два большіе труда: „Зерцало“ и „Отеческое Завѣщаніе“. Хотя эти сочиненія по богатству еддержанія и уступаютъ далеко послѣднему изъ его сочиненій — „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, тѣмъ не менѣе обширностью своею они даже нѣсколько превосходятъ это послѣднее и важнѣйшее изъ сочиненій Ивана Посошкова.

„Зерцало“ было писано во всякомъ случаѣ не позже 1709 года. Къ этому году относится извѣстіе объ этомъ сочиненіи въ письмѣ Дмитрія, митрополита Ростовскаго, къ монаху Θεологу¹⁾. До сихъ поръ было отырито нѣсколько списковъ „Зеркала“; два списка находились въ распоряженіи г. Погодина, одинъ найденъ Ю. О. Самаринымъ въ Костромѣ. На послѣднемъ показано имя автора „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ творецъ книжицы сей, 1709 года“²⁾; на одномъ изъ списковъ г. Погодина, а именно на Строевскомъ: „Іоаннъ Тихоновичъ Посошковъ Москвитинъ, творецъ книжицы сей, о лѣтѣ 1708“; на другомъ изъ списковъ г. Погодина, на Большаковскомъ, заглавіе такое: „Зерцало безименнаго творца“, значить — нѣтъ подписи³⁾. Послѣднее заглавіе согласуется съ выраженіемъ Дмитрія Ростовскаго въ письмѣ къ Θεологу, отъ 1709 года: „Книжицу безименнаго

¹⁾ На одномъ изъ списковъ этого сочиненія, находящемся въ библиотекѣ Казанской духовной академіи, прибавлено: «Свидѣтельствованное достоблженныя памяти преосвященнымъ господиномъ Дмитріемъ митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ во градѣ Ростовѣ и міру чрезъ списаніе пера подать сужденное, о немъ же свидѣтельствъ, мудрлюбія его пастырскаго метросочиненныя стихи десницею его написанныя 1709 лѣта». См. статью И. О. Нильскаго въ *Христіанскомъ Читеніи* 1875 г. январь, стр. 55—76.

²⁾ См. предисловіе г. Попова къ изданію «Отеческаго завѣщанія» стр. XI и его ссылку на *Московскія Видомости* 1864. № 57.

³⁾ Очень жаль, что г. Погодинъ, сравнивая довольно обстоятельно оба списка, находившіяся въ его древнехранящихъ, не сообщаетъ ничего объ этомъ обстоятельстве въ своемъ предисловіи къ «Зеркалу». Что списки г. Погодина относительно подписи различны, видно изъ того обстоятельства, что въ его изданіи въ заглавіи говорится, очевидно, по одному изъ списковъ (см. стр. VI) о *безименномъ* творцѣ, а въ концѣ сочиненія, на основаніи, вѣроятно, другаго списка, названъ Посошковъ.

творца, именуемую „Зерцало“, отъ честности твоей къ намъ присланную“ и пр. ¹⁾).

Мы видѣли, что Посошковъ когда-то былъ раскольникъ. Теперь же въ „Зерцалѣ“, также какъ и въ посланіи къ Стефану Яворскому, онъ ратуетъ противъ раскола. „Зерцало“ заключаетъ въ себѣ множество возраженій противъ раскола, основанныхъ на Священномъ Писаніи и на сочиненіяхъ отцевъ церкви. „Этимъ сочиненіемъ Посошковъ надѣется снабдить священниковъ, оружіемъ для борьбы съ расколомъ. Мы видѣли, что въ своихъ донесеніяхъ къ Стефану Яворскому Посошковъ жаловался на невѣжество духовенства, не имѣвшаго возможности излагать начала христіанской религіи и на „ученымъ иновѣрцамъ“, ни даже „последнему земледѣльцу“. Посошковъ смотрѣлъ на свое сочиненіе „Зерцало“ какъ на одно изъ лучшихъ пособій при занятіяхъ богословіемъ. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ онъ предлагалъ напечатать сочиненіе „Зерцало“ и разослать оное вмѣстѣ съ „Розыскомъ“ и „Пращицею“, по пяти или шести экземпляровъ, „въ школу“ ²⁾. Этимъ самымъ Посошковъ ставитъ свой трудъ въ уровень съ весьма извѣстными и въ то время распространенными сочиненіями знаменитыхъ авторовъ.

Подъ „Розыскомъ“ здѣсь, очевидно, разумѣется „Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ“, Дмитрія Ростовскаго, написанный въ 1709 г., а изданный мѣ 1745, разосланный авторомъ въ спискахъ по его епархіи незадолго до его смерти въ 1709 году ³⁾. Что касается „Пращицы“, то это — сочиненіе архимандрита Успенскаго монастыря Питирима, которое заключаетъ въ себѣ вопросы старовѣровъ раскольниковъ съ изложеніемъ, въ чемъ именно касательно вѣрности они не согласны съ ученіемъ православной церкви. „Пращица“ и донинѣ имѣетъ значеніе въ полемикѣ противъ раскола. Она была напечатана въ 1721 г.

Сочиненіе Посошкова „Зерцало“, которое авторъ его считалъ

¹⁾ Въ спискѣ, сообщенномъ Теологомъ митрополиту Дмитрію, имя автора было показано только цѣрками. Г. Нильскій въ вышеупомянутой статьѣ въ *Христіанскомъ Ученіи*, составленной по поводу моего изслѣдованія «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову», доказываетъ, что списекъ «Зерцала» находился въ рукахъ Дмитрія весной 1709 года, а не въ 1706 году, какъ сказано въ «Обзорѣ р. дух. лит.» *Филарета*.

²⁾ Соч. Пос. I. 16.

³⁾ Словарь о писателяхъ духовнаго чина, митроп. *Восмій*, изд. 2-е, I, стр. 127.

столько же важнымъ, какъ труды Дмитрія и Питирима, не было напечатано до изданія его г. Погодинымъ въ 1863 году. Желаніе автора принести этимъ сочиненіемъ пользу церкви и обществу не было исполнено. По содержанію своему „Зерцало“ довольно сходно съ Питиримовою „Практицею“. Тутъ авторъ предлагаетъ опроверженіе заблужденій раскольниковъ и при этомъ случаѣ, какъ бывшій раскольникъ, оказывается вполне хорошо знакомымъ съ преданіями, правилами, письменностью и православной церкви и раскола. О характерѣ этого сочиненія съ указаніемъ на нѣкоторыя черты его г. Погодинъ говоритъ слѣдующее:

«Ревность увлекаетъ Посошкова часто за предѣлы спокойствія. Нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія и предлагаемыя крутыя мѣры отнесемъ вообще къ грубости и жестокости нравовъ, въ той непреклонной буквѣ и нетерпимости, которая не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ или уступокъ, не терпитъ никакой пощады и взыскиваетъ строго. Въ горячей его брани слышится современникъ, желающій исторгнуть плевелы, только что возникающія изъ земли предъ его глазами. Такъ называетъ онъ новую несогласныхъ вѣру провлятою, запрещаетъ молиться съ ними вмѣстѣ, велитъ гнаться ими паче мертваго пса и согнанаго, одобряетъ самыя строгія мѣры Никона патріарха: «добрыя учина, еже развращающихъ Церковь повеле огнемъ пожигати».

«Противники впрочемъ были не разборчивѣе, не мягче, не вѣжливѣе въ отношеніи къ православнымъ, и даже къ ихъ истинной вѣрѣ. Теперь страсти утихли, и никто не позволитъ себѣ выраженій и дѣйствій этого рода.

«Языкъ въ сочиненіи церковный, въ коемъ иногда слышатся обороты и формы языка живаго, простонароднаго, встрѣчаются даже и пословицы: подлѣ воды умочишься, а подлѣ огня ожжешься; подлѣ пчелы медь, а подлѣ жука дермо; по коей рѣкѣ плыть, та и слава чинить.

«Изъ свойствъ слога замѣтимъ русскую иронію и остроуміе. Такъ, напримѣръ, раскольниковъ, отпадшихъ отъ Церкви и разошедшихся по разнымъ толкамъ, Посошковъ сравниваетъ съ слѣпыми щенятами, которые расползаются въ разные стороны, съ кротами, потому что не могутъ видѣть свѣта, съ летучими мышами, которыя кроются днемъ въ своихъ дуплинахъ; изъ птицъ же предпочитаетъ имъ и гусей, потому что гуси егда узрятъ свѣтъ дневной, или испущены изъ темныхъ мѣстъ на свѣтъ, радуящися съ великимъ крикомъ восклицаютъ: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; молятся: Отче нашъ, иже еси подлѣ землею.

«Замѣтимъ еще сравненіе людей правовѣрныхъ съ дщцами, истесанными правильно: аще ихъ одну съ другою сложиши, то будутъ толь во илотности согласны, что ни малія скважины между ними не узриши. А не правильно аще стешутъ—и тѣи дщцы не токмо къ тѣмъ правильнымъ дщцамъ (не) будутъ согласны, но и между собою вси будутъ не согласны».

Что могло заставитьъ автора сначала не называть своего имени? Онъ далъ своему сочиненію заглавіе „Зерцало безыменнаго творца“,

затѣмъ въ изданіи г. Погодина помѣщены стихи „на неопредѣленіе книжицы“, „на книжицу, Зерцаломъ названную“ и „на малую книжицу“¹⁾. Въ этихъ стихахъ восхваляется эта книжка:

Малъ книжица сія, но разумъ въ ней многій.
Малъ дръзнулъ, но смѣръ въ себѣ хранитъ не убогій,
Малъ источникъ, но многихъ жаждныхъ напоитъ,
Малъ славій, но пѣснь сладка всѣхъ увеселяетъ.
И Давидъ малъ велика оуби Голиада,
Оце и та книжица рожденныхъ отъ ада
Раскольниковъ нмѣнниихъ силѣна побѣждати,
Вся же провѣрныя пользы исполнати.

Авторъ объявляетъ, что называетъ свою книжицу „Зерцаломъ“, „ибо въ ней зрится противныхъ душа оканина“. Онъ жалѣетъ о заблужденіи тѣхъ, которые „не хотятъ душевнаго лица си омыти“ и спрашиваетъ: „Кто можетъ Эііопа черна убѣлнті?“

Въ „предисловіи“ авторъ развиваетъ мысль о выгодахъ смотрѣнія въ зеркало, говоритъ о раскольникахъ, которые сами „познати не могутъ“, что „разуютъ противу самого Бога“, и приходитъ къ заключенію, что если кто „отпаль отъ матери своея, отъ святныя церкви, то тѣми людьми царствуетъ діаволь“. Затѣмъ, въ изданіи г. Погодина, въ 26-ти главахъ говорится о разныхъ вопросахъ православной вѣры и раскола, „о хулѣ“, „о ругателяхъ“, „о причащеніи тѣла Христова“, „о жерзости“, „о лжеучителяхъ и лжепророкахъ“, „о символѣ еже Господа животворящаго“, „объ антихристѣ“, „о сложеніи перстовъ“ „о седмочисліи“ и пр.

Существовала болѣе пространная редакція „Зеркала“. Въ ней была еще статья „о лютеранахъ“, на которую Посошковъ ссылается въ „Отеческомъ завѣщаніи“, и которая не нашлась въ тѣхъ спискахъ, которые находились въ распоряженіи г. Погодина. Вообще ссылки на „Зерцало“, встрѣчающіяся въ „Отеческомъ завѣщаніи“, не совсѣмъ подходятъ къ сочиненію, изданному г. Погодинымъ. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сказано, что „о символѣ“ говорится въ 15-й главѣ „Зеркала“, между тѣмъ какъ объ этомъ предметѣ говорится въ 16-й главѣ. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сказано, что 18-я глава „Зеркала“ посвящена вопросу о перстномъ сложеніи, тогда какъ въ изданіи г. Погодина объ этомъ предметѣ говорится въ 20-й главѣ. Нѣсколько разъ въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ встрѣчаются ссылки на

¹⁾ Стихи на безыменнаго творца г. Нильскимъ приписываются Дмитрію Ростовскому, см. *Христіанское Ученіе*, январь 1875. стр. 61.

23-ю главу, въ которой будто говорится о литеранахъ, между тѣмъ какъ такой главы въ сочиненіи „Зерцало“ вовсе не встрѣчается, а въ 23-й главѣ говорится вообще лишь „объ отвергшихся отъ святныя церкви“¹⁾).

Итакъ, г. Погодинимъ надана нѣсколько сокращенная, не первоначальная редакція „Зерцала“. Кѣмъ она составлена — неизвѣстно. Быть можетъ, самимъ Посошковымъ. Димитрій Ростовскій въ письмѣ къ Θεологу совѣтовалъ „мало нѣчто мѣстами прочистити и поисправити“. Если самъ Посошковъ сократилъ первоначальную обширную редакцію своего „Зерцала“, то онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, послѣ составленія имъ „Отеческаго завѣщанія“, то-есть, послѣ 1715—1719 гг., какъ можно замѣтить изъ того обстоятельства, что Посошковъ цитуетъ въ „Отеческомъ завѣщаніи“ „Зерцало“ по обширной редакціи²⁾.

Этотъ трудъ Посошкова свидѣтельствуетъ о значительной степени начитанности автора. Онъ владѣетъ вполне духовною литературою того времени. Читая „Зерцало“, легко можно бы подумать, что авторомъ этого сочиненія былъ не „земледѣлецъ“, а какое-нибудь духовное лицо. Посошкова, очевидно, въ это время занимали, главнымъ образомъ, сложные вопросы богословской догматики. Часто путешествуя по Россіи, посвящая себя промышленнымъ предпріятіямъ, онъ находить досугъ для чтенія духовныхъ книгъ и для составленія обширныхъ сочиненій духовнаго содержанія. Вопросами свѣтской политики онъ, какъ кажется, въ это время почти вовсе не занимался.

„Зерцало“ есть исключительно богословское сочиненіе. Почти такой же характеръ имѣетъ сочиненіе „Отеческое завѣщаніе“, которое также можно отнести въ назидательной литературѣ.

„Отеческое завѣщаніе“ писано позже „Зерцала“, какъ видно уже изъ того обстоятельства, что въ немъ встрѣчаются ссылки на „Зерцало“. Оно писано для сына Посошкова, Николая, какъ мы знаемъ изъ „Книги о скудости и богатствѣ“³⁾.

При этомъ случаѣ мы должны коснуться семейныхъ отношеній Посошкова. Мы видѣли выше, что у Посошкова была мать Улита и

¹⁾ Мы объ этомъ предметѣ говорили уже въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 г., августъ стр. 785 и 786. Г. Нильскій въ *Христіанскомъ Ученіи*, январь 1875, указалъ послѣ этого на списокъ, находящійся въ Казанской духовной академіи.

²⁾ См. разборъ этого вопроса въ статьѣ г. *Нильскаго* I. с. стр. 69.

³⁾ I, 16—20.

былъ братъ Романъ. Когда женился Посошковъ—мы не знаемъ; намъ извѣстно только, что жену его звали Софьею, и что онъ съ нею взялъ приданнаго триста рублей ¹⁾. Мы знаемъ только о двухъ дѣтяхъ Посошкова, о его дочери Пелагеѣ и о сынѣ Николаѣ ²⁾. Пелагея была сперва замужемъ за подполковникомъ Воронежскаго гарнизона Барыковнымъ, который умеръ въ 1723 году, а въ апрѣлѣ 1725 года вышла за мужъ за полковника Роде ³⁾. Когда Пелагея вступила въ бракъ съ Барыковнымъ — мы не знаемъ. Если Барыковъ умеръ очень скоро послѣ свадьбы, и Пелагея во время свадьбы было не болѣе 17 лѣтъ, то она родилась около 1705 года. Во всякомъ случаѣ она родилась не позже этого года. Сынъ Посошкова въ 1725 году былъ малолѣтній ⁴⁾; стало быть, онъ не могъ родиться примѣрно ранѣе 1708 г. О другихъ дѣтяхъ у Посошкова не упоминается. Значитъ, есть нѣкоторая вѣроятность, что онъ вступилъ въ бракъ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, а можетъ быть и раньше, но никакъ не позже 1704 г.

Эти данныя отчасти могутъ служить намъ при опредѣленіи времени составленія „Отеческаго завѣщанія“. Если Посошковъ писалъ это сочиненіе для сына Николая, а этотъ сынъ Николай родился не ранѣе 1708 года, то стало быть, это сочиненіе составлено не ранѣе 1708 г. Такъ какъ далѣе объ „Отеческомъ завѣщаніи“ упоминается въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, которое писалось отъ 1721 до 1724 года, то слѣдовательно, самымъ позднимъ срокомъ составленія этого сочиненія былъ 1721 годъ. Однако, можно опредѣлить время составленія „Отеческаго завѣщанія“ нѣсколько точнѣе на основаніи слѣдующихъ данныхъ.

Хотя въ „Отеческомъ завѣщаніи“ говорится о многихъ предметахъ, доступныхъ только болѣе зрѣлому юношѣ, какъ напримѣръ, о бракѣ, о заблужденіяхъ лютеранъ, о разныхъ обязанностяхъ въ дѣлахъ службы и т. д., но въ одномъ мѣстѣ „Отеческаго завѣщанія“ о возрастѣ сына упоминается въ такихъ выраженіяхъ, которыя за-

¹⁾ См. бумаги, открытыя г. Есиповымъ во II ч. соч. Пос. стр. XXXVII.

²⁾ О мнимомъ сынѣ Посошкова, отправленномъ будто за границу, мы говорили уже въ другой статьѣ, доказывая, что такого сына никогда не существовало. Всѣ соображенія г. Погодина, построенныя на этомъ сынѣ Посошкова, оказываются лишенными основанія.

³⁾ См. II ч. Пос. стр. XXXV.

⁴⁾ Какъ видно изъ документа по случаю арестованія Посошкова въ 1725 году; II ч., соч. Пос., стр. XXXIV.

ставляютъ думать, что Пососковъ писалъ это наставленіе въ то время, когда сынъ его былъ еще ребенкомъ. На стр. 8 сказано: „Въ началѣ отрочества своего, сынъ мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному наученію: не токмо славенскому одному, но и греческому и латинскому“ и пр. Значить, сынъ тогда, когда писалъ отецъ, не достигъ еще и отрочества. Если сынъ въ 1725 году былъ малолѣтнимъ, то онъ родился не ранѣе 1708 года; не достигши отрочества, онъ могъ имѣть отъ роду не болѣе десяти лѣтъ въ то время, когда писалъ Пососковъ. Значить, „Отеческое завѣщаніе“, по всей вѣроятности, было писано не позже 1718 или 1719 года и даже, быть можетъ, нѣсколькими годами раньше. Но къ этимъ соображеніямъ присоединяются еще слѣдующія:

На стр. 167 сказано: „Въ прошлыхъ годѣхъ, въ Ригѣ, во владѣніи уже государя нашего, полковникъ женился въ великую пятницу“. Такъ какъ Рига была взята лѣтомъ 1710 года, и съ тѣхъ поръ находилась „во владѣніи“ Петра, то изъ этихъ словъ можно заключить, что „Отеческое завѣщаніе“ писано послѣ 1710 г.

Въ статьѣ „О мірскомъ моленіи и о молитвѣ“ (стр. 90 и слѣд.) говорится объ обязанности сына обращаться къ Спасителю, къ Богородицѣ и къ святымъ (Іоанну, Спиридону, Онуфрію и пр.), съ молитвою о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, о царицѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ, о благородныхъ царевичахъ и царевнахъ (также на стр. 207). Тутъ рождается вопросъ: можно ли было до вѣнчанія Еватерины, состоявшагося лишь послѣ Прутскаго похода, называть ее: „царицею“? Если же нѣтъ, то сочиненіе „Отеческаго завѣщанія“ должно отнести ко времени послѣ вѣнчанія. Вовторыхъ, должно спросить: не представляетъ ли выраженіе „царевичи“ и „царевны“, которые, впрочемъ, не названы по имени, средства для опредѣленія времени составленія „Отеческаго завѣщанія“. О царевнахъ можно было говорить все во время царствованія Петра, въ продолженіе котораго мы встрѣчаемъ царевнами сестеръ, племянницъ и позже дочерей царя. За то царевичей было гораздо меньше, а именно Алексѣй Петровичъ да Петръ Петровичъ, а потомъ еще внукъ Петра, Петръ Алексѣевичъ. Такъ какъ однако Петръ Петровичъ, а также и Петръ Алексѣевичъ родились не ранѣе 1715 года, Алексѣй Петровичъ погибъ въ 1718 году, а Петръ Петровичъ умеръ въ 1719 году, то стало быть, о царевичахъ, въ строгомъ смыслѣ, можно было говорить лишь въ періодъ времени отъ 1715 по 1719 годъ. На основаніи всего сказаннаго можно отнести сочиненіе „Отеческаго завѣщанія“ къ этимъ го-

дамъ—1715—1719. Съ этимъ предположеніемъ хорошо согласуется и вышеприведенное обстоятельство, что, по всей вѣроятности, сынъ Посошкова, бывший малолѣтнимъ въ 1725 году, въ то время когда писалъ Посошковъ (1715—1719 гг.), еще не достигъ отроческаго возраста.

„Отеческое завѣщаніе“ походить, съ одной стороны, на „Зерцало“, потому что разборъ религиозныхъ вопросовъ занимаетъ въ немъ самое видное мѣсто, а съ другой,—оно можетъ быть сравниваемо съ „Книгою о скудости и богатствѣ“, потому что многія мысли Посошкова въ отношеніи къ военному дѣлу, къ хозяйству, къ администраціи, и въ особенности, къ судопроизводству, встрѣчаются въ обоихъ сочиненіяхъ. Именно такая тождественность понятій, а отчасти и редакціи въ сочиненіяхъ „Отеческое завѣщаніе“ и „О скудости и богатствѣ“ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что Посошковъ былъ авторомъ „Завѣщанія“¹⁾. По своему характеру и содержанию „Отеческое завѣщаніе“, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ въ жизни Посошкова—одной, когда онъ, какъ видно изъ „Зерцала“, занимался, главнымъ образомъ, вопросами богословія, и другой, именно—послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ законодательной дѣятельности Петра, сталъ весьма ревностно заниматься предметами свѣтскими, вопросами о нравственной, экономической, юридической реформахъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ „Отеческое завѣщаніе“ представляетъ намъ кругозоръ домостроевскихъ понятій, а въ другихъ—предлагаются новыя, свѣжія и умныя мѣры къ улучшенію быта Россіи. Соображенія Посошкова, относящіяся къ вѣрѣ и религіи, къ лютеранамъ и кальвинистамъ, къ раскольникамъ и ереси вообще, оказываются чрезвычайно ограниченными; другія, особенно въ отдѣлѣ о подъячихъ и судьяхъ, производятъ весьма благоприятное впечатлѣніе. Мѣстами Посошковъ пишетъ какъ фанатикъ-раскольникъ, стоящій за старину и за мертвую обрядность, мѣстами онъ говоритъ какъ настоящій представитель вѣка просвѣщенія. Такимъ образомъ, „Отеческое завѣщаніе“ служитъ какъ-бы звеномъ, соединяющимъ старину съ новизною, реакцію съ реформою, консервативныя понятія съ прогрессивными стремленіями.

Большая часть „Отеческаго завѣщанія“ имѣетъ содержаніе нази-

¹⁾ Какъ мы доказали подробнѣе въ особой статьѣ, гдѣ мы подвергли разбору способъ г. Попова доказывать авторство Посошкова. *Русскій Вѣстникъ*. 1874. Августъ.

дательное. Оно могло служить какъ-бы катехизисомъ, и самъ авторъ полагалъ, что именно такое мѣсто принадлежало этому сочиненію въ педагогическо-религіозной литературѣ. Онъ предлагалъ въ позднѣйшемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ напечатать этотъ трудъ, который, по его мнѣнію, могъ быть полезнымъ особенно такимъ людямъ, которые желали посвятить себя духовному званію. При этомъ однако встрѣчается слѣдующее затрудненіе. Того содержанія, о которомъ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“¹⁾, мы не находимъ въ „Отеческомъ завѣщаніи“. Ссылки на послѣднее сочиненіе указываютъ прямо на подробное изложеніе въ „Отеческомъ завѣщаніи“ обязанностей пресвитеровъ. Тамъ сказано: „И аще книга „Отеческаго завѣщанія“ принята и печатана будетъ, рже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся въ пресвитерство и ее читать; понеже мало положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ архимандритахъ будучи, какъ братія пасти, и какъ себя вести, и что подобаетъ и архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и мирянамъ душеполезно жити“ и т. д. А въ другомъ мѣстѣ: „А я своего сына въ семъ (сочиненіи) проостерегъ, написалъ ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставленниковъ на служителей своихъ не подлаживался, но самъ бы всякаго своего ставленника свидѣтельствовалъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ“ и т. д. А еще въ другомъ мѣстѣ: „Да въ Завѣщаніи жъ своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ-подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на архіерея пореченія какова за неисправность его не понести. Въ томъ моемъ Завѣщаніи написалъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что ему управлять, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывати, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ разумилъ вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ“.

Всего этого не встрѣчается въ „Отеческомъ завѣщаніи“, изданномъ г. А. Поповымъ.

¹⁾ Стр. 18—20.

Такъ какъ мы однако знаемъ, что авторомъ этого послѣдняго „Отеческаго завѣщанія“, былъ никто иной какъ Посошковъ, и такъ какъ вышеприведенныя ссылки на это сочиненіе, встрѣаемыя въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, вообще соответствуютъ тону и характеру „Отеческаго завѣщанія“, то намъ остается только считать вѣроятнымъ, что рукопись, найденная г. Поповымъ, не заключаетъ въ себѣ всего сочиненія Посошкова, и что въ этомъ спискѣ по неизвѣстной намъ причинѣ, недостаетъ именно статьи „О духовномъ званіи“, на которую ссылается Посошковъ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“¹⁾.

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ говорится о разныхъ видахъ общественной дѣятельности, которымъ могъ себя посвятить сынъ Посошкова. Отецъ снабжаетъ сына совѣтами на случай избранія послѣднимъ какой-либо карьеры. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ главъ, имѣющихъ общее содержаніе и занимающихъ большую половину сочиненія (объ отроческомъ житіи, о брачномъ житіи, о началѣ мірскаго житія, о мірскомъ моленіи и молитвѣ), въ главахъ 5-й и 6-й говорится болѣе или менѣе подробно „о гражданскомъ житіи“ (о земледѣльчествѣ, о рабскомъ житіи, о художествѣ, о купечествѣ, о солдатскомъ бытіи, объ офицерствѣ, о крестьянскомъ житіи, о нищенскомъ житіи); въ главѣ 6-й „о приказныхъ порядкахъ“ говорится о старомъ подъячествѣ и о судействѣ.

Мы уже знаемъ, что религиозные вопросы интересовали Посошкова въ высшей степени; церковный бытъ, какъ мы видѣли изъ его посланій къ Стефану Яворскому, и прежде обращалъ на себя его вниманіе, онъ самъ, при своемъ обширномъ духовномъ образованіи, при своемъ глубокомъ религиозномъ чувствѣ, могъ бы посвятить себя духовному званію, и въ такомъ званіи, безъ всякаго сомнѣнія, достигъ бы довольно высокаго положенія. Если онъ считалъ возможнымъ, что сынъ будетъ офицеромъ или солдатомъ, судьей или подъячимъ, кушомъ или ремесленникомъ, нищимъ, мужикомъ или рабомъ, то

¹⁾ Мы подробнѣе говорили объ этомъ предметѣ въ нашей статьѣ: «О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Ивану Посошкову», въ которой, между прочимъ, замѣтили, что гипотеза г. Попова о существованіи остающейся донынѣ неизвѣстною «новой, распространенной редакціи» Завѣщанія не имѣетъ пока основанія, и что пробѣлъ въ спискѣ, изданномъ г. Поповымъ, ослабляетъ нѣкоторымъ образомъ вѣроятность его предположенія, что эта рукопись составлена рукою самого автора.

разумѣется, могъ предвидѣть нѣкоторую возможность и того, что сынъ будетъ священникомъ или монахомъ ¹⁾.

Такова была литературная дѣятельность Посошкова въ первые два десятилѣтія XVIII вѣка. О томъ, каково было его положеніе въ обществѣ въ это время, мы узнаемъ изъ цѣлага ряда архивныхъ данныхъ.

Посошковъ былъ человѣкомъ зажиточнымъ. Въ 1716 и 1717 году онъ купилъ у подъячихъ князя Меншикова дворъ въ С.-Петербургѣ на С.-Петербуржскомъ острову, въ Малой Никольской улицѣ, и за этотъ дворъ заплатилъ 400 рублей ²⁾. Кромѣ того, около 1720 года ³⁾ онъ купилъ у одного новгородскаго купца дворъ съ деревяннымъ строеніемъ за 50 рублей и около 1721 года ⁴⁾ еще другой дворъ у одного подъячаго за 150 рублей. Далѣе онъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Устрицкомъ погостѣ имѣлъ „поддеревни“ Закрасенье и крестьянъ въ ней мужескаго пола душъ съ двадцать; къ этой деревнѣ онъ уже около 1717 года ⁵⁾ купилъ три „пустоши“, за которыя далъ 200 рублей. Въ томъ же Устрицкомъ погостѣ ему принадлежала еще деревня Матѣево, число душъ которой однако неизвѣстно ⁶⁾; наконецъ, 1724 года онъ купилъ за 25 рублей въ Новгородѣ „пустоши“ у дворянина Унскаго ⁷⁾. Затѣмъ еще сохранилась купчая, изъ которой видно, что въ 1719 году Посошковъ у дьяка Степанова купилъ сельцо Марьино. Значитъ, Посошковъ былъ уже не простымъ крестьяниномъ, а помѣщикомъ; онъ самъ имѣлъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ, заводъ съ приписанными людьми и землею. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ онъ упоминаетъ о своей поѣздкѣ, замѣчая, что онъ

¹⁾ Напрасно г. Погодинъ, на основаніи вышеприведенныхъ ссылокъ на стр. 18, 19, 20 въ сочиненіи «о скудости и богатствѣ», говоритъ, будто Посошковъ «готовилъ своего сына въ духовное званіе и даже думалъ, что тотъ могъ бы сдѣлаться архіереемъ. Чтò могло побудить его къ избранію такого рода жизни для сына? Думалъ ли онъ указать сыну путь, гдѣ тотъ наиболѣе могъ принести пользы отечеству?» Какъ видно изъ «Отеческаго завѣщанія», отецъ говоритъ равнымъ образомъ о всѣхъ видахъ общественной дѣятельности.

²⁾ См. подробности этой покупки во II-й ч. соч. Пос., стр. XXXVIII.

³⁾ Посошковъ въ 1725 году, въ ноябрѣ, показалъ, что эта покупка состоялась «лѣтъ съ пять».

⁴⁾ «года съ четыре», показалъ Посошковъ въ 1725 году.

⁵⁾ «Лѣтъ съ восемь», показалъ Посошковъ въ 1725 году.

⁶⁾ См. II. XXXIX.

⁷⁾ Последний листокъ купчей крѣпости сохранился. См. II. XXXIX.

„ѣдучи къ себѣ на заводъ на Держковѣ волоку“, видѣлъ разбойника, находившагося подъ судомъ, и пр. ¹⁾). Въ другой разъ онъ разказываетъ, что у него „человѣкъ пять-шесть сбѣжало крестьянъ“, и что это случилось именно 9-го юля 1722 года. Еще разказываетъ Посопшковъ случай: „мой человѣкъ пойманъ за лошадь мою; ту лошадь у него отняли, да еже капитанъ Мавринъ высѣкъ батоги“ ²⁾). Требуя въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ коренной реформы податной системы и предлагая собирать налоги съ земель, онъ замѣчаетъ: „кто есть я? и за мною съ полтора ста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго“ ³⁾). Изъ этого замѣчанія видно, что Посопшковъ считалъ себя зажиточнымъ человѣкомъ. Не даромъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ собственного достоинства писалъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“: „Я не весьма послѣдній человѣкъ“ ⁴⁾). Въ „Отечественномъ завѣщаніи“ онъ пишетъ, обращаясь къ сыну Николаю въ статьѣ „о рабскомъ житіи“: „а о томъ не размышлай, что ты былъ съ млада въ богатствѣ, или что отца знатнаго сынъ еси“ ⁵⁾).

Гдѣ находилось имѣніе Посопшкова, весьма точно опредѣлили г. Погодинъ. Селеніе Устрики, близъ котораго оно находилось, стоитъ на озерѣ Ильменѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Старой Русы и 100 отъ Новгорода. Держковъ Волокъ, гдѣ находится „заводъ“ Посопшкова, находится въ 60-ти верстахъ отъ Боровичъ къ сѣверу.

Посопшковъ любилъ пускаться въ разныя промышленныя предпріятія. Въ кучей на сельцо Марьино онъ названъ „новгородскимъ водочнаго строенія фонтальнаго дѣла мастеромъ“ ⁶⁾). Что значить „фонтальное дѣло“—опредѣлить трудно ⁷⁾). Что винокуреніе было спеціальностью Посопшкова, мы знаемъ еще изъ другихъ данныхъ. Мы уже видѣли, что въ первыхъ годахъ XVIII вѣка онъ служилъ при продажѣ водокъ въ царскихъ кабакахъ въ Москвѣ. Изъ сочиненія „О скудости и богатствѣ“, а именно изъ главы „о царскомъ интересѣ“, какъ мы уже замѣтили, видно, что онъ вполне обладалъ технической частью винокуренія. Самъ онъ разказываетъ въ другомъ мѣ-

¹⁾ I. 163.

²⁾ I. 44.

³⁾ I. 203.

⁴⁾ I. 35.

⁵⁾ Стр. 179.

⁶⁾ II. XXXIX.

⁷⁾ Г. Погодинъ въ скобкахъ прибавлялъ: «фонтанное?».

ств¹⁾, что въ 1719 году онъ подавалъ просьбу князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить заводъ винокуренный и взять водку на подрядъ, но что сначала ему это дѣло не повезло. Съ нимъ при этомъ случаѣ обращались весьма безцеремонно, и разказывая объ образѣ дѣйствій чиновниковъ, онъ выставляетъ этотъ фактъ примѣромъ произвольныхъ наказаній со стороны судей. Онъ пишетъ: „И не вѣдомо чего ради (князь Голицынъ) велѣлъ меня за караулъ посадить, и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за чтò сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ, князь Дмитрій Михайловичъ, сказалъ: давно ль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотчасъ и велѣлъ меня выпустить“.

Вѣроятно, однако, впоследствии Посошкову было разрѣшено устроить винокуренный заводъ; кажется, именно о немъ Посошковъ упоминаетъ, говоря о поѣздкѣ „въ Держкову волоку“. Изъ выписки, доставленной П. И. Ивановымъ г. Погодину и напечатанной въ *Москвитянинъ*, видно, что Посошкову въ послѣднее время его жизни были отданы на откупъ „изъ бывшей Новгородской камеристской конторы, въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Бѣжецкой пятинѣ, Устрицкій таможенный мелочной сборъ винной, пивной, медовой и водочной продажи“ съ 1721 по 1724 г., и что за эти сборы имѣлось на немъ недоимки 1076 р. 46 коп. Изъ этого же документа видно, что онъ по подряду 1720 года поставлялъ вино на Новгородскій отдаточный дворъ и въ прочія мѣста, и что имъ было поставлено 3,625 ведеръ, за которыя „дачи денегъ ему не было 805 р.“, такъ что на немъ осталось недоимки (1076 р. 46 коп. менѣе 805 р.) 271 р. 46 коп.²⁾

Изъ этихъ данныхъ видно, что обороты дѣлъ Посошкова были довольно значительны. О сложности его дѣлъ можно судить по тому списку должниковъ и кредиторовъ, которыхъ имѣлъ Посошковъ въ то время, когда находясь въ Петропавловской крѣпости, онъ приближался уже къ смерти. Все это, по просьбѣ умирающаго Посошкова, было записано его духовнымъ отцомъ Исаакиевскимъ протопопомъ Алексѣемъ Васильевымъ³⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что Посош-

¹⁾ I. 49.

²⁾ II, XLIII.

³⁾ Этотъ любопытный документъ, открытый г. Пекарскимъ, напечатанъ во II-мъ т. XXXVII.

ковъ былъ долженъ разнымъ лицамъ по нѣскольку сотъ рублей. Долги Посошкова представляютъ сумму отъ 2000 до 3000 рублей.

Изъ другой, чрезвычайно любопытной бумаги мы узнаемъ о дѣловыхъ отношеніяхъ Посошкова къ какому-то Артемію Ивановичу Астафьеву, который обѣщалъ ему „выходить кормовыя деньги за сто рублей“. Г. Погодинъ полагаетъ, что Артемію Ивановичъ за исходящайшее Посошкову казенной льготы хотѣлъ взять съ него взятку въ размѣрѣ ста рублей, и изъ этого заключаетъ, что этихъ „кормовыхъ денегъ“ было много, то-есть, за долговременную службу.

Этотъ Артемію Ивановичъ былъ должникомъ Посошкова. Онъ у послѣдняго бралъ въ займы деньги и сѣбѣстныя припасы, какъ-то: мясо, капусту, масло, медь, огурцы, хмѣль и забиралъ разныя другіе предметы, какъ-то: двухпудовой яворъ, песцовый черевій мѣхъ, мѣдный котель; женѣ Артемія Ивановича Посошковъ далъ въ долгъ серебряныя серьги, кружевъ нѣмецкихъ, запонки, крестъ съ драгоценнымъ камнемъ и пр., такъ что весь долгъ Артемія Ивановича составлялъ сумму около 250 рублей¹⁾.

Такимъ образомъ, полусогнившія бумаги Посошкова даютъ намъ возможность хотя отчасти заглянуть въ его хозяйство. Изъ этихъ данныхъ мы можемъ вывести по крайней мѣрѣ, то заключеніе, что обороты въ экономическихъ предпріятіяхъ Посошкова были далеко не ничтожны. О его частномъ житьѣ-бытьѣ мы едва-ли можемъ составить себѣ какое-либо понятіе. До сихъ поръ считали Посошкова даже въ нѣкоторомъ родѣ богатымъ человекомъ, на основаніи того обстоятельства, что будто бы его сынъ, отправленный за-границу, получалъ отъ отца по 1000 ефимковъ въ годъ. Мы доказали въ другомъ мѣстѣ, что такого сына у Посошкова никогда не было²⁾. Итакъ, этотъ сильнѣйшій доводъ, чтобы доказать степень богатства Посошкова, для насъ не существуетъ. За то мы знаемъ, что онъ за женою получилъ не болѣе 300 рублей, что, какъ увидимъ ниже, между Посошковымъ и его зятемъ Барыковымъ былъ споръ изъ-за приданого, которое Посошковъ будто бы обѣщалъ выдать дочери Пелагеѣ, и что онъ „другихъ кромѣ купленныхъ своихъ деревень нивагихъ у себя не имѣлъ“³⁾.

Дѣла Посошкова заставляли его очень часто бывать въ разъѣздахъ

¹⁾ См. II ч. стр. ХLI.

²⁾ См. *Русскій Вѣстникъ*, августъ 1871.

³⁾ См. его прошеніе о полотняной сабракѣ II, стр. XXXII.

Должно удивляться тому, какъ много онъ путешествовалъ. Въ молодости, какъ мы видѣли, онъ, уроженецъ московскій, находился въ Пензѣ. Очень часто бывалъ онъ въ Новгородѣ, на примѣръ, въ 1710 г., какъ видно изъ его сочиненія „О скудости и богатствѣ“¹⁾. Видно также, что онъ бывалъ „на Черни и въ Мценскѣ“²⁾, что въ 1717 году онъ „ѣхалъ Ладожскимъ озеромъ“³⁾ и т. п.

Иногда правительство давало ему порученія. Объ огнестрѣльныхъ рогаткахъ мы уже говорили выше. О другомъ случаѣ Посошкова самъ разказываетъ слѣдующее: „Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человѣкъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу состроить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ-за моря. И я, вида въ томъ дѣлѣ протязность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ еще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было“ и пр.⁴⁾

Такъ какъ мы знаемъ, что новыя мѣдныя деньги при Петрѣ были чеканены въ 1700 году (деньги и полушени), въ 1718 году (копѣйки) и въ 1723 году (пятикопѣечники)⁵⁾, — такъ какъ далѣе намъ извѣстно, что Посошковъ особенно интересовался мѣрами, принятыми относительно монетной системы въ 1718 году⁶⁾, мы можемъ считать весьма вѣроятнымъ, что онъ имѣлъ порученія въ монетномъ дѣлѣ въ 1718 году. Техническая часть чеканки денегъ съ давнихъ поръ была ему знакома. Уже въ девяностыхъ годахъ XVII вѣка, какъ мы видѣли, монахъ Авраамій повнакомился съ Посошковымъ „для дѣла денежнаго стану, который Авраамій дѣлалъ на образецъ въ поднось великому государю“⁷⁾.

Посошковъ постоянно былъ въ хлопотахъ, постоянно мечталъ о новыхъ предпріятіяхъ и всегда имѣлъ въ виду, кромѣ своей пользы, и благо отечества. Разказывая о своихъ поѣздкахъ по Россіи, онъ⁸⁾

¹⁾ I. 92 и 209. О другихъ случаяхъ пребыванія Посошкова въ Новгородѣ можно заключить изъ стр. 35, 116.

²⁾ Чернь въ нынѣшней Тульской, Мценскъ въ нынѣшней Орловской губ. I, стр. 177.

³⁾ I, 210.

⁴⁾ I, 213.

⁵⁾ См. *Chaudoir*, *Essai sur les monnaies russes*. I, 183.

⁶⁾ I; 250—251.

⁷⁾ См. *Соловьевъ*, *Ист. Россіи XIV*. 243.

⁸⁾ I. 152.

говорить, что открылъ въ какомъ-то мѣстѣ самородную сѣру и „лекарственную матерію, нарицаемую гумъ сфальтумъ“, и „нефть“ и т. д., и что именно находка сѣры могла бы быть для него и для государства чрезвычайно выгодною. Мы не знаемъ, къ какому времени относятся эти открытія; однако Посошковъ разказываетъ, что онъ сообщилъ объ открытіи сѣры князю Борису Алексѣевичу Голицыну, и что послѣдній обѣщалъ ему „великое учинить награжденіе“. „Нидѣтямъ-де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ“ сказалъ будто бы Голицынъ,—къ чему Посошковъ горестно прибавляетъ: „а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублей“. Чрезвычайно любопытно, какъ Посошковъ разсуждаетъ объ этомъ эпизодѣ: „А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, то бы я рублей тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублей за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и еслибы года два-три подержалъ бы ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я, оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А сюда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и князю Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы, пріѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военного дѣла не остановить, повезли по-прежнему къ намъ. И за помощію Божию еще и за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взысканъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось“¹⁾. Такъ какъ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ умеръ въ 1713 году, то этотъ эпизодъ съ сѣрою нужно отнести ко времени до означеннаго года.

Посошковъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій и изобрѣтеній, не принесшихъ однако ему никакой пользы: „И у меня“, пишетъ онъ,—„вымысловъ пять-шесть было нажиточныхъ, а покориться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что“²⁾.

Не смотря на свое скромное происхожденіе, Посошковъ имѣлъ довольно часто сношенія съ знатными лицами. Мы видѣли, какъ онъ со своимъ предложеніемъ „о ратномъ поведеніи“ смѣло обратился

¹⁾ I, 153.

²⁾ I, 142.

къ боярину Феодору Алексѣвичу Головину. Не менѣ смѣло обращался онъ въ разныхъ посланіяхъ къ Стефану Яворскому съ предложеніями объ устройствѣ училищъ для духовенства, о распространеніи въ народѣ просвѣщенія и о мѣрахъ противъ раскола. Сейчасъ говорили мы о его бесѣдѣ съ княземъ Борисомъ Алексѣвичемъ Голицынымъ; мы видѣли также, что митрополитъ Іовъ зналъ Посошкова и рекомендовалъ его князю Долгорукову. Въ другихъ мѣстахъ сочиненій Посошкова говорится о знакомствѣ его съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, княземъ Юрьемъ Яковлевичемъ Хилковымъ и пр. Не знаемъ, былъ ли знакомъ съ Посошковымъ митрополитъ Ростовскій; но прочитавъ „Зерцало“, Димитрій писалъ къ Θεологу: „Прошу честности твоей, возвѣсти мнѣ, кто тоя книжицы писецъ? живъ ли онъ? Аще живъ, стану къ нему писати; аще же умре, стану его поминати“¹⁾.

Впрочемъ, Посошковъ никогда не имѣлъ особеннаго значенія, вѣса, авторитета въ современномъ ему обществѣ. Мы знаемъ только объ одномъ случаѣ, изъ котораго видно, что его почитали какъ человѣка, занимавшаго въ обществѣ нѣсколько видное мѣсто. Онъ разказываетъ, говоря о нерадѣннѣ сельскихъ поповъ, слѣдующее: „Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть; у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой недѣлѣ прежде сего не бывало, *то де тебя поопасамсь*, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю“ и пр.²⁾.

За то есть многіе случаи, что съ Посошковымъ поступали чрезвычайно безцеремонно, обижали его. Мы уже видѣли, что въ 1719 году князь Голицынъ посадилъ его подъ караулъ безъ всякой вины, и что онъ „просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что“. О другомъ печальномъ случаѣ Посошковъ разказываетъ, что онъ въ Новгородѣ нечаянно пострадалъ за какую-то исторію съ однимъ посадскимъ человѣкомъ Петромъ Терентьевымъ. Посошковъ жилъ на дворѣ Петра Терентьева „по приказу воеводы князя Юрія Яковлевича Хилкова“; однако Преображенскаго полка капитанъ Невельской насильственно хотѣлъ удалить Посошкова съ этого двора: „Животы его Петровы“, разказываетъ Посошковъ, — „запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ,

¹⁾ См. статью Нильскаго въ *Христ. Чтеніи*, январь, 1875, стр. 62.

²⁾ I, 27.

почему ты насъ изъ коромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгоняли вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупрямились, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выидете, то де прѣйду самъ, и совсѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косу выволоку вонъ. И жена моя, убоявсь увѣчь и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы князя Юрія Яковлевича Хилкова жилъ. И того капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ человекомъ, а такіа обиды чинилъ; и Петръ (Терентьевъ) побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва упросилъ его воевода князь Юрья Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и караулъ свестъ“.

Другой неприятный случай былъ также въ Новгородѣ въ томъ же 1721 году: „полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порецкой“, пишетъ Посошвовъ, „будучи въ Новгородѣ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня северною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, вины своея ни малья не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагомъ похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ нотариусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ нотариусъ и приказыные подъячье и дворяне многіе слышали, и я на утро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новгородѣ отвѣчать не буду“¹⁾.

Посошвовъ въ своихъ сочиненіяхъ называетъ себя „мизирнымъ“. Такая „мизирность“ его объясняетъ намъ, почему онъ, желая въ 1718 году представить записку о деньгахъ, не могъ дойти до царскаго кабинетъ-секретаря Макарова. Онъ разказываетъ: „Въ 1718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что такіа деньги великъ въ воровству способны, и самое денежнымъ ворами предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщици не могъ получить, еже бы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ въ лѣварственнымъ

¹⁾ I, 34 и 35.

водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву ¹⁾ Егору Сергѣевичу, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы во времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, или самъ прочелъ, про то не вѣмъ ²⁾. Такимъ образомъ Посошковъ, желая быть полезнымъ отечеству, не всегда могъ доходить до знатныхъ лицъ и долженъ былъ надѣяться на ихъ прислугу. Не мудрено, что при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, его посланія иногда не доходили до лицъ, для которыхъ онѣ были назначены, и подѣ часъ терялись вовсе.

Такъ и это сочиненіе „О деньгахъ“ до насъ не дошло. О содержаніи его, однако, мы знаемъ изъ другихъ сочиненій Посошкова, въ которыхъ говорится о монетномъ дѣлѣ. То, что сказано въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, въ главѣ о царскомъ интересѣ, о монетной системѣ можетъ считаться какъ-бы повтореніемъ того, что было сказано въ сочиненіи 1718 года, дальнѣйшая судьба котораго Посошкову была столько же неизвѣстна, какъ и намъ. Посошковъ пишетъ нѣсколькими годами позже: „И того ради“, то-есть, потому что онъ не знаетъ, дошло ли до Петра или нѣтъ его сочиненіе 1718 года,—въ сей главѣ царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъ-явихъ о той самой царской прибыли“.

Мы знаемъ еще о другихъ столкновеніяхъ Посошкова съ разными лицами. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, въ доказательство того, что весьма часто нельзя разчитывать на правильный судъ и расправу, а что вмѣсто того господствуютъ произволь и насиліе, онъ разказываетъ слѣдующій фактъ, о которомъ однако мы не можемъ опредѣлить—къ какому времени онъ относится: „Мой человекъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да его жъ капитанъ Мавринъ высѣлъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, ты бѣ за лошадью шелъ въ Санктпетербургъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ и труденъ; лошадь дана 4 рубля, а послать туда бить челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь была у подводчика, а не у солдата, только подѣ обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ судъ не сыскалъ“ ³⁾.

¹⁾ Въ одномъ изъ списковъ *кучеру*. Г. Погодинъ полагаетъ, что вѣрно *курьеру*.

²⁾ I, 251.

³⁾ I, 44.

Еще дошло до насъ слѣдующее извѣстіе. 20-го іюля 1725 года, въ то время, какъ Посошковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и незадолго до постигшей его тамъ бѣды, его племянникъ Александръ, жившій на водочномъ его заводѣ въ Новгородскомъ уѣздѣ, Бѣжецкой пятинѣ при деревняхъ Закарасень и Матвѣевой, писалъ дядѣ подробно о хозяйствѣ его крестьянъ, и также о тѣхъ изъ нихъ, которые бѣжали изъ мѣстъ ихъ жительства, и объ отношеніяхъ Посошкова къ сосѣдямъ. Одинъ изъ этихъ сосѣдей, помѣщикъ Линевъ, приказывалъ своимъ крестьянамъ племянника Посошкова „гдѣ не изловятъ да убить до смерти“¹⁾.

При столь многосложной практической дѣятельности Посошкова, можно удивляться тому, что онъ находилъ время для литературной дѣятельности.

Его сочиненія, составленныя до 1721 года, имѣли скорѣе характеръ монографій или записокъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Развѣ только „Отеческое завѣщаніе“ можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ энциклопедическимъ трудомъ. Въ донесеніяхъ Головину и Яворскому, въ „Зерцалѣ“, въ „Денежномъ письмѣ“ 1718 года онъ останавливался на специальныхъ предметахъ и говорилъ или о монетной системѣ, или о военной администраціи, или о вѣрѣ и о ереси.

За то въ послѣднемъ изъ всѣхъ трудовъ Посошкова, въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, онъ предлагаетъ разсужденія о разныхъ вопросахъ государственнаго и общественнаго быта. Его опытность, школа жизни, чрезъ которую онъ прошелъ, доставили ему возможность писать о разныхъ предметахъ съ нѣкоторою основательностью. Искреннее желаніе оказать пользу царю и отечеству заставило его взяться за перо для представленія обширной и ярко освѣщенной картины того, что онъ видѣлъ въ Россіи, и для указанія на мѣры, необходимыя для устраненія множества вкоренившихся неудобствъ русской жизни. Онъ любилъ говорить правду и гораздо болѣе многихъ другихъ былъ въ состояніи знать о настоящемъ положеніи дѣлъ въ обществѣ. По происхожденію, отчасти по своему образованію, и безъ всякаго сомнѣнія, по образу жизни, онъ находился въ тѣсной связи съ низшими слоями общества; съ другой же стороны, его промышленныя предпріятія, его знакомство съ высоко поставленными лицами, его литературная дѣятельность давали ему возможность имѣть сношенія съ органами правительства, съ высшими кругами общества.

¹⁾ Сооб. Пекарскій въ *Зап. Ак. Наукъ* V, 243.

Находившись, такъ сказать, на государственной службѣ въ то время, когда онъ былъ при винной продажѣ въ Москвѣ, имѣя иногда спеціальныя порученія отъ правительства, Посошковъ могъ всмотрѣться нѣсколько подробнѣе въ разныя задачи администраціи, полиціи, законодательства. Для людей, умѣвшихъ вообще слѣдить за политическимъ развитіемъ Россіи въ то время, широкая и гениальная дѣятельность Петра, множество реформъ и крутыхъ мѣръ противъ разнаго рода злоупотребленій должны были представлять собою, такъ сказать, политическую школу, и именно въ этой школѣ воспитался Посошковъ. Изъ члена кружка недовольныхъ, роптавшаго въ дѣвятидесятыхъ годахъ XVII вѣка на мѣры правительства и на молодого царя, онъ превратился въ горячаго сторонника великаго преобразователя: бывший раскольникъ сдѣлался ревнителемъ православія. Однако, Посошковъ хотѣлъ большаго: онъ желалъ сдѣлаться какъ-бы сотрудникомъ Петра. Онъ считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать въ пользу Петра и Россіи, и для этой цѣли, рѣшился составить большую записку о состояніи своего отечества, Такъ произошла его „книга о скудости и богатствѣ“, сіе есть объясненіе, отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“.

Сочиненіемъ этой книги Посошковъ занимался три года „утаенно отъ зрѣнія людскаго“ и кончилъ это сочиненіе, какъ видно изъ заключительнаго обращенія къ императору Петру I, 24-го февраля 1724 года¹⁾). Въ этомъ сочиненіи заключается множество рѣзкихъ отзывовъ о тогдашнемъ бытѣ; мѣстами даже встрѣчаются доносы на нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ тогда отношеніе къ правительству. Далѣе предлагается множество важныхъ мѣръ, коренныхъ преобразованій, административныхъ распоряженій, законодательныхъ реформъ. Уже и прежде мы видѣли, что Посошковъ считалъ возможнымъ и даже вѣроятнымъ, что его мнѣніе будетъ выслушано, и его предложенія будутъ приняты. Не смотря на всѣ неудачи, не смотря на всѣ затрудненія, съ которыми онъ боролся при доставленіи своихъ сочиненій тѣмъ лицамъ, для которыхъ онѣ были назначены, Посошковъ не унывалъ и все еще надѣялся, что его выслушаютъ, что его программа будетъ приведена въ исполненіе, и что въ такомъ случаѣ все измѣнится къ лучшему, или какъ любилъ выражаться Посошковъ, что „вся Россія яко бы со сна пробудится“. Нельзя отрицать, что такія надежды свидѣтельствуютъ отчасти о нѣсколько дѣтскомъ воображеніи, и что

¹⁾ I, 259.

такой оптимизмъ можетъ казаться наивнымъ, но нельзя также не признать, что Посошковъ дѣйствовалъ подѣ внушеніемъ истинной любви въ отечеству и къ добродѣтели, что онъ желалъ составить счастье своихъ соотечественниковъ, что онъ уважалъ просвѣщеніе и образованіе и былъ неограниченно преданъ государю, представителю прогресса.

Очень часто въ своихъ трудахъ онъ говоритъ о своемъ скромномъ происхожденіи, не дававшемъ ему собственно права писать о столь важныхъ вопросахъ, разрѣшать столь трудныя задачи. Такъ, наприимѣръ, онъ говоритъ о себѣ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинтъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь“. Разсуждая въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ о самыхъ сложныхъ вопросахъ государственнаго управленія, Посошковъ пишетъ: „Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самья ради любви, юже имѣю въ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своая бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно, умолчати. И что во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробюю разрѣшиться во всѣхъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудитъ вся“.

О томъ, какъ Посошковъ самъ думалъ о своемъ предпріятіи, лучше всего можно судить, руководствуясь заключеніемъ его сочиненія: онъ пишетъ:

«И аще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьянствѣ, и о нетрудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощію Божію, безъ сумнѣнія могу рещи: еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ, и не токмо царская сокровища наполнятся; и аще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославится, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствамъ будутъ. Аминь.

«И сія мнѣнія моего изъясительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и несправностей, и о насажденіи прямиа правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обвинуясь, и предлагаю на разсужденіе единого высокопарнаго блага орла, явнаго

правдолюба, императора Всероссийскаго, Петра Великаго, истиннаго самодержца и столпа неизблемаго. О семъ же свидѣтель ни есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но тою ревностъ моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалился во мнѣ, еже никакая нужда пресѣчи не могла. Ибо аще и невелика сія книжица, обаче едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народѣ не произнеслося сіе мое предложеніе.

«И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды; понеже писахъ не слагая имъ. «Паче же да будетъ воля Божія и твоя превисшая царская воля ко мнѣ. Аминь».

«Яко аще кто восхоцетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разствуецъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему миру имать ненавистенъ бытъ».

«Всенижайшій и мизирнѣйшій рабчищъ, правды же всеусердный желатель, Иванъ Посошковъ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнимъ трудомъ восписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь»¹⁾.

«Всепресвѣтѣйшему, державнѣйшему Императору и Самодержцу всероссійскому, Петру Великому, отцу отечества, Государю Всемилюствѣйшему, доношеніе:

«Въ Россійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающихся неправды и всякихъ несправностей. Того ради и возжелалъ предъ очи Твоего Императорскаго Величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлѣхъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе. И на оныя неправды и несправности, елико ми Богъ даровалъ, мнѣнія своего изложеніе ко исправности тѣхъ неправостей и несправностей трикратное трекратіе предлагаю, а именно: первое трекратіе: о несправѣ и поправѣ духовенства, воинства и правосудія, второе трекратіе: о несправѣ и поправѣ купечества, художествъ и разбойниковъ съ бѣглецами; третье трекратіе: о несправѣ и поправѣ, яко во крестьянѣхъ, тако и во владѣніи земли безобидномъ, и о собраніи царскаго интереса многогобозвитаго».

«И на тое тречисліе написалъ трелѣтнимъ своимъ трудомъ книжицу, и нарѣвохъ ю: «Книга скудости и богатства», понеже имѣеть о себѣ изъясненіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость, и отъ чего умножится можетъ изобильное богатство, и притомъ предложихъ мнѣніемъ своимъ, какъ бы истребити изъ народа неправду и несправности, и како насадити прямую правду и во всякихъ дѣлѣхъ исправленіе и какъ бы водрузитъ любовь и безпечное житіе народное».

«И тако мнѣніе мое о помянутыхъ дѣлѣхъ лежать. Аще Богъ милостиво

¹⁾ Г. Есиповъ открылъ въ архивѣ черную просьбу, при которой Посошковъ представилъ или намѣренъ былъ представить государю свой трудъ «О скудости и богатствѣ». Тутъ еще яснѣе обнаруживаются надежды, намѣренія, взгляды, опасенія Посошкова.

прзреть на не: и Ваше Императорское Величество по настоящему царскаго провленія благоволите вступить въ ня, то я безъ всякаго сумнѣнія могу рещи: еже на вѣждный годъ при нынѣшнихъ сборѣхъ, на малой примѣръ ливни казны въ царскія сокровища милліона по три приходитъ будетъ... (Вдѣсь одинъ уголь доношенія сгнлгь, и можно прочесть только слѣдующее): ... устоять таа новая распоряженія, то легко будетъ собиратися безъ уатія предѣ... то будетъ собиратися милліоновъ и по десяти или и болши на всякій годъ... Когда измѣненія тѣмъ нерасположительнымъ дѣламъ не будетъ, то годъ отъ году... яко царское, тако и всенародное умножатися будетъ... И обиды вси истребятца, и надѣюсь на всещедрого Бога, что аще волею... обаче разныя чины, яко военныя офицеры, съ простымъ народомъ будутъ... высоко мнѣше дворяне могутъ претворитися въ кроткія... любовь и съ простымъ народомъ: понеже вси единыя державы люди есьми... любовь въ людяхъ утвердится, то мочно разумѣтъ, что Богъ на всѣхъ... призрѣниемъ и прославить насъ во весь свѣтъ славою... яко восхоцеть, понеже вся слава и богатство въ его суть руцѣ Божіей. Прощеніе же мое Величеству Твоему предлагаю.

«Ежебъ желаніе мое въ дѣло произвелось, иногожъ ничесого не требую, токмо де не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увидать о моей мизирности, то не поустать меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой. Обаче буди въ томъ воля Бога моего и воля твоего Императорскаго Величества. Яко Ти Богъ Всевидящій око во сердце положить, и Духъ Святый наставить тя, таѣъ и да будетъ. Вѣдаетъ про то Богъ, что не себя ради потрудихся въ немъ, но токмо отъ вложенія въ мя отъ Бога ревности потрудихся».

«Доносить о семъ Величества Вашего всеняжайшій рабъ Иванъ Посошковъ, пиша своеручно»¹⁾).

Посошковъ называетъ свой трудъ „девятирицею“ или „трикратнымъ трекратіемъ“. Онъ раздѣленъ на девять главъ. Въ нихъ, послѣ краткаго общаго вступленія, говорится: 1) о духовности, 2) о воинскихъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о кунечествѣ, 5) о художествѣ; 6) о разбойникахъ, 7) о крестьянствѣ, 8) о дворинѣхъ, крестьянѣхъ и земляныхъ дѣлахъ, 9) о царевомъ интересѣ.

Г. Погодинъ считаетъ названіе сочиненія „О скудости и богатствѣ“ не соответствующимъ общему содержанію и полагаетъ, что оно дано „можетъ быть, для того, чтобы съ перваго раза возбудить любопытство и привлечь вниманіе Государя, какъ къ предмету самому важному и нужному въ государственномъ управленіи, преимущественно же при обстоятельствахъ того времени“.²⁾

Дѣйствительно, это заглавіе можетъ казаться нѣсколько узкимъ. Впрочемъ вопросы хозяйственныя до того преобладаютъ въ сочиненіи,

¹⁾ II, XXVIII—XXX.

²⁾ I, стр. XVI.

что разборъ вопросовъ чисто духовныхъ, юридическихъ, военныхъ занимаетъ сравнительно мало мѣста, и даже въ главахъ о духовности, о правосудіи, о воинскихъ дѣлахъ особенное вниманіе обращается на хозяйственное положеніе сельскаго духовенства, на гибельныя слѣдствія произвола въ судѣ и расправѣ для экономическаго быта народа и на расходы при содержаніи войска. Въ сочиненіи „Зерцало“ Посошковъ останавливается на самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, на вѣрѣ и догматахъ церкви; въ „Отеческомъ завѣщаніи“, особенно въ послѣднихъ главахъ, онъ уже затрогиваетъ многіе вопросы практическіе. Сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ имѣетъ всецѣло предметомъ практику. Посошковъ могъ бы сдѣлаться такимъ же сотрудникомъ Петра въ области практической политики, какими были Виниусъ, Курбатовъ, Геннингъ, Кириловъ, Татищевъ и др. Но едва ли кто нибудь изъ послѣднихъ дѣятелей былъ бы въ состояніи написать столь важныя сочиненія, какія написалъ Посошковъ. Многіе изъ этихъ людей были опытными дѣльцами, специалистами въ разныхъ отрасляхъ техники, искусными администраторами, однако никто изъ нихъ не былъ писателемъ-экономистомъ, какимъ можно назвать Посошкова.

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что въ заглавіи своего труда Посошковъ ставитъ тотъ самый вопросъ, который встрѣчается въ заглавіи капитальнаго труда Адама Смита, явившагося полвѣкомъ послѣ составленія Посошковымъ книги „О скудости и богатствѣ“. Посошковъ спрашиваетъ „отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего робовитое богатство умножается“, а знаменитый основатель науки политической экономіи также отвѣчаетъ на „вопросъ (Inquiry) о свойствахъ и причинахъ народнаго богатства“. Посошковъ понималъ, что вещественнымъ богатствомъ отчасти обусловливается и нравственное и умственное развитіе, но что, съ другой стороны, усовершенствованіе въ нравахъ, истинное просвѣщеніе содѣйствуютъ умноженію народнаго матеріальнаго благосостоянія. Для будущности Россіи весьма важными должны были казаться реформы въ отношеніи къ быту крестьянъ, въ торговому балансу, въ обезпеченному праву на собственность и къ умноженію финансовыхъ средствъ. По мѣрѣ того какъ Россія становилась богаче, она становилась и влиятельнѣе въ ряду европейскихъ державъ, независимѣе отъ сильныхъ сосѣдей, порядочнѣе устроенною и болѣе счастливою внутри: поэтому вопросы о самыхъ необходимыхъ мѣрахъ реформы сводились къ альтернативѣ — скудость или богатство. Вотъ почему заглавіе сочи-

ненія Посошкова должно считаться вполне соответствующимъ своему характеру и содержанию.

Смѣлость, съ которою Посошковъ обратился къ государю съ своимъ сочиненіемъ, не имѣла желаннаго успѣха. Мы не знаемъ почти ничего о судьбѣ „Книги о скудости и богатствѣ“. Едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобъ она когда-нибудь попадала въ руки Петра. Если въ 1718. г. Посошковъ „за многими караульщиками“ не могъ дойти до кабинетъ-секретаря Петра, то тѣмъ менѣе вѣроятенъ успѣхъ въ стараніи Посошкова сблизиться съ самимъ государемъ.

Когда Посошковъ кончилъ свой трудъ, царствованіе Петра влилось къ окончанію. Въ началѣ 1724 года Посошковъ написалъ заключеніе книги „О скудости и богатствѣ“, а годомъ позже Петра не стало. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о жизни Посошкова въ продолженіе этого года. За то изъ нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ 1725 году, усматриваемъ, что Посошковъ находился въ прежнемъ своемъ положеніи, былъ то въ Новгородѣ, то въ Москвѣ и занимался промышленными дѣлами.

Къ ближайшему за кончиною Петра времени относится просьба Посошкова въ мануфактуръ-коллегію о позволеніи ему учредить полотняную фабрику¹⁾. Въ этомъ прошеніи Посошковъ, ссылаясь на указъ Петра и Екатерины, дозволяющій всѣхъ сословій лицамъ строить заводы, мануфактуры и фабрики, и на льготы, которыми въ подобныхъ случаяхъ пользовались учредители такихъ предпріятій, поддерживаемыхъ правительствомъ, изъявляетъ желаніе устроить „своимъ коштомъ... коломинковую и полотняную фабрику“. Посошковъ предполагалъ сдѣлать полотняныхъ пять становъ, коломинковыхъ три (въ другомъ спискѣ пять) и дѣлать „каламенки травчатой, и стофы шерстяные и камлоты и стамеди и прочія шерстяныя дѣла, какія могутъ изъ шерсти строиться, также и пополамъ съ шелкомъ мѣшанныя, а полотна широкія, гладкія и узорчатныя и пестрыди и тыки, скатерти и салфетки такимъ манеромъ, каковымъ нынѣ производится при С.-Петербургѣ на Екатерингофской мануфактурѣ“. Посошковъ не проситъ никакого денежнаго вспоможенія изъ казны, „только для перваго установленія, дондеже сдѣланы будутъ свои станы и инструменты чтобъ дати мнѣ по одѣнкѣ изъ коломинковой мануфактуры одинъ станъ травчатой, да одинъ станъ гладвой, и для кру-

¹⁾ И этотъ документъ открытъ г. Есиновымъ, см. соч. Пос. II, стр. XXX—XXXIII.

ченья гарусовъ одну мельницу со всѣми инструментами, чтобъ можно на тѣхъ станахъ ткать противъ нѣмецкихъ безъ запинки“. Далѣе онъ просить, чтобъ ему было дозволено рубить въ Новгородскомъ уѣздѣ сосновый и еловый лѣсъ „хорошный“ и „на инструменты дубовый и кленовой лѣсъ“ безошплинно и безопасно; потомъ, чтобъ ему дали на нѣсколько лѣтъ для обученія рабочихъ—по одному человѣку, изъ русскихъ мастеровыхъ людей съ Еватерингофской мануфактуры обоихъ мастерствъ, а именно „коломинкова дѣла мастера Бориса Шалескина“, съ которымъ Посошковъ уже прежде имѣлъ договоръ, а „лѣтъ полотняной ткача, и за труды ихъ Посошковъ обѣщаль платить по договору „безъ волокиты“.

Посошковъ объяснялъ въ прошеніи, что дворъ его въ Новгородѣ „не весьма пространенъ“, такъ что на немъ построить фабрику было невозможно. Поэтому онъ просилъ уступить ему на Торговой сторонѣ дворъ, на которомъ прежде дѣлались драгунскія сѣдла, и который въ продолженіе лѣтъ пяти или больше уже стоялъ безъ всякаго употребленія. Этотъ дворъ Посошковъ желалъ получить „по оцѣнѣ въ вѣчное владѣніе“. Наконецъ, онъ просилъ увольненія отъ пошлинъ при покупкѣ и продажѣ матеріаловъ и инструментовъ въ С.-Петербургѣ и Новгородѣ на десять лѣтъ, освобожденія отъ постоя „противъ (то есть, наравнѣ съ ними) другихъ такихъ же компанейщиковъ“.

Прошеніе Посошкова не имѣетъ числовой помѣты; но такъ какъ въ немъ говорится о „самодержицѣ Еватеринѣ Алексѣевнѣ“, то слѣдовательно, оно не могло быть писано до февраля 1725 года; не могло оно быть писано позже августа того же года, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ о катастрофѣ, постигшей Посошкова.

Не чуя надъ собою грозы, которая должна была разразиться надъ нимъ такъ скоро, Посошковъ въ первыхъ числахъ іюня 1725 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, съ семействомъ и съ прислугою. Сохранилась часть бумаги, въ которой Посошковъ извѣщаетъ главную полицій-мейстерскую канцелярію о томъ, что онъ прибылъ съ женой, сыномъ и крѣпостными людьми въ Петербургъ и остановился въ своемъ домѣ „на С.-Петербургскомъ острову ниже кронъ-верха въ улицѣ у мытнаго двора“¹⁾. Можетъ быть, поѣздка Посошкова въ Петербургъ имѣла цѣлью хлопотать о дозволеніи ему устроить полотняную фабрику. Ко времени этого послѣдняго пребыванія Посошкова въ С.-Петербургѣ относится еще другая бумага; 19-го іюня

¹⁾ См. соч. Посош. II. XL.

Посошковъ далъ своему человѣку видъ на свободный проѣздъ изъ Петербурга на водочный заводъ и обратно ¹⁾).

Совсѣмъ неожиданно повѣдка Посошкова и его промышленная и литературная дѣятельность—все это должно было кончиться весьма печальнымъ образомъ. Какъ видно изъ открытій, сдѣланныхъ г. Есиповымъ въ дѣлахъ государственнаго архива, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Объ этомъ мы узнали изъ слѣдующаго документа: „1725 года августа въ 26-й день, въ канцелярію тайныхъ дѣлъ взятъ подъ караулъ водочнаго дѣла мастеръ Иванъ Посошковъ, а сынъ его малолѣтній Николай въ домѣ его Ивановомъ подъ карауломъ, и письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны. При взятѣ писемъ были канцеляристъ Семень Шурловъ, лейбъ гвардіи Преображенскаго полка караульный первой роты капралъ Яковъ Яновскій, солдатъ 4 человѣка“. Бумага подписана собственною рукою извѣстнаго Андрея Ивановича Ушакова.

За чѣмъ былъ арестованъ несчастный Посошковъ—въ дѣлахъ нѣтъ никакого указанія. Слѣдующія обстоятельства однако заставляютъ насъ считать весьма вѣроятнымъ, что катастрофа Посошкова состояла въ связи съ его литературною дѣятельностью.

Вопервыхъ, при арестованіи Посошкова особенное вниманіе было обращено на бумаги, находившіяся у него: „письма изъ того дому взяты въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“. Такъ обращаются съ человѣкомъ, считающимся политическимъ преступникомъ. Вторыхъ, весьма важнымъ кажется слѣдующій эпизодъ. Черезъ три дня послѣ арестованія Посошкова, именно 29-го августа 1725 г., одного подъячаго, замѣшаннаго въ дѣлѣ Новгородскаго архіепископа Θεодосія, допрашивали въ тайной канцеляріи: имѣеть ли онъ у себя бывшаго Новгородскаго архіепископа Θεодосія какія книги, *въ томъ числѣ книгу изданія Ивана Посошкова, зовомую скудость съ богатствомъ*? Подобные вопросы въ тайной канцеляріи, сколько по соображенію съ другими дѣлами судить можно, дѣлались только въ такомъ случаѣ, если какое-нибудь сочиненіе подвергалось преслѣдованію канцеляріи. Шишкинъ отвѣчалъ: Θεодосіевыхъ книгъ у него, Шишкина, въ томъ числѣ и помянутой книги *скудости съ богатствомъ*, никогда не было и нынѣ нѣтъ. Тѣмъ и покончили. Шишкина отпустили изъ-подъ ареста, а Посошковъ все сидѣлъ въ тюрьмѣ.

¹⁾ Записки Ак. Наукъ, V, стр. 243.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. къ тюремному заключенію присоеди-
нилось для Посопшкова еще новое горе. Зять его, полковникъ Киев-
скаго гарнизона, по фамиліи Роде, подалъ императрицѣ Екатеринѣ
жалобу на Посопшкова, что онъ обѣщаль выдать дочери своей Пела-
геѣ, при замужествѣ ея, въ награжденіе 1000 р. деньгами, да дерев-
ню, да приданого на 300 р. Но за то, что *мужъ не російской нации*
и приказныхъ дѣлъ не знаетъ, Посопшковъ будто бы не исполниль обѣ-
щанія. 11-го октября подалъ Роде прощенье, и въ тотъ же день Посоп-
шкова привели изъ тюрьмы *скованнаго*, къ допросу въ тайную канцеля-
рію. Посопшковъ началъ съ того, что разказаль обстоятельно, когда
приобрѣлъ онъ дома и деревни покупкою и отъ кого именно. Потомъ
онъ объяснилъ Андрею Ивановичу Ушакову, присутствовавшему въ
тайной канцеляріи, что дочь его Пелагея была сперва замужемъ за
подполковникомъ Воронежскаго гарнизона Барыковымъ, и что онъ ей
отдалъ въ приданое все сполна, что обѣщаль. Барыковъ умеръ въ
1723 году, и послѣ того онъ ни 1000 р., ни деревень, ничего про-
чаго дочери не обѣщалься давать; а дочь его за полковника Роде
вышла замужъ въ апрѣлѣ 1725 года *безъ ея вѣдома*, и полковнику
Роде ничего не обѣщалься¹⁾. Въ какой мѣрѣ Посопшковъ въ обра-
щеніи съ Барыковымъ и Роде былъ правъ или виноватъ—мы не знаемъ.

Между тѣмъ Посопшкова отвели опять въ крѣпость, а 16-го ноября
изъ тайной канцеляріи сообщили вотчинной коллегіи, чтобы „недви-
жимаго имѣнія Ивана Посопшкова по купчимъ и по закладнымъ отъ
его Иванова имени и отъ прочихъ его фамиліи впредь ни за кѣмъ
не записывать, также и купчихъ и закладныхъ на оныя имѣнія у
крѣпостныхъ дѣлъ не писать, понеже онъ Посопшковъ явился въ *важ-
ной криминальной винѣ*“. 9-го января 1726 года просьбу Роде, съ
подробными справками о всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, доложили
Екатеринѣ, и она указала: „то недвижимое имѣніе, кромѣ дворовъ
Петербургскаго и Новгородскаго, отдать дочери Посопшкова, жемъ
полковника Роде, Пелагеѣ, въ награжденъ“.

Не долго послѣ этого томился въ Петропавловской крѣпости со-
чинитель книги „О скудости и богатствѣ“. Силы несчастнаго исто-
щились и онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Тутъ онъ еще, какъ
мы выше замѣтили, сообщилъ своему духовному отцу нѣкоторыя дан-

¹⁾ См. II ч. соч. Пос. стр. XXXIV — XXXV. Отчасти эти данныя были
известны г. Устрялову при составленіи его сочиненія о Петрѣ Великомъ; онъ
разказываетъ, что «Посопшковъ обманулъ перваго зятя приданымъ, разсорился
по тому же поводу со вторымъ».

ныя о своемъ состояніи, о своихъ должникахъ и кредиторахъ. Объ этомъ дѣлѣ составлена бумага, которую Посошковъ - колодникъ ¹⁾ подписалъ *дрожащею рукою*. 1-го февраля 1726 года, неполадни въ девятомъ часу, Посошковъ умеръ и погребенъ, по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви Самсона Страннопримца. Гониміе на Посошкова не прекратилось съ его смертію. Черезъ десять лѣтъ еще доправлялась съ его наслѣдниковъ недоимка ²⁾).

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Посошковъ просилъ Петра хранишь тайно его мысли: „дабы имя мое современно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды“. Далѣе онъ говоритъ: „Ежели бѣ желаніе мое въ дѣло произвелось, иного ничесого не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ, и любителямъ неправды. Понеже не похлѣбуя имъ писахъ, а аще увѣдать о моеи мизирности, то не поустать меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратить животъ мой“. „Нѣтъ, не укрылось видно“, замѣчаетъ г. Погодинъ, — „это имя отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды, „отъ ненавистныхъ и завистливыхъ людей“, и нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовнаго преступленія, и заключили они гениальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина, за его общепользныя предложенія, въ крѣпость, и надѣли ему на руки и на ноги тяжелыя кандалы, — и умеръ несчастный, вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпами на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземельной или подводной темницы!“

Издатель сочиненій Посошкова въ теплыхъ выраженіяхъ оплакиваетъ горькую судьбу его — „павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, вслѣдствіе козней отъ невѣжъ, не умѣвшихъ понять его мыслей и оцѣнить его заслугъ. Не поняли его современники, осудили на мучительную позорную смерть, позабыли холодные, неблагодарные потомки и даже усомнились въ его существованіи, сочи миломъ!“

Г. Погодинъ имѣетъ полное основаніе гордиться изданіемъ важнѣйшихъ сочиненій Посошкова. „Приятна моему самолюбію“, говоритъ онъ, — „сознаюсь откровенно, мысль, — что меня Богъ привелъ помянуть

¹⁾ «Колодникомъ» онъ названъ въ бумагѣ о допросѣ его 11-го октября, въ которомъ онъ сообщалъ подробности о своемъ состояніи. Эта бумага сообщена г. Пекарскимъ, см. соч. Пос. II. XXXVIII.

²⁾ См. бумагу объ этомъ дѣлѣ, во II ч. соч. Пос. стр. XLII; издана П. И. Иванонымъ въ *Москвитянинѣ*.

доброе страданіе, исторгнуть славное русское имя из забвенія“. Неизья не раздѣляетъ также предположенія г. Погодина, — хотя и гипотетическаго впродѣ до отысканія новыхъ новыхъ доказательствъ, — что катастрофа Посошкова была слѣдствіемъ сочиненія имъ „Книги о скудости и богатствѣ“.

Первое архивное извѣстіе, которое относится къ Посошкову, по-казываетъ намъ его въ столичномъ съ правительствомъ, въ 1697 году по случаю бесѣдъ въ кружкѣ монаха Аврамія. Послѣднія архивныя извѣстія о немъ, отъ 1725 года, также представляютъ его намъ въ тюрьмѣ. Въ продолженіе этого тридцатилѣтія многое совершилось въ Россіи, а также и въ жизни Посошкова. И Россія измѣнилась въ это время, и онъ самъ. Въ началѣ этого періода онъ былъ въ разладѣ съ церковью и съ государемъ, къ концу его онъ принадлежалъ къ ревнителямъ православія и къ числу учениковъ и сотрудниковъ Петра.

Его дѣятельность оставалась долго не замѣченною. Его сочиненія существовали лишь въ частныхъ рукахъ и въ немногихъ спискахъ. Его предложенія долго оставались безъ исполненія. Память о немъ почти исчезла. Пора однако всмотрѣться подробнѣе въ умственную жизнь этого крестьянина-писателя и опредѣлить значеніе ея въ развитіи идей и учреждений не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ.

Иванъ Посошковъ какъ экономистъ.

Въ новѣйшее время историографія болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе на умственное развитіе, на успѣхи различныхъ отраслей знанія. Пишется исторія отдѣльныхъ наукъ. Особеннымъ вниманіемъ пользовалось, впрочемъ, гораздо болѣе со стороны экономистовъ чѣмъ со стороны историковъ въ тѣсномъ смыслѣ, развитіе науки о хозяйствѣ. Существуетъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ по исторіи политической экономіи, какъ-то сочиненія: Бланки (Blanqui) „Histoire de l'économie politique“, Бланкини (Blanchini) „Della scienza del ben vivere sociale e della economia degli stati“, Вильнева-Баржемона (Villeneuve - Bargemont) „Histoire de l'économie politique“, Книеса (Knies) „Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode“, Кауца (Kautz) „Die geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomie und ihrer Literatur“, труды Рошера, Вискеманна, Ласпейреса и пр. Самымъ богатымъ свѣдѣніями трудомъ въ этомъ отношеніи должно считать весьма объемистое, вышедшее въ 1874 году, сочиненіе Рошера „Geschichte der Nationalökonomie in

Deutschland“ (München, 1874. 1085 стр.). Уже прежде явившись нѣкоторыя монографіи этого достойнаго и отличающагося особенно многостороннимъ историческимъ образованіемъ ученаго, по предмету исторіи политической экономіи. Замѣчательнѣйшею работою такого рода можно считать его сочиненіе „Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre“. Въ другомъ трудѣ онъ даже обратилъ вниманіе на исторію политической экономіи въ Россіи. Въ монографіи „Die deutsche russische nationalökonomische Schule“¹⁾ онъ, между прочимъ, подвергаетъ болѣе или менѣе подробному разбору политико-экономическія воззрѣнія Христіана Шлёцера, Гейнриха Шторха, Канкринна. У насъ явился замѣчательный трудъ В. П. Безобразова: „De l'influence de la science économique sur la vie de l'Europe moderne“²⁾.

Въ исторіи политико-экономическихъ понятій вообще и литературы науки о хозяйствѣ въ Россіи въ особенности Иванъ Посошковъ занимаетъ довольно видное мѣсто. Значеніе его трудовъ въ ряду сочиненій такого рода еще недостаточно опредѣлено, хотя и нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, г. Лешковъ и даже Рошеръ въ своихъ трудахъ упоминаютъ о Посошковѣ.

Мы избрали себѣ задачею подвергнуть разбору взгляды Посошкова на различныя отрасли народнаго хозяйства. Хотя нѣкоторыя высказанныя имъ мысли не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія новѣйшихъ результатовъ политико-экономической догматики, такіе ошибочные взгляды, предрасудки и теоретическіе промахи далеко не лишены историческаго интереса. Они, напротивъ, показываютъ намъ, какимъ путемъ мало по малу и постепенно достигается нѣкоторая ясность въ обсужденіи экономическихъ явленій. Неправедливо замѣчаетъ Ж. Б. Се (Say), что не слѣдуетъ терять время на занятія разборомъ отсталыхъ, смѣшныхъ и невѣрныхъ теорій и что поэтому исторія каждой науки сокращается по мѣрѣ усовершенствованія ея³⁾. За то нельзя не согласиться съ изреченіемъ философа Риттера: „Никогда не должно забывать, что въ наукахъ мы не иначе какъ посредствомъ предварительныхъ работъ прежнихъ временъ достигаемъ той степени знанія, откуда можемъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію науки; что намъ не слѣдуетъ забывать того, чему мы учились прежде и что ничто не созрѣваетъ внезапно“⁴⁾.

¹⁾ Въ *Физиологическо-историческихъ запискахъ королевскаго Саксонскаго общества* 12-го декабря 1870 г.

²⁾ Mémoire lu à l'Académie Impériale de S.-Petersbourg 5 mai 1867.

³⁾ *Kautz* I. с. стр. 8.

⁴⁾ *Kautz* I. с. стр. 14.

Развитіе науки о хозяйствѣ на западѣ до XVIII вѣка.

Условія успѣшнаго развитія политической экономіи были различны у различныхъ народовъ западной Европы. Чѣмъ успѣшнѣе слагались экономическая дѣятельность, народное благосостояніе въ какомъ-либо государствѣ, чѣмъ болѣе въ немъ цѣнился трудъ, чѣмъ удачнѣе тамъ развивались торговля, промышленность и земледѣліе, тѣмъ скорѣе вниманіе ученыхъ и писателей обращалось на такого рода явленія для изученія условий, причинъ, законовъ, свойства народнаго богатства.

Въ древности удивленіе народовъ, отсутствіе сообщенія между ними, пренебреженіе трудомъ вслѣдствіе рабства и раздѣленія общества на касты не благоприятствовали развитію науки о хозяйствѣ. И въ среднихъ вѣкахъ ограниченность интересовъ, неразвитость промышленнаго быта, односторонность міросозерцанія, находившагося подъ прямымъ влияніемъ церкви, отсутствіе болѣе значительныхъ размѣровъ государственнаго хозяйства или финансовъ — все это не могло быть выгоднымъ условіемъ для развитія политико-экономической литературы. За то вѣкъ гуманизма, обращеніе вниманія на матеріальное благосостояніе, роскошь, бывшая въ ходу въ высшихъ и среднихъ классахъ общества въ Италіи въ концѣ эпохи среднихъ вѣковъ, чрезвычайно успѣшное развитіе торговли и промышленности въ главныхъ городахъ Италіи, постепенный переходъ отъ натурального хозяйства, господствовавшаго въ средніе вѣка, къ денежному хозяйству въ позднѣйшее время, преобладаніе политическихъ интересовъ въ международныхъ сношеніяхъ и обусловливавшееся этимъ самымъ значеніе финансовъ и хозяйственной полиціи — вотъ что привлекло большее вниманіе на явленія народной экономіи. Такимъ образомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ у Италіянцевъ изучали теорію денежнаго обращенія, у Англичанъ — главныя явленія торговли, колоніальной политики и теоріи цѣнъ, у Французовъ — важнѣйшія правила торговой полиціи, у Нѣмцевъ — теорію государственнаго хозяйства или такъ-называемыя камеральныя науки.

Ранѣе чѣмъ у другихъ народовъ, именно у Италіянцевъ встрѣчается цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по политической экономіи, очевидно потому, что у нихъ, — въ Венеціи, Генуѣ, Флоренціи и пр., — купцы и фабриканты были въ то же время и меценатами, и политическими дѣятелями, и учеными, потому что въ Италіи обращались большіе капиталы, потому что тамъ участіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ считалось дѣломъ достой-

нымъ людей и высшихъ званій, потому что итальянскіе банкиры, бывши кредиторами европейскихъ государей, имѣли прямое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ вообще. Въ Италіи рѣшше чѣмъ во многихъ другихъ странахъ являются кредитныя учрежденія, купеческіе флоты, систематическія мѣры со стороны правительства для обезпеченія интересовъ народнаго хозяйства, колониальная система (венеціанскія колоніи на Балканскомъ полуостровѣ, генуезскія на берегахъ Чернаго моря), интенсивное сельское хозяйство, садоводство, въ частной жизни роскошь и комфортъ, неслыханныя въ другихъ странахъ Европы. То же самое довольство и богатство, которое въ картинахъ Тиціана, Тинторетто или Павла Веронезе удивляютъ насъ пышностью матерій, драгоценныхъ камней, изяществомъ сосудовъ, рѣдкостью блюдъ; тѣ же матеріальныя средства, которыми объясняется собраніе частныхъ и публичныхъ библиотекъ и музеевъ должны были подготовить и политико-экономическую литературу.

Уже въ сочиненіяхъ Макіавелли замѣтна необыкновенная ясность въ обсужденіи экономическихъ явленій ¹⁾. Мѣткія и новыя для тогдашняго времени замѣчанія о теоріи денегъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Скаруффи (Scaruffi, Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro e l'argento. 1582), Даванцати (Davanzati, Lezione delle monete. 1588), Серра (Antonio Serra, Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere. 1613), Монтанари (Trattato mercantile della moneta, — Breve trattato del valore delle monete in tutti gli Stati. 1680) ²⁾ и пр.

Совершенно сообразно съ этими явленіями въ Италіи и въ Нидерландахъ въ продолженіе XVI и особенно XVII вѣка долженъ былъ явиться цѣлый рядъ работъ, относящихся къ политической экономіи. Эта литература существовала въ Голландіи, долгое время не будучи извѣстною въ другихъ странахъ. Остроумно Рюмеръ замѣчаетъ въ этомъ отношеніи: „Совершенно также какъ астрономы, еще не видя самой планеты, по одному вычисленію предполагаютъ ея существованіе и опредѣляютъ мѣсто ея нахождения, а всегда былъ того мнѣнія, что чрезвычайно развитое народное хозяйство въ Нидерландахъ не могло не породить тамъ богатыхъ результатовъ науки политиче-

¹⁾ См. монографію *Линса* о Макіавелли.

²⁾ См. соч. *Kautz'a*, Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomik, Wien. 1860, стр. 264, 265, 333.

свой экономіи“¹⁾. Изысканія Этьена Ласпейреса²⁾ вполнѣ оправдали предположенія знаменитаго экономиста-историка. Дѣйствительно, то значеніе, которое имѣли сначала Антверпенъ, затѣмъ Амстердамъ во всемірной торговлѣ, развитіе колониальной системы и въ Азій и въ Америкѣ, громадныя денежныя спекуляціи, борьба противъ Испаніи сначала, противъ Англіи и Франціи впослѣдствіи, борьба, въ которой играли большую роль соображенія торговой полиціи, большіе размѣры рыболовства, мануфактуры и пр.—все это по необходимости заставляло Нидерландцевъ изучать вопросы теоріи денегъ, теоріи торговли, торговаго баланса, налоговъ, колониальной пошрины и пр. Такъ, напримѣръ, Усселинксъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ своихъ подвергалъ разбору вопросы, относившіеся къ вестиндской компаніи; такъ Питеръ де-ла-Куръ (de la Court) писалъ противъ монополіи въ пользу свободы торговли, Грасвинкель писалъ о свободѣ торговли хлѣбомъ, Жанъ де-Витъ обсуждалъ нѣкоторыя явленія изъ области кредита и денежнаго обращенія и пр.³⁾.

Еще гораздо важнѣе было развитіе политической экономіи въ Англіи, гдѣ также необычайно быстрый и успѣшный прогрессъ въ экономической дѣятельности народа привлекъ вниманіе на теорію хозяйства. Англія, еще въ началѣ XVI вѣка находившаяся въ области торговли и промышленности въ нѣкоторой зависимости отъ ганзейскихъ городовъ, въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣковъ чувствовавшая превосходство Нидерландовъ въ отношеніи къ колониальной системѣ и ко всемірной торговлѣ, во время царствованія королевы Елисаветы, затѣмъ во время диктатуры Кромвеля, наконецъ, при королѣ Вильгельмѣ III, столь успѣшно расширила кругъ своей экономической дѣятельности, что достигла безусловно перваго мѣста въ ряду народовъ по отношенію къ народному богатству. Слѣдствіемъ этого было чрезвычайно успѣшное развитіе науки о хозяйствѣ въ Англіи. До настоящаго времени Юмъ, Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо занимаютъ самое видное мѣсто въ исторіи этой науки вообще. Но не только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ Англія была наставницею материка Европы въ этомъ отношеніи: уже въ XVI столѣтіи тамъ встрѣчается цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, имѣвшихъ нѣкоторымъ образомъ всемірное значеніе. Особенно тща-

¹⁾ Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland. München. 1874, стр. 222.

²⁾ Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer, von Etienne Laspèyres. Leipzig, 1863.

³⁾ См. соч. Ласпейреса, стр. 59, 89, 205, 247 и слѣд.

тельному разбору подвергали въ Англіи вопросъ о пониженіи цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ Латимеръ (Latimer) и Стаффордъ (Stafford); о соперничествѣ Англіи съ Голландіею весьма остроумно и дѣльно писали Вальтеръ Ралей (Walter Raleigh) и Вильямъ Темплъ (William Temple); въ общетеоретическихъ вопросахъ философъ Вемонъ и еще болѣе Локкъ могутъ быть названы достойными предшественниками Адама Смита; о состояніи англійской торговли, отчасти въ духѣ меркантилизма, писали Мунъ (Mun), Чайльдъ (Child); защитникомъ свободы торговли былъ Нортъ (North); основателемъ новой науки, такъ называемой политической ариметики, явился Петти (Petty) и пр. ¹⁾

Не столь богата писателями-экономистами до XVIII вѣка была Франція, гдѣ, впрочемъ, Боденъ (Bodin) въ XVI столѣтіи можетъ быть названъ однимъ изъ гениальнѣйшихъ ученыхъ всѣхъ временъ на этомъ поприщѣ ²⁾; на ряду съ нимъ нельзя не упомянуть также о Ватвилѣ (Montchrétien sieur de Wattewille) ³⁾. Число писателей-экономистовъ во Франціи становится гораздо болѣе значительнымъ въ XVIII столѣтіи. Сюда относятся Сюлли (Sully), Буагильберъ (Boisguillebert), Вобанъ (Vauban), Монтескье (Montesquieu), физиократы и проч.

Въ Италіи, Голландіи и Англіи преимущественно удачное развитіе народнаго хозяйства породило политико-экономическую литературу еще до XVIII вѣка. Во Франціи, напротивъ, страданія народа именно въ области хозяйства, невозможность дальнѣйшаго существованія до-революціонныхъ учреждений, тормозившихъ экономическое развитіе народа и государства, вызвали не ранѣе какъ въ XVIII вѣкѣ цѣлый рядъ экономическихъ сочиненій, предлагавшихъ критику хозяйственнаго быта этой страны.

Печальное положеніе, въ которомъ находилась Германія, особенно въ XVIII столѣтіи въ политическомъ отношеніи, оказывало весьма неблагоприятное вліяніе на экономическій бытъ германскаго народа. Раздѣленіе этой страны на множество государствъ имѣло слѣдствіемъ, между прочимъ, нѣкоторую анархію въ области денежнаго обращенія; страшныя событія тридцатилѣтней войны лишили Германію значительной доли ея населенія и ея капиталовъ. И въ политическомъ и въ хозяйственномъ отношеніи Германія находилась въ зависимости отъ со-

¹⁾ См. соч. Рошера: «Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre». Leipzig, 1851, стр. 14, 18, 31, 125, 36, 93, 44, 58 и пр.

²⁾ О Боденѣ см. соч. Кока въ *Zeitschrift für Staatswissenschaften*.

³⁾ *Kautz*, I. c. II, 251 и слѣд.

сѣднихъ странъ. Въ XVI столѣтіи вниманіе замѣчательнѣйшихъ ученыхъ и писателей Германіи было обращено главнымъ образомъ на религиозные вопросы. Развѣ мимоходомъ и какъ бы случайно гуманисты и реформаторы въ своихъ сочиненіяхъ затрогивали вопросы народнаго хозяйства. Лютеръ, Гуттенъ, Себастьянъ Франкъ, Эразмъ и пр. не заслуживаютъ названія экономистовъ, хотя все то, что въ сочиненіяхъ ихъ относится въ политической экономіи, въ послѣднее время не разъ служило предметомъ монографическаго изученія ¹⁾). Весьма дѣльными разсужденія о теоріи денегъ, впрочемъ, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ брошюрахъ XVI и XVII столѣтій ²⁾). Замѣчательными писателями по теоріи и статистикѣ народнаго и государственнаго хозяйства въ XVII столѣтіи въ Германіи были между прочимъ: Конрингъ (Conring) ³⁾, Секкендорфъ, Марпергеръ, Борницъ и др., хотя, ихъ труды не сдѣлались тогда общеизвѣстными и почти безъ исключенія не имѣли вліянія на развитіе политической экономіи вообще.

За то государственные люди, законодатели и администраторы, короли и министры въ продолженіе XVII вѣка, а еще болѣе въ продолженіе XVIII-го, были наставниками народовъ въ области политической экономіи. Въ періодъ просвѣщеннаго абсолютизма государи и правители заботились тщательно о благосостояніи народовъ столько же, сколько они должны были принимать мѣры для обезпеченія интересовъ казны. Рѣшенія этихъ задачъ заставило ихъ заниматься теоріею экономіи. Весьма часто предписанія правительствъ, полицейскія распоряженія, законы и пр. сопровождаются разсужденіями о свойствахъ и условіяхъ народнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ Кольберъ (Colbert) можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ экономистовъ XVII вѣка. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I въ своихъ наказахъ чиновникамъ иногда преподавалъ подробно главныя основанія науки о хозяйствѣ ⁴⁾).

¹⁾ См. сочиненія *Вискеманна*: «Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationalökonomischen Ansichten», Leipzig, 1861; *Шмоллера*: «Zur Geschichte der nationalökonomischen Ansichten in Deutschland während der Reformationsperiode», въ журналѣ *Zeitschrift für Staatswissenschaften* 1860; *Рошера* новѣйшее сочиненіе и пр.

²⁾ *Рошера*, стр. 110 и слѣд.

³⁾ См. монографію *Вредена* о Конрингѣ.

⁴⁾ *Рошера*, стр. 340: «Homer nennt die Könige Volkshirten, im Zeitalter der vorzugsweise absoluten Monarchie können sie mit noch grösserem Rechte Volkshirthe heissen». О Кольберѣ см. соч. *Клемана* (Clement) о Фридрихѣ Вильгельмѣ I см. *Рошера*, 361.

Наука о хозяйствѣ въ Россіи до Посошкова.

Допетровская Россія въ области науки и литературы весьма мало находилась подъ вліяніемъ Запада. Политико-экономическія теоріи въ прочихъ странахъ Европы въ то время не могли сдѣлаться достояніемъ русскаго общества. Посошковъ не былъ знакомъ съ политико-экономическою литературою Италіи, Англій, Голландіи и пр. За то онъ могъ находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Запада въ этомъ отношеніи, во первыхъ, чрезъ посредство Петра Великаго, бывшаго ученикомъ Европы именно въ области народнаго хозяйства, а во вторыхъ, отчасти чрезъ наблюденіе за правами иностранцевъ, находившихся въ Россіи. Что же касается до развитія политической экономіи въ Россіи до Посошкова, то русская литература на этотъ счетъ далеко не богата произведеніями хотя бы сколько-нибудь замѣчательными. Можно упомянуть лишь о Домостроѣ и о сочиненіяхъ Юрія Крижанича.

Неудачное развитіе теоріи хозяйства въ Россіи легко объясняется медленнымъ и находившимся въ невыгодныхъ условіяхъ умственнымъ развитіемъ русскаго общества вообще, и печальнымъ экономическимъ положеніемъ, въ которомъ оно находилось, въ особенности. Рабство въ низшемъ классѣ, отсутствіе просвѣщенія въ среднемъ, если только можно говорить о существованіи такого средняго класса, праздность и презрѣніе труда въ высшемъ классѣ, монополіи разнаго рода, останавливавшія промышленную и торговую дѣятельность народа на каждомъ шагѣ, зависимость отъ иностранныхъ купцовъ и фабрикантовъ, насиліе и невниманіе къ интересамъ народа со стороны администраціи, неуваженіе къ частной собственности, постоянно повторявшіеся набѣги Татаръ на значительную часть Московскаго государства, преобладаніе натурального хозяйства, отсутствіе правильно устроенныхъ путей сообщенія, незнакомство со свойствами кредита и кредитныхъ учреждений—все это препятствовало успѣшному развитію политико-экономической литературы. Изъ двухъ литературныхъ памятниковъ, упомянутыхъ нами, первый—Домострой—хотя и имѣетъ совершенно національный характеръ, но заключаетъ въ себѣ лишь сдѣдныя и одностороннія свѣдѣнія относительно главныхъ явленій народнаго хозяйства. Другой же памятникъ—сочиненія Крижанича—хотя и представляетъ собою необыкновенное богатство мыслей о теоріи хозяйства, не можетъ быть названъ трудомъ, относящимся собственно къ русской

литературѣ, а скорѣе можетъ считаться прямымъ плодомъ просвѣщенія Запада.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ авторы Домостроя и Юрій Крыжаничъ нѣкоторымъ образомъ были предшественниками Посожкова въ исторіи политической экономіи, то мы не можемъ не указать на значеніе этихъ двухъ явленій въ исторіи науки о хозяйствѣ въ Россіи.

Домострой.

То, что въ Домостроѣ относится къ духовному быту, скорѣе можетъ считаться результатомъ вліянія не русской (напримѣръ, византійской) литературы, чѣмъ тѣ части этого сочиненія, которыя относятся къ экономическому быту. Главы объ устройствѣ дома, о рукодѣліи, занятіяхъ прислуги, сохраненіи въ порядкѣ запасовъ, платьѣ и ѣдѣ, о садоводствѣ и проч.—все это представляетъ намъ картину чисто-русскаго хозяйственнаго быта. Мы знакомимся здѣсь съ нравами и обычаями зажиточнаго класса русскаго общества.

Характеристическая черта этой экономической дѣятельности русскаго зажиточнаго человѣка заключается не въ производствѣ, а въ потребленіи. Трудъ не обращается на добываніе, а на сохраненіе богатства. Веденіе хозяйства ставитъ главною задачею надзоръ за илуществомъ. Мелочность, съ которою говорится весьма подробно объ обязанностяхъ хозяина и хозяйки именно въ отношеніи къ наблюденію за тѣмъ, чтобы ничто не пропадало, не было похищено, не испортилось, производитъ нѣсколько неблагоприятное впечатлѣніе на читателя особенно потому, что на ряду съ этимъ почти вовсе не говорится объ экономической дѣятельности съ цѣлью производства. О торговлѣ и промышленности для не-домашняго употребленія, для рыночной мѣры во всемъ сочиненіи нѣтъ ни слова. Громадное большинство населенія работаетъ почти исключительно для непосредственнаго потребленія меньшинства. Это меньшинство—богатый классъ, располагающій гораздо болѣе значительными запасами, чѣмъ необходимо имѣть для собственнаго потребленія, должно посвятить весьма много времени и труда на надзоръ за запасами и надъ прислугою.

Домашнее хозяйство, имѣющее большіе размѣры, въ этомъ сочиненіи является какъ нѣчто совершенно готовое, неспособное къ дальнѣйшему развитію. Неподвижность, застой, консерваторство — вотъ характеристическія его черты.

Сложность организма этого домашнего хозяйства, многочисленность рабочих силъ, трудящихся въ немъ неуспынно съ утра до ночи, трата времени со стороны хозяина и хозяйки—не соответствуютъ вовсе ничтожной цѣли, заключающейся лишь въ томъ, чтобы всѣ были сыты и одѣты. Всѣ до того заняты приготовленіемъ пищи для ежедневнаго употребленія, содержаніемъ въ надлежащемъ порядкѣ одежды, что при такихъ условіяхъ никакъ нельзя думать о занятіи какою-либо отраслью промышленности или торговли.

Хотя и можно предполагать, что авторъ „Домостроя“ хотѣлъ ограничиться характеристикою домашняго хозяйства, и вовсе не считалъ своею задачею представить намъ картину народно-экономическаго быта, однако, это сочиненіе производитъ на насъ впечатлѣніе, будто въ то время не существовало понятія объ общенародномъ хозяйствѣ, будто не было никакой связи между отдѣльнымъ хозяйствомъ одного семейства и народно-хозяйственнымъ организмомъ. Богачъ сидѣлъ дома и не заботился о хозяйствѣ внѣ дома, не имѣлъ никакихъ связей, никакихъ текущихъ счетовъ. Денежное хозяйство было мало развито, кредитъ почти вовсе не существовалъ; не было взаимности, солидарности, сообщенія между различными формами хозяйства, напримѣръ, между частными хозяйствами и казною. Хотя и въ „Домостроѣ“ мимоходомъ говорится о платежѣ налоговъ или о раздачѣ милостыни бѣднымъ, мы все-таки ничего не узнаемъ при этомъ о государственномъ хозяйствѣ или о призрѣніи бѣдныхъ вообще.

Въ такой исключительной заботливости о домашнемъ хозяйствѣ прглядываетъ нѣкоторый эгоизмъ, производящій, какъ мы уже замѣтили, на читателя весьма неблагоприятное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе упомянутое сочиненіе имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи теоріи хозяйства. Въ отношеніи къ теоріи потребленія здѣсь преподаются нѣкоторыя общія и полезныя правила.

Такъ, напримѣръ (на стр. 76), говорится о необходимости соразмѣрять расходъ съ доходомъ: „А кто не рассудя и не смѣтя своего живота, и промыслу, и добытву или государсваго жалованія, и своего уроку, и учнетъ, глядя на людей, жити не по силѣ, завмудя или не праведнымъ имѣніемъ, — и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ, и укоризною и поношеніемъ; и во злое время никто ему не поможетъ“ и т. д. Въ другихъ мѣстахъ говорится о необходимости записывать всѣ расходы самымъ подробнымъ образомъ. На стр. 115-й

„Домострой“ совѣтуєть „всякіе оброки платити, а никакихъ государевыхъ податей на себѣ не задерживати, не конити вдругъ, а платити рашѣе до сроку“, и проч. Вездѣ преподается строгая правильность при веденіи хозяйства. Но бухгалтерія заключается не въ веденіи текущихъ счетовъ, а въ исправномъ содержаніи всѣхъ видовъ домашняго инвентаря.

Такимъ образомъ характеръ домашняго хозяйства въ „Домострой“ заключается въ неподвижности, застоѣ. Нѣтъ жизни, развитія, прогресса, потому что нѣтъ труда, обращеннаго на производство. Обеспеченіе будущности заключается исключительно въ заблаговременномъ приобрѣтеніи запасовъ. „Домострой“ совѣтуєть покупать товаръ и ненужный, лишь бы цѣна ему была дешева. На стр. 124: „А всякой товаръ и запасъ, коли ему навозъ всякому товару; а дешево, хотя не надобе, а въ ту пору купи и свою нужду исполнишь, а чего запасено слишкомъ, на томъ деньги будутъ съ прибылью“. На стр. 113: „Коли чему навозъ, и чего много и дешево у приѣзжихъ людей, и у христіанъ, въ тѣ поры и закунай на весь годъ; ино у рубля четверть сбудется, а у десяти рублевъ потому же, а у закущика дороже купити; а не въ пору купити, ино и двои денги дати, а нелюбое купишь, коли чего нѣтъ, а надобе“ и пр.—Все это повторяется въ другихъ мѣстахъ нѣсколько разъ. Весьма любопытенъ слѣдующій совѣтъ при рожденіи дочери: „съ торгу ей выть наивънати, а въ деревнѣ по тому же или животину растить ей съ приплодомъ, и отъ ея выти, что Богъ пошлетъ, купить полотна и ущны, ширины и убрусы и рубашки, по всякъ годъ и кладетъ во причесной сундукъ или въ коробья: платіе, и саженіе и маниста, и суды оловянные, и мѣдьяные, и деревянные; и прибавляя по немножку всегда, на всякъ годъ и пр.“

При такомъ образѣ дѣйствій, разумѣется, не принимается въ соображеніе потеря процентовъ на капиталы, затраченные на покупку всѣхъ этихъ предметовъ, что, впрочемъ, въ то время, при отсутствіи кредитныхъ учреждений, сберегательныхъ кассъ, не могло считаться особеннымъ ущербомъ. Далѣе, однако, не принимается во вниманіе трудъ администраціи по надзору за этими запасами, часто повторяющіяся ревизіи всѣхъ этихъ предметовъ, мѣры необходимыя для ихъ сбереженія, сохраненія отъ разныхъ видовъ порчи. Наконецъ, въ третьихъ, не принята въ соображеніе потеря чрезъ порчу нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, болѣе чѣмъ вѣроятную въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Осторожность, ограниченность экономическо-теоретическихъ суждений въ „Домострой“ объясняется слабымъ развитіемъ народнаго хозяйства, напримѣръ, слабымъ развитіемъ раздѣленія труда. Множество предметовъ потребления, вполнѣдствіи покупаемыхъ на рынкѣ, въ то время должны были производиться дома. Домашнее хозяйство было нѣкоторымъ образомъ микрокосмомъ. Отсюда относительно мало оживленная мѣна, слабое развитіе промышленности и торговли. Отсюда и невниманіе къ теоретической обработкѣ всѣхъ этихъ вопросовъ. Первый трудъ въ исторіи русской политико-экономической литературы имѣетъ предметомъ не хозяйство вообще, а только частное хозяйство, не отношеніе производства къ потребленію, а только потребленіе, не различные виды хозяйственнаго труда, а только снабженіе членовъ семейства пищею и одеждою. Такое содержаніе этого сочиненія, на сколько оно относится къ политической экономіи, можетъ считаться скуднымъ, неудовлетворительнымъ. Авторъ „Домостроя“, какъ видно, былъ неопытенъ въ дѣлахъ хозяйства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Онъ, вѣроятно, не имѣлъ случая ознакомиться съ болѣе развитыми формами народно-экономическаго быта ¹⁾.

Юрій Криманичъ.

Совсѣмъ другое и гораздо большее значеніе въ ряду политико-экономическихъ сочиненій имѣютъ труды ученаго Серба, находившагося въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка и бывшаго почти современникомъ Ивана Посошкова.

Юрій Крижаничъ, получившій на западѣ весьма широкое и многостороннее образованіе, путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы, обращающій вниманіе на особенности разныхъ народовъ, способный сравнивать между собою различныя степени культуры, зорко слѣдившій постоянно за всѣми явленіями общественнаго и государственнаго быта, не могъ не обращать въ своихъ сочиненіяхъ вниманія на матеріальную, экономическую сторону жизни народовъ. Къ

¹⁾ См. Домострой, изд. В. Яковлева. Спб. 1867. По поводу труда И. С. Некрасова. «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1872) мною была написана статья «Domostroi, ein Hausbuch aus dem sechszehnten Jahrhundert» въ журналѣ *Russische Revue*, т. IV, стр. 1—29.

тому же онъ былъ знакомъ съ литературою сельскаго хозяйства, скотоводства и пр. ¹⁾).

Его кругозоръ былъ несравненно шире кругозора „Домостроя“. Авторъ „Домостроя“ едва заслуживаетъ названіе писателя-экономиста, но Крижаничъ, почти вовсе неизвѣстный на западѣ и весьма мало извѣстный у насъ въ Россіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей-экономистовъ XVII вѣка.

Обще-теоретическія понятія Крижанича касаются важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи. Онъ говоритъ объ обязанности государя заботиться о благосостояніи народа, о причинахъ народнаго богатства, о цѣнностяхъ, о нравственномъ значеніи труда, обращеннаго на производство, о необходимости участія всѣхъ безъ исключенія въ производствѣ. Онъ ратуетъ противъ праздности, предлагаетъ мѣры для обученія женщинъ и дѣвицъ приемамъ домашняго хозяйства, и обнаруживаетъ иногда пониманіе теоріи цѣнъ, то-есть, дѣйствій на цѣны спроса и предложенія.

Весьма дѣльно и подробно разсуждаетъ Крижаничъ объ обще-экономическомъ положеніи Россіи, о выгодахъ и невыгодахъ, на примѣръ, географическаго положенія ея въ отношеніи къ производству внѣшней торговли, о возможности расширить въ Россіи транзитную торговлю, о необходимости усовершенствованія путей сообщенія для торговыхъ цѣлей. Довольно подробно онъ сравниваетъ богатство Россіи съ богатствомъ другихъ странъ.

Крижаничъ былъ меркантилистомъ. Ненавидя Нѣмцевъ вообще, онъ желалъ, чтобы былъ ограниченъ привозъ товаровъ съ запада. Считая, впрочемъ, иностранцевъ болѣе чѣмъ Русскихъ способными заниматься торговлею, онъ предлагалъ разныя мѣры для обученія Русскихъ хозяйству и, на примѣръ, считаетъ необходимымъ систематическое и распространенное по всему государству обученіе народнариметикѣ. Привилегіи иностранцевъ въ Россіи кажутся Крижаничу весьма вредными; онъ требуетъ изгнанія иноземцевъ и предоставленія торговли въ Россіи Русскимъ. Привозъ предметовъ роскоши изъ за границы ему кажется гибельнымъ и для благосостоянія и для нравовъ народа. Совершенно сообразно съ правилами меркантилизма онъ предлагаетъ разныя мѣры для ограниченія привоза обработанныхъ продуктовъ и для усиленія вывоза таковыхъ предме-

¹⁾ См. I томъ изд. П. Безсонова «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», стр. 27, 31 и 44

товъ. Такъ, напримѣръ, ему кажется вѣлособразнымъ приглашеніе иностранныхъ мастеровъ для обученія Русскихъ различнымъ ремесламъ и искусствамъ.

Говора о торговлѣ, Крижаничъ обращаетъ вниманіе на востокъ. Онъ считаетъ легко возможнымъ расширеніе торговыхъ связей съ Персією и съ разными другими народами Азіи. Довольно подробно онъ говоритъ о значеніи Каспійскаго моря для восточной торговли, о будущности русской торговли на Черномъ морѣ, объ усиленіи торговыхъ сношеній съ Турцією, объ учрежденіи русскихъ консулатовъ на востокѣ.

Весьма дѣльно Крижаничъ пишетъ о различныхъ учрежденіяхъ и мѣрахъ для поддержанія и поощренія внутренней торговли, о ярмаркахъ, о почтовомъ сообщеніи, о банкахъ и векселяхъ, о самоуправленіи торговаго класса и объ обезпеченіи интересовъ купцовъ, столь часто страдавшихъ отъ лихоимства чиновниковъ, о постройкѣ дорогъ, о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ, о торговыхъ монополіяхъ правительства и т. д.

На промышленность Крижаничъ указываетъ какъ на главный источникъ народнаго богатства, и по мнѣнію его правительство всачески должно стараться поддерживать и поощрять развитіе промышленности устройствомъ цеховъ, казенныхъ фабрикъ, введеніемъ машинъ, строгимъ полицейскимъ надзоромъ за качествомъ промышленныхъ товаровъ, должно отыскивать во всѣхъ частяхъ государства новыхъ источниковъ богатства.

Очень дѣльно Крижаничъ разсуждаетъ о необходимости введенія и распространенія хорошихъ орудій, снарядовъ, приборовъ, машинъ. Тутъ особенно обнаруживается его знакомство съ другими странами, такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о разныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, видѣнныхъ имъ за границею и обезпечивающихъ гораздо большій успѣхъ при производствѣ сырыхъ продуктовъ. Даже сельско-хозяйственной архитектурѣ посвящены Крижаничемъ нѣкоторыя весьма любопытныя и дѣльныя замѣчанія. И въ этомъ отношеніи, какъ въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности, Крижаничъ требуетъ полицейскихъ мѣръ, бюрократическаго надзора, регламентаціи. Онъ, напримѣръ, считаетъ необходимымъ распространеніе въ русскомъ переводѣ хорошихъ книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, о скотоводствѣ; онъ даже предлагаетъ устройство сельско-хозяйственныхъ станцій для произведенія опытовъ. Затѣмъ онъ говоритъ о красивныхъ, маслич-

ныхъ растенійхъ, о винодѣліи и табакѣ, о шелководствѣ и пчеловодствѣ.

Менѣе важны замѣчанія Крижанича, относящіяся къ горному искусству, которое, впрочемъ, въ то время, когда писалъ ученый Сербъ, едва лишь начинало развиваться. Онъ не надѣется на успѣхи горнаго дѣла въ Россіи, и какъ настоящій меркантилистъ, скорѣе путемъ развитія внѣшней торговли, то-есть, посредствомъ выгоднаго торговаго баланса, желаетъ умноженія находящагося въ обращеніи количества драгоцѣнныхъ металловъ.

Говоря о потребленіи, Крижаничъ сильно порицаетъ неумѣренность Русскихъ, расточительность при устройствѣ пиршествъ и пьянство. Примѣръ иностранцевъ, привыкшихъ къ употребленію многихъ предметовъ роскоши и старающихся приучить Русскихъ къ употребленію этихъ же предметовъ, Крижаничу кажется весьма опаснымъ. За то онъ совѣтуетъ подражать правительствамъ западно-европейскихъ государствъ, издававшимъ множество законовъ для ограниченія роскоши.

Своими замѣчаніями относительно одежды Крижаничъ опередилъ Петра Великаго. Сравнивая одежду различныхъ народовъ, онъ даетъ предпочтеніе обычаямъ запада и весьма рѣзко осуждаетъ русское платье, заимствованное, какъ онъ полагаетъ, у Татаръ. Онъ предлагаетъ разные мѣры для преобразованія русскаго платья, мѣры довольно сходныя съ тѣми, которыя были приняты Петромъ Великимъ.

Даже теорія населенія интересовала Юрія „Серблянина“. Плотность населенія въ его глазахъ должна считаться большою выгодною для государства. Онъ доказываетъ цифрами, что вездѣ замѣтно умноженіе населенія, но что главнымъ условіемъ такого умноженія должно считать матеріальное благосостояніе народа. По его мнѣнію, ни войны, ни повальныя болѣзни, ни даже неурожаи не столько препятствуютъ умноженію населенія какъ, напримѣръ, деспотизмъ или „людодерство“. Законы и администрація оказываютъ непосредственное вліяніе на количество населенія. Чѣмъ болѣе обезпечено имущество, чѣмъ свободнѣе можетъ развиваться хозяйственная дѣятельность народа, тѣмъ скорѣе будетъ умножаться населеніе. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя замѣчанія о торговлѣ хлѣбомъ и ея отношеніи къ населенію, объ учрежденіи колоній, о разныхъ мѣрахъ для поощренія вступленія въ бракъ и т. д.

Весьма подробно и большею частью чрезвычайно мѣтко и дѣльно

разсуждаетъ Крижаничъ объ управленіи финансами. Онъ многолѣтне ясно сознаетъ тѣсную связь, существующую между государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ, между казною и частнымъ богатствомъ. Весьма справедливо онъ находитъ, что въ его время въ Россіи, къ сожалѣнію, казна была богата, а народъ бѣденъ. Чрезвычайно рѣзко и колко онъ осуждаетъ алчность и сребролюбіе государей, собирающихъ налоги, не обращая вниманія на благосостояніе народа. Далѣе онъ порицаетъ порчу монетъ, бывшую весьма обыкновеннымъ средствомъ временнаго полученія выгодъ для казны. Крижаничъ былъ современникомъ и свидѣтелемъ денежной операціи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, заключавшейся въ выпускъ легковѣсной мѣдной монеты и повлекшей за собою страшный денежный кризисъ ¹⁾. Въ его сочиненіяхъ разсыпаны весьма любопытныя замѣчанія, относящіяся къ этому важному эпизоду въ исторіи финансовъ и денежнаго обращенія въ Россіи.

Говоря о чрезвычайныхъ налогахъ, Крижаничъ упоминаетъ о разныхъ случаяхъ „людодерства“ при Іоаннѣ Грозномъ и при Борисѣ Годуновѣ, указывая на смуты вслѣдствіе финансовыхъ злоупотребленій и приписываетъ измѣну малороссійскихъ казаковъ при гетманѣ Выговскомъ тиранническимъ финансовымъ мѣрамъ воеводъ. Предлагаемая равнина мѣры для устраненія продажности чиновниковъ, взяточничества, Крижаничъ требуетъ лучшаго денежнаго вознагражденія чиновниковъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ онъ ратуетъ противъ казенныхъ кабаковъ, въ которыхъ видитъ несчастье и притѣсненіе для народа. Считаая необходимымъ коренное измѣненіе податной системы, онъ предлагаетъ обсужденіе этого вопроса „общимъ совѣтомъ“, при чемъ необходимое всего, кажется ему, обратить вниманіе на соображенія промышленнаго и торговаго класса въ Россіи. Тутъ являются совершенно новыя мысли, которыми онъ опередилъ своихъ современниковъ въ восточной Европѣ.

Сочиненія Крижанича, напечатанныя лишь въ новѣйшее время, современникамъ этого гениальнаго писателя почти вовсе не были извѣстны. Западная культура была наставникомъ его лишь въ отношеніи къ общимъ началамъ государственныхъ наукъ, исторіи, политической экономіи и пр. Что же касается до обсужденія Крижаничемъ политическаго и общественнаго быта Россіи, то оно основано на собственномъ его наблюденіи. Литература по этому предмету пред-

¹⁾ См. мое соч. «Finanzgeschichtliche Studien, St.-Petersburg, 1867».

ставляла ему не особенно много матеріала. Сочиненія Петра, Олеарія и др. о Россіи, которыя имѣлъ въ рукахъ Крижаничъ, не имѣютъ того значенія, какъ сочиненія ученаго Серба, потому что авторы ихъ оставались иностранцами, не особенно сочувствовали Россіи и только знакомили западъ съ состояніемъ Россіи, тогда какъ Крижаничъ, Славянинъ, пылко желавшій возрожденія, успѣшнаго политическаго развитія славянскихъ народовъ, былъ не только писателемъ, но и публицистомъ, то есть, не ограничивался желаніемъ, въ своихъ сочиненіяхъ, представить картину русскаго быта, но надѣялся быть полезнымъ самой Россіи, предлагая реформы и беспощадно обличая недостатки политическаго и общественнаго быта той страны, которую онъ считалъ оплотомъ обще-славянскихъ народовъ. Чѣмъ болѣе практическимъ, направленнымъ на самыя жгучіе вопросы законодательства и администраціи, былъ характеръ его сочиненій, тѣмъ болѣе должно сожалѣть о томъ, что эти сочиненія оставались неизвѣстными. При другихъ условіяхъ Крижаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Однако, онъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Современники не знали о томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу Россіи. Современники не могли учиться у него. Его сочиненія, столь богатая содержаніемъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ не былъ наставникомъ тѣхъ писателей-публицистовъ, которые послѣ него занимались разборомъ и обсужденіемъ вопросовъ общежитія въ Россіи. Такимъ образомъ Крижаничъ какъ бы не существовалъ и для Ивана Посошкова, имѣвшаго много общаго съ нимъ. „Домострой“, скудный содержаніемъ въ отношеніи къ политико-экономическимъ вопросамъ, безъ всякаго сомнѣнія былъ доступенъ и извѣстенъ Посошкову; сочиненія же Крижанича, столь богатая и свѣдѣніями и мыслями, не могли служить для него источникомъ. Крижаничъ былъ предшественникомъ его лишь въ хронологическомъ отношеніи, а не по вліанію, оказанному имъ на Посошкова. Послѣдній долженъ былъ развиваться почти совершенно самостоятельно. Онъ былъ самоучкою.

Однако, Посошковъ не совсѣмъ оставался безъ наставника. По мѣрѣ того, какъ его воспитывала жизнь, практика, его наставникомъ дѣлался тотъ, который главнымъ образомъ вліялъ на жизнь и практику, который болѣе другихъ заботился о народномъ благосостояніи и былъ экономистомъ-практикомъ — Петръ Великій.

Петръ Великій.

И самая личность Петра, и обстоятельства, при которыхъ онъ управлялъ государствомъ, содѣйствовали обращенію съ его стороны особеннаго вниманія на явленія экономического быта. Онъ считалъ себя наставникомъ своего народа, между прочимъ, и въ области производства и потребленія. Къ тому же увеличивавшіеся во время его царствованія размѣры государственнаго хозяйства, усложненіе задачъ экономическо-полицейской администраціи, развитіе торговли, промышленности, — все это приносило пользу людямъ, способнымъ понимать значеніе этихъ явленій.

Петръ стремился поставить русскихъ людей на ноги, приучить ихъ дѣйствовать самостоятельно. Такое стараніе обращалось значительною долею именно на область народнохозяйственную. Но для этого были необходимы наставники. И вотъ по случаю вызова иностранцевъ въ Россію въ 1702 году Петръ говоритъ въ своемъ манифестѣ: „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ, что со вступленія нашего на сей престоль всѣ старанія и намѣренія наши влѣнились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“... Главною мѣрою для достиженія этой дѣли Петръ считалъ, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ заявленій, заботу о развитіи торговли. Какъ настоящій представитель просвѣщеннаго абсолютизма, онъ во первыхъ считалъ себя обязаннымъ трудиться на пользу народа, а вовторыхъ, поставилъ себѣ задачей дать экономической дѣятельности народа надлежащее направленіе. Менѣе всего Петръ сомнѣвался въ своемъ правѣ быть, такъ сказать, преподавателемъ экономіи и технологіи. Народъ, по его мнѣнію, былъ не въ состояніи понимать своей собственной пользы безъ прямого указанія со стороны государя главныхъ рациональныхъ правилъ для управленія частнымъ, общественнымъ и государственнымъ хозяйствомъ. И дѣйствительно, большинство народа сначала не понимало намѣреній гениальнаго преобразователя. Петръ былъ правъ утверждая въ одномъ изъ указовъ мануфактуръ-коллегіи: „Нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бывають, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, по-

тоже благодарять, что ясно изо всёх нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже илюдъ произошелъ“¹⁾).

Петръ самъ былъ ученикомъ запада. Во время своихъ путешествій и въ личныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, накопившимися въ Россіи, онъ могъ убѣдиться въ превосходствѣ экономическаго развитія Европы. Учреждая въ 1712 году „коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія“ онъ считалъ полезнымъ, чтобы въ этомъ учрежденіи участвовали: „одинъ или два человѣка иностранцевъ, дабы лучшей порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ“.

Петръ въ разработкѣ точныхъ понятій о правилахъ народной экономіи боролся съ большими затрудненіями. Онъ часто жаловался, что „изъ всёхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій“, но при этомъ иностранцы признавали, что Петръ относительно пользы торговли для Россіи имѣлъ довольно вѣрнаго соображенія“²⁾. Когда однажды заключеніе торговаго договора съ Голландіею замедлилось, Остерманъ утѣшалъ голландскаго резидента Де-Ви слѣдующими словами: „Между нами я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать, навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ“³⁾.

Въ какой мѣрѣ такіе отавы справедливы, можно видѣть изъ систематическаго образа дѣйствій Петра, наиримѣръ, по случаю проведенія главныхъ началъ политики меркантилизма. Тутъ, какъ и вообще весьма часто, онъ боролся съ разными затрудненіями, но не унывалъ. Однажды онъ замѣтилъ голландскому резиденту, при подобномъ случаѣ жаловавшемуся на разныя неудобства, бывшія непосредственнымъ слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ: „Приложеніе принци-

¹⁾ П. С. З. 4345.

²⁾ «Ohnerachtet man übrigens Petrum I selbst verschiedentlich klagen hören. dass ihm unter allen Regierungsgeschäften nichts difficieler würde, als das Commerzwesen, und dass er sich von dem eigentlichen Zusammenhang desselben nie einen deutlichen Begriff machen können, so ist doch gewiss, dass er von dem, was in Handlungssachen seinem Reiche en general nützlich oder schädlich sei, recht juste Ideen gehabt».—См. изданіе *Германна Russland unter Peter dem Grossen*. Leipzig 1874. I. G. Vockerordt; стр. 73.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Р. XVI стр. 194.

новъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всё интересы принимаются¹⁾).

Органически связанныя между собою мѣры Петра Великаго для усиленія торговли и промышленности, впрочемъ, были вызваны не только желаніемъ обезпечить матеріальный бытъ народа, но и надеждою, благодаря развитію экономической дѣятельности въ Россіи, располагать большими средствами для государственнаго хозяйства. „Деньги суть артеріею войны“, сказано въ одномъ изъ указовъ Петра. Путемъ же усиленія вывоза, ограниченія привоза путемъ учрежденія фабрикъ, оружейныхъ заводовъ, путемъ развитія горнаго искусства, разными распоряженіями для обезпеченія интересовъ торговаго и промышленнаго сословія — онъ надѣялся въ одно и то же время открыть новые источники для доходовъ казны и приучить народъ къ разнымъ новымъ отраслямъ производства²⁾.

Вслѣдствіе того, по приказанію Петра постоянно по всему государству разѣзжали знатоки различныхъ товаровъ для отысканія предметовъ, необходимыхъ для производства оныхъ. Искали и находили то серебряныя руды, то „краску марену“, то каменный уголь, о которомъ Петръ замѣтилъ, что „сей минералъ если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ“, то селитру, торфъ и пр. Поэтому Петръ заставлялъ всѣхъ и каждого участвовать въ производствѣ и экономическомъ трудѣ, приглашая „кадетовъ знатныхъ фамилій“ заниматься торговлею, а не быть праздными³⁾, устраивая рабочіе дома для празднующихся, заставляя работать монаховъ и монахинь⁴⁾ и принимая разныя мѣры для того, чтобы рабочія силы колодниковъ и арестантовъ обращались на общую пользу⁵⁾.

Во множествѣ инструкцій, составленныхъ для чиновниковъ, замѣтна эта забота Петра относительно народнаго благосостоянія. И производство и потребление должно было находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства. Такимъ образомъ правительство запрещало дѣлать узкія полотна, приказывало дѣлать широкія, „противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ“, по-

¹⁾ Соловьевъ, XVI. 194.

²⁾ О мѣрахъ Петра относительно торговли см. весьма дѣльный трудъ г. Штйда: *W. Stieda, Peter der Grosse als Mercantilist*, въ журналѣ *Russische Revue*, IV. 193—240.

³⁾ П. С. З. 2789.

⁴⁾ П. С. З. 4089.

⁵⁾ П. С. З. 3140, 3306, 3313, 3336, 3808, 3928.

тому что „широкія полотна болѣе расходятся“ ¹⁾. — Точно также правительство заботилось о сбереженіи лѣсовъ, предписывало старостамъ и прикащикамъ наблюдать, чтобы мельницы въ селеніяхъ отъ вешней и дождевой воды не были повреждены ²⁾; приучало дробосѣзовъ къ распилкѣ дровъ и строго приказывало „чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ“ ³⁾; запрещало подѣ страхомъ наказанія каторгой и конфискованія имущества торговать „свобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапоговъ и башмаковъ мужскихъ и женскихъ“ ⁴⁾; учреждало почтовые сообщенія, учило публику, какъ дѣлать кровли, какъ строить дороги; отовсюду старалось собирать данныя о цѣнахъ разнымъ товарамъ ⁵⁾; заботилось объ обученіи дѣтей арифметикѣ ⁶⁾; вводило новые способы собиранія хлѣба ⁷⁾; и проч.

Едва ли ошибаемся мы, приписывая значительную долю таковыхъ мѣръ, распоряженій, наказовъ, личному вліянію государя, имѣвшего въ виду постоянно соглашеніе интересовъ внѣшней политики, требовавшей страшнаго напряженія экономическихъ силъ и средствъ народа, съ стремленіемъ рѣшать многосложные вопросы, касавшіеся до народнаго богатства. Для всѣхъ современниковъ, и для участвовавшихъ въ управленіи государствомъ и для прочихъ подданныхъ Петра, эта дѣятельность царя-наставника не могла не быть нѣкоторымъ образомъ политико-экономическою школою.

Все принимало большіе размѣры: и торговля, и промышленность, и расходы, и доходы государства. Сѣверная война поглощала громадныя суммы. Новый способъ содержанія войска, отчасти и походы за границую, требовали гораздо большаго противъ прежняго количества наличныхъ денегъ. Во многихъ отношеніяхъ необходимо было замѣнить прежнее натуральное хозяйство денежнымъ. Внѣшняя политика требовала большихъ издержекъ. При разныхъ дворахъ содержались постоянные министры, которые тратили деньги на подкупы. Внутренняя администрація нуждалась въ большемъ числѣ чиновниковъ, содержаніе которыхъ требовало новыхъ расходовъ.

¹⁾ П. С. З. 2943.

²⁾ П. С. З. 1976.

³⁾ П. С. З. 1883.

⁴⁾ П. С. З. 2929.

⁵⁾ П. С. З. 4272, 4293.

⁶⁾ Нѣсколько указовъ, напримѣръ 2979.

⁷⁾ 3781.

Такимъ образомъ правительство неуспѣшно должно было заботиться о средствахъ для покрытія этихъ издержекъ. Явились прибавшій, искавшіе и отыскивавшіе новыя источники доходовъ; явились фискалы, обличавшіе нерадѣніе многихъ въ уплатѣ налоговъ. Изобрѣтались новые поборы, до того или вовсе или отчасти неизвѣстные: пошлины на домашнія бани, на дубовыя гробы, пошлина съ насной плати жовощиковъ, пошлина съ кокутовъ, мостовыя деньги, жельничныи сборъ, гербовая бумага и пр.—Чѣканились монеты леговоуствѣ прежнихъ, между прочимъ мѣдныя деньги (пятикопѣечники), напоминающія страшный кризисъ въ денежномъ обращеніи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Все это касалось непосредственно интересовъ частныхъ лицъ, массы публики, привыкшей такимъ образомъ наблюдать за образомъ дѣйствій правительства въ области финансовъ. Кто вообще былъ склоненъ и способенъ къ обсужденію общественныхъ вопросовъ, тотъ не могъ не слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за этими новыми явленіями. Посошковъ, по своему общественному положенію, по своему призванію привыкшій къ дѣламъ, умѣвшій обращаться съ цифрами, испытывшій на себѣ и на своемъ частномъ хозяйствѣ многія послѣдствія финансовыхъ мѣръ правительства и въ то же время яснѣе многихъ другихъ сознававшій необходимость собирающа усиленихъ налоговъ для покрытія расходовъ,—невольно долженъ былъ заниматься изслѣдованіемъ тѣсной связи, существующей между государственными и общественными хозяйствомъ. Опытный въ дѣлахъ, относящихся къ казеннымъ сборамъ, служившій при продажѣ казеннаго хлѣбнаго вина, и въ то же время, какъ крестьянинъ, купецъ, техникъ, платившій разные налоги—Посошковъ, какъ вѣрный подданный и какъ истинный патриотъ, долженъ былъ желать того соглашенія интересовъ казны и интересовъ народа, которымъ обусловливается настоящее процвѣтаніе и финансовъ и общественнаго хозяйства. Онъ лучше многихъ другихъ могъ понимать значеніе такихъ положеній, какъ, на примѣръ, вышеприведенное изреченіе Петра: „Приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся“. Онъ желалъ правительству успѣха въ его финансовыхъ распоряженіяхъ, но главнымъ образомъ онъ долженъ былъ сочувствовать мѣрамъ администраціи, имѣвшимъ цѣлью сбереженіе экономическихъ силъ народа. Распоряженія „о пресѣченіи грабительствъ въ народныхъ сборахъ“ или „о непритѣсненіи Сибирскихъ мастеровыхъ лю-

дей при взятіи съ нихъ подушнаго⁴⁾ и т. п. особенно должны были нравиться Посошкову.

Мы поэтому едвали ошибаемся, приписывая этимъ явленіямъ финансовою и хозяйственно-полицейскою практики во время Посошкова особенное вліяніе на его способность заниматься такими предметами. Онъ, въ большей части случаевъ, былъ сторонникомъ правительства, соглашался съ воззрѣніями Петра. Бюрократическій духъ регламентаціи, опеки, встрѣчаемый въ законодательствѣ и администраціи, составляетъ отличительную черту многихъ разсужденій и предложеній Посошкова. Съ правительствомъ онъ раздѣлялъ склонность къ нововведеніямъ и реформамъ именно въ области политической экономіи, хотя и въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ области духовнаго, церковнаго быта онъ можетъ считаться отчасти строгимъ консерваторомъ. Какъ экономистъ, Посошковъ былъ въ значительной степени ученикомъ Петра.

Глава I.

Обще-экономическія воззрѣнія Посошкова.

Мы знаемъ уже изъ очерка біографіи Посошкова, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за современными ему событіями въ области администраціи и законодательства. Реформы Петра, служившія средствомъ воспитанія народа, заставляли его особенно охотно заниматься экономическими вопросами. Экономисты другихъ странъ также писали свои сочиненія подъ вліяніемъ современныхъ имъ событий. Система физиократовъ можетъ быть названа результатомъ крайне печальнаго положенія, въ которомъ находился земледѣльческій классъ Франціи до революціи; развитіе пролетаріата во Франціи въ XIX вѣкѣ вызвало литературу о социализмѣ. Такимъ образомъ наука и литература являются симптомами и плодами общественнаго и государственнаго состоянія. — Съ другой стороны литература, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на практическую политику. Фридрихъ II и Иосифъ II были нѣкоторымъ образомъ учениками литературы просвѣщенія; наставниками Екатерины были Монтескьё, Беккариа и пр. Кольберъ (Colbert) въ то же время былъ нѣкоторымъ образомъ и систематикомъ и практическимъ политическимъ дѣятелемъ. Адамъ Смитъ составилъ свой капитальный трудъ подъ вліяніемъ широко и

⁴⁾ П. С. З. № 2727.

удачно развивавшагося народнаго богатства въ Англіи, а затѣмъ этотъ же трудъ Адама Смита содѣйствовалъ еще болѣе усиленному развитію народнаго богатства въ Англіи, потому что законодательная дѣятельность англійскаго парламента, въ которомъ братья весьма часто ссылались на сочиненія Адама Смита, находилась подъ вліяніемъ ученой дѣятельности этого экономиста.

Посошковъ не имѣлъ возможности сдѣлаться посредствомъ своихъ литературныхъ трудовъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ. Такъ какъ его труды оставались неизвѣстными, не были напечатаны и развѣ только въ видѣ исключенія доходили до тѣхъ лицъ, для которыхъ они были написаны, онъ едва ли можетъ быть названъ замѣчательнымъ публицистомъ. Однако его труды, особенно на сколько въ нихъ обсуждаются политико-экономическіе вопросы, могутъ служить доказательствомъ, что даже въ эпоху самаго крайняго развитія опеки и регламентаціи были возможны и въ представителяхъ средняго и низшаго сословія русскаго общества болѣе или менѣе самостоятельныя сужденія объ экономическихъ явленіяхъ, была возможна строгая, но справедливая оцѣнка и критика экономическо-полицейскихъ мѣръ и законовъ, было возможно искреннее желаніе въ частныхъ людяхъ содѣйствовать правительству въ достиженіи той цѣли, къ которой оно стремилось, въ улучшеніи народнаго быта, въ обогащеніи казны и въ развитіи народно-экономическаго производства.

Труды Посошкова показываютъ, въ какой мѣрѣ даже между подданными Петра встрѣчалась способность мыслить о сложныхъ вопросахъ, относящихся къ счетоводству, торговлѣ, промышленности, финансамъ и т. д. Въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“ встрѣчаются не отрывочныя лишь замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ экономическаго быта; тутъ мы видимъ стараніе привести въ систему главныя начала народно-экономическаго состоянія и развитія.

Всякій, кто вообще былъ тогда въ состояніи разсуждать объ этихъ предметахъ, не могъ не замѣтить, что народно-экономическая дѣятельность въ Россіи находилась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи, что условія для развитія народнаго богатства были чрезвычайно неблагоприятны. Право собственности не было достаточно обезпечено; произволь въ финансовомъ управленіи подвергалъ частныя богатства разнымъ опасностямъ; гражданское право и судопроизводство были мало развиты, допускали злоупотребленія и насиліе; домостроевскія понятія о *сохраненіи* богатства, какъ о главной или единственной задачѣ cadaго зажиточнаго человѣка, существовали

еще въ полной силѣ, такъ что духъ предприимчивости, стремленіе къ новымъ дѣламъ въ экономическомъ производствѣ были весьма лишь рѣдкимъ исключеніемъ; отсутствіе образованія, невысокое понятіе о значеніи и достоинствѣ труда, антагонизмъ между сословіями, нечестность, такъ часто встрѣчаемая въ торговлѣ и промышленности, все это тормозило экономическую дѣятельность народа. Люди инертные и благонамѣренные, горячіе патріоты, какъ Посошковъ, должны были стараться изслѣдовать причины столь неудовлетворительнаго состоянія народнаго хозяйства, должны были пытаться указывать на средства исцѣленія такихъ общественныхъ недуговъ. Сочиненія Посошкова въ этомъ отношеніи весьма выгодно отличаются именно неравнодушіемъ къ общему благу, обращеніемъ вниманія на дѣльный народный организмъ отъ узкаго, эгоистическаго взгляда „Дожострой“, въ которомъ исключительно говорится о частномъ богатствѣ.

Такимъ путемъ Посошковъ долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ общихъ законовъ экономическаго быта. Онъ могъ дойти до обобщеній, до указанія на главныя начала хозяйственныхъ явленій, до обсуждения отношеній матеріальнаго благосостоянія народа къ политическому значенію государства съ одной стороны и къ душевному благу каждаго индивидуума съ другой. Такимъ образомъ онъ могъ заслужить себѣ славу перваго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, русскаго писателя-экономиста.

О богатствѣ вообще.

„Завѣщаніе духовное къ сыну“ Посошкова проникнуто духомъ аскетизма. Понятія о значеніи богатства, преподаваемыя въ этомъ сочиненіи, скорѣе походятъ на монашескія воззрѣнія среднихъ вѣковъ, чѣмъ на свѣтское міросозерцаніе новаго времени. Посошковъ пишетъ: „Буди доволенъ своимъ сѣмѣніемъ; аще и весьма бѣденъ будешь, въ томъ и тѣшишься пребывать; и богатства временнаго не весьма ищи, богатство бо временное ничто же есть: и аще кто его и получитъ, не всякому оно на пользу, но вѣщши бываетъ на погибель, ибо отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, чревообъяденіе, сластолюбіе, вешчелюбіе, всякая роскошность непотребная; отъ излишняго изобилія и въ блудъ паче выпадаютъ: и блудницы ихъ паче любятъ, нежели убогихъ; богатіе же паче и обижаютъ убогихъ и маломощныхъ: и не токмо они сами, но и люди ихъ многихъ обидаютъ. И сего ради ты, сыне мой, не весьма ищи богатства; добро бо-

гатство бываетъ тому, кій человекъ можетъ имъ владѣть Авраамъски; а еще кто держати его не можетъ, то лучши жить въ посредности или въ самомъ убожествѣ. Богатство бо, и кромѣ вышепомянутыхъ страстей, и прежде полученія, пакоости наводитъ на человека; ибо кій человекъ желательно его ищетъ, и хочутъ въскорѣ обогатиться, то въпадаютъ въ великія напасти и погибаютъ¹⁾. За симъ слѣдуютъ нѣкоторыя ссылки на Священное Писаніе, а послѣ этого Посошковъ продолжаетъ: „И азъ тебѣ, сыне мой, сказую: еще ты погониши за богатствомъ, то оно побѣжитъ отъ тебя: ты же постыжая его, всячески потынешися и разбиешися, богатства не постигнеши, а себя повредиши; а еще же ты желаніемъ желати его не будеши, и съ притужаніемъ за нимъ не побѣгнеша, то оно и само не побѣжитъ отъ тебѣ, токмо ты умѣй его содержати: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй. Такъ, сыне мой, живи, еще будетъ у тебя и доволное богатство, не радуйся ему: а еще и не будетъ у тебя, не печалуйся. Еще бо желаніемъ желати богатства не будеши, то всегда безпечаленъ будеши, и сребролюбіе не овладѣетъ тобою, но ты одолѣеши, и царствовать надъ нимъ будеши, а не оно тобою. Безжелательный бо человекъ всегда веселъ бываетъ, еще у него много, еще и мало: о всемъ радуется и Бога благодаритъ, и живетъ яко царствуетъ. Ты, чадо мое, пекися о помѣрномъ богатствѣ, а не о преизлишнемъ: токмо чѣмъ бы тебѣ здомашними своими быти сыту, а и ту свою сытость всю возверзи на Господа Бога своего, той бо всякую тварь питаетъ: то тебя ли не можетъ пропитати, и сего ради паче отъ Бога ожидай, а не отъ своего происку, онъ бо въсть коліко ти дати и пр.“¹⁾).

Во всемъ этомъ преобладаетъ религіозная точка зрѣнія, однако въ то же самое время въ этихъ разсужденіяхъ проглядываетъ нѣкоторымъ образомъ то же самое соединеніе коммерческихъ расчетовъ съ благочестіемъ, которое встрѣчается и въ „Домостроѣ“. Тотъ, кто не будетъ всѣми мѣрами искать богатства, скорѣе получить оное, значить: неисканіе богатства показываетъ желаніе достигнуть этой цѣли. Стремленіе къ матеріальнымъ выгодамъ маскируется мнимымъ аскетизмомъ. Такъ, напримѣръ, въ „Домостроѣ“ встрѣчается совѣтъ давать милостыню убогимъ и монастырямъ: „да благословенъ будетъ домъ его Богомъ и виноградъ, и село его, и нива, и пажить,

¹⁾ Отеческое завѣщаніе, стр. 141—142.

и света, и всякое животное. Усугубить Господь и сѣмена плодотита и исполнить Господь въ дому его великія благодати и пр.⁴⁾

Европейскіе писатели также иногда представляютъ такую смѣсь духовныхъ соображеній съ экономическими. Во время реформациі въ Германіи нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, духовныя лица, проповѣдывали презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ, аскетизмъ, другіе, какъ напримѣръ, Лютеръ и Меланхтонъ, подобно Посошкову, считали желательнымъ для каждаго человѣка достиженіе извѣстной степени умѣреннаго благосостоянія; гуманисты же, напримѣръ, Кротусъ, Гуттенъ, Маккиавелли и др., умѣли цѣнить благоприятное вліяніе богатства на умственный и нравственный бытъ общества²⁾.— Лютеръ крайнюю бѣдность считалъ опасною для душевнаго блага человѣка, потому что ею иногда условливается полнѣйшая зависимость отъ другихъ лицъ, множество пороковъ и преступленій³⁾. Онъ даже въ стихахъ выразилъ мысль, что владѣніе нѣкоторою суммою наличныхъ денегъ поддерживаетъ нравственность⁴⁾, что впрочемъ не мѣшало ему указывать на безнравственность большихъ денежныхъ спекуляцій тогдашнихъ миллионеровъ⁵⁾. Знаменитый философъ Беконъ былъ совершенно чуждъ монашескихъ взглядовъ на богатство и замѣтилъ весьма остроумно, что матеріальное благосостояніе поддерживаетъ добродѣтель подобно тому, какъ нравственный и храбрый духъ войска обусловливается въ значительной мѣрѣ достаточнымъ продовольствіемъ⁶⁾. Особенно подробно о значеніи богатства говорилъ современникъ Посошкова, извѣстный англійскій дипломатъ Вильямъ Темплъ въ своемъ прекрасномъ очергѣ народной экономіи Голландцевъ. Восхваляя бережливость этого народа, Темплъ замѣчаетъ, что понятіе о богатствѣ есть относительное, зависящее вполне отъ потребностей каждаго. Единственно богатымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ однажды встрѣтился, онъ называетъ одного инвалида, ко-

¹⁾ Домострой, изд. Яковлева, стр. 111.

²⁾ См. *Wiskemann*, Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationalökonomischen Ansichten, Leipzig 1861, стр. 132.

³⁾ Тамъ же, стр. 47.

⁴⁾ Qui non habet in nummis

Dem hilft nicht, dass er frumm ist, стр. 52.

⁵⁾ *Roscher*, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, München, 1874, стр. 57.

⁶⁾ *Roscher*, Zur Geschichte der englischen Webwirthschaftslehre, Leipzig, 1851, стр. 38.

торый, когда ему хотѣли дать милостыню, возразилъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, такъ какъ все, что ему нужно, онъ получаетъ въ богадѣльнѣ ¹⁾).

Взглядъ Посошкова на состояніе нищихъ уже совершенно аскетическій. Въ главѣ „о нищенскомъ житіи“ онъ совѣтуетъ сыну, въ случаѣ совершеннаго оскудѣнія, „не гнущаться ницетою“, „не имѣть ни малой хижины, но ходить по міру и ночевать идѣже ночь пристигнетъ“. „И егда набереша хлѣба на день, то болши не проси, но иди въ хижу свою, а о другомъ дню не печися, и хлѣба въ запасъ на другой день отнюдь не собирай... ризу имѣй едину... денегъ собранныхъ останетца, всѣ отдаждь неимущимъ, а у себя остави пѣназя два или три, а болши того никогда не накапливай... а на погрѣбеніе себѣ отнюдь не запасай денегъ, то бо есть самое безуміе“. Такимъ образомъ состояніе нищаго ставится призваніемъ, поприщемъ религіознымъ; эти понятія уже ничего не имѣютъ общаго съ экономическими соображеніями, считавшими извѣстную степень благосостоянія однимъ изъ условій, поддерживающихъ нравственность. Тѣмъ не менѣе и тутъ встрѣчается отчасти коммерческій духъ. Духовныя дѣла, такъ сказать, имѣютъ денежную цѣну. Посошковъ совѣтуетъ сыну-нищему: „Аще болши милостыни у кого возмеша, то болши на ономъ свѣтѣ и възщется. И, того ради за каждую милостыню, уврущенъ хлѣба пріятый, предъ образомъ Божиимъ положи по три поклоны, а за цолушку по шти поклоновъ, за денгу по дванадесяти и пр.“ ²⁾).

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ при обсужденіи таковыхъ вопросовъ, впрочемъ, политико-экономическія соображенія остаются на заднемъ планѣ, тогда какъ сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ не должно было имѣть характеръ назидательный, а служило скорѣе запискою для руководства при законодательствѣ и администраціи. Поэтому въ послѣднемъ сочиненіи говорится о богатствѣ совсѣмъ иначе; взглядъ автора на матеріальное благосостояніе становится болѣе свѣтскимъ.

Посошковъ въ началѣ своего труда замѣчаетъ, что „предлагаетъ свое мнѣніе о собраніи царскихъ сокровищъ“ и что „подобаетъ печися ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало и не токмо собраннаго, но и не собраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничего нигдѣ не лежало и не

¹⁾ Тамъ же, стр. 128.

²⁾ Отеческое завѣщаніе, стр. 207.

погибало". Посошковъ проповѣдуетъ бережливость, крайнюю осторожность въ потребленіи, умѣренность въ роскоши, продолжая: „Подобие и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ непися безъ уатія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ единственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же, женъ своихъ и дѣтей своихъ въ свудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ расширялись“.

Затѣмъ Посошковъ обращаетъ вниманіе на значеніе народнаго богатства для выгодъ казны, замѣчая: „Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежація казны много, ниже то царственное богатство, еже синкдить Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домашними внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатымся, но тѣ государства богатыся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истощиваютъ“.

Наконецъ, Посошковъ полагаетъ, что добродѣтель содѣйствуетъ и обезпеченію въ матеріальномъ отношеніи: „Правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ дьяволъ, и неправда не токмо вновь (не?) богатитъ, но и древнее богатство оттоцвеваетъ, и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ“¹⁾.

Въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ Посошковъ порицаетъ образъ мыслей и дѣйствій своихъ современниковъ, не умѣющихъ, по его мнѣнію, заниматься хозяйствомъ и забывающихъ весьма часто общую пользу, обращая исключительно вниманіе на собственный интересъ въ данную минуту. Уже и прежде писатели-патріоты обращали вниманіе на невѣжество Русскихъ, не знавшихъ началъ раціональнаго счетоводства. Такъ, наприимѣръ, Крижаничъ замѣтилъ: „Народа нашего разумъ суть тупы и косны: и люди неумѣтельны въ торгованію, въ земли тяжанію и въ домашнемъ господарству. Русы, Ляхи и весь народъ Словенскій отнюдь не знадутъ далекаго торгованія, ни по морю, ни по суху. Самыя аритметики и чисельныя умѣтели не учатся наши

¹⁾ См. соч. Посошкова I, стр. 1—2.

торговцы⁴⁾. Последнее замѣчаніе подтверждается замѣчаніями другихъ современниковъ. Такъ, напримеръ, Перри въ своемъ сочиненіи о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ говоритъ, что во всемъ государствѣ едва ли найдется двадцать человекъ, хорошо знающихъ ариметику⁵⁾. О самомъ Петрѣ мы знаемъ, что онъ лишь довольно поздно приобрѣлъ необходимыя познанія въ ариметикѣ⁶⁾. Штраленбергъ замѣчаетъ, что въ Россіи лишь знавшихъ ариметику считали уже учеными⁷⁾. Не даромъ Петръ старался о распространеніи подобныхъ знаній. При немъ была издана въ 1703 году первая русская учебная книга ариметики Магницкимъ⁸⁾; Курбатовъ однажды писалъ Петру, что ему удалось „прибрать учениковъ со 180 человекъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариметикѣ“⁹⁾; при немъ были отправляемы „во всѣ губерніи изъ школъ математическихкихъ по нѣскольку человекъ для ученія дворянскаго чина дѣтей ариметикѣ и геометріи“, принимались мѣры для „ученія ариметикѣ и геометріи дьячихъ и подьячихъ дѣтей“; въ 1721 г. было приказано „учинить школу, гдѣ учить подьячихъ ... цифири и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя и пр.“¹⁰⁾.

Посошковъ, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій доказывающій полное знакомство съ обыкновенными правилами ариметики, понималъ значеніе бухгалтеріи. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сказано: „А еще въ томъ (государевомъ) дѣлѣ будешь какой расходъ имѣти, то первѣ ту дачу запиши въ книгу, и егда уже запишешь, тогда отдай, а не записавъ никогда ни каковому человеку ни малая дачи не давай, понеже отъ сего пакость бываетъ великая, аще что отдаси не записавъ, и восхоцши послѣди записать, а тебѣ случится иная какая нужда, и часъ по часу замедляеши: и тако изъ памяти твоя выйдетъ и въ безвѣстїи та твоя дача незаписанная пропадетъ и что ты безъ записки потеряеши, вся та на тебѣ взыщутся, и отъ таковыхъ незаписныхъ дачъ многіе люди въ конецъ разоряются. А другая причина отъ незаписи такая чинитца, егда кой человекъ не записавъ,

⁴⁾ Русское госуд. въ половинѣ XVII вѣка I, стр. 8.

⁵⁾ *Perry*, нѣмецк. изд., стр. 355.

⁶⁾ *Поселътъ*, Lefort, I, 416. См. приложенія ко II-му т. Исторіи Петра Великаго, *Устрялова*, стр. 434 и слѣд.

⁷⁾ *Strahlenberg*, Das nord-und östliche Theil von Europa und Asien sc. стр. 247.

⁸⁾ *Пекарскій*, Наука и лит. I, 269.

⁹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи (2-е изд.), XV, стр. 93.

¹⁰⁾ П. С. З., №№ 2762, 2979, 3703, 3845.

денги дастъ, а послѣди забывшись напишетъ одну дачу дважды, и еще отъ забвенія тако учиниши, то передъ Богомъ согрѣшиши, и въ клятву въподеси, и со взявшимъ споръ наведеш: и сего ради самъ себѣ невѣренъ явишися. А еще не записавъ отпустить ничего не будеш, то и отъ грѣха и отъ убытку избѣжиши. А и въ дѣлѣ своемъ имѣй двѣ книги записныя, одну настольную, въ ню же всякія дѣла записывай по вседневно что кому, и за что даси, или у кого что возмеш свое или чужое, или что купиши, и что за что даси, а другую книжицу имѣй при себѣ памятную и нужнѣйшія дѣла и вещи записывай въ ню¹⁾.

Такою же аккуратность Посошковъ требуетъ отъ сына при срочныхъ платежахъ. Онъ пишетъ: „Аще взаимъ возмеш денегъ, или иного чего, и поставиши срокъ, то не мож ты за срокъ передержати, во всячески тѣси еже бы за день или за два до сроку принести ти заплату, и тако творя отъ всѣхъ похвалеш будеш и добрымъ человѣкомъ прослывеш, а еще же къ сроку не исправнишия расплатю, то прежде того дне пришедъ испроси срокъ“²⁾.

О народномъ богатствѣ.

Въ „Домостроѣ“ говорилось исключительно о частномъ хозяйствѣ. Понятія о солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ согражданъ въ „Домостроѣ“ нигдѣ не встрѣчается. Посошковъ, напротивъ того, хорошо понимаетъ, что матеріальное обезпеченіе каждаго отдѣльнаго лица обусловливается главнымъ образомъ экономическимъ благосостояніемъ цѣлаго общественнаго организма. Онъ уже говоритъ объ отношеніи частнаго богатства къ народному. У него замѣчается теплое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Такія мысли проглядываютъ уже въ „Отеческомъ завѣщаніи“. Въ главѣ „О земледѣльствѣ“ сказано: „Возлож надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу; и аще цѣну велику или малу возмеш, работу всею правдою безъ лѣности и безъ лукавства не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи, и какую работу работати, не будеш, работай не такъ, каковъ обычай имуть поденщики, но работай такъ, какъ ты можеш про себя работати и за таковую твою усердную работу господинъ твой, у него же ты будеш работати еще и ничего при твоей братѣ излишняго тебѣ не дастъ, обаче и впредъ такожде работай какъ самъ себѣ и за тую твою нелицемѣрную работу Богъ

¹⁾ Отеческое зав., стр. 145—146.

²⁾ Тамъ же, стр. 144—146.

тебѣ вѣдасть и на семь свѣтѣ и на ономъ. То себѣ вѣждь, сынне мой, аще и до поту поработаеши, отъ того не умреши, но еще и здравѣе будеши, понеже и суровая пища сладка тебѣ будетъ“¹⁾).

Хотя тутъ преобладають религиозныя /соображенія, а съ другой стороны, опять таки замѣтенъ нѣкоторый коммерческій расчетъ („Богъ тебѣ вѣдасть на семь свѣтѣ“), тутъ по крайней мѣрѣ встрѣчается высокое понятіе о добросовѣстности работника, о трудѣ вообще.

Извѣстно, какъ во время крѣпостнаго права „лицемѣрный“ трудъ дорого обходился народу, въ какой мѣрѣ барщина тормозила развитіе народнаго богатства; извѣстно, какъ и въ настоящее время при поденной платѣ рабочимъ производительность ограничивается потерей времени, нерадѣніемъ рабочихъ. Посошковъ лучше многихъ современниковъ умѣлъ цѣнить экономическое значеніе времени, хотя и не зналъ англійской поговорки „time is money“. Александръ Гумбольдтъ по случаю изобрѣтенія стенографіи замѣтилъ однажды, что время есть капиталъ, цѣна котораго возвышается по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи. На низкихъ степеняхъ культуры время не цѣнится вовсе: на востокѣ торговцы, продавая ничтожные предметы, теряють много времени, ожидая по нѣскольکو часовъ болѣе выгоднаго момента для продажи; разносчики самыхъ ничтожныхъ по цѣнѣ товаровъ не принимаютъ въ расчетъ потерю празднаго времени. Негры обыкновенно не знаютъ числа прожитыхъ ими годовъ; въ Турціи почти вовсе нѣтъ часовъ, тогда какъ въ Англии, напримѣръ, гдѣ умѣють цѣнить время, даже въ скромныхъ сословіяхъ, мальчики весьма часто носятъ карманные часы. Чѣмъ менѣе въ Россіи умѣли цѣнить время, тѣмъ просвѣщеннѣе оказываются на этотъ счетъ взгляды гуманнаго и бережливаго Посошкова. Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ онъ пишетъ въ главѣ „О суждействѣ“ слѣдующее наставленіе, и для нашего времени довольно полезное: „А въ праздничную пору, аще придуть къ тебѣ приказные люди, или и посторонніе, поклонъ отдать ради праздника, то ты поклонъ и поздравленіе пріять, и самъ ихъ поздравь, и тоя же минуты и отпусти ихъ, чтобы у тебя въ домѣ и четверти часа не медлили, но шли бы куды кому потребно. Сего бо много бываеть, что придетъ на часъ токмо поклонъ отдать, а тотъ господинъ не речеть имъ, дабы они шли кому куды потребно; то аще и великую нужду имѣють, а пойтить не смѣють, и тако часъ другой

¹⁾ Отеческое завѣщаніе, стр. 176.

простоятъ напрасно. У многихъ господъ повичай такой бываетъ, аще кто придетъ поклониться, да поидетъ въ иное мѣсто такожде поклониться, и за то грѣваются, и того ради поклонники стоятъ яко связаны. И отъ таковаго излишняго стоянія тѣмъ людямъ чинится пакость великая, а у кого стоятъ, тому грѣхъ не малой¹⁾. Гораздо опредѣленнѣе говоритъ Посошковъ объ экономическомъ вредѣ траты времени въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, въ которомъ съ негодованіемъ жалуется на невниманіе чиновниковъ и судей къ интересамъ народа. Въ главѣ „О правосудіи“ сказано: „Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинять убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка приказная, то не котятъ подождать до иного времени, но какъ судятъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ еже взять письменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изнаться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляють, а людская—ни во что. А если въ дѣловую пору пришлеть, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людямъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей государевыхъ въ чемъ поберець, и до убытка какаго не допустить. А кто хочетъ прямо Его Императорскому Величеству порадовать, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили и того ради ни малаго бы убытку имъ не учинили. Всякому судѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно, то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не овлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберець!“

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на неудобный способъ контроля надъ цѣловальниками, которыхъ для этой цѣли принуждаютъ издалека

¹⁾ Отеч. завѣщаніе, стр. 242 и 243.

пріѣзжать въ Петербургъ, проживать тамъ по нѣсколькѣ недѣль и понапрасну тратить время и деньги на такое пребываніе въ столицѣ. Предложивъ иной способъ контроля такихъ финансовыхъ чиновниковъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ купеческому сословію, Посошковъ продолжаетъ: „Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а нашаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купецкіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимаю людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ, ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слѣть богатому. Я сего не могу знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рублей теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на государя, то взявъ властно что въ огонь бросать, ибо взявъ ихъ, положить въ палату, да держать въ заперти годъ или больше, да стануть дѣвнить; то коя шуба соболья быда рублей сотъ въ пять, ажно вынуть—гной одинъ, что и пяти рублей не стоитъ. И если бы о семь предѣлъ положить сицевый: аще у кого подъ судомъ тако учинять, то сгноенныя пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинять, то стали бы беречь и не хотя. Такого ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губять напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ народѣ богатства—богатство царственное, подобнѣ и оскудѣніе народное оскуденіе царственное“¹⁾.

Тутъ нѣкоторымъ образомъ смѣшивается понятіе о народномъ богатствѣ съ понятіемъ о богатствѣ государственномъ. Но вѣдь и фискалы сначала указывали не столько на народное и общественное, сколько на государственное богатство, опредѣляя извѣстное положеніе: „Раунге раузан—раунге гоуаше, раунге гоуаше—раунге гоі“. Заслуга Посошкова заключается въ указаніи на тѣсную связь между народнымъ благосостояніемъ и финансовымъ интересомъ, и онъ объ этомъ предметѣ говоритъ весьма краснорѣчиво, между прочимъ, слѣдующее: „Въ собраніи царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирать, чтобы никакими обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирать, а царства бы его не разорати. Кудой тотъ сборъ,

¹⁾ Соч. Пос., стр. 69—72.

аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто государю своему тщится служить, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро, и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе добрый товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирать. Якобы утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ¹⁾.

Весьма достойно вниманія то обстоятельство, что у Посошкова встрѣчается уже довольно ясное понятіе народно-экономическихъ выгодъ урочной рабочей платы. Въ двухъ мѣстахъ въ его сочиненіяхъ говорится объ этомъ предметѣ. Предлагая во главѣ „О правосудіи“ „отставить судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ государево жалованье“ и „учинить имъ окладъ съ дѣль, почему съ какого дѣла брать за работу“, Посошковъ замѣчаетъ: „По такому нововозложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать охотнѣе и волочить уже не будутъ: потому что буде сдѣлаютъ въ уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ уѣазу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочить, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякій подъячій будетъ съ попенченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.... „И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя поспѣшать будетъ“²⁾. Цѣлью такого способа вознагражденія подъячихъ, какъ видно, было сбереженіе времени. Сбереженіе аммуниціи при дачѣ жалованья военнымъ людямъ Посошковъ имѣлъ въ виду, предлагая слѣдующее: „Таковымъ солдатамъ“, то-есть, тѣмъ, которые умѣютъ стрѣлять въ цѣль;—„мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдатами и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублей, а тѣмъ, которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженихъ по шалкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублей въ годъ, дабы на то смотря и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рублей на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужитъ за два или за три человека не умѣющихъ“. На все это Посошковъ обращаетъ

¹⁾ Соч. Пос., стр. 209.

²⁾ Соч. Пос., стр. 82.

вниманіе главнымъ образомъ потому, „чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло“¹⁾. Въ „Донесеніи боярину Головину“ Посошковъ еще подробнѣе опредѣляетъ плату воинамъ, сообразно съ умѣніемъ стрѣлять. Онъ предлагаетъ „учинить жалованье умѣющимъ солдатамъ равное. Кои умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бѣ по рублю или по два, при прежнемъ жалованьи прибавить. А кой по шапкѣ жъ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижной, и никогда жъ не грѣшить, и такому и предъ тѣмъ прибавка жъ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безобязно, и тому иначе вѣдшее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую цѣль въ подвижную будетъ бить безизмѣнно, и такому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ратовали и въ наученіи подвизались“²⁾.

Къ этимъ же соображеніямъ о рабочей платѣ, соответствующей не извѣстному количеству времени, а самымъ результатамъ труда, количеству и качеству труда, можно отнести и вышенаведенное замѣчаніе въ „Отеческомъ завѣщаніи“; въ которомъ „укрущецъ хлѣба“ равняется тремъ поклонамъ, полушеа—шести поклонамъ, денежка—двѣнадцати поклонамъ и т. д.³⁾.

Особенно подробно и мѣтко о выгодахъ урочной работы Посошковъ говоритъ во главѣ „О царскомъ интересѣ“, объясняя какимъ образомъ должно быть устроено кораблестроеніе. Тамъ сказано: „И аще бы и то исправить сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно и смѣтить, колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъяснить, и неволикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяць, то и отпущены съ тримѣсячной работы будете. И едѣлавъ урокъ хотя на государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ дома свои. И тѣмъ управителямъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяць ту тримѣсячную работу отработаютъ, то

¹⁾ Тамъ же, стр. 37; сравн. стр. 267 и Отечественное завѣщаніе, стр. 201.

²⁾ Соч. Пос., 268.

³⁾ Отеч. зав., 207.

ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни два, и отпускъ бы имъ чинили. И еще такъ уставится, то крѣпко можно надѣяться, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обрабатывать. И конь работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуска давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, стануть на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ. И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью, трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлають, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А конь не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяца работаютъ; и еще тако устроится, всякія дѣла поспѣшиѣ будутъ отправляться. У буде вироки тако устроить, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшиѣ; потому что, отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать. И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же. А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить и давать по задѣлю коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлаться. Въ подтвержденіе правильности такого общаго взгляда Посошковъ приводитъ частный случай въ оружейной палатѣ при сидѣньи Алексѣя Александровича Курбатова ¹⁾.

Мы полагаемъ, что столь ясное пониманіе различія между подеинымъ и урочнымъ трудомъ, столь мѣткое указаніе на выгоды послѣдняго и для государственнаго, и для народнаго, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVIII вѣка могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ не только въ Россіи, но и на западѣ. Экономисты лишь довольно поздно стали указывать на выгоды поштучной платы, хотя на практикѣ давно оказалось, въ какой мѣрѣ выгодно такое распределеніе работъ и сколько лишняго времени убивается, понапрасну обменовенною подеиною или помѣсячною работою. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англійи значительною долею обусловливалось преобладаніемъ поштучной платы ²⁾.

Впрочемъ, и самъ Петръ зналъ, что во многихъ случаяхъ уроч-

¹⁾ О скуп. и бор., стр. 216—218.

²⁾ Roscher, System der Volkswirtschaft., I, 63,

ная работа идетъ успѣшнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ однажды писалъ по случаю постройки канала: „Принять солдатъ для строенія канала и раздѣлить эту работу, поурочно и сказать, вторые скорее свой урокъ отдѣлаютъ, тѣ немедленно и отпустятца... дабы они лучше работали и не бѣжали“¹⁾.

И Посошковъ, и Петръ желали болѣе успѣшнаго, болѣе быстро, болѣе усерднаго и ревностнаго труда въ Россіи. Въ главѣ „о правосудіи“, въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, Посошковъ замѣчаетъ: „А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотреть, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіе бы люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились и плодъ приносили“. Петръ для достиженія этой цѣли надѣялся на регламентацію, на строгій надзоръ, на полицейскія мѣры. Совершенно также и Посошковъ предлагалъ усилить дѣятельность чиновниковъ, надзирателей. Но, по мнѣнію Посошкова, именно эти люди сами недостаточно трудились, относились къ своимъ обязанностямъ съ нерадѣніемъ и не заботились о благѣ государства, не умѣя цѣнить государственный и казенный интересъ. Онъ пишетъ: „Всѣ бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричутъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотреть, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ. И всякія собранныя вещи не токмо въ царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы ничего нигдѣ не тратили; то такой человекъ прямой будетъ царственному богатству собиратель. И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадыти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое пожеланіе имѣть, како бы скорѣе дѣло вершить; и чтобъ въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишннихъ дней не сидѣли и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; вси по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.... А вси люди подлежатъ какому наказанію, то таковыкъ не надлежитъ и дня единаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и конхъ

¹⁾ Указъ господину Самарину въ *Ученыхъ Моск. Общ.* 1874. II. Сибѣ, 12—19.

надлежить послать на рудокопные дѣла и на иные черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куда надлежитъ не мотавъ, чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли“.

О праздности.

Весьма подробно Посошковъ излагаетъ, какая чувствительная потеря для народнаго богатства заключается въ праздной жизни арестантовъ и колодниковъ. „По тюрьмамъ“, пишетъ онъ,—„насажено у судей множество людей, и тѣ тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежатъ, да хлѣбъ ядятъ яко червѣжъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и весьма надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобъ дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣба бѣ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червию съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать прибытокъ Богу и царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися неопотребному червию, иже токмо во тлю претворяетъ, а пользы ни малая людямъ кромѣ пакости не содѣваетъ. Въ Россіи во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячь десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячь пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на человѣка съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самой малой окладъ по шти рублевъ на годъ коеуждо человѣку, то такіи тунядцами казны на кѣждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячь рублевъ; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго“¹⁾.

Какъ видно, Посошковъ въ этомъ отношеніи вполне раздѣлялъ убѣжденія правительства, которое не разъ принимало мѣры для извлечения матеріальныхъ выгодъ изъ рабочихъ сихъ арестантовъ. Известно, что на многихъ общественныхъ постройкахъ, напримѣръ, при устройствѣ гавани въ Рогервикѣ или Балтійскомъ Портѣ, работали колодники. Но правительство, также какъ и Посошковъ, было недовольно медленнымъ ходомъ судопроизводства и требовало отъ судей ускоренія въ рѣшеніи участи арестантовъ. Такъ, напримѣръ, 4-го апрѣля 1722 года состоялся указъ „о недержаніи въ тюрьмахъ колодниковъ

¹⁾ Соч. Пос., 105—107.

за казенные долги, объ отсылкѣ оныхъ въ работу на галеры¹⁾; въ этомъ указѣ виновникамъ замедленія грозили, что „иѣъ учинено будетъ то жъ, что надлежало учинить колодникамъ“²⁾. Особенно же часто встрѣчаются указы объ отправленіи жёнъ и дѣтей умершихъ должниковъ казны или въ галерную работу, или „въ прядильный домъ“, объ отправленіи „виновныхъ бабъ и дѣвокъ“ на частные мануфактурные заводы и т. п.³⁾ Подобную цѣль имѣлъ синодскій указъ отъ 11-го сентября 1722 года „о приученіи монахинь къ руководѣліямъ и ремесламъ“. Предписывалось обучать ихъ пряденію, шитью, вязанью или другому руководѣлію по выбору монахинь же „въ два или три мѣсяца безъ отлагательства, дабы въ праздности не пребывали“⁴⁾.

Петръ Великій, самъ работавшій неусыпно, принималъ довольно сильныя мѣры противъ нищихъ, число которыхъ было такъ громадно, что даже Посошковъ, считавшій нищету чѣмъ-то въ родѣ религіознаго призванія и дававшій разные совѣты сыну на тотъ случай, если послѣдній сдѣлается нищимъ, замѣчаетъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи о просившихъ милостыню: „А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни (не?) собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!“⁵⁾. Посошковъ недоволенъ распоряженіемъ правительства, запрещающимъ давать милостыню: „А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуютъ: а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ“⁶⁾. Затѣмъ Посошковъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе этого указа, обвиняя чиновниковъ въ произвольномъ толкованіи его: „Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, или какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они то оставя, давальцовъ штрафуютъ“. Вѣроятно, Посошковъ говоритъ здѣсь объ указѣ 6-го апрѣля 1722

¹⁾ Полн. Собр. Зак., № 3928.

²⁾ Тамъ же, № 3140, 3306, 3113, 3336, 3808.

³⁾ Тамъ же, № 4089.

⁴⁾ О скуд. и бог., стр. 109.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 103—104.

года: „Смотрѣть на брѣпео, дабы по прежнимъ указамъ бродящихъ нищихъ не было. А ежели гдѣ таковыя явятся, и таковыхъ ловить и приводить въ полицеймейстерскую канцелярію, а изъ оной молодыхъ на урочные годы употреблять въ казеннымъ работамъ, а старыхъ отсылать для опредѣленія въ госпиталь, въ синодъ, а къ кому оныя пристають и съ таковыхъ имать штрафъ“¹⁾). Очевидно, последнее замѣчаніе повело къ такимъ недоразумѣніямъ и имѣло слѣдствіемъ наказаніе давашнихъ милостынн. Слово „нынѣшній“ указъ подтверждаетъ наше предположеніе, что Посошковъ имѣлъ въ виду именно это распоряженіе правительства. Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“ три года и кончилъ ее въ началѣ 1724 г. Поэтому составленіемъ третьей главы этого сочиненія онъ могъ заниматься именно въ то время, когда былъ обнародованъ указъ 6-го апрѣля 1722 года²⁾).

Впрочемъ Посошковъ могъ имѣть въ виду и указы прежнихъ годовъ, въ которыхъ запрещалось давать милостынн. Въ декабрѣ 1705 года бояринъ Мусинъ-Пушкинъ по указу великаго государя приказалъ: „нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просить милостынну пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ ловить, и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ монастырскій приказъ и читать имъ наказаніе и всякаго чина людямъ заказывать, чтобъ тѣмъ бродящимъ нищимъ милостынн никто не давалъ, а кто хочетъ милостынну подавать, пусть даетъ въ богадѣльни: а кто не послушается и будетъ подавать милостынну бродячимъ нищимъ, такихъ хватать, приводить въ монастырскій приказъ и брать съ нихъ пеню по указу: изъ этихъ пенныхъ денегъ половина идетъ въ монастырскій приказъ, а другая тому подъячюму, который станетъ такихъ людей приводить въ приказъ, и для того послать изъ монастырскаго приказа подъячихъ съ солдатами и приставами по улицамъ“³⁾).

Такое же, несдѣланное въ прежнее время запрещеніе подавать милостынну повторяется и въ указѣ 25-го февраля 1718 года, по тутъ всѣмъ подавателямъ милостынн грозятъ еще большею денежною пеней: „А буде которые люди станутъ такимъ нищимъ мило-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., № 3945.

²⁾ Этотъ указъ обнародованъ 25-го апрѣля.

³⁾ См. Соловьева, Ист. Россіи, т. XVI, стр. 19.

стыню подавать, презрѣвъ сей его великаго государя именный указъ, и ихъ присмотра по томуъ приводить въ монастырскій приказъ и имать на нихъ штрафу, первой по 5, другой по 10 рублей, и для присмотру вышепомянутыхъ бродящихъ неистовыхъ монаховъ и нищихъ мужеска и женска полу и для подавцевъ милостыни опредѣлить изъ монастырскаго приказу, изъ московскаго гарнизона нарочныхъ поимщиковъ изъ какихъ чиновъ пристойно¹⁾.

Не мудрено, что такіа распоряженія не нравились сторонникамъ домостроевскихъ понятій. Въ древней Руси говорили, что „въ рай входить святою милостыней“, что „нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается“; существовало множество поученій „какъ подобаеъ милостыню творити“, „о управленіи души и о разсмотрѣніи милостыни“, „о холодности къ нищимъ“. При царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ существовали особые нище, подъ именемъ *боломолицевъ верховныхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но даже жалованье и форменную одежду. При монастыряхъ состояли цѣлыя слободы нищихъ²⁾. Въ Москвѣ нище имѣли днемъ свое постоянное пребываніе на мостахъ, на перекресткахъ, на владбищахъ, у церквей; нище были, такъ сказать, людьми церковными. Въ „Домострой“ встрѣчается такое наставленіе: „нищихъ, и жаломожныхъ и скорбныхъ и странныхъ пришельцевъ призывай въ свой домъ и по силѣ накорми и напои“. Въ 1678 г. у патриарха кормлено было нищихъ 2500 человекъ; цари и царицы кормили и поили нищихъ цѣлыми сотнями³⁾. Не мудрено, говоримъ мы, что при господствѣ вѣшне-благочестивыхъ и патриархальныхъ обычаевъ подобныя распоряженія правительства не одобрялись людьми, которые, подобно Посошкову, были воспитаны въ понятіяхъ Домостроя. Самъ Посошковъ въ своемъ „Завѣщаніи къ сыну“ во многихъ мѣстахъ училъ давать милостыню. Такъ напримѣръ, онъ писалъ: „А аще во время твоего яденія придетъ къ тебѣ нищій просити милостыню: то даждь ему лучшій кусокъ, кой тебѣ угоденъ: а худшаго отнюдъ не давай, дабы тебѣ въмѣсто милости, Бога на гнѣвъ не привести, понеже подаваемая милостыня въ рудѣ Богу подается. А аще Бога любиши, то лучшее ему подаси, а аще худшее Богу подаси, то ты ложь еси, и любиши

¹⁾ П. С. З. № 3172.

²⁾ См. Нище на-святой Руси, стр. 58, 66, 78, 79.

³⁾ Тамъ же, 82—83.

себя паче, нежели Бога ¹⁾. Въ какой мѣрѣ Посожиковъ милостивно считалъ необходимымъ средствомъ спасенія видно изъ слѣдующаго совѣта: „Егда изыдеши изъ дому своего, то... изъ чюага своего имми три пѣназя, велики или малы, и каковы тебѣ первыя попадутъ нищія, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ или увѣченъ или и здравъ, не разбирая даждь первымъ, близъ тебя случившимся, И аще узриши и весма древна или дряхла идуща или сидяща: а предъ нимъ тебѣ случатся млади и здравы, и ты не разбирай между ними, даждь тѣ три пѣназя первымъ случившимся тебѣ, а потомъ аще восхощени, даждь увѣчному особый пѣназя, къ прибавку первымъ“ и проч. ²⁾.

Защищая нищихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, Посожиковъ все-таки желаетъ принятія мѣръ противъ праздношатающихся. Онъ предлагаетъ по случаю вышеупомянутаго указа слѣдующія распоряженія относительно нищихъ: „И сію статью правильнѣе-бъ такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровыя крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякаго чина людемъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣхъ, каковой человекъ ни увидитъ нищаго здороваго, то вата бы его, привелъ въ приказную малату и записалъ, гдѣ его вѣдалъ, и записавъ, отдать бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, ни бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ въ каковыя дѣла государевыя. То дворяне лишь слышнеть, асу не будутъ мѣшкать—заберутъ къ себѣ, и по міру ходятъ уже, а будутъ нускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищія бродить не будутъ и во улицахъ ходить не стануть. А иные посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру милостивно собирать; а иные скочившись ходятъ будто тюремныя сидѣльцы, и вправъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные и сами промышленны, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать не оскудѣе, чтобы даромъ хлѣба не ѣли. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шель бы на поденную работу, или и пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастернымъ

¹⁾ Отеческое завѣщаніе, стр. 173.

²⁾ Тамъ же, стр. 174.

людямъ въ наученіе, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру много ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковыя люди унодобились червю, что ничего не дѣлають, а хлѣбъ въ свѣтъ грабятъ даромъ¹⁾.

Изъ этихъ замѣчаній видно, въ какой мѣрѣ распространено было зло нищенства не только между крестьянами, но и въ среднѣмъ сословіи. Посословъ, понимая народно-экономическій вредъ этого явленія, относился къ нищимъ, способнымъ работать, ни чуть не снисходительнѣе правительства, которое и до вышеупомянутыхъ указовъ по временамъ принимало довольно крутыя мѣры противъ множества нищихъ. Въ древней Руси масса немущихъ, захребетниковъ, бобылей, бѣглыхъ, погорѣлыхъ, ослѣпшихъ, спившихся, увеличивалась отъ постоянныхъ разгромовъ, пожаровъ, моровыхъ повѣтрій и набѣговъ Татаръ. Сверхъ того, приходили еще греческіе монахи для сбора милостыни и пожертвованій, особенно со времени взятія Константинополя Турками²⁾. Разумѣется, было много и такихъ людей, у которыхъ нищенство было вѣрнымъ и доходнымъ промысломъ³⁾. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный возсталъ противъ такихъ дармоѣдовъ на Стоглавомъ соборѣ и велѣлъ ихъ всѣхъ повыгнать изъ богадѣленъ. Стоглавыи соборъ жаловался на чрезмѣрное множество нищихъ. Воровство и грабежъ, свидѣтельствуеъ Флетчеръ, были часты отъ этого множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: дай мнѣ или убей меня! Нищими занимался соборъ 1681 года. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ указѣ 1682 года говоритъ, что по улицамъ бродятъ и лежатъ нищія, вороватые воры; прося подѣ окнами милостыни, подмѣчаютъ, кто какъ живетъ, чтобъ послѣ обокрасть, малыхъ ребятъ съ улицы крадутъ и руки и ноги имъ ломають, и на улицы ихъ владуть, чтобъ люди, на нихъ смотря, умалилися, и больше имъ милостыни давали. Царь между прочимъ повелѣлъ нищихъ дѣтей учить наукамъ и ремесламъ⁴⁾.

Во время двоевластія Іоаннъ и Петръ (въ 1691 году) указали „извѣстно имъ, Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гуляющіе люди,

¹⁾ Соч. Пос., стр. 104—105.

²⁾ Нищія на св. Руси, 5.

³⁾ См. сказку о слѣпцѣ-нищемъ, имѣвшемъ пять сотъ рублей. Нищія на св. Руси, 48.

⁴⁾ Нищія на св. Руси, 83.

подвязавъ руки, такожь и ноги, а инне глаза завѣся и зажмура, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы, и тѣхъ людей имать и... отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего указу впредь объявятся на Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылатъ въ ссылку въ дальніе сибирскіе города¹⁾. Повторя этотъ указъ, прибавляли: безмѣстныхъ черицовъ и черицъ, поповъ и діаконовъ, чтобъ они по улицамъ не бродили и по кабакамъ не водились, приводить въ стрѣльцкій приказъ²⁾.

Мѣры, принимаемыя противъ нищихъ, становятся съ теченіемъ времени все строже и строже. Въ 1712 году послѣдовало такое заповѣщеніе: „Нищимъ по міру на Москвѣ мужеска и женска пола и робятамъ и старцамъ и старицамъ милостыни не просить и по мостамъ не сидѣть, а бытъ имъ въ богадѣльняхъ по прежнему и смотрѣть изъ монастырскаго приказу накрѣпко, буде гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищія явятся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ; а въ монастырскомъ приказѣ учиня наказаніе, отослать въ богадѣльни и въ монастыри, а которые по міру жь будутъ ходитъ, а въ богадѣльняхъ они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, потому жь въ монастырскомъ приказѣ учиня жестокое наказаніе, отсылать въ прежніе мѣста, откуда кто пришелъ“³⁾.

Все это не помогало. Въ указѣ 25-го февраля 1718 года говорится о „неистовыхъ“ монахахъ и нищихъ, которые являютъся на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ на перекресткахъ; по этому поводу приказано, „имая ихъ, приводить въ монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не давать“⁴⁾. Между разными полицейскими распоряженіями 25-го мая и 20-го іюня 1718 года повторяются подобныя же распоряженія⁵⁾.

Даже въ Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго говорится съ неодобраніемъ о „бездѣльникахъ“ нищихъ⁶⁾.

¹⁾ П. С. З., № 1424.

²⁾ П. С. З., № 1489.

³⁾ П. С. З., № 2470.

⁴⁾ П. С. З., № 3172.

⁵⁾ П. С. З., № 3203, 3213.

⁶⁾ Нищія на св. Руси.

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ о нищихъ, когда Пососшковъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ предлагалъ мѣры для искорененія этого зла. Онъ думалъ достигнуть этой цѣли тѣми же средствами, о которыхъ мечталъ Петръ, заводившій при монастыряхъ пріюты, богадѣльни, школы, работные дома, прядильни и пр. Ни Петръ, ни Пососшковъ не могли думать, что всѣ эти мѣры окажутся не цѣлесообразными даже до настоящаго времени.

Въ какой мѣрѣ Пососшковъ умѣлъ цѣнить потерю рабочихъ силъ для народнаго богатства, чрезъ множество праздношатающихся, видно изъ слѣдующихъ сдѣланныхъ имъ предложеній во главѣ „о разбойникахъ“: „И ради размноженія таковыхъ дѣлъ (то-есть, промышленныхъ предпріятій) учинить бы указъ, чтобы нищихъ, по улицамъ скитающихся, и молодыхъ, и среднихъ хватать, и записавъ въ приказѣ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робать мужескаго полу и женска научить прясть, а подростлыхъ—ткаать, а иныхъ бѣлить и лощить; то бы они научася были бы мастерами. Я чую, что можно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и вострод домы мастерскіе, науча тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ, можно ими много дѣлъ уривить“¹⁾. А въ другомъ мѣстѣ, предложивъ разныя мѣры для усиленія промышленности, Пососшковъ продолжаетъ: „Кто изъ своей охоты заведетъ такіа дѣла, царству потребныя изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ такожде указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робать мужеска пола и женска имать и учить, и науча, владѣти имъ вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди быти имъ тутъ вѣчно. И сичевымъ порядкомъ нищія, бродяги и тунеядцы всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатиться и славою разширяться“²⁾. Для этого былъ необходимъ строжайшій полицейскій надзоръ; поэтому Пососшковъ, во главѣ „о правосудіи“ предлагаетъ: „А по кабакамъ надобно смотрѣть, чтобы прыжки голыя безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брати на нихъ вѣрности, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышленать, и зернью не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людямъ не дергать, чтобы безъ работъ никакой человекъ не былъ. А крогѣ при

¹⁾ «О скуд. и бог.», стр. 149.

²⁾ Тамъ же, 151.

каза всякому командиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ не шатался, и робята молодые, кромѣ праздничныхъ дней отнюдь бы по улицамъ ни козлами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущія никаковыя вещи напрасно не тратили и лицами не бились; и никакого чина люди и дворяне безъ кнѣсменнаго увазу хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрѣли, и приказывали и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые робята даромъ не шатались бы, но онне учились бы грамотѣ, а иные руководѣнію, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прастъ учились, и научась, шли бы на помояныя дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевою работу работали. И аще въ кнѣности кажутся работать, то и подь старость гулякомъ не будетъ¹⁾).

Очевидно, мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, вполне соответствовать административнымъ распоряженіямъ Петра Великаго, строившаго рабочіе дома для праздноматающихъ и заводившаго ремесла а также и взглядамъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ экономистовъ XVIII вѣка, напримеръ, предложеніямъ австрійскаго ученаго Йенненфельса (род. въ 1788 г.) ограничивать или даже запрещать всѣ занятія непроизводительныя или покожія на праздность, какъ то показываніе звѣрищевъ и т. п.²⁾

Посошковъ—самъ крестьянинъ—не имѣлъ особенно высокаго понятія о наклонности рабочаго класса въ труду. Онъ считалъ необходимыми строгія мѣры для того, чтобы заставить мужиковъ работать прилежнѣе. Въ введеніи въ сочиненію „О скудости и богатствѣ“ сказано: „Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомнать, чтобы и ихъ отъ разоренія и обидъ предохранить, и въ лѣности бѣ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овне въ лѣсахъ, овне жѣ въ домовыхъ руководѣльяхъ, и инии жѣ въ подводахъ съѣздили; а лежа своего припасеннаго хлѣба, не потрудився; не ѣли бѣ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей

¹⁾ О скуд. и бог., стр. 107—108.

²⁾ Roscher, Gesch. d. Nationalökonomik, 539.

добрых нѣтъ, и въ подводѣ наняться не на чемъ, тѣ шли бѣ въ людскія работы и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили“¹⁾. Во главѣ „о крестьянствѣ“ Посошковъ называетъ „лѣность“ крестьянъ одною изъ главныхъ причинъ „скудости крестьянскаго житія“. Помѣщики должны, какъ полагаетъ Посошковъ, „смотреть за своими крестьянами, чтобы они вромѣ недѣльныхъ и празничныхъ дней не гуляли, но всегда бы были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде мой крестьянинъ станетъ лежечить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, цонеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во нныя воровства“²⁾. О разбойникахъ же и ихъ экономическомъ вредѣ Посошковъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Аще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни конми дѣлѣ обогатится не возможно“³⁾.

Но не въ одномъ крестьянскомъ сословіи Посошковъ обличалъ „лежебоковъ“; совершенно согласно со взглядами Петра, не желавшаго, чтобы „вадеты“ знатныхъ фамилій были праздны, а приказывавшаго, чтобы всѣ принуждены были „хлѣба своего искать службою, учениемъ, торгами и прочимъ“⁴⁾, и Посошковъ строгими мѣрами надѣялся привлечь всѣхъ праздныхъ къ труду. Во главѣ „о правосудіи“ онъ предлагалъ устройство сложной системы доносовъ на всѣхъ „лежебоковъ“, то есть на тѣхъ лицъ, которые уклоняются отъ службы или отъ какой-либо работы⁵⁾.

Петръ понималъ тѣсную связь, существующую между частнымъ трудомъ и общественнымъ благосостояніемъ. Говоря о занятіяхъ „вадетовъ“ онъ замѣчаетъ: „Все, что оны сдѣлаютъ вновѣ для своего пропитанія, государственная польза есть“⁶⁾. Еще точнѣе выражаетъ эту мысль Посошковъ при слѣдующихъ случаяхъ. Говоря въ „Отечественномъ Завѣщаніи“ „о судѣбствѣ“ и указывая на зло „волокіты“ въ судебныхъ дѣлахъ, Посошковъ говоритъ, что доходы казны съ тяжбыныхъ дѣлъ далеко не столь выгодны, какъ согласіе истцовъ и отвѣтчиковъ: „Въ миру живучи всячески сами будутъ въ полности, и госу-

¹⁾ О скуд. и бог., стр. 7.

²⁾ О скуд. и бог., стр. 171.

³⁾ Тамъ же, стр. 6.

⁴⁾ Указъ о порядкѣ наследованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ 23-го марта 1714 г. П. С. З., № 2782.

⁵⁾ См. О скуд. и бог., 95.

⁶⁾ П. С. З., № 2789.

дарю прибыли от них больше сойдется: потому купецкой человекъ, съ торгу своего болши приказныхъ пошлинъ, прибыли принесеть, а мастеровой болши сработаетъ, а въ привозной тамбѣ и болшой волокътѣ всѣхъ своихъ пожитиговъ лишается" ¹⁾).

Разказывая въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, въ главѣ „о правосудіи“, случай произвольнаго дѣйствія судьи Ивана Микитина съ однимъ ученикомъ стекляннаго дѣла Иваномъ Семеновымъ, который по ничтожному дѣлу долго просидѣлъ въ тюрьмѣ, Посошковъ продолжаетъ: „И такимъ судейскимъ милосердіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и всѣ тѣ пять лѣтъ погибли. А если бы онъ Микитинъ не алтыничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста два-три прибыли въ царствѣ сдѣлать бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ" ²⁾).

Изъ этой аргументаціи видно, что Посошковъ не только имѣлъ въ виду интересъ казны, но и народное богатство, хотя еще для этого послѣдняго понятія у него не встрѣчается особеннаго термина. Также и Петръ, говоря о „государственной пользѣ“, не ограничивался понятіемъ о финансовыхъ выгодахъ, а мечталъ о вседѣломъ народно-экономическомъ организмѣ. И Посошковъ, и Петръ, какъ представители вѣка просвѣщеннаго абсолютизма, понимали, что народъ есть цѣль, а государство лишь средство, что поэтому не столько финансовыя соображенія, сколько полицейско-экономическія должны находиться на первомъ планѣ. Однако понятія о государственномъ и народномъ хозяйствѣ смѣшивались у Петра и у Посошкова. Не даромъ наука о хозяйствѣ сперва имѣла названіе „политической“ экономіи, а затѣмъ только получила названіе „народной“ (wealth of nations, Nationalökonomie). Чисто государственное хозяйство, то есть, управленіе финансами, въ глазахъ Посошкова никогда не могло быть дѣломъ столь великимъ и сложнымъ, какъ работа правительства о благосостояніи народа. Въ началѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ онъ говоритъ: „По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царскія сокровища наполнить богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже воскощеть во области своей можетъ сотворить; но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ,

¹⁾ Отеческое завѣщаніе, стр. 232.

²⁾ О скуд. и бог., 111.

и разбойниковъ, и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими иъбрами народу всесовершенно обогатится не возможно“¹⁾).

Такимъ образомъ, вся отвѣтственность лежитъ на правительствѣ, законодательная и административная дѣятельность котораго должна обнимать всё отрасли производства, распредѣленія и потребления богатства, полицейскій надзоръ котораго надъ всеми подданными долженъ быть неусыннымъ, строгость котораго, по мнѣнію Петра и Посошкова, не должна знать предѣловъ.

О сбереженіи.

Не только производство должно было, по мнѣнію Посошкова, находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, но и потребление. Придима на себя отвѣтственность за благосостояніе всеобщее, привлекая всѣхъ и каждого къ участию въ трудѣ, администрація должна была предохранять всѣхъ и каждого отъ всякой лишней траты, проповѣдывать бережливость въ потребленіи, предписывать, какъ подданные должны питаться, одѣваться и пр.

Въ „Домостроѣ“ ни на одинъ вопросъ въ области хозяйства не обращалось столько вниманія, какъ на сбереженіе. Весьма часто тамъ повторяются наставленія о томъ, что ничто не должно пропадать даромъ, тераться или портиться; наставленія, какъ должно беречь обрѣзки, доскутки и остатки, запасы въ житницахъ, въ сундильяхъ, въ погребахъ, въ кладовыхъ и т. д., наставленія, какъ жесть носить платья и рубашки и уборы не измявъ, не завачавъ, не испортивъ. А далѣе преподается ученіе и о томъ, какъ „жить по приходу расходъ и всегда себя смѣчать... а кто станетъ жить иначе, на люди глядя, не по силамъ, и займун или неправеднымъ имѣніемъ, и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ и съ укоризною, и съ поношеніемъ“ и пр.

Посошковъ находить потребление въ Россіи во многихъ случаяхъ неправильнымъ, и жалуется на то, что многое пропадетъ, особенно вслѣдствіе нерадѣнія чиновниковъ, ни сколько не имѣющихъ въ виду „царскій интересъ“. Такимъ образомъ, говорить онъ, и казна терцать, и народное богатство.

Одежда.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что Посошковъ былъ меркантилистомъ и поэтому считалъ вообще потребление за-

¹⁾ О скуп. и бог., стр. 3.

граничныхъ товаровъ, которые можно замѣнить русскими, вреднымъ для народнаго хозяйства. При этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на непрочность этихъ товаровъ. Такъ, напримѣръ, уже въ „Запискахъ Отеческомъ“ Посошковъ ратуетъ противъ обшивныхъ пуговицъ: „И ты сыне мой, вслѣдствіе тѣхъ дѣтямъ своимъ одежды чинить не отъ высокихъ цѣнъ: елико себя ради, паче же ради царственнаго пополненія, дабы ваше Россійское царство, отъ излишняго наряда, не отончвало; и тоя же ради царственныя прибили дѣтямъ своимъ обшивныхъ пуговицъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ, ни самыхъ золотыхъ не покупай, понеже обшивные пуговицы переводъ деньгамъ, потому что они въ скорыхъ числахъ пропадаютъ, и вворота отъ нихъ и нула не будетъ, а Нѣмцы воли похваляютъ ты часовныя пуговицы. А ты, сыне мой, на ихъ иѣмеди басни не смотри, дѣлай дѣтямъ пуговицы, либо серебряныя, либо жѣдныя. То хорошо, чтобы пуговицы портицевъ пять-шесть износили: а обшивныхъ пуговицъ на одно портяще пять будиши пережѣвать, и придуть тебѣ дороже серебряныхъ, а износя всѣ бросиши. А серебряныя кои плотно сдѣланы — болко кафтановъ ни переносишь, а деньги въ головахъ“¹⁾. Равно и въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ Посошковъ ратуетъ противъ „иноземскихъ“ пуговицъ и обнаруживаетъ при этомъ случаѣ подробное знаніе предмета, замѣчая: „И того ради годствуетъ принимать пуговицы жѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки да насажены на деревянныя болвашки, или олованныя серебромъ посеребрены на жестяныхъ чашкахъ. Также же кои вмѣсто стальныхъ привозять вымучовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножь для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на жѣлѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать, потому что онѣ весьма потребны, платья не деруть, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде стинуть уши дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ портицъ пять-шесть переносить“²⁾.

Какъ видно, Посошковъ имѣлъ ясное понятіе о солидности въ потребленіи; онъ умѣлъ цѣнить выгоду востаннаго капитала, посредствомъ котораго сберегается известное количество капитала оборотнаго. Знакомый съ различными отраслями промышленной техники,

¹⁾ От. Зав., стр. 58.

²⁾ О скуд. и бог., 125.

онъ былъ въ состояніи давать умные совѣты своимъ согражданамъ, склоннымъ тратить деньги на непрочные товары для украшенія одежды.

Затѣмъ Посошковъ желаетъ, чтобы Русскіе не покупали столько шелковыхъ и другихъ матерій, лентъ, платковъ „потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, только денежная напрасная трата“; шелковые платки онъ совѣтуетъ замѣнить льняными, иностранныя вина — русскими напитками и пр.

Иностранцы-путешественники говорятъ о страсти Русскихъ въ нарядахъ. Въ старину любили носить дорогія матеріи, украшая ихъ жемчужомъ, драгоценными камнями, пошументами и пр. Юрій Крижаничъ „первою причиною нужамъ и убожеству“ считаетъ „буиность въ строгахъ“ и продолжаетъ: „Рубачи ся нашиваютъ златомъ и свилю (шелкомъ); сапоги ся шьютъ мѣдными нитями: мужи носятъ бисеръ: таково несподобіе нигдѣ въ Европѣ ся не дѣетъ. Наигорши черняки (мужики) носятъ свилную пратежь. Черняцкихъ женъ нѣсть разовнать отъ наипредѣвшихъ боярынь. Висера земля не носить, а всѣ до наипредѣго хотять бисеръ носить. Красилъ земля не родить: а всѣ до наипредѣго хотять крашенныя сукна носить“¹⁾. Подобныя же отзвы встрѣчаются въ сочиненіяхъ Флетчера, Петрея, Олеарія и пр. Не мудрено поэтому, что патріоты, какъ наиримѣръ, Крижаничъ и Посошковъ, считали необходимымъ принятіе мѣръ противъ роскоши въ одеждахъ. Крижаничъ говоритъ: „А наипаче годило бы ся преновѣдать (то-есть, запретить) простымъ людямъ уживать (употреблять) свилы (шелкъ), злата приденаго и преднихъ (лучшихъ) сверлатныхъ суконъ: дабы ся разовнавалъ станъ болгарскій отъ простаковъ. Велико бо неподобіе бытъ ся важеть, да маловерстанъ писецъ ходитъ въ единаковныхъ свитахъ съ начальнымъ бояриномъ“²⁾.

Посошковъ этому же вопросу посвящаетъ нѣкоторую часть главы „о художествѣ“. „Паки и сіе мнѣ мнится“, пишетъ онъ, — „не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощиваютъ. Паки мнѣ мнится — не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все кунечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А

¹⁾ Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, I, 154.

²⁾ Русск. госуд., I, 141.

инѣ ни коими дѣлами по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей, и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно. А мнится мнѣ быть то самое прямое дѣло, чтобы не то что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть. Первая статья купецкаго чина, кѣмъ выше тысячи рублей, даже до десяти тысячъ позитѣ у себя имѣють, тѣмъ бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублей, а камзолы луданне и Stoffные и прочія шелковыя парчи, конъ безъ золота, безъ атласа и безъ испещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченныя, а позументовъ бы и шнуровъ золотыхъ и серебряныхъ; ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бы ниже подвязки, чтобы оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина повороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповныя, а камчатныхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и расомашными; а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кѣмъ выше десяти тысячъ имуть у себя позитѣ. А среднія статьи, кѣмъ имуть у себя позитѣ отъ ста рублей даже до тысячи, то тѣмъ бы носили сукна англійскія, кѣмъ около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконныя носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, ладныя мѣдью и серебромъ посеребренныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровныя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго купечества, а на ногахъ — сапоги. А нижняя статья, кѣмъ отъ десяти рублей имѣють позитѣ только до ста рублей, тѣмъ бы носили сукна русскія крашенныя лазоревныя и иными цвѣтами, хотя валенныя, хотя не валенныя, только бы были крашенныя, а не крашенныя носили бы работные люди и крестьяна.

Такимъ образомъ, Посошковъ надѣется, „что чинъ отъ чина явентъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать“, и „что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будетъ“. За то Посошковъ желаетъ, чтобы богатые одѣвались роскошно: „У кого позитѣ

на тысячу рублей есть, тотъ бы себя не ругалъ, но, благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристойности своему. А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣютъ, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у иного и ста рублей нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою жѣрность зналъ. И еще у кого пожитку выше тысячи рублей, и онъ платье по своему достоинству противу своего клеветства носить не будетъ, и это, вѣдая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ его пожитки переписать, и еще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себя того возжелалъ, а излишнее все, еще и выше того будетъ, взять на великаго государя, а доносителя изъ взятаго пожитку выдать десятая доля. А буде у кого не смѣтъ явится ни съ большимъ на тысячу рублей, тому въ пеню не ставить; еще что другое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишняя пять сотъ или и больше взять на государя, а ему оставить тысячу рублей или сотъ пять-шесть. А кто выше своей мѣры платье себя сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинитъ ему наказаніе, чтобы впредь такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчали. И еще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помощь: никто излишняго тратить не будетъ⁴.

Такая склонность къ опежѣ и регламентации можетъ казаться странною; однако, не трудно доказать, что на этотъ счетъ Посошковъ раздѣляетъ убѣжденія многихъ современниковъ. Разумѣется, мелочность въ полицейскихъ распоряженіяхъ, предлагаемыхъ Посошковымъ, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ хочетъ „во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобы по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкамъ, всѣ бы были знатны, кто какого званія есть“⁵). Но все это не можетъ считаться новымъ. Въ Россіи допетровской по шапкѣ можно было узнавать происхождение и достоинство. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолюбно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ—обыкновенной народной шап-

⁴) О скуд. и бог., 128—131.

⁵) О скуд. и бог., стр. 131—132.

кѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью носившаго шапку ¹⁾. Вездѣ, гдѣ на сословныя отличія обращалось вниманіе, встрѣчались подобныя правила. Еще недавно у насъ только купцамъ первой гильдіи дозволялось ѣздить четвернею, тогда какъ купцы второй гильдіи не имѣли на то права. Въ древнемъ Вавилонѣ степень знатности обозначалась длиною посоха, несимаго каждымъ безъ исключенія. Указомъ короля Французскаго отъ 1294 года запрещалось всѣмъ лицамъ, имѣющимъ доходы ниже 6000 ливровъ, употреблять золотыя или серебряныя сосуды; горожане не имѣли права ѣздить въ экипажахъ; одни лишь герцоги, графы и бароны, имѣющіе 6000 ливровъ дохода, могли завязывать себѣ четыре одежды въ продолженіе года, однако не болѣе, остальные люди менѣе этого; число блюдъ въ каждомъ сословіи было опредѣлено ²⁾. Къ концу средняго вѣкова въ Германіи дозволялось рыцарямъ носить золотыя вещи, тогда какъ употребленіе этого металла запрещалось оруженосцамъ; рыцари имѣли право носить одежду изъ камки, оруженосцы должны были употреблять другую матерію, а въ случаѣ дозволенія оруженосцамъ носить камку, употребленіе бархата было имъ запрещено. На сеймѣ въ Фрейбургѣ въ 1498 году дозволялось рыцарямъ, дворянамъ и докторамъ носить на шляпѣ двѣ унціи золота, не болѣе; остальнымъ было дозволено носить двѣ унціи серебра, не болѣе. Въ Венеціи и въ Феррарѣ женское платье въ XVI вѣкѣ не должно было стоить болѣе пятнадцати червонцевъ, женскій уборъ не болѣе пятидесяти червонцевъ. Крестьянки не имѣли права носить шелъ, жемчугъ, золото и серебро; всѣмъ женщинамъ запрещалось имѣть шлейфъ длиннѣе полуаршина и т. д. ³⁾. Въ регламентѣ о платьяхъ, изданномъ въ Германской имперіи въ 1577 году, прямо сказано, что ограниченіе роскоши въ одеждахъ имѣетъ лишь цѣлью опредѣлить различіе между сословіями. Многіе примѣры доказываютъ, что всѣ эти остатки средневѣковыхъ нравовъ и воззрѣній уцѣлѣли и при всемъ просвѣщеніи позднѣйшихъ столѣтій. Въ Германіи въ 1699 г. лицъ, принадлежащихъ въ сословію прислуги, и не смотря на запрещенія, носившихъ кружева, позументы, шлейфы и т. д., приводили въ ратушу, гдѣ полицейскіе служители снимали съ нихъ эти предметы. Даже въ са-

¹⁾ *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа, стр. 71—72.

²⁾ *Blanqui*, Histoire de l'écon. politique, I, 226.

³⁾ *Henne-am Rhyn*, Kulturgeschichte der neueren Zeit, I, 594.

момъ концѣ XVIII вѣка въ Гильдесгеймѣ посадскимъ и крестьянскимъ людямъ было запрещено, подѣ штрафомъ денежной пени пяти талеровъ, носить золото и серебро, бархатъ, шелкъ, кружева и ситець. Въ Саксоніи низшей классъ не имѣлъ права носить заграничное сукно и т. д. Во Франціи при открытіи собранія государственныхъ сословій въ 1789 г. депутаты трехъ сословій—дворянства, духовенства и третьего сословія, рѣзко отличались другъ отъ друга костюмами.

Именно въ то время, когда писалъ Посошковъ, правительство въ Россіи считало своимъ правомъ и своею обязанностью заботиться о мелочахъ одежды частныхъ людей. Петръ Великій сперва, чтобы приучить Русскихъ къ западнымъ обычаямъ, а позже—слѣдуя правиламъ меркантилизма, и наконецъ—съ цѣлью предохранять подданныхъ отъ лишннихъ денежныхъ тратъ издавалъ постоянно законы о платьѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году онъ приказалъ: „Позументовъ убавить, или и вовсе заказать, ибо въ обычаѣ входитъ начало, что много носятъ, отъ чего не только убытокъ партикулярнымъ, но и государству, ибо Англичане богаче насъ, а позументовъ не носятъ“¹⁾.

Посошковъ не былъ сторонникомъ западныхъ обычаевъ; онъ не носилъ нѣмецкаго платья; во многихъ мѣстахъ „Отеческаго Завѣщанія“ онъ ратуетъ противъ ношенія париковъ²⁾. За то онъ вполне сочувствовалъ Петру, какъ меркантилисту, былъ вообще сторонникомъ регламентаціи и опеки, и подобно ему, желалъ учить частныхъ людей вести домашнее хозяйство рационально и бережливо.

Какъ религіозныя, такъ и общеэкономическія соображенія заставляють Посошкова ратовать противъ роскошной одежды монаховъ. Онъ находить, что „монахомъ шелковыя одежды носить неприлично, а сіе весьма непристойно, еже носятъ они расы луданыя, атласныя и штофныя“; онъ сожалеетъ, что „монахи по всей Россіи на всякій годъ тысячъ десятка по два-три въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная“³⁾.

¹⁾ См. *Соловьева*, Ист. Росс., XVI (изд. 2-е), стр. 203. Указы о платьѣ см. въ Полн. собр. зак. №№ 1598, 1741, 1887, 1999, 2015, 2075, 2874, 2929, 3127, 4041, 4256, и пр.

²⁾ См. *Отеч. зав.*, стр. 57, 149, 150, 161, 166.

³⁾ О скуд. и бог., 132 и 133.

Писчая бумага.

Отчасти основываясь на правилах меркантилизма, отчасти проповѣдуя бережливость вообще, Посошковъ желаетъ убѣдить своихъ соотечественниковъ употреблять писчую бумагу асторожнѣе. Хотя уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ существовала въ Россіи писчебумажная фабрика ¹⁾, но по большей части товаръ потреблялся заграничный, и вотъ экономистъ-патріотъ находитъ расточительность своихъ соотечественниковъ безумною. Уже въ „Отечественномъ Забѣнаніи“ онъ пишетъ, давая сыну на случай, что тотъ когда-нибудь сдѣлается „старымъ подъячимъ“, разные наставленія, между которыми встрѣчается и слѣдующее: „Указывай имъ (молодымъ подъячимъ), чтобы они писали мелкимъ и уписистымъ писмомъ, и словами не размѣстными, чтобы истраты линіиіе бумаги не было, понеже отъ размѣстистаго писма въ Руси тысячъ по десятку и по другому на кажды годъ пропадаетъ богатства напрасно. А по моему мнѣнію: не велика бы часто было, еже бы на страницѣ дестевой писать по сороку строкъ, а въ записныхъ книгахъ менши бы пятидесяти строкъ отнюдь не надлежало писать, а по прямому разсужденію, не худо бы и въ шестьдесятъ строкъ въ записные книги писать. И аще тако обыкнуть молодые подъячіе писать мелко и уписисто, то бумаги и половины у насъ въ Руси находить уже не будетъ, — гдѣ было издержати по прежнему обыкновенію десять стопъ, а по сичевому манеру довльбеть и четырехъ стопъ. И егда мало на нее расходу будетъ, то и цѣны съ нее сбудеть. Коя стопа покупаетца нынѣ по полтора рубли, а тогда и за рубль съ радостію будутъ отдавать. И обидная лишнюю истрату бумаге, за молодыми подъячими смотри, чтобы они ни на какую бездѣлицу бѣлые бумаги не тратили. А буде у всего подъячего увидиши какіе бездѣлки помѣтные вишунца... то ты учини ему великое страхованіе, чтобы онъ въ предъ бумаги и малаго доскутка даромъ не тратилъ... и буде узриши что колико бумаги на бездѣльные дѣла издержать: доправь на немъ десятерницею: и аще онъ не на государевой бумаге, но на свои денги купя тратилъ ее, то и тутъ безъ штрафованья не отпусти ему вины. А и самъ ты такой бездѣлицы не чини, чтобы тебѣ бумага безъ надобныи потреби тратить“ и пр. ²⁾. Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ также говорится

¹⁾ Kälburger, Kurtzer Unterricht v. russ. Hndl, Bäschings Magazin, III, 244.

²⁾ См. Отеч. зав., стр. 212—213; ср. стр. 209.

объ этомъ же предметѣ: „И писать бы не токмо ерѣвостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строевъ до пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а у насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло не велико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго писема и отъ небреженія тысячь по десятку ни за одну денгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ, и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить. А мы сами не осмотримъ, и всякія вещи, не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ. И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пиція бумаги нанечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у канцеларій тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираеніе богатства царственнаго; аще вси люди будутъ жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться“¹⁾.

Лѣсъ.

Предлагая разныя мѣры въ отношеніи къ инородцамъ, Посошковъ во главѣ „о крестьянствѣ“ совѣтуетъ слѣдующее: „Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ великаго государя свазать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили. А и при степныхъ мѣстахъ молодого лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревья, кое уросло, а въ строеніе хромное непригодное, и кое дерево повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростеть и будетъ толстиною въ заборѣнку, то тогда бы рубили на всякія дѣловыя потребности. А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засадеть лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть веругъ того лѣса по всякъ годы ова-

¹⁾ О скуп. и бог., 84 и 85.

нивали, чтобъ внешнею порою степной пожаръ въ нему не дошелъ, и не выжегъ бы. Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, нине въ человѣка вышиною, а нине сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали: Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстахъ лѣсабъ великіе были. Цаки былъ я на Черни и Мценскѣ и видѣлъ тамъ, что рубить на дрова самыи молодой лѣсъ толстною въ гороховую тычину, и въ одинъ воеъ срубать деревъ сто и больше, а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежить и стоячи деревье, есть тавое, что нѣтъ одного дерева будетъ воевъ десять и больше. И пока старой лѣсъ было бь подбирать, а тотъ бы молодешникъ подросъ и нѣтъ же бы воевъ пригодилсѣ. А какъ степь гораздо гола, и лѣса удалѣли, то тамошніи жители всякой бы въ своей деревнѣ зачалъ десятинъ десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметалъ бы сѣмень лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго и вязаго, и орѣховъ спѣлнхъ четверникъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣянный лѣсъ взойдетъ, отъ пожару бы берегли. И первый годъ надобно его и пополоть, чтобъ степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придуть, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ воеми они плодovitы будутъ. И таво бы всякъ у своей деревни такъ устроить, то бы и лѣсомъ и орѣхами всѣ довольны были, хотя сперва и скучно покажется, а послѣ самимъ слобится“¹⁾.

Посожковъ, какъ видно, опередилъ своихъ современниковъ, преподавая въ стамъ мѣстѣ нѣкоторнн важнѣйшія начала рациональнаго лѣснаго хозяйства. Въ русской литературѣ до Посожкова нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ подобннхъ мыслей. Мало того: самъ Петръ смотрѣлъ на эти вопросы съ менѣе высокой точнн зрѣнія, хотя и вполне заслуживаетъ названія первого лѣсовода въ Россіи.

До Петра не было издадо никакого общаго постановленія о лѣсахъ, никакого памятника, который показывалъ бы заботу правителей о лѣсномъ хозяйствѣ. Всѣ путешественники прежннхъ столѣтій согласно говорятъ о лѣсистости Московскаго государства. По ихъ словамъ, вся Московія представляла почти одни лѣсныя пространства; близъ самой Москвы водились лоси и кабаны, и проѣзжая изъ Астрахани въ Москву, а потомъ черезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, путешественники почти повсюду находили непрерывные лѣса,

¹⁾ О скуд. и бог., 177 и 178.

среди которых ирвѣда встрѣчались разсѣянныя небольшія поселенія ¹⁾. Тѣмъ болѣе достойно вниманія, что знаменитый Сербъ Юрій Крижаничъ въ составленномъ имъ спискѣ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ Россія нуждается, говоритъ и о „доброѣ лѣсѣ во граженіи“ ²⁾. Тамою отаивъ Крижанича о недостаткѣ строеваго лѣса въ Россіи, быть можетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Крижаничъ развѣ въ Галиціи, чрезъ которую онъ проѣзжалъ, или на берегахъ Босфора, гдѣ онъ находился когда-то, видѣлъ лучшіе лѣса. За тѣ Крижаничъ, предлагавшій множество экономическо-полицейскихъ мѣръ, нигдѣ не даетъ какикъ-либо совѣтовъ для охраненія лѣсовъ, а развѣ только косвеннымъ образомъ, слегка, затрагиваетъ этотъ предметъ, говоря о приготовленіи поташу. Такъ, напри- мѣръ, онъ замѣчаетъ, что „пепелъ приноситъ землѣ пользу“, но что „при выжиганіи пепела ея разоряетъ медовый урожай. За то треба есть преповѣдать, да никому не будетъ вольно пепела выжигать въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ ся пчелы ведутъ — безъ господарева допущенія. А на господара пчелы выжигать въ Башкирехъ извѣстныхъ, и на Подолью, и индѣ, гдѣ Русскимъ людямъ не будетъ убытка, колико будетъ зможно“ ³⁾. Какъ видно, Крижаничъ желалъ ограничить приготовленіе поташа не ради сохранения лѣсовъ, какъ желало этого правительство вскорѣ послѣ Петра ⁴⁾, а только ради охраненія ичеловодства.

Петру Великому былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представляющія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса ⁵⁾. Таково главное значеніе указовъ 1701 года „о неразчистѣ лѣсовъ подъ пашню и сѣнные покосы за 30 верстъ отъ рѣкъ, удобныхъ въ сгонкѣ лѣсу“ ⁶⁾; запрещенія 1703 года рубить заповѣдныя лѣса, годныя на корабельное строеніе, подъ страхомъ смертной каз-

¹⁾ См. статью *Зобова*, Петръ Великій, какъ первый лѣсоводъ въ Россіи, въ *Лѣсномъ журналѣ*, 1872, августъ, стр. 2.

²⁾ Русск. госуд., I, 154.

³⁾ Тамъ же, I, 44.

⁴⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIX, 287.

⁵⁾ *Зобовъ*, I, с., 3.

⁶⁾ П. С. З., № 1845.

ни „безъ всякаго пощады, кто бы ни былъ“¹⁾; запрещеніе 1712 года рубить заповѣдныя лѣса толщиною выше „шести вершковъ“ подѣ страхомъ жестокаго наказанія и ссылки на каторгу въ вѣчную работу²⁾. Такихъ указовъ было опубликовано множество. Во всѣхъ говорится о строгомъ надзорѣ, о страшныхъ наказаніяхъ. Иногда такіе указы прибывали въ столбамъ въ деревняхъ, читались въ церквахъ „приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался“³⁾. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе⁴⁾. Такъ какъ заповѣдныя пространства лѣсовъ не были ничѣмъ ограничены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указанныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ, для страха, чрезъ каждыя 5 версты, по мѣстлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостиннаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; не смотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней; Петръ велѣлъ десятого изъ виновныхъ повѣсить, а всѣхъ остальныхъ казнить кнутомъ; Екатерина угрозила Петра не наказывать никого смертію, и наказаніе было снячено: вмѣсто смерти пошла въ дѣло кнутъ, шпидрutenы, каторга⁵⁾. Не смотря однако на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто⁶⁾.

Однако, почти всѣ узаконенія Петра Великаго относительно лѣсовъ имѣютъ исходною точкою кораблестроеніе⁷⁾. Лѣсъ важенъ былъ не самъ по себѣ, не какъ источникъ народнаго благосостоянія, — онъ нуженъ былъ государству для потребностей флота, для войны: Порода, необходимая для этой цѣли, запрещено было рубить безусловно; остальные же породы, не нужныя государству, предоставлялись

¹⁾ П. С. З., № 2017.

²⁾ П. С. З., № 2607.

³⁾ См. напримѣръ, П. С. З., № 3548.

⁴⁾ Тамъ же, № 3509. Веберъ, *Neuerändertes Russland*, I, 458, жалуется на короговищу дровъ въ столицѣ вслѣдствіе этихъ мѣръ.

⁵⁾ Шеллимовъ, *Исторія русскаго лѣснаго законодательства*, стр. 57.

⁶⁾ Какъ видно, напримѣръ, изъ № 3057.

⁷⁾ Такіе указы въ П. С. З., №№ 2890, 2895, 3149, 3329, 3391, 3437, 3440, 3467, 3548, 3552, 3593, 3744, 3820, 3902, 3918, 3967, 4028, 4060, 4135, 4176, 4374, 4510, 4590, 4594.

въ общее достоиніе, и право частной собственности на лѣса не признавалось. Выдѣливъ для себя, что нужно, а остальное отдавъ на волю всѣхъ, государство уже не заботилось о лѣсномъ хозяйствѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова ¹⁾).

Посошковъ, стоя въ этомъ отношеніи выше Петра, является защитникомъ молодаго лѣса, между тѣмъ какъ Петръ обращаетъ вниманіе только на крупный лѣсъ, годный на кораблестроеніе. Петръ совѣтовалъ употреблять на дрова молодой лѣсъ; и даже такой молодой лѣсъ, который находился въ частныхъ имѣніяхъ, Петръ считалъ собственностью всѣхъ и каждому, какъ это видно, на примѣръ, изъ указа, даннаго въ декабрѣ 1719 года, въ которомъ дозволено было всѣмъ и каждому рубить дрова въ чьихъ бы то ни было дачахъ, отъ рѣки Славянки по обѣ стороны Невы до Шлиссельбурга, а чтобы лѣсовладѣльцы не препятствовали рубчинамъ, то послѣднимъ вѣдѣно было ѣздить въ лѣсъ компаніями, не меньше 20 человекъ; лѣсовладѣльцамъ же Петръ грозилъ взятіемъ дачной имъ земли въ казну, если они въ дачи свои для рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будутъ ²⁾).

Извѣстно, что приготовленіе лаптей наноситъ страшный вредъ липовымъ лѣсамъ. Въ Россіи еще въ настоящее время ежегодно дѣлается множество милліоновъ паръ лаптей. На каждую пару употребляется отъ двухъ до четырехъ молодыхъ деревьевъ, имѣющихъ вершокъ или полтора вершка толщины и около сажени вышины. Для каждого крестьянина носящаго лапоть, уничтожается около 50—70 деревьевъ ³⁾. Такъ какъ и въ настоящее время понятіе о народно-экономическомъ вредѣ этого рода обуви еще весьма мало распространено въ Россіи, то мы не имѣемъ права удивляться тому, что Петръ Великій, столь строгій въ отношеніи къ корабельнымъ лѣсамъ, не подозрѣвалъ вреда въ истребленіи молодыхъ липъ для приготовленія лаптей. Въ указѣ января 1721 года, — значить около того самаго времени, когда Посошковъ писалъ о пользѣ охраненія молодаго лѣса, Петръ указалъ во всемъ государствѣ липовые лѣса рубить всякихъ чиновъ людямъ невозбранно и никому не запрещать рубить липовый лѣсъ и драть лыжъ на лапти; „отъ запрещенія“, говоритъ Петръ, „увѣднымъ людямъ чинится разореніе“ ⁴⁾.

¹⁾ *Зобовъ*, 1. с., 5.

²⁾ См. П. С. З., № 3467.

³⁾ *Горловъ*, Статистика Россіи, стр. 114, *Военно-статистическій сборникъ*.

⁴⁾ П. С. З., № 3719.

Впрочемъ, встрѣчаются и такія распоряженія и указы Петра, изъ которыхъ видно, что онъ понималъ береженіе лѣсовъ не только ради пользы флота, но и ради береженія вообще. Такъ, напримѣръ, было приказано поташъ дѣлать изъ остаточнаго лѣсу, а именно изъ сучья ¹⁾. Въ концѣ проекта о Петербургской академіи наукъ написано Петромъ: „Надобно изъ Голландіи вызвать мастеровъ, которые бы изъ старыхъ бочекъ умѣли дѣлать поташъ бережливо“ ²⁾. Изъ отрубковъ и сучьевъ валяно дѣлать пушечныя колеса, косыки, синдны, станки пушечныя ³⁾. Далѣе было запрещено изъ сосноваго дерева дѣлать выдолбленные гробы, „а дѣлать хоти и сосновыя только изъ досокъ сшивныя, а долбленныя и выдѣланныя дѣлать гробы изъ еловыхъ и березовыхъ и ольховыхъ лѣсовъ“ ⁴⁾. Смысленикамъ строго запрещалось хоранить что-либо въ дубовыя гробахъ, такъ какъ „дерево дубъ къ не потребнымъ и не нужнымъ дѣламъ рубить весьма запрещено“ ⁵⁾. Но и тутъ забота правительства относится только къ тѣмъ породамъ, которыя считались годными для кораблестроенія. За то въ „инструкціи оберъ-вальдмейстеру“ встрѣчаются и некоторые правила, имѣющія народно-хозяйственное, общепольное значеніе. Такъ напримѣръ, предписывается „дубъ срубъ въ лѣсу раскирывать въ доски и брусья пилами, а не распиловать, изъ лѣса не вывозить,.... гдѣ при заводахъ уже лѣсъ опустошенъ, то запускать изъ мелкаго, и пока выростетъ не рубить“, орна и подъ валями деревьями не раскладывать и пр. ⁶⁾. Учрежденію вальдмейстеровъ положило начало стройно организованной системѣ охраненія лѣсовъ, хоти только оберъ-форест-мейстерская инструкція, данная при Павлѣ I, и можетъ считаться настоящимъ началомъ рациональнаго лѣсоводства въ Россіи. Въ тому же взгляду Петра на лѣсоводство не хоти не имѣть вліянія на такихъ лицъ, которыя вообще были способны сдѣлаться его учениками. Такъ,

¹⁾ П. С. З., № 2672.

²⁾ *Asamases*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ, въ *Современникѣ*, 1847 г., III, ч. 54.

³⁾ П. С. З., № 2913. См. письма Петра къ Салтыкову и Головину, въ сочиненіи *Задлера*: Die geistige Hinterlassenschaft Peters des Grossen, стр. 106. Что касается до № 3903 въ П. С. З. о береженіи остатковъ кораблей, дхтъ и галеръ, то судя по тому, что этотъ указъ данъ воеводамъ Переяславскимъ, тутъ преобладали не столько экономическія, сколько историческія соображенія.

⁴⁾ П. С. З., № 4158.

⁵⁾ П. С. З., № 4377.

⁶⁾ П. С. З., № 4379.

напримѣръ, Татищевъ заботился о сохраненіи лѣса; онъ запрещалъ сожигать сухую траву въ избѣжаніе лѣснаго пожара; чтобъ избѣжать трата лѣса на доски, предположили завести пильнии мельницы и выписали для нихъ мастеровъ изъ Казани ¹⁾:

Мы видали, какъ Посошковъ, не ограничиваясь совѣтами относительно сохраненія лѣса, предлагалъ даже сѣять лѣсъ. И Петръ Великій самъ выбралъ по Петергофской дорогѣ мѣсто въ 200 шаговъ длины и 50 ширины и засадилъ его дубами ²⁾. Впрочемъ Посошковъ, надеясь на возможность разведенія лѣсовъ „въ степныхъ мѣстахъ“, былъ уже чрезъ мѣру оптимистомъ. Стени, по мнѣнію знаменитѣйшихъ авторитетовъ, всегда были безлѣсными, и развѣ въ прежнее время существовали на краю степей большіе и болѣе частые лѣсные оазисы ³⁾. Вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ по настоящее время остается открытымъ.

Принимая въ соображеніе, что рациональное лѣсное хозяйство въ Россіи начало развиваться только гораздо позже Посошкова, благодаря стараніямъ такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Палласъ, Шторкъ и др., — принимая въ соображеніе, что знаменитые путешественники времени Елизаветы II, какъ, напримѣръ, Гюльденштеръ, Лепехинъ и др., обратили вниманіе на тѣ же самые недостатки въ обращеніи населенія съ лѣсами, которые вызвали сужденія по этому предмету Посошкова, — принимая въ соображеніе, что даже на западѣ наука о рациональномъ лѣсоводствѣ развила усѣбно лишь послѣ эпохи Посошкова, и что тамъ между простолюдинами и въ настоящее время недостаточно распространены правильныя понятія о благоразумномъ управленіи лѣсами ⁴⁾, — должно отдать полную справедливость „крестьянину, села Покровскаго“, что онъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ, относящихся въ этому предмету, обнаруживаетъ ясность въ цѣлѣтно-экономическихъ сужденіяхъ, и пониманіе важнѣйшихъ интересовъ общенароднаго хозяйства.

¹⁾ Еще Крижаничъ жаловался на неупотребленіе пиля въ Россіи, см. Русск. Госуд., I, 51. О ядрахъ Татищева см. статью *К. Н. Бестужева-Рюмина* въ журналѣ *Древля и Новая Россія*, I, 14.

²⁾ *Зобовъ*, I, с., 4.

³⁾ См. соч. *Весселовскаго* «О климатѣ Россіи» главу о перемѣнѣ климата.

⁴⁾ О весьма многочисленныхъ случаяхъ нарушенія правилъ лѣсной полиціи въ Германіи см. соч. *Рошера*: *Nationalökonomie des Ackerbaues*, и пр.

Орѣхи:

Посошновъ понималъ значеніе лѣса какъ народнаго капитала; онъ, такъ сказать, изъявилъ желаніе, чтобы потребители довольствовались процентами капитала, не нарушая цѣлости послѣдняго. Онъ имѣлъ понятіе о будущности и потому старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости сбереженія, терпѣливаго выжиданія, благо-разумнаго обращенія съ богатыми дарами природы. Именно отъ лѣсовода должно ожидать такого понятія о будущности, которымъ озна-чается цивилизованный человѣкъ отъ дикаря. Дикарь утромъ готовъ за рюмку водки продать теплое одѣяло, забывая, что онъ вечеромъ того же дня будетъ нуждаться въ послѣднемъ. Стоящій на высокой степени культуры хозяинъ думаетъ не только о себѣ, но и о потом-ствѣ. Монтескье, желая характеризовать варварство, приводитъ при-мѣръ человѣка, который чтобы воспользоваться плодомъ дерева сру-басть послѣднее. Палласъ жалуется на Крымскихъ Татаръ, которые для починки ничтожнаго колеса уничтожаютъ большія деревья. По-сошновъ вѣрно судилъ о нерадѣніи и небрежности своихъ соотече-ственниковъ, прибавляя къ своему совѣту о разведеніи лѣсовъ: „спер-ва скучно покажется завести, а послѣ слюбится“.

Сображенія Посошнова въ отношеніи къ орѣхамъ также хорошо характеризуютъ практическій умъ и рациональность образа мыслей его, какъ и неблагоприятное отношеніе къ этому предмету большин-ства народа. „И о орѣхахъ“, говоритъ онъ, — „не худо бы учинить и заповѣдь, чтобы никто прежде Семенова дня ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и еще гдѣ на угренинѣ и прежде Семенова дня наполняется ядро, обаче прежде Семенова дни никто бы не дерзалъ ихъ щипать; но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сынѣться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сетскаго, чтобы какъ семейнымъ, такъ и безсе-мейнымъ безобидно было. И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щиплютъ ихъ взав-хватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочіихъ своихъ сосѣдей оголоживають, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживають; потому что было взять спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возметъ, и тѣмъ царскаго величества интересу чинять уронъ; понеже спѣлыхъ четверикъ гривенъ по чѣтыре и выше продають, а зеленыхъ и за четверть того не даютъ. И гдѣ было за

спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и кривны не придетъ; а кто и скунить, не обрываетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ яды, ни въ нихъ масла. Только злые орѣхонники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; заврасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ приемлютъ. Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибыльца; понеже идутъ они во инныя земли, въ Персиду да въ Швады и во инныя мѣста, а неспѣлые не за что гинуть.... А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублей да его же высѣчь батогами. А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на государя; а кто ихъ привезетъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ. А буде горазде зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи выкидывать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь. А буде кто поймасть кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или въ деревнѣ со свѣжими щипаными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егоже высѣчь батогами; дабы вреда такъ не дѣлалъ¹⁾.

Мы видимъ, что предложеніе Посошкова относительно орѣховъ нѣсколько сходно съ его предложеніями въ отношеніи къ сохраненію лѣса. Однако, предлагая мѣры противъ собиранія „недоспѣлыхъ“ орѣховъ, Посошковъ опять обращаетъ вниманіе на финансовыя выгоды, не ограничиваясь одними народно-экономическими соображеніями. Говоря объ орѣхахъ какъ о предметѣ вывозной торговли, и сравнивая цѣнность „сырыхъ“ орѣховъ съ цѣнностью спѣлыхъ, Посошковъ доказываетъ, что онъ умѣетъ цѣнить чувствительную потерю для народнаго хозяйства чрезъ неблагоразумное преждевременное собираніе плодовъ.

Рыба.

Весьма достойны вниманія предложенія Посошкова относительно рыбной ловли. „Подобивъ“, пишетъ онъ, „и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобъ крестьяне отъ неразумія своего царскому интересу тѣты не чинили; ибо въ вожьхъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода

¹⁾ О скуд. и бог., стр. 178—180.

нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мелкія рыбы не годствуютъ ловить. А крестьяне, не разумѣя снатоваго рода, вмѣсто снатовъ ловятъ молодую рыбу — щученокъ, язьковъ и плотичекъ, а наипаче ловить недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣсто переводить, но и самыя зародышки рыбниа ловятъ, еще меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловятъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводить... И въ такомъ неслышанномъ крестьянскомъ, не токмо царской интересъ пропадать, но и у ловцовъ тѣхъ прѣмая покоривъ пропадаетъ. И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголю: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того не выразумѣютъ: ни отъ чего много плохъ сталъ быть ловъ, токмо отъ того, что молодую рыбу выловить, то не съ чего и большаго бытъ... И аще Его Императорскому Величеству порадѣтъ и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто, кромѣ самородныхъ снатовъ, недорослей рыбы не ловили, то великія рыбы во озерахъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить еще: буде кто мелкіхъ щученокъ или лециковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снатовъ, привезетъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на государя и отдать солдатоу или нищемоу по богадѣльнямъ; а кто привезетъ, на томъ взять штрафъ за наядой четвернякъ, но чему уложено будетъ; то одинъ годомъ сія статья утвердится, и никто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прѣжде во всѣ города послать указы, чтобы отнюдь недорослой рыбы не ловили и выводовъ частныхъ, кромѣ снатовыхъ, не дѣлали, а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за прѣзрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто съ тою рыбою наймасть и приведетъ къ суду, то доправитъ на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю изъявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать; а за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ. И въ такомъ установленіи годи въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбъ насытится. И аще тотъ уставъ и впрѣдѣ не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ. И аще она при иныишней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ посылномъ сборѣ будетъ десятирицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество¹⁾.

¹⁾ О скуд. и бог., стр. 180—182.

Этими разсужденіями Посошковъ затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ народнаго хозяйства въ Россіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, онъ ужь обращаетъ вниманіе на необходимость введенія рациональныхъ началъ въ рыболовство, — вопросъ, на который правительство обратило серьезное вниманіе только въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда состояніе русскаго рыболовства было подвергнуто тщательному изученію и вызвало изданіе нѣсколькихъ законоположеній. Можно удивляться, что аргументація, которую предлагаетъ Посошковъ, и которая во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ мыслями знаменитаго нашего ученаго, знатока рыбодовства и рыболовства, К. М. Верга, является у насъ какъ бы рѣдкимъ исключеніемъ, и что законодательство для введенія рациональнаго устройства рыбной ловли началось такъ поздно. Впрочемъ и первые зачатки его относятся въ эпоху Петра Великаго. Еслибы развитіе такихъ мыслей и правительственныхъ мѣръ шло удачнѣе, рыбная ловля занимала бы гораздо болѣе видное мѣсто между народными промыслами въ Россіи; но и въ настоящее время она находится на той же степенн развитія, на какой она находилась два-три столѣтія тому назадъ. А между тѣмъ Русскіе, какъ говоритъ г. Вержъ, имѣютъ столько же охоты къ рыболовству, сколько искусства въ этомъ промыслѣ. Оттѣдливъ прежнихъ жителей береговъ большихъ рѣвъ: Двины, Мезени, Печоры, Волги, Урала и проч., они заняли берега и всюду производили рыбную ловлю уснѣннѣе прежнихъ жителей. Каспійское море сдѣлалось de facto русскимъ моремъ болѣе рыболовною промышленностью народа, чѣмъ силою оружія. На крайнемъ сѣверѣ выборъ Русскими мѣстъ настоящаго жительства доказываетъ, что они предпочитали выгоднѣйшія мѣста для рыболовства и мореплаванія—устья рѣвъ и бухты—другимъ мѣстностямъ. Берега Чудскаго озера, заселенныя прежде, какъ называетъ самое имя его, Финскими народами, нынѣ почти всѣ заняты русскимъ населеніемъ. Эсти производятъ рыбную ловлю худшими снарядами и съ меньшею настойчивостію, чѣмъ Русскіе, и кромѣ того меньше умѣютъ пользоваться путями сбыта. Далѣе на морскомъ берегу Прибалтійскихъ губерній превосходство русскаго рыболовства ощутительно. Во время Сѣверной войны при Петрѣ Великомъ русскія войска, посланная въ Германію, увидѣли много озеръ въ Восточной Пруссіи. И вотъ зимою 1721 года и въ слѣдующихъ

годахъ въ этомъ краѣ явились артели русскихъ рыбаковъ и занимались тамъ рыбною ловлею гораздо успѣшнѣе туземцевъ¹⁾.

Однако эти успѣхи Русскихъ тѣсно связаны съ тѣмъ неудобствомъ, на которое обращаетъ вниманіе Посошковъ. Русский рыбакъ ловитъ рыбу безопадно, не заботясь о будущемъ. Говоря вообще, рыбаковъ справедливо упрекаютъ за эту безопадность, но она зависитъ отъ самого свойства этого промысла. Рыболовы только пользуются дарами природы, не дѣйствуя за одно съ ея производительной силой, и если тотъ или другой рыболовъ простираетъ успѣхъ своего промысла въ ущербъ ея производительной силѣ, то послѣдствія его поступковъ ощущаютъ свое дѣйствіе лишь черезъ долгое время. Безопадность такая встрѣчается и у рыбаковъ другихъ народовъ, напримѣръ, у шведскихъ — на берегу моря; но при неистощимости обилія рыбы въ морѣ безопадное рыболовство совершенно естественно и не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. По озерамъ же и рѣкамъ, конечно, должно бы быть иначе, потому что вредныя слѣдствія здѣсь неизбежны. Между тѣмъ изъ рыболововъ материковыхъ странъ Европѣ русскіе рыбаки, вѣроятно, меньше дѣлаютъ другихъ стѣсняются мыслями о послѣдствіяхъ въ будущемъ, заботясь лишь о прибыли въ настоящемъ. На это обстоятельство жалуется Посошковъ, и оно же вызвало мѣры противъ русскихъ рыболововъ, явившихся, какъ выше упомянуто, въ Восточной Пруссіи. Въ этомъ краѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія Русскихъ послѣдовало запрещеніе отдавать рыбныя ловли въ аренду иностранцамъ; такъ какъ было замѣчено, что арендаторы употребляютъ частныя сѣти, и потому выловленные ими озера надобно оставлять на много лѣтъ въ покоѣ, чтобъ они впоследствии опять могли доставлять значительный уловъ. Эти сѣти были, безъ всякаго сомнѣнія, такія же, какія донынѣ употребляются у насъ на Пейпусѣ и на другихъ озерахъ Прибалтійскаго края, равно какъ и въ большей части сѣверной Россіи; мѣшокъ (или мотня) вѣжется въ нихъ такъ мелко, что 16 пель составляютъ только квадратный дюймъ²⁾.

Борьба человѣка съ міромъ животныхъ за существованіе имѣла слѣдствіемъ совершенное истребленіе нѣкоторыхъ животныхъ, какъ

¹⁾ См. Матеріалы для исторіи рыболовства въ Россіи и въ принадлежащихъ ей моряхъ. Академика *Бера* во II т. *Ученыхъ записокъ Имп. Ак. Н. по I-му и III-му отд.*, стр. 489—496.

²⁾ См. Матеріалы ак. *Бера*, стр. 496—497.

напримѣръ, пингвина (*Alca impennis*), птицы аодо, морской коровы. Другія животныя, какъ напримѣръ, зубры, лоси, бобры, каменные бараны, сдѣлались сравнительно рѣдкими. Главную долю въ истребленіи морской коровы или кокустинки (*Rhytnis*) имѣли русскіе промышленники. Благодаря безпощадной и неутомимой дѣятельности Русскихъ даже въ отдаленномъ Беринговомъ морѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 27-лѣтъ (1741—1768) совершенно перевелся родъ сѣверныхъ морскихъ коровъ. Кажется, уже въ 1768 г. былъ убитъ послѣдній экземпляръ этого животнаго, жившаго въ морѣ и имѣвшаго по 200 пудовъ вѣсу ¹⁾. Противъ такого образа дѣйствій ратуетъ Посошковъ.

До настоящаго времени весьма часто слышатся жалобы на уменьшеніе рыбы и на существованіе такихъ способовъ ловли, которые не только стѣсняють общую промышленность, но и служатъ въ истребленію рыбы въ самомъ ея зародышѣ. И на Волгѣ ²⁾, и въ Сибири ³⁾, и въ Чудскомъ озерѣ и въ другихъ мѣстахъ, благоразумные ловцы жалуются на безпощадно мелкій ловъ. Рыбаки думаютъ только о томъ, какъ бы поймать какъ можно больше рыбы. Изобиліе лосося въ Селенѣ истощилось вслѣдствіе легкаго сбыта этой рыбы въ Иркутскъ ⁴⁾. Еще въ прошломъ столѣтіи число крестьянъ и мѣщанъ, приходившихъ на Чудское озеро, чтобы поселиться тамъ съ цѣлью производить въ немъ рыболовство, непрестанно возрастало. Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія это стремленіе значительно ослабло; теперь же переселенія эти, можно сказать, совершенно прекратились. За тѣмъ возрастаетъ число тѣхъ, которые изъ прибрежныхъ селеній Чудскаго озера ищутъ себѣ работы и промысловъ на сторонѣ. Въ рыболовныхъ деревняхъ около Чудскаго озера, еще лѣтъ за тридцать тому назадъ, строились очень хорошіе каменные дома, чего теперь уже не бываетъ ⁵⁾. Причину такого упадка должно видѣть въ тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, на которыя жалуется Посошковъ: это именно употребленіе чрезвычайно мел-

¹⁾ *Etwas uber Fische und Fischereien von K. E. von Baer. St.-Petersburg, 1865 (изъ Мѣсяцеслова на 1866), стр. 6—8. Странно, что Шторхъ въ своемъ сочиненіи Historisch-statistisches Gemälde, II, 119, говоря въ самомъ концѣ столѣтія, объ этомъ животномъ, не упоминаетъ объ истребленіи его.*

²⁾ *Исслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. министер. госуд. инжн. С.-Пб. 1860, II, стр. 40.*

³⁾ *A. v. Middendorff's Sibirische Reise, Bd. VI, т. 2, стр. 1362.*

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1362.

⁵⁾ См. *Исслѣдованіе о рыболовствѣ*, I стр. 4, а также стр. 39, — о значительномъ уменьшеніи улова въ Чудскомъ озерѣ съ XVI вѣка.

какъ ячей въ мотнѣ, умышленный ловъ приплода. Въ Чудскомъ озерѣ еще недавно многіе рыбаки употребляли сѣти изъ простаго холста и тѣмъ уничтожали молодой приплодъ. Поэтому и Посошкѣвъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и правительство въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія считали необходимыми полицейскія мѣры для предохраненія рыбы отъ совершеннаго истребленія, а именно ограниченіе лова рыбы опредѣленіемъ извѣстнаго для того времени года, назначеніе мѣры ячей въ рыболовныхъ сѣтяхъ и учрежденіе строгаго за рыболовствомъ надзора.

Значеніе такого надзора доказывается примѣромъ Рейна. Рыба эта считалась весьма рыбной, пока существовалъ строгій надсмотръ почти вдоль всего ея теченія. Во время французской революціи учрежденіе это было уничтожено, какъ стѣсняющее личную свободу. Каждый получилъ право ловить, какъ онъ заблагоразсудитъ. Но эта неограниченная свобода повела лишь къ тому, что много рыболовныхъ заведеній совершенно рухнули. Все это видно изъ печатныхъ безпристрастныхъ отчетовъ ¹⁾. Германскіе народы, по замѣчанію Бара, съ давнихъ поръ дѣйствовали гораздо осмотрительнѣе Русскихъ. У нихъ уже весьма рано явились законы, предписывавшіе бережливость въ ловѣ рыбы. Въ 1030 году шотландскіе бароны постановили законъ, которымъ запрещалось ловить выводовъ лосося, и самый ловъ большихъ лососей ограниченъ былъ опредѣленною порою. Подобный законъ явился въ 1285 году и въ Англіи. Въ XIV вѣкѣ законы о бережливомъ рыболовствѣ быстро слѣдовали одинъ за другимъ во Франціи. Запрещалось употреблять мелкія сѣти, чтобы не вылавливать мелкой рыбы (1312 г.). Въ постановленіяхъ Карла Великаго даже говорится о „ *pisciaria manufacta*“; подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть только искусственные пруды. Между постановленіями Тевтонскаго ордена встрѣчается запрещеніе употребленія рыболовнаго снаряда, такъ называемаго „*niewat*“ („*nevod*“, „*nywod*“) очевидно — потому, что имъ вылавливалась и крупная и мелкая рыба, и что онъ, вѣроятно, былъ похожъ на волоковый снарядъ того же названія, употребляемый нынѣ въ сѣверной Россіи и т. д. ²⁾. Не

¹⁾ Исслѣдованія о сост. рыбол., II, стр. 66.

²⁾ См. *Materialien zu eine Geschichte des Fischfanges in Russland*. Von akademiker *Vasch*, стр. 36 — 39, или русск. изд. I. с., 503 — 506, 517. Старинный нѣмецкій законъ запрещаетъ всякій стукъ и шумъ отъ ударовъ палками, метлами во время метанія икры.

смотря на такія мѣры и на западѣ давно почувствовалась сильная убыль въ запасахъ рыбы, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра. Еще полтораста лѣтъ тому назадъ въ Германіи лососина была такъ дешева, что, прислуга, надимаясь, выговаривала себѣ условіе получать это блюдо не чаще трехъ разъ въ недѣлю ¹⁾. Въ настоящее же время рыбныя блюда обыкновенно считаются предметами роскоши.

Мы видѣли, что Посошковъ въ отношеніи къ вопросу о сбереженіи лѣсовъ стоялъ выше Петра. То же самое можно сказать о мнѣніяхъ, выраженныхъ Посошковымъ относительно сбереженія рыбы. Въ Россіи, какъ мы уже сказали законодательство на этотъ счетъ развивалось весьма медленно. До Петра Великаго нѣтъ никакого слѣда заботъ поддерживать нестойчивость воднаго богатства. Древнѣйшій сводъ законовъ Ярослава I, дополненный Владиміромъ Мономахомъ, Русская Правда, такъ коротка и такъ исключительно направлена къ огражденію правъ лицъ и собственности, что въ ней нельзя и ожидать такихъ постановленій. Въ Судебникѣ Іоанна IV ничего не сказано о рыболовствѣ. Между тѣмъ право собственности на рыбныя ловли уже образовалось, и рыба, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, перестала быть ничьею собственностью, *res nullius* какъ выражается римское право. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича нѣсколько разъ говорится о правѣ на рыбныя ловли и объ откупѣ водъ; но сбережаніе рыбы въ водахъ еще не принимается въ соображеніе: равнѣ понять въ этомъ смыслѣ запрещеніе ловить въ чужихъ водахъ, чѣмъ, очевидно, впрочемъ ограждалось только право собственности. Таковы же были всѣ слѣдующіе указы до 1704 года. Началомъ законодательства съ цѣлью сохраненія рыбы можетъ считаться указъ 8-го января 1704 г. Тутъ впрочемъ главнымъ образомъ имѣется въ виду умноженіе государственныхъ доходовъ отъ рыболовства. Этимъ указомъ предписывалось всѣ рыбныя ловли у частныхъ людей и во владѣніи монастырей отдавать на откупъ отъ казны; для этого повелѣно было сдѣлать имъ описи и опѣнки. Въ этомъ указѣ въ первый разъ являється мысль о сбереженіи рыбы, или по крайней мѣрѣ о полезномъ и напрасномъ ея уловѣ. Тамъ сказано между прочимъ: „И строить тое рыбу съ тѣхъ рыбныхъ ловель по прежнимъ обыкlostямъ, чтобъ никакими мѣрами той рыбѣ отнюдь никакой траты не было“; а въ концѣ указа слѣдуетъ запрещеніе: „чтобъ впредь самоловами рыбы ни гдѣ ни кто отнюдь не ловили, для того, что

¹⁾ Roscher, Ansichten der Volkswirtschaft—Ueber den Luxus.

за такими снастями рыбъ и мелкой, а не только что великой, вверхъ пройтить не возможно, и за тѣмъ въ верховьяхъ рыбъ бываетъ оскуде- ние, а въ Низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ; а будетъ кто станетъ ловить, и тѣмъ людямъ быть въ жестокомъ наказаньи безо всякаго пощады и въ ссылку на каторгу¹⁾. Самоло- вомъ называется снарядъ, состоящій изъ длинной веревки, по длинѣ которой, на нѣкоторомъ разстоянii другъ отъ друга, идетъ множе- ство тонкихъ и недлинныхъ нитей съ острыми крючками на кон- цахъ. Но на эти крючки не насаживается приманка, какъ на обык- новенныя удочки: ихъ острия сами собою вонзаются въ рыбу, когда она, пробѣгая мимо задѣваетъ ихъ²⁾. Правительство однако не осо- бенно серьезно думало о сбереженii рыбы и скорѣе заботилось о своихъ финансовыхъ выгодахъ, какъ видно изъ указа 1-го января 1705 года, въ которомъ употребленiе самолововъ разрѣшено аренда- тарамъ, если они прибавятъ къ арендной суммѣ особенную плату. Тутъ также говорится о вредѣ самолововъ, не дающихъ пройти вверхъ ни крупной рыбѣ, ни мелкой, и имѣющихъ слѣдствiемъ „оску- дѣнiе рыбъ въ верховьяхъ, а въ низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ“; но вообще не употребленiе самолововъ, а лишь снарядовъ такихъ „безъ наддачекъ“ считается преступленiемъ, за ко- торое виновнымъ провать жестокийъ наказанiемъ безъ всякой по- щады, ссылкой на каторгу и проч.³⁾ Очевидно, тутъ правительство жертвовало народно-экономическими выгодами для интересовъ казны. Другихъ слѣдовъ таковой мысли о сбереженii рыбы мы не нашли въ законодательствѣ Петра Великаго⁴⁾.

Тѣмъ достойнѣе вниманiя намъ кажется то обстоятельство, что наблюденiя и предложенiя Посошкова во многихъ отношенiяхъ совершенно сходны съ новѣйшими результатами науки и законодатель- ствомъ новѣйшаго времени. Укажемъ на нѣкоторыя черты такого сходства. Посошковъ считаетъ вредною ловлю мелкихъ рыбъ особенно

¹⁾ П. С. З., № 1956.

²⁾ Материалы Бѣра, стр. 499.

³⁾ П. С. З., № 2007. Въ указахъ, относящихся къ ловлѣ другихъ животныхъ также не замѣтна точка зрѣнiя бережливости въ пользованii дарами природы, см. напримѣръ, распоряженiе относительно ловли лосей въ П. С. З., № 2799, или инструкцію о ловлѣ птицъ около Астрахани въ П. С. З., № 3185.

⁴⁾ Шторхъ, въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, I. с.; II, 163, говоритъ о вредѣ употребленiя сѣтей съ мелкими ячеями въ Чудскомъ озерѣ; но правитель- ство не принимало никакихъ мѣръ противъ этого зла.

въ такихъ водахъ. гдѣ нѣтъ „снятоваго рода“; а изъ замѣчанія его, что крестьяне не различаютъ снятковъ отъ другихъ рыбъ, видно, что ловля мелкихъ снятковъ, по его мнѣнью, не можетъ считаться особенно вредною. Подобно тому и г. Бэръ на основаніи специальныхъ и продолжительныхъ наблюденій на Чудскомъ озерѣ доказалъ, что хотя съ одного острова Талапска (на Чудскомъ озерѣ) ежегодно отправляется около 5000 милліоновъ штукъ сушеныхъ снятковъ, количество этой рыбы въ озерѣ не только не уменьшилось, а даже умножилось въ продолженіе времени ¹⁾).

Посошковъ ратуетъ противъ ловли молодыхъ щучекъ, азиговъ, плотичекъ, окуньковъ не „перегодовавшихъ“. И г. Бэръ выразилъ мнѣніе, что не слѣдуетъ ловить рыбы до метанія ею хотя бы и разъ только икры ²⁾. И Посошковъ, и г. Бэръ занимались тщательнымъ счетомъ мелкихъ рыбъ. Посошковъ насчитываетъ въ одной ложкѣ 88 „рыбечочковъ“, а г. Бэръ нашелъ, что въ одномъ фунтѣ сушеныхъ снятковъ находится среднимъ числомъ 840 штукъ. Посошковъ находить не разумнымъ, что рыбаки жалуются: плохъ-де ловъ сталъ быть рыбѣ, „а ни отъ чего иного плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть“. Г. Бэръ, доказывая, что ощущается убыль крупной рыбы, замѣчаетъ, что рыбаки пожелали бы лучше всего словить сразу весь запасъ рыбы, не понимая, что если запасъ не долженъ истощиться, не слѣдуетъ брать болѣе годоваго производства рыбъ ³⁾.

И г. Бэръ, и Посошковъ, признавая ловлю молодыхъ снятковъ менѣе вредною, оба говорятъ, что все-таки не слѣдуетъ ловить слишкомъ мелкихъ снятковъ ⁴⁾. Посошковъ называетъ такую ловлю „несмысленною“, „безпутною“; Бэръ замѣчаетъ, что рыбаки дѣлаютъ все возможное для уничтоженія запасовъ рыбы въ водѣ ⁵⁾. Посошковъ надеется, что запрещеніе ловить „недорослой рыбѣ“ будетъ тотчасъ же имѣть слѣдствіемъ, что „велики рыбы въ озерахъ и въ рѣкахъ умножатся“. Въ одномъ изъ отчетовъ Бэра указывается на то обстоятельство, что когда закономъ 1846 года ограничили отчасти ловлю рыбы около Астрахани, то уловъ судака до того увеличился

¹⁾ См. статью въ Мѣсяцесловѣ на 1866 годъ, стр. 31 и 32.

²⁾ См. статью Бэра въ Мѣсяцесловѣ на 1866 г., стр. 26.

³⁾ См. статью Бэра въ Мѣсяцесловѣ на 1866 годъ, стр. 31, 37.

⁴⁾ Ваер, I. с. 31.

⁵⁾ Ваер, I. с. 34.

что въ два слѣдующіе года онъ былъ значительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ двухлѣтніи отъ 1832 до 1846 года ¹⁾). Посопшковъ надѣется, что „въ таковомъ установленіи (штрафовъ за ловлю молодыхъ рыбъ) годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножатся, что весь народъ рыбою насытится“. Новѣйшая наука занималась точнымъ изслѣдованіемъ числа икрынокъ въ каждой рыбѣ и доказала, что еслибы всѣ икрынки могли достигнуть совершеннаго развитія, чрезъ нѣсколько лѣтъ всякое водохранилище и даже самое море должны бы были переполниться рыбою ²⁾).

Рыболовный уставъ, нѣкоторыя постановленія котораго предлагаются Посопшковымъ, также весьма сходенъ съ Высочайше утвержденными 23-го ноября 1859 года правилами объ ограниченіи лова рыбъ въ Псковскомъ и Чудскомъ озерахъ, денежные штрафы, предлагаемые въ проектѣ положенія объ устройствѣ рыбной ловли на Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ, встрѣчаются и въ предложеніяхъ Посопшкова. И здѣсь, и тамъ предлагается вознагражденіе донощика и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали при поимкѣ виновнаго ³⁾). Разумѣется, усѣхи науки, специальность наблюденія, гениальность и ученый тактъ г. Бэра дали ему возможность указать на множество обстоятельствъ, о которыхъ вовсе не упомянуто Посопшковымъ. Сюда относится положеніе, что истощеніе рыбныхъ запасовъ въ морѣ далеко не столько вѣроятно или даже почти невозможно, и что поэтому нѣтъ надобности въ томъ строгомъ полицейскомъ надзорѣ надъ морскимъ рыболовствомъ, въ какомъ нуждается рыбная ловля въ рѣкахъ и озерахъ; сюда относятся разсужденія о значеніи растений, находящихся близъ рыбныхъ ловель для сохраненія запасовъ рыбы, также доказательства, что извѣстныя измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ оказать еще болѣе вредное вліяніе на запасы рыбы, чѣмъ „несмысленная“ или „безпутная“ ловля „сеголѣтокъ“. Тѣмъ не менѣе тѣ отрывочныя замѣчанія у Посопшкова, которыя относятся къ рыболовству, показываютъ въ немъ необыкновенную способность къ наблюденіямъ, пониманіе главныхъ техническихъ началъ дѣла и правильный взглядъ на общее народно-экономическое значеніе этого вопроса.

¹⁾ Изслѣдованія о состояніи рыболовства, II. 39.

²⁾ Бэръ, въ Изслѣдов. о сост. рыбол., I, 25.

³⁾ См. подобныя правила въ шведскомъ регламентѣ 1852 г. въ Изслѣдованіи о сост. рыбол., I, 82—88., стр. 69 и 70.

И въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ затрогиваются политико-экономическіе вопросы, отчасти тѣ самыя, какіе обсуждаются въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Однако назидательный характеръ сочиненія, писаннаго для сына Посопшкова, преобладаетъ и въ разсмотрѣніи чисто свѣтскихъ отношеній. Въ каждомъ предметѣ указывается на его религиозную сторону. Нравственныя обязанности человѣка стоятъ у автора „Завѣщанія“ на первомъ планѣ. Такъ, напримѣръ, въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ говорится о сохраненіи лѣса въ слѣдующемъ тонѣ: „Въздъ яко не безъ грѣха есть еже безъ potreбы дресеса растущіи посѣкати, или ломати: но аще восхоцещи ради каковыя себѣ забавы сломити дресцо, и ты тыя вѣтви лодмай, кїи побочныя сучцы, или отрасли: и то есть яко у птицы дѣти, а самыя матки, то есть средины, кая прямо вверхъ возрастаетъ, яко матки у дѣтокъ не отъемли, не сломи его безъ потребы, и возраста его не пресѣчай,—егда бо оно возрастетъ, тогда оно будетъ на потребу человѣку. Егда же и на прямую потребу будещи съсѣкати: аще на дреса, то ты такой лѣсъ и сѣцы, которой къ строенію непотребенъ, а угоднаго лѣса къ строенію нѣкогда тебѣ же, или твоему брату годиться, а аще доброе древо, которое годно на строеніе, а ты съсѣчеша его на сожженіе, то ты своему брату сотвориши обиду“¹⁾.

Смысль такого наставленія сходенъ съ ученіемъ о сбереженіи лѣса въ позднѣйшемъ сочиненіи Посопшкова. Точка зрѣнія однако совершенно иная, а именно духовная. Таковы же и другія наставленія, въ родѣ того, что сынъ, ѣздя верхомъ, и курицу, и пса на дорогѣ не долженъ тѣснить, что сынъ „своею ѣздою насѣявшему ниву, великую обиду учинитъ, егда бо конь на кое мѣсто ступитъ“²⁾ и т. п.: Побужденіемъ для такого сбереженія служить не экономическая польза, а мысль о томъ, что курица или песь—„тварь Божія“, и что „Богъ насадилъ дресеса на потребу человѣкомъ, а не на руганіе, ни на играніе, и Богъ восраститъ многими лѣтми: а ты его въ едину минуту съсѣчеша или сломиши безъ потребы, то ты самъ себѣ помысли: можеша ли ты его сотворити, а аще чего не можеша сотворити, то не требѣ ты того и губити“. Авторитетомъ для такихъ соображеній въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ служатъ многія постановленія Ветхаго Завѣта, между тѣмъ какъ аргументація на счетъ этихъ самыхъ во-

¹⁾ Отеч. Зав., 18.

²⁾ От. Зав., 16, 18.

просовъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ построена на соображеніяхъ чуждыхъ религіи.

Такая же разниа между обоими сочиненіями одного и того же автора бросается въ глаза и въ отношеніи къ другимъ вопросамъ—о солидности и честности въ промышленныхъ предпріятіяхъ, о значеніи постоянного капитала, обусловливающаго извѣстнаго рода сбереженіе. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“, въ главѣ „о художествѣ“ отецъ представляетъ сына, какъ онъ долженъ поступать въ качествѣ ремесленника. Будетъ ли онъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, онъ долженъ свое дѣло дѣлать „безъ всякаго фальшиства“, то-есть, онъ не долженъ примѣшивать мѣди или „плохова серебра“ къ золоту и т. п. Затѣмъ говорится: „И аще будешь оружейнымъ мастеромъ, то на ружье отбирай самое желѣзо мягкое и чистое, чтобы и непльнасто (sic) было, и чтобы внутри ствола не проварки и малма бы не было, потому что отъ того чинятыца великія бѣды . . . понеже за плохость желѣза и за невыварку много ружья разрываетъ и держащихъ е самихъ убиваетъ . . . Государь възыщеть убитаго на тебѣ же и за плохость мастерства, и за неразмотрѣніе въ желѣзѣ подпадеши смерти“ и пр. ¹⁾.

Совсѣмъ иначе объ этомъ же предметѣ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится о кораблестроеніи слѣдующее: „Лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъ кораблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубить, а если въ коемъ кораблѣ брусовъ десятокъ-другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ трапореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостиннаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче военныя люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблага дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятеля всѣхъ погубить. На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самый добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно побраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ влать, того ради что и оно непрочно; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, нигуда негодно. А видѣлъ я въ

¹⁾ Отеч. Зав., 187—188.

Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо не умѣть, но ломится кускомъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое, и такого дерева ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить. И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бѣгаться; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станеть, чаю, тысячъ въ сотницу, а отъ небольшихъ трапореховатыхъ деревъ пропадешь, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужь еще и людей: въ себѣ множество погубить“. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторые техническія замѣчанія о тѣхъ свойствахъ, которыя долженъ имѣть дубъ годный къ кораблестроенію, о способѣ контроля при рубкѣ лѣса для этой цѣли, о наказаніяхъ за неисправность въ такихъ случаяхъ и т. п. При этомъ экономическая точка зрѣнія преобладаетъ: часто встрѣчаются цифры: „корабль изъ здороваго дуба лучше двадцати трапореховатыхъ“; корабль изъ здороваго дерева „жить можетъ лѣтъ пятьдесятъ и больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа, и казна вся въ немъ изсоренная даромъ пропадетъ“. Затѣмъ Посошковъ разказываетъ нѣкоторые случаи нарушенія экономическихъ интересовъ казны и народа чрезъ непрочность матеріала или несолидность работы и въ заключеніе предлагаетъ разныя мѣры, надзоръ и наказанія, для устраненія такой „пакости“.

Посошковъ такимъ образомъ является обличителемъ зла глубоко вкоренившагося. Онъ стоитъ за честность, за солидность; какъ горячій патріотъ, онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на расточительность гибельную для народнаго богатства, на лишнюю трату капиталовъ, времени и труда. Онъ находитъ, что работа при обыкновенной организаціи ея идетъ дурно. О работникахъ на верфяхъ въ Петербургѣ онъ говоритъ, что „работы ихъ видѣть нечего и смотрѣть ихъ на ту работу моркотно: потому что гонять день къ вечеру, а не работу въ отдѣлѣ“. Онъ жалѣеть объ экономическихъ потеряхъ вслѣдствіе несолидности употребляемаго на разные предметы матеріала. Онъ обвиняетъ многихъ, въ томъ числѣ иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, въ сребролюбіи, въ недобросовѣстной эксплуатаціи казны, въ совершенномъ невниманіи къ интересамъ народнаго богатства. Онъ чувствуетъ, что подвергнетъ себя страшной опасности такимъ обличеніемъ. „И о семъ моемъ изъясненіи „лишеть онъ,— „они, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдають о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня

диревренци“. И въ другомъ мѣстѣ: „Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ великомъ дѣлѣ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради каковаго поисканія или прибытка желаю себѣ, но токмо ради любви, даже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своя бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели видя что не полезно, умолчати“¹⁾).

Таковы мысли Посошкова относительно народнаго богатства вообще, относительно труда, сбереженія и нѣкоторыхъ началъ общественнаго и государственнаго экономическаго быта.

II.

Мысли Посошкова о торговлѣ и промышленности.

О торговлѣ и промышленности Посошковъ говоритъ подробнѣе лишь въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Труды его, писанные до „Отеческаго Завѣщанія“, или имѣли содержаніемъ духовныя, церковныя дѣла, какъ, напримѣръ, „Зерцало“ и донесенія Стефану Яворскому, или же касались специальныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о войскѣ или о монетномъ дѣлѣ. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ говорится о будущей карьерѣ сына, который могъ сдѣлаться или архіереємъ, или монахомъ, или солдатомъ, или офицеромъ и пр. О каждомъ родѣ дѣятельности встрѣчаются поэтому нѣкоторыя замѣчанія. Такъ двѣ, впрочемъ весьма краткія статьи въ главѣ „о гражданскомъ житіи“ посвящены вопросамъ „о художествѣ“ и „о купечествѣ“²⁾. Гораздо подробнѣе объ этихъ предметахъ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, въ которомъ двѣ довольно обширныя главы „о купечествѣ“ и „о художествѣ“ заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе приведенныя въ систему понятія Посошкова относительно этихъ важныхъ отраслей экономическаго быта Россіи³⁾).

Посошковъ обращаетъ особенное вниманіе на вѣдѣнную торговлю, на отношенія Россіи къ иностранцамъ. Этимъ путемъ онъ приходитъ къ главнымъ началамъ меркантилизма. Два явленія, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ объясняютъ такое направленіе мыслей Посошкова: вопервыхъ, ходъ развитія русской торговли съ половины XVI-го вѣка до эпохи Петра, давшій громадное значеніе иноземцамъ

¹⁾ О скуд. и бог. 210—216.

²⁾ См. «Отеч. Зав.», стр. 185—192.

³⁾ О скуд. и бог., стр. 112—154.

въ внѣшней торговлѣ Россіи; восторжъ, то обстоятельство, что Петръ Великій, слѣдуя примѣру другихъ правительствъ, а также согласно съ прочими началами своей политической системы, былъ меркантилистомъ. Посоховъ, совсѣмъ незнакомый съ экономической литературою запада, въ которой преобладала тогда теорія меркантилизма, находился такимъ образомъ подъ вліяніемъ преданія, господствовавшаго въ среднемъ классѣ русскаго общества, относившагося враждебно къ иностранцамъ, подъ вліяніемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Петра, старавшагося развить національную промышленность и этииъ самымъ сдѣлать Россію независимой отъ запада.

Значеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности.

Примѣры пребыванія въ Россіи купцовъ и ремесленниковъ-иностранцевъ не слишкомъ многочисленны до XV вѣка. При Іоаннѣ III были приглашены изъ Венеціи разные „мастера“. Начали пріѣзжать архитекторы, типографіици, рудознатцы, оружейные мастера и другіе ремесленники. Мало по малу множество иностранцевъ стало поступать въ русскую службу. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ войскѣ, и въ посольскомъ приказѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, вездѣ, гдѣ можно было устроить какое-либо выгодное промышленное предпріятіе. Часто соперничество, состязаніе иноземцевъ становилось гибельнымъ для Русскихъ, которые не были въ состояніи „стануть“ съ болѣе опытными въ дѣлахъ и многостороннѣе образованными представителями западной цивилизаціи.

Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англичане открыли себѣ путь въ Бѣлое море, съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи была основана „компанія для торговли съ Россіей, Персіей и сѣверными странами“, иностранцы не переставали составлять проекты для извлеченія наибольшей пользы изъ коммерческихъ и торговыхъ предпріятій въ Россіи. Уже до этого явился смѣлый путешественникъ, искатель восточнаго пути, генуэзскій капитанъ Павелъ, желавшій при Василіѣ Ивановичѣ устроить торговую связь чрезъ Москву, Астрахань, Астрабадъ съ Индіей. Однако, такъ какъ планъ его не встрѣтилъ поддержки въ Москвѣ, то предположенія его остались безъ исполненія¹⁾. Англичанинъ Дженкинсонъ при Іоаннѣ Грозномъ предложилъ царю открыть торговую дорогу съ Китаемъ чрезъ Бухарію, а затѣмъ

¹⁾ Starczewski I. P. Jovii de legatione Moscovitica, 3 и 4.

проект торговли съ Персіей ¹⁾. При царѣ Михаилѣ явилось множество подобныхъ проектовъ. Англійскій купецъ Джонъ Меркль просилъ отъ имени короля Якова I, чтобы государь далъ англійскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персію по Волгѣ. Отказали. Далѣе Англичане надѣялись „Объѣ рѣкою найти путь въ Индію“; просили позволенія эксплуатировать желѣзныя и оловячныя руды на рѣкѣ Сузонѣ, устроить земледѣльческія колоніи около Вологды, тамъ же завести фабрики, брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ, и пр. ²⁾. Французскій посланникъ де-Курмененъ просилъ для Французовъ права безпошлинной торговли съ Персіей. Голландцы просили права торговли въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и также, какъ Англичане, мечтали-было объ учрежденіи въ Россіи земледѣльческихъ колоній. Датчане требовали дозволенія устройства въ Россіи датскаго консулата и просили дороги датскимъ купцамъ въ Персію. Съ Голштиніей наконецъ заключенъ былъ договоръ на счетъ персидской торговли, хотя и это дѣло впоследствии не имѣло успѣха ³⁾.

Хотя русское правительство и не соглашалось на всѣ эти требованія иностранцевъ, но все таки мало-по-малу они получили главное значеніе въ торговлѣ и промышленности Россіи, приобрѣли множество правъ, завели свои конторы во многихъ городахъ, держали русскихъ работниковъ и захватывали важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи.

Въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицахъ иноземцы находили покровителей. Часто они дѣйствовали подкупомъ, посулами. Одинъ изъ завязанныхъ враговъ Англичанъ и благопріятель Нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ, оказалъ, по случаю кончины Іоанна Грознаго, англійскому послу: „Англійскій царь умеръ“ ⁴⁾. Англія имѣла обширныя виды политическаго преобладанія въ Россіи. Русскіе купцы вида, что иноземцы подчиняютъ ихъ себѣ, и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, роптали. Во время царствованія королевы Елизаветы Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Пользуясь многими правами, обладая свѣдѣніями, отличаясь ловкостью и опытностью, владѣя большими капиталами, дѣйствуя сообща,

¹⁾ Костомаровъ, Оч. Торг. Моск. госуд. 16 и 17.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. IX, 94—95, 122—123, 195.

³⁾ Тамъ же, 195—205, 271 и слѣд.

⁴⁾ Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 20.

иноземцы имѣли громадныя выгоды. Русская власть, говоритъ г. Костомаровъ, въ отношеніи къ торговлѣ съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобы производить то, что привозили ему иностранцы, давала имъ большія торговныя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привиллегіи Англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недоувѣріе къ иностранцамъ, боясь, чтобы не употребили во зло покровительства и гостепрѣимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и того, и другого. Они наполнили казну царей и дома знатныхъ особъ предметами издѣланной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства; но они постоянно, на каждомъ шагу, не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію какъ на страну дикую и необразованную, а потому-то имъ особенно полезную¹⁾.

Вотъ почему, когда, напримѣръ, Іоаннъ III старался привлечь въ Россію ремесленниковъ, Ревельскій городской совѣтъ, по наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, и Нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ²⁾. Вотъ почему Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ королеви Елизаветѣ, что не слѣдуетъ допускать Россію къ достиженію власти и значенія не только чрезъ пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ, между прочимъ оружія, но также и чрезъ приглашеніе ремесленниковъ и художниковъ³⁾. Вотъ почему, когда предприимчивый русскій купецъ, Лаптевъ, отправился съ русскими товарами въ Амстердамъ, Голландцы ничего у него не купили и заставили его вернуться съ товаромъ въ Россію⁴⁾.

Не мудрено, послѣ этого, что въ Россіи жаловались на алчность иноземцевъ. Укажемъ на нѣкоторые примѣры заявленій такого негодованія. Въ 1646 году, русскіе купцы подали царю жалобу, въ которой говорится, что „англійскіе Нѣмцы“ хотятъ завладѣть „ясанимъ торгомъ“, что они, не ограничиваясь торговлею въ Архангельскѣ, распространились по всему государству и вытѣснили русскихъ купцовъ изъ многихъ коммерческихъ предпріятій. „Эти Нѣмцы“, сказано далѣе, —

¹⁾ Костомаровъ, I. с. 56.

²⁾ Костомаровъ, I. с. 35.

³⁾ Ключевскій, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 280.

⁴⁾ А. А. Э. IV. № 13.

„не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодали..., они Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго“. И Англичане, и другіе „Нѣмцы“ въ этой грамотѣ обвиняются въ несправномъ платежѣ пошлинъ, въ томъ, что дѣйствуютъ подкупомъ на русскихъ чиновниковъ, что, не довольствуясь оптовою торговлею „торгуютъ врознь“. „Отъ того ихъ, Англичанъ, умыслу и заговору“, говорятъ русскіе купцы, — „мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ... и твоя государева вотчина, городъ Архангельскій и Холмогорскій уѣздъ и все Поморье пустѣеть... многіе люди обнищали.... Милосердый государь“, такъ заключается жалоба русскихъ купцовъ, — „пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей, возври на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять“¹⁾.

Юрій Крижаничъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ совершенно согласно съ жалобами русскихъ купцовъ. Между главными причинами упадка государства онъ приводитъ и слѣдующую: „Аще въ договорахъ, въ торгахъ, и въ иныхъ дѣлахъ отъ овольныхъ народовъ нашъ народъ хитростью ся обмалаетъ и нищѣтъ“. Подробнѣе объ этомъ говорится у него слѣдующее: „А отъ всего горній промыселъ и земли разореніе есть инородское торгованіе, то-есть, аще кій краль препуститъ инороднымъ торговцемъ во всей державѣ пребывать или жить, своды и склады держать и вездѣ по землѣ торговать... Неоцѣннымъ тѣлеснымъ и душевнымъ накладомъ, убыткомъ, срамотамъ, тѣстамъ тѣ торговцы суть причина. А корысти отъ нихъ нѣсть, oprичъ нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо бояромъ. Коихъ подарковъ нѣмаемъ нужи ни во что почитать: або сколько они своего блага намъ подаруютъ, зѣ десять тысячъ вратъ толико нашего блага изъ нашія земли вонъ извозятъ“. Крижаничъ доказываетъ, что Россія стала, такъ сказать, данникомъ иноземцевъ: „И тою хитростию сіе преславно государство творять (иноземцы) подбирно имати ясачно своимъ Агличаномъ, Барабанцемъ и Хамбуржаномъ“. Обращаясь къ государю: „И во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ... право адда пророкуеть Варухъ: „припусти къ себѣ инородника и разорить тя“²⁾.

¹⁾ А. А. Э., № 13.

²⁾ Крижаничъ, I, стр. III и 3—4.

Впрочемъ, Крижаничъ сознаеть, что иноземцы способнѣе Русскихъ въ торговоу дѣламъ: „Русы, Ляхи и весь народъ Словенскій отнюдь не знадуть далекаго торгованія ни по морю, ни по суку. Инородныя торговцы лехво насъ перехитряють и обманяють нещадно во всяко время. А тѣмъ наипаче, что вездѣ по Руси пребываютъ, и товары наши найдешевшею цѣною выкупають. Могло бы ся терпѣть, когда бѣху и наши у нихъ жили, и также дешево закупали. Али наши у нихъ не живутъ, и отнюдь жить не могутъ, для природнаго своего неспособія и тупа разума, и паче для ради нѣмецкаго завиднїя и злобы, кого суть многи наши отвѣдали“¹⁾.

Еслибы, говорить Крижаничъ, было запрещено иностранцамъ торговать въ разныхъ городахъ Россїи, имѣть всюду своихъ агентовъ и консуловъ, еслибы „Нѣмцевъ на Руси не было“, торговство сего царства бы много въ лучшемъ постановленїю было. Драже бысмо продавали нашїе товары; дешевле бысмо куповали чужїе“²⁾. Крижаничъ на навигаціонный актъ у Англичанъ указываетъ какъ на учрежденїе достойное подражанїя. Иностранцевъ-купцовъ онъ сравниваетъ съ саранчей и считаетъ ихъ хуже какой-либо странной заразы, „Здѣсь на Руси, что ся дѣветъ?“ спрашиваетъ Крижаничъ, — „торговцы инородны, Нѣмцы, Греки, Бухары, всего сего королевства благо и приплодъ въ себѣ уграбляють“, то-есть, они торгуютъ вольно по всему государству, продають Русскимъ „некорыстные драгіе товары“, покупають русскїе товары по невыгодной цѣнѣ и обманываютъ всѣхъ и каждого³⁾. Въ сильныхъ выраженїяхъ Крижаничъ ругаетъ противъ сребролюбїя иноземцевъ⁴⁾. Договоры, на основанїи которыхъ Русскимъ было дозволено торговать въ Стокгольмѣ, Амстердамѣ и Гамбургѣ, онъ называетъ „раста ridicula“, потому что Ру-

¹⁾ *Крижаничъ*, I, 8. Исключенїями были, напримѣръ, ярославскїй купецъ Лантевъ, отправившїйся въ Амстердамъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (см. А. А. Э., IV, № 13) и знаменитый торговый домъ Соловьева въ Амстердамѣ при Петрѣ Великомъ. За то вообще говоря, договоры о взаимномъ правѣ иностранцевъ торговать въ Россїи, а Русскихъ торговать за границею, какъ напримѣръ, Кардисскїй договоръ, или договоръ съ Франціей (см. *Сол.*, *Ист. Р.* XII, 249) не могли считаться выгодными для Русскихъ вельдствїе ихъ неспособность заниматься торговлею такъ, какъ занимались яе въ западной Европѣ. Такъ, напримѣръ, Русскїе въ Стокгольмѣ одѣлались предметомъ смѣха. См. *Соловьевъ*, *Ист. Рос.*, XVII, стр. 164.

²⁾ *Крижаничъ*, I, 24.

³⁾ Тамъ же, I, 215.

⁴⁾ Тамъ же, II, 189.

скіе, отправляющіеся за границу, гибнуть тамъ, теряютъ свое состояніе и возвращаются домой со стыдомъ ¹⁾). Такимъ образомъ Крижаничъ требуетъ „гостогонства“, то-есть, изгнанія всѣхъ иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ ²⁾).

Постоянно слышны были жалобы, что „торжашки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжашки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы“ ³⁾). А правительство весьма часто заботилось гораздо болѣе о своихъ казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о благосостояніи народа, давало привилегіи иностранцамъ за деньги и отдавало на откупъ многія отрасли промышленности и торговли. Ограниченіе правъ Англичанъ, послѣдовавшее въ 1649 году ⁴⁾, было исключеніемъ; правиломъ же можно считать распоряженія въ родѣ того, какъ правительство, требуя однажды за иностранные товары двойную пошлину „для пополненія ратныхъ людей“, утѣшало иностранцевъ, что они воротятъ свои деньги и возьмутъ ихъ съ Русскихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ ⁵⁾).

Таковъ былъ характеръ отношеній Русскихъ къ иностранцамъ въ торговыхъ дѣлахъ въ то время, когда родился и воспитывался Посошковъ. Преданіе о неравной борьбѣ Русскихъ съ Нѣмцами не могло не имѣть сильнаго вліянія на образъ мыслей его. Къ тому же должно принять въ соображеніе религіозный антагонизмъ между Россіей и западною Европою. Особенно изъ „Отеческаго Завѣщанія“ видно, какова была ненависть Посошкова къ иностраннымъ правамъ, обычаямъ и воззрѣніямъ. Хуже всего въ его глазахъ были лютеране и кальвинисты, то-есть, именно тѣ народы, которые въ эпоху Посошкова играли главную роль въ вѣншней торговлѣ Россіи, а именно—Англичане, Голландцы, Шведы и Нѣмцы. Множество иностранцевъ находилось въ русской службѣ; нѣкоторые были подрядчиками, поставщиками; ихъ техническія познанія давали имъ значительный перевѣсъ надъ Русскими, хотя послѣдніе, какъ показываетъ примѣръ самого Посошкова, иногда, какъ механики-самоучки, отличались необыкновенными способностями. Нерѣдко, разумѣется, иностранцы дѣйствова-

¹⁾ Крижаничъ, II, 189, 269.

²⁾ Тамъ же, I, 325 и II, 73.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, 304 и 416.

⁴⁾ П. С. З. № 9.

⁵⁾ См. множество указовъ о привилегіяхъ иностранцевъ въ П. С. З. №№ 80, 278, 409, 410, 539, 596, 1304, 1332, 1410, 1633, 1671, 1911, и пр.

ли недобросовѣстно, нечестно, заботились скорѣе о своихъ выгодахъ, нежели о казенной прибыли и вотъ Посопшковъ считалъ своимъ долгомъ явиться обвинителемъ такого зла.

Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ сочиненій Посопшковъ коснулся этихъ вопросовъ. Въ донесеніи боярину Головину „о ратномъ поведеніи“ онъ пишетъ: „Мнѣ, государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; а праведно ль я сумняюсь или блазнясь, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ то грами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вывѣняютъ. И тому ихъ торговому содружію примѣняясь, мнѣніе ми приходитъ такоє, что диво тако, да не компанствами ли жъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самую истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегда бѣ въ поношеніи были, и всегда бѣ ихъ за господъ имѣли... Вѣрять имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрять. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки. А за благодатию Божією у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе науками; а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно¹⁾. Затѣмъ Посопшковъ указываетъ на образъ дѣйствій иностранныхъ купцовъ, для которыхъ учрежденіе почты²⁾ было весьма полезнымъ и выгоднымъ предпріятіемъ: „Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли дыру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрять. Дыра жъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Русскіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца въ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много и коихъ мало. Такжеже пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь по-

¹⁾ Соч. Пос. I, 272—273.

²⁾ Объ учрежденіи почты см. монографію *Фабрициуса*, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи, С.-Пб. 1864 и множество указовъ и привилегій, въ П. С. З. №№ 1082, 1402, 1408, 2030 и пр.

добрались и конхъ злишкомъ. И кон ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ; а конхъ злишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ. А наши бѣдные къ городу придутъ съ товарами, и приѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кон товары куплены и конхъ сколько есть; и станутъ у него торговать самою цѣною маюю, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и много ль конхъ товаровъ насено, знаютъ же. И почти ради иноземцы торгуютъ надѣваучись, а Русскіе люди жили изъ себя изрываючи. А если бы почти иноземной не было, то бъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не знали жъ бы, и торгъ былъ бы безъ обиды. Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублей, и то почитаютъ великому государю въ прибыль, а въ то мѣсто пѣзгану чинятъ на многія тысячи. Наипачежъ того, что, чаю, всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и если совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то, что по сту рублей, ни по сту тысячъ не доведется за почту брать. Миѣ, государь, мнитца, что лучше бъ та дыра загородить накрѣпо; а врѣще того нельзя, что почта, буде мочно, то оставитъ ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и вѣдомомъ заповѣдъ положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ инія земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились¹⁾.

Почта была основана въ Россіи около того самаго времени, когда родился Посошковъ, то-есть, въ 1664 году. Можно полагать, что иностранцы содѣйствовали этому дѣлу. Организація почтоваго вѣдомства была поручена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Голландцу Ивану фонъ-Сведену. Въ 1667 году была заключена первая почтовая конвенція съ Польшею. Послѣ фонъ-Сведена, Петръ Марселисъ завѣдывалъ почтою, затѣмъ Андрей Виніусъ, который первый носилъ офиціальное званіе Царскаго Величества почтмейстера. Онъ имѣлъ неограниченное право заключать почтовые договоры съ сосѣдними государствами²⁾.

Значитъ—почта, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія, была управляема иностранцами. Какъ кажется, это обстоятельство заставило Посошкова обвинить именно иностранцевъ въ учрежденіи почты, хотя и въ точномъ смыслѣ не „они (иностранцы)

¹⁾ Соч. Пос., I, 273—274.

²⁾ См. Фабриціусъ, стр. 3, 58, 61.

прорубили дыру во всё свои земли“, а само русское правительство, сознававшее необходимость болѣе постоянного и правильнаго сообщенія съ западомъ ради политическихъ и торговыхъ дѣлъ.

Замѣчаніе Посошкова, что почта была особенно выгоднымъ учрежденіемъ для иностранцевъ, какъ иностранцы, а не для Русскихъ, не лишено основанія. Русскіе долгое время не умѣли пользоваться почтой; они не столько нуждались въ письменномъ сообщеніи. Между тѣмъ, напримѣръ, изъ дневника Патрика Гордона можно видѣть, какое громадное значеніе имѣла почта для представителей западно-европейской цивилизаціи. Тутъ встрѣчается множество замѣтокъ о частой корреспонденціи Гордона. Русскіе купцы, которыхъ Крижаничъ обвинялъ въ незнаніи ариметики, не скоро могли привыкнуть къ перепискѣ по торговымъ дѣламъ посредствомъ почтоваго сообщенія. Между тѣмъ какъ за границею, благодаря почтѣ, дѣйствительно узнавали всё подробности состоянія рынка въ Россіи, русскіе купцы, не бывшіе въ перепискѣ съ заграничными, разумѣется, ничего не знали о томъ, что происходило на западѣ въ области торговли. Значить, вся выгода была на сторонѣ иноземцевъ. Съ самаго перваго времени существованія иностранныхъ торговыхъ домовъ въ Россіи, Русскіе почувствовали перевѣсъ иностранцевъ, дѣйствовавшихъ сообща, вмѣстѣ, дружно, бывшихъ въ постоянной перепискѣ между собою. Уже въ XVI столѣтіи агенты англійской компаніи отправляли часто письма съ нарочными, секретныя извѣщенія о мѣрахъ, выгодныхъ для компаніи; эти письма были иногда писаны цифирью ¹⁾). Въ вышеупомянутой грамотѣ русскихъ купцовъ 1646 года сказано: „Да Нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздять чрезъ Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстами, что дѣлается въ Московскомъ государствѣ, почему какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстѣмъ и по грамотамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ Архангельскому городу, то про всякіе товары цѣны разважутъ, заморскіе товары выбравъ лучшіе закупать всё сами на деньги и на русскіе товары промѣняють, и сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держать большую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ Архангельскаго города веземъ назадъ, а иной

¹⁾ Ключевскій, 1. с., стр. 237.

оставлять на другой годъ, а которые должны людишки плачуи отдають товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные; и отъ того ихъ умислу и заговору мнѣздить въ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ" и пр. ¹⁾ Русскіе все это называли „заговоромъ“ и „хитростью“ и хвалились, что у нихъ самизъ ничего подобнаго не заведено. Если жъ и до учрежденія почты сообщеніе между иностранцами было столь невыгодно для русскихъ купцевъ, то съ тѣхъ поръ, какъ учредилась почта, Нѣмцы еще гораздо легче стали узнавать о состояніи цѣнъ въ Россіи и о положеніи каждой отрасли торговли и руководствоваться такими данными для своихъ коммерческихъ расчетовъ и операций. Въмсто того, чтобы стараться дѣйствовать этимъ самымъ оружіемъ, надѣяться на ту же почту и для выгоды русскихъ купцевъ, Посошковъ сталъ требовать совершеннаго отчужденія Русскихъ отъ чужеземцевъ и настаивалъ на уничтоженіи почты и непронущеніи за границу никакихъ вѣстей о томъ, что происходило въ Россіи. Весьма любопытно, что въ этомъ отношеніи его взгляды вполне согласны съ соображеніями на этотъ счетъ Крижанича, жаловавшагося на то, что „инопородные торговцы вездѣ въ дешеву пору нашия товары выкупають, а иноземцевъ своимъ нарочаномъ всякія нашия тайности проявляютъ, не токмо въ торговыхъ, но и владѣтельскихъ тайныхъ дѣлахъ“ ²⁾.

Посошковъ видѣлъ въ распространеніи вѣстей о Россіи за границею вообще большой вредъ для государства. На этотъ счетъ, въ счастью, правительство думало иначе. Именно въ продолженіе XVII вѣка правительство само весьма часто давало знать другимъ правительствамъ о томъ, что происходило въ Россіи, о своихъ предпріятіяхъ, намѣреніяхъ. Солидарность Россіи съ западною Европою развивалась. Для этого необходимо было и почтовое сообщеніе.

Впрочемъ, Посошковъ писалъ о почтѣ въ столь рѣзкихъ, не согласныхъ съ взглядами правительства выраженіяхъ въ 1701 году. Тогда онъ менѣе могъ находиться подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, чѣмъ впоследствии, когда писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“. За нѣсколько лѣтъ до того онъ даже былъ сторонникомъ тѣхъ элементовъ въ обществѣ,

¹⁾ А. А. Э. № 13.

²⁾ Крижаничъ, I, стр. 3.

которые были враждебны Петру Великому, а еще раньше был раскольниковомъ, ненавидѣвшимъ, какъ всѣ старовѣры, новое, чужое.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ ненавидѣлъ тогда иностранцевъ, замѣтно изъ слѣдующихъ его сужденій въ этомъ же донесеніи боярину Головину 1701 года. Онъ не понимаетъ, почему такъ часто и со стороны правительства давалось предпочтеніе иностранцамъ. „У нашихъ“, говоритъ онъ, — „Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцевъ, и отъ неприятелей можно въ оборонѣ держать, лишь бы ружье было доброе, да и умъ твердый. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка и добрая расправа“¹⁾.

Разказывая подробно Головину, что какой-то иноземецъ-инженеръ сдѣлалъ по порученію правительства бомбы, Посошковъ говоритъ подробно о совершенной негодности этихъ бомбъ и совѣтуетъ Головину убѣдиться въ справедливости такого показанія опытомъ. Онъ замѣчаетъ: „И въ семь, государь, весьма нужно поостерегисся, нѣтъ ли какой прозябы отъ того инженера. Ей, государь, надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаетъ собою русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все вѣриватьсѣ; всегда онъ своенменнымъ лучше poradѣтъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть“. Затѣмъ, говоря о другомъ случаѣ, въ которомъ поставщикъ-Нѣмецъ сдѣлалъ кирки, по мнѣнію Посошкова, также всѣмъ негодныя, онъ требуетъ слѣдствія надъ этимъ дѣломъ и наказанія иностранца²⁾.

Съ негодованіемъ Посошковъ указываетъ на гораздо болѣе выгодное, сравнительно съ русскими, положеніе иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ въ Россіи, замѣчая: „Въ російскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое: ибо Русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хошутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ лерадѣнію, но токмо учинятъ ему корму, чтобы онъ, токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копѣекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не провормятъ, а жену и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, за-

¹⁾ Соч. Пос. I, 282.

²⁾ Соч. Пос., I, 284 и 285.

неволю научать воровать и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать¹⁾.

Итакъ, во многихъ отношеніяхъ состязаніе Русскихъ съ иностранцами было неудачно для первыхъ. А потому и ожесточеніе Русскихъ было естественно. Иностранцы часто пользовались особеннымъ расположеніемъ правительства; они дѣйствовали систематически, организовали торговлю въ Россіи для своей выгоды въ ущербъ русскимъ купцамъ. Нужно было, по мнѣнію Посошкова, принять сильныя мѣры противъ такого зла. Иностранцы искусно поддерживали высокую цѣну своихъ и низкую цѣну русскихъ товаровъ. Они придерживали привозимые товары и не пускали ихъ въ продажу, пока отъ недостатка ихъ въ оборотѣ цѣны на нихъ поднимались; тогда только они начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали дешеветь. Такимъ образомъ они, то подымая, то понижая цѣны, наживали огромный процентъ на свои капиталы. Торговля съ Русскими была для иностранцевъ также выгодна, какъ торговля Русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами. Въ Нижнемъ Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанию, стоявшее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано²⁾. Крижаничъ жалуется на то, что „Нѣмцы, кои межъ нами живутъ, усматриваютъ время и мѣсто, гдѣ ся кій нашъ товаръ найдешевле продаетъ, а свои товары намъ привозятъ единожды въ годъ, какову сами хотятъ“³⁾.

Посошвовъ, какъ купецъ и патриотъ, желалъ, чтобы такъ дѣйствовали и русскіе купцы. Систематическому образу дѣйствій иностранцевъ онъ хотѣлъ противопоставить стройную организацію русской торговли. Уже во введеніи къ книгѣ „О скудости и богатствѣ“ Посошвовъ жалуется на то, что „купцы въ Россіи между собою совѣства ни мало не имѣютъ, другъ друга вѣдать, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества“⁴⁾.

Любопытно, что Петръ Великій еще до 1700 года мечталъ о такой организаціи русской торговли. Онъ предписалъ купецкимъ людямъ торговать также, какъ торговали иностранные купцы, компа-

¹⁾ О скуд. и бог., 145—146.

²⁾ Костомаровъ, I. с. 29.

³⁾ Крижаничъ I, 24.

⁴⁾ О скуд. и бог., стр. 5.

ніями. Голландцы встревожились, и резидентъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ фонъ-деръ-Гульстъ испрашивалъ у своего правительства инструкціи, чтобы просить царя объ отмѣненіи закона о компаніяхъ; но тревога была напрасная: въ маѣ 1700 года фонъ-деръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „Что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русскіе не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобы прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожитъ дѣло, котораго невозможность признана“ и пр. ¹⁾ Петръ, однакъ, въ продолженіе своего царствованія часто старался объ устройствѣ торговыхъ компаній между русскими купцами, не достигая, впрочемъ, большаго успѣха въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ высокаго мнѣнія о способностяхъ своего народа въ организаціи большихъ коммерческихъ предпріятій. Еще въ концѣ своего царствованія, желая учрежденія компаній для торговыхъ сношеній съ Испаніей, онъ говоритъ въ указѣ, относящемся къ этому дѣлу: „Понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради коммерцъ-Коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придетъ“ ²⁾.

Посошковъ, предлагая мѣры для поддержанія интересовъ русскаго купечества, надѣялся, также какъ и Петръ Великій, на полицейскій надзоръ, на строгія наказанія, на обращеніе съ купцами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ, напримѣръ, онъ требовалъ назначенія во всѣхъ „рядахъ“ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, которые надзирали бы надъ образомъ дѣйствій всѣхъ купцовъ и наказывали бы послѣднихъ за неисправность. Купечество, такъ сказать, должно было, по мнѣнію Посошкова, образовать что-то въ родѣ войска, дѣйствовавшаго за одно въ борьбѣ съ иностранцами. Онъ пишетъ: „А со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого-нибудь товару, безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторицно, за всякой взя-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., XV, 85.

²⁾ П. С. З. № 4540.

той рубль по сту рублей, и наказаніе учинить кнудомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ. И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было... И тако твора, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложить, то уже иноземцы по той цѣнѣ и не хотя воемуть. А буде иноземцы, вохота нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не стануть, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять. А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймуть, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвоиса, и впредь до указа таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ пріймать не будутъ, до того времени отнюдъ нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы. И буде иноземцы, вохота нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не зависить, а своихъ не снизить, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ конми прійхали, повезли бы всѣ съ собою назадъ; а въ амбары съ кораблей, не сторговавшись, отнюдъ власть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать стануть, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдъ того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезуть. А въ другое лѣто буде прійдутъ, то надлежитъ намъ на свои русскіе товары ко установленной прошлагодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четыре алтына, или какъ о томъ указъ великаго государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли. А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочать они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умно-

жались. И еще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубля, то такому цѣну впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ. И еще иноземцы упрямство свое и отложить, и станутъ товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на рускіе товары прибавленные отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась. И буде двойными цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божиимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробить“¹⁾.

Мы видимъ, что Посошковъ хотѣлъ устроить что-то въ родѣ международной стачки. Онъ надѣялся на успѣхъ ея на томъ основаніи, что Россія менѣе нуждалась въ западѣ, чѣмъ западъ въ Россіи. Спрашивается только: былъ ли Посошковъ правъ, утверждая, что Россія могла оставаться безъ заграничныхъ товаровъ? За то Посошковъ весьма основательно полагалъ, что торговля съ Россіей была весьма выгоднымъ рынкомъ для иностранцевъ. Въ самомъ дѣлѣ русская торговля приносила Англіи неизчислимныя выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой великой будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искусствъ и ремеслъ, которыя были еще чужды Русскому народу, такъ равно вся западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ сѣвера²⁾. Вмѣсто того, однако, чтобы видѣть основанное на такихъ взаимныхъ интересахъ сближеніе различныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ въ тогдашней Россіи ожесточенную борьбу между русскими и иностранными купцами. Посошковъ проповѣдуетъ войну; онъ требуетъ весьма враждебныхъ мѣръ противъ иностранцевъ; все купечество русское должно, такъ сказать, превратиться въ войско; строжайшая дисциплина, по мнѣнію Посошкова, могла одна спасти Россію отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ. Онъ и не думалъ о томъ, что китаизмъ въ предложенныхъ имъ мѣрахъ могъ оказать вредное вліяніе на коммерческій бытъ Россіи. Онъ надѣялся на успѣхъ, на безусловную побѣду. „Обще же я мню“, продолжаетъ онъ, — „хотя они хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а еще

¹⁾ О скуд. и бог., стр. 119—121.

²⁾ Костомаровъ, I. с. 27.

увидаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустить до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и, нехотя отложить: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мнѣ, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ, а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашими матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляють низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны. И не до сего ста, но и деньги нашего великаго государя цѣнять, до чего было имъ ни малаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ великій императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ еще и вопѣйку повелеть за гривну имать, то такъ и можетъ правиться. Мы въ своемъ царствѣ съ воли монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай,—воленъ онъ и отдать, я не отдамъ; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, не торгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ корабль держи“¹⁾).

Мы увидимъ впоследствии, что понятія Посошкова о теоріи денегъ отчасти были несостоятельны. Иностранцы считали себя въ правѣ жаловаться на перемены въ монетной системѣ Россіи; такъ, еще въ началѣ царствованія Михаила Федоровича встрѣчаются такія жалобы со стороны англійскаго дипломатическаго агента Джона Мерика. Посошковъ не понималъ значенія международнаго курса денегамъ.

„Время было уже“, говоритъ онъ далѣе,—„имъ (иностранцамъ) прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться тогда, когда сами наши монархи въ купеческія дѣла не вступались, но управляли бояре. И пріѣхавъ, они, иноземцы, засунуть сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ въ сто-другое, то за сто рублевъ дѣлають они, иноземцы, прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняють! А нынѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся

¹⁾ О скуд. и бог., 122.

сія разсмотрѣль, и подлѣвъ имъ уже никакъ, ежебы имъ по прежнему своему хотѣнію уставить и на своемъ поставить⁴.

Достойно вниманія то обстоятельство, что Посошковъ находитъ различіе между прежнимъ „правленіемъ бояръ“ и „абсолютизмомъ Петра. По его мнѣнію, прежде личные интересы вельможъ, „знатныхъ персонъ“, стояли на первомъ планѣ, а при Петрѣ правительство гораздо болѣе заботилось о благѣ народа.

Дѣйствительно, было много случаевъ подкупа сановниковъ иностранцами изъ-за торговыхъ видовъ при царяхъ Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Такъ, на примѣръ, когда голштинскіе послы въ 1634 году хлопотали о монополіи персидской торговли чрезъ Россію, они, по показанію гостя Шорина, посудили дьяку Назару Чистому 2,000 ефимковъ, и кромѣ того, дали ему въ закладъ залону въ 3,000 ефимковъ. Михаилъ жаловался на голштинскихъ пословъ герцогу Голштинскому, что они „мимо бояръ нашихъ и думныхъ людей промышляли тайно и подкупали нашихъ обычныхъ людей“¹⁾. Въ залюбѣ русскихъ купцовъ въ 1646 году сказано, что Англичане подкупили думнаго дьяка Петра Третьякова „многими посулами“²⁾. Иногда и самимъ царямъ подносили были подарки отъ иностранныхъ купцовъ, желавшихъ получить разныя привилегіи. Юлій Крижаничъ видитъ въ этомъ обычай страшное злоупотребленіе. „О честитый государю“, говорилъ онъ, обращаясь къ царю Алексѣю, — „ни отиудъ не вѣруй волку, еже бы ти онъ хотѣлъ твое агнецы створить жирны. И во вѣни вѣчные не вѣруй инороднику-торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ. Невозможно бо естъ, да онъ твое богатство умножить, кій самъ всѣ земли и моря обтичетъ, и весь свой животъ естъ отлучилъ на пугованіе и на страхоты и погибельности для ради пѣнявъ, и кій лакомѣ вѣаетъ на сребро, неже волкъ на агня. Кто въ воду мечетъ вудлицу, онъ мыслить неагнвуть рыбу. Кто въ землю сѣетъ жито, онъ мыслить наказъ десятиро толно. Инородникъ-торговецъ, аще тебѣ, госведарю, либо твоимъ бояромъ дастъ сребренъ стаканъ или кую ли будъ иную корысть, безъ сумѣнія сто вратъ съ толно благо ивержетъ вонъ изъ твоея земли и проѣстъ“³⁾. Обычай такихъ подарковъ, однако, не прекращался. Такъ, на примѣръ, армянскіе купцы, при заключеніи ими довольно

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россія, IX, стр. 274 и 275.

²⁾ А. А. Э., IV, № 13.

³⁾ Крижаничъ, I, 4.

выгоднаго для нихъ договора, поднесли царю Алексѣю Михайловичу разные драгоценныя подарки ¹⁾; англійскіе купцы подарили Петру Великому часы, хирургическіе инструменты, нѣсколько дюжины бутылокъ прекраснаго вина, разныя оружія и пр. ²⁾. При всемъ томъ, однако, во время правленія Петра, лично заботившагося о всѣхъ дѣлахъ и строго стѣдлившаго за образомъ дѣйствиій служащихъ, такіе случаи подкупа случались болѣе рѣдко, чѣмъ прежде, и на это обстоятельство надѣялся Посошковъ, предлагая мѣры противъ иностранныхъ купцовъ.

„И если они, иноземцы“, Посошковъ продолжаетъ, — „отъ упрямства своего года два-три и пять-шесть торговаться съ нами не будутъ, то купечеству нашему великая и неизчислимая прибыль будетъ, потому, которые товары покупались у насъ по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтиннѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленные цѣны за иноземчивое упрямство обавить отнюдь не можно... И аще нашихъ товарамъ высокая цѣна уставится или не уставится, то въ воли монарха нашего; какъ онъ повелитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно. А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по презнему, самовольно, и выбирали бѣ, кои товары были прочны и самыя были добрыя, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятыя товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы никому и малая обиды не было. А буде же иноземцы, на тотъ отборный товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложить цѣну излишнюю, то того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбирания установилась. А буде заупрямятся и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ, то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы“ ³⁾. Въ заключеніе своей статьи о торговлѣ Посошковъ говоритъ: „И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургѣ и въ Ригѣ, и въ Нарвѣ, и у Архангельскаго города прѣзжіе иноземцы товаровъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XII, 280.

²⁾ Поселътъ, Franz Lefort, II, 22.

³⁾ О скуп. и бог., стр. 123—125.

своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы, не сторговавъ и пошлинъ не заплатя, не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары, не вынимая изъ кораблей, навадь къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли бы; и аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложить. Намъ о томъ весьма вѣжливо надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ вонецъ сломить, и привести бы ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись. И аще въ семь мы можемъ устояти, еже бы товаровъ не запрожденныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то стануть они гораздо охотѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не стануть“¹⁾. Такимъ образомъ, предлагая столь крупныя мѣры противъ иностранцевъ, Посошковъ, надѣялся на содѣйствіе правительства. До тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, правительство иногда слишкомъ благопріятствовало иностранцамъ. Теперь же Посошковъ считалъ возможнымъ, такъ сказать, оборонительный и наступательный союзъ между обществомъ и государствомъ въ Россіи противъ „гордости“ и „хитрости Нѣмцевъ“.

Положеніе русскихъ купцовъ дѣйствительно было отчаянное. Ужъ и прежде ганзейскіе купцы въ Новгородѣ притѣсняли русскихъ всевозможнымъ образомъ. Въ уставѣ Любской конторы въ Новгородѣ было сказано, между прочимъ: никто изъ нѣмецкихъ купцовъ не имѣетъ права дозволить русскому купцу ночевать у Нѣмца; Русскимъ не должно продавать товаровъ на срокъ или давать товаръ заемнообразно; менѣе хорошія кожи могутъ быть предоставлены русскимъ купцамъ, лучшія—Нѣмцамъ; Русскимъ не слѣдуетъ отпускать на домъ образчики товаровъ до заключенія торговой сдѣлки и т. п.²⁾ Когда однажды Русскіе въ Архангельскѣ взяли за торговлю шелкомъ, между тѣмъ какъ иностранцы смотрѣли на эту торговлю какъ на свою монополію, Нѣмцы, сговорившись, не купили у Русскихъ ни одного фунта шелку и сказали имъ: „Мы-де учинимъ то, что купцы московскіе гости настоятся въ деньгахъ на правезѣ, да и впредь-де ихъ заставимъ торговать лаптями, и забудуть-де у насъ перекупаться

¹⁾ О скуд. и бол., 138—139.

²⁾ *Marpberger*, *Moscovitischer Kaufmann* (изд. 1729 г.), стр. 197 и слѣд.

всякими товарами¹⁾. Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что иностранцы и при Петрѣ всѣми мѣрами старались сохранить монополію въ отношеніи къ нѣкоторымъ отраслямъ торговли. Русскіе, не зная цѣну ревеня, продавали этотъ товаръ иностранцамъ по гривнѣ за пудъ. Одинъ Гамбургскій купецъ предлагалъ царю за исключительное право заниматься торговлею ревенемъ 30.000 рублей и продавалъ затѣмъ пудъ ревеню въ Голландіи по 8 рублей. Петръ, случайно узнавъ объ этомъ чрезъ одного Русскаго, находившагося въ Гамбургѣ, тотчасъ же велѣлъ нагрузить цѣлый корабль ревенемъ и отправилъ его въ Голландію. Гамбургскій купецъ-монополистъ, тотчасъ же послѣ прибытія корабля, отправленнаго Петромъ, понизилъ цѣну своему ревеню на 8 грошей, такъ что ревенъ, отправленный Петромъ, остался не проданнымъ и испортился совершенно²⁾.

Такимъ образомъ національный антагонизмъ въ Россіи въ области торговли вызывалъ съ различныхъ сторонъ многія враждебныя мѣры. Такая борьба происходила впрочемъ, не только между Русскими и иностранцами, но и между представителями различныхъ народовъ, находившимися въ Россіи. Такъ, изъ сочиненія врача царя Алексѣя Михайловича, Самуила Коллинса, мы, между прочимъ, видимъ, въ какой мѣрѣ Англичане были недовольны Голландцами, которыхъ они сравнивали съ саранчею; такъ ганзейскіе купцы не хотѣли допустить, чтобы купцы другихъ націй учились русскому языку; часто иностранные купцы доносили другъ на друга въ поставкѣ недоброкачественнаго товара, въ неплатежѣ указныхъ пошлинъ и пр.; весьма нерѣдко, особенно въ Архангельскѣ, такая національная ненависть доходила до безпорядковъ, дракъ и т. п.

Посошвовъ жалуется, что въ прежнее время русское правительство, по его мнѣнію недостаточно энергично защищало національные интересы русской торговли. Дѣйствительно не всегда было возможно исполнять желанія русскихъ купцовъ. Правительство болѣе ясно, чѣмъ публика понимало, въ какой мѣрѣ Россія нуждалась въ произведеніяхъ западно-европейской промышленности. Такъ, напримѣръ, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Новгородѣ происходили безпорядки по случаю отправленія нѣкотораго количества хлѣба и нѣкоторой суммы денегъ въ Швецію, Новгородцы потребовали отъ царя запрещенія вывоза этихъ предметовъ за границу, а царь отвѣчалъ: „Мы, великій

¹⁾ А. А. Э. IV. № 13.

²⁾ Weber, Das veränderte Rusland I. 449.

государь, съ Божіею помощію, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править“, и доказывалъ, что запретить вывоза хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ нельзя, „потому что между государствами ссыльѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ-нибудь товарахъ заказъ учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнъ“¹⁾).

Посолъ, какъ мы видимъ, надѣлся на Петра Великаго, по его мнѣнію, лучше прежнихъ царей умѣвшаго обезпечивать интересы русской торговли. Иностранцы же, напротивъ, видѣли въ Петрѣ защитника ихъ правъ. По выраженію ганноверскаго резидента Вебера, Петръ „намѣревался противъ злости Русскихъ дѣйствовать при помощи Нѣмцевъ“, но самъ же Веберъ утверждаетъ, что Русскіе не переставали стремиться къ освобожденію отъ перевѣса Нѣмцевъ²⁾. Такъ напримѣръ, при Петрѣ II нѣкоторые русскіе купцы представили государю подробный проектъ совершеннаго исключенія всѣхъ иностранцевъ изъ русской торговли и образованія большой русской коммерческой компаніи, въ рукахъ которой сосредоточивались бы всѣ дѣла и богатство которой доставило бы ей возможность платить двойныя пошлины, учреждать мануфактуры разнаго рода, строить каналы и т. д.³⁾ Все это оказалось неудобоосуществимымъ и даже при Екатеринѣ II иностранцы замѣчали, что почти вся торговля въ Россіи находилась въ рукахъ иностранцевъ⁴⁾. Даже въ настоящее время русское купечество не перестаетъ роптать на „крѣпостное право въ торговлѣ, находящейся въ рукахъ иностранцевъ“⁵⁾.

Посолъ былъ правъ, когда выражалъ надежду на Петра, понимавшаго опасность „жалузій“ Нѣмцевъ. Случилось, что нѣкто Шаблыкинъ, учившійся у одного Нѣмца какому-то ремеслу, успѣлъ научиться разнымъ техническимъ умовкамъ, не смотря на то, что мастеръ старался содержать ихъ въ тайнѣ, и Петръ похвалилъ и наградилъ за то Шаблыкина⁶⁾. Другой разъ, когда Петръ выписалъ овчаровъ и суконныхъ мастеровъ изъ-за границы, въ „цидулъ“ къ этому указу онъ

¹⁾ *Одоевскъ*, X, 179—184.

²⁾ *Weber*, Das verändertes Russland I. 27.

³⁾ Тамъ же, III, 147.

⁴⁾ *Sabathier de Cabres*, Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, стр. 16.

⁵⁾ См. *Виржевия Вѣдомости* 6-го мая 1862 г. № 93.

⁶⁾ Штелинь, слышавшій объ этомъ отъ самого Шаблыкина; см. *Anecdotes originales de Pierre le Grand*, 72.

принималъ: „Когда тѣхъ мастеровъ станете отправлять въ губерніи, то лучше, чтобъ они отправлены были не чрезъ Москву; только чтобъ не давали имъ ходить въ Нѣмецкую слободу, дабы ихъ тамъ не обили плуты, или кто изъ Шведовъ не хотя, чтобъ то дѣло въ нашемъ государствѣ было размножено“¹⁾.

Такимъ образомъ Посошковъ мыслилъ объ этомъ предметѣ совершенно также, какъ Петръ, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей запада и русскимъ народомъ, Посошковъ во многихъ отношеніяхъ оставался на этотъ счетъ старовѣромъ. Петръ умѣлъ цѣнить значеніе чисто политическихъ вопросовъ, соединенныхъ нѣкоторымъ образомъ съ вопросами о ви́ншей торговлѣ; Посошковъ не имѣлъ понятія о состояніи европейской политической системы и разсуждалъ о торговлѣ не столько въ качествѣ государственнаго чловѣка, сколько съ точки зрѣнія русскаго купечества. При всемъ томъ однако, какъ мы увидимъ далѣе, Посошковъ, равно какъ и самъ Петръ, былъ меркантилистомъ и въ своихъ соображеніяхъ о ви́ншей торговлѣ раздѣлялъ точь въ точь мнѣнія, господствовавшія въ то время въ западно-европейской литературѣ, относящейся въ торговлѣ.

Понятія о торговлѣ на западѣ.

Наука о хозяйствѣ въ началѣ своего развитія была государственною наукою. Экономическая дѣятельность правительствъ повела къ опредѣленію началъ экономическаго быта вообще. По мѣрѣ того какъ усиливалась государственная власть, правительства считали не только своимъ правомъ, но и своею обязанностью заботиться о всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта. Развивалось попеченіе правительствъ объ общественномъ хозяйствѣ, о торговлѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ многостороннихъ задачъ и дѣлей государства должны были развиваться и средства, находившіяся въ распоряженіи казны. Быстрое увеличеніе размѣровъ бюджетовъ принуждало правительства во что бы то ни

¹⁾ П. С. З. № 3017.

²⁾ Характеристично предложеніе одного русскаго въ 1724 году отправить его въ Италію для изученія тамъ разныхъ видовъ промышленности, такъ какъ Италія находится въ большомъ отъ Россіи разстояніи и не можетъ имѣть «жалузи» противъ развитія промышленности въ Россіи. См. *Авантисевъ*, Госуд. хоз. при Петрѣ Великомъ. *Современникъ*, 1847 г., III, 67.

стало содѣйствовать усиленію способности общества платить подати и налоги. Деньги получили значеніе, котораго они до того не имѣли въ политикѣ. „L'argent est le nerf de la guerre“, писалъ Карлъ V. „Un prince sans argent n'est rien“, сказалъ папа Сикстъ V. „Деньги суть артеріею войны“, замѣтилъ Петръ Великій ¹⁾. Поэтому накопленіе денегъ, драгоцѣнныхъ металловъ становится одною изъ главныхъ задачъ государственнаго управленія. Правительства смотрятъ на торговлю какъ на главное средство для достиженія этой цѣли. Такъ какъ деньги считались главнымъ или даже единственнымъ представителемъ богатства, то обогащеніе одного народа было возможно лишь въ ущербъ другому народу. Чтобы привлечь какъ можно болѣе денегъ изъ другихъ странъ, казалось необходимымъ продавать какъ можно болѣе, а покупать какъ можно менѣе. Для достиженія этой цѣли, необходимо искусственное систематическое устройство торговли. Такъ возникла система меркантилизма.

Наблюденіе надъ явленіями экономическаго быта вообще и торговли въ особенности породило кругъ понятій, заключавшихъ въ себѣ зародышъ науки. Главными представителями этихъ понятій являются государственные дѣятели. Отъ нихъ онѣ сообщаются публикѣ. Публицисты приводятъ ихъ въ систему. Меркантилизмъ поэтому не столько былъ результатомъ метафизическаго мышленія, сколько порожденіемъ прагматической политики.

Созданная такимъ образомъ наука имѣла преимущественно значеніе національное, политическое. Каждый народъ находился въ антагонизмѣ съ другими народами. Хозяйственный бытъ одного народа соперничалъ съ экономической дѣятельностью другихъ. Наука о хозяйствѣ поэтому получила названіе „политической экономіи“ или „Nationalökonomie“, названія, которыя при нынѣшнемъ состояніи науки сдѣлались односторонними и тѣсными.

Публицисты, разбиравшіе вопросы, которые относились къ торговлѣ, и сдѣлавшіеся извѣстными какъ писатели-меркантилисты, почти всегда говорятъ не о хозяйствѣ вообще, а о хозяйствѣ лишь одного народа. Они не думаютъ о примѣнимости ихъ предложеній во всѣхъ государствахъ. Они не желали создавать общихъ теорій и ограничивались предложеніемъ частныхъ мѣръ и распоряженій въ томъ краѣ, для котораго составлялись такія записки. Ихъ сочиненія скорѣе заслуживаютъ именна названія записокъ, мнѣній, поданныхъ по вопро-

¹⁾ П. С. З. № 2349.

самъ торговли и ея отношеній въ политикѣ, нежели отвлеченныхъ, теоретическихъ сочиненій. Сочиненія эти всегда состоятъ въ тѣсной связи съ извѣстнымъ положеніемъ какого-либо государства въ данное время; иногда они могутъ быть сравнимаемы съ инструкціями для органовъ администраціи ¹⁾. Обще-теоретическіе выводы, здѣсь и тамъ встрѣчаемые въ таковыхъ сочиненіяхъ, оказываются односторонними, отчасти ложными. Мѣры, предлагаемыя меркантилистами, не могли считаться безусловно полезными, цѣлесообразными. Признавая значеніе теоріи меркантилистовъ и ея вліяніе на развитіе экономической дѣятельности народовъ, и науки о хозяйствѣ, нельзя не признать, что она относится къ настоящей наукѣ о хозяйствѣ какъ алхимія къ химіи или какъ астрологія въ астрономіи ²⁾.

Меркантильная система какъ на главную цѣль экономической дѣятельности всего народа указываетъ на выгодный торговый балансъ, то-есть, на перевѣсъ отпуска товаровъ надъ привозомъ. Эта теорія о торговомъ балансѣ основывается на слѣдующихъ началахъ: обогащеніе одного народа возможно лишь въ ущербъ другимъ народамъ, потому что богатство состоитъ въ деньгахъ и драгоценныхъ металлахъ; торговля есть родъ войны международной, въ которой побѣда состоитъ въ выгодномъ балансѣ; государство должно быть главнымъ руководителемъ этой войны, поощряя увеличеніе отпуска товаровъ и ограничивая въ то же время привозъ ихъ ³⁾. „Странная непоследовательность“, замѣчаетъ извѣстный историкъ Гееренъ, — „именно въ то время, когда каждое правительство желало развитія торговли, — всѣ старались содѣйствовать ея уничтоженію“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ торговля становится дѣломъ политическимъ, получаетъ національное значеніе. Дженовези (Genovesi), въ своихъ Чтеніяхъ о политической экономіи, замѣчаетъ: „Торговля должна служить государству, а не на оборотъ—государство торговлѣ“, или въ другомъ мѣстѣ: „Духъ торговли есть ничто иное какъ духъ завоева-

¹⁾ *Knies*, Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Braunschweig. 1853, стр. 20 и 174.

²⁾ *Kautz*, Théorie und Gesch. d. Nationalökonomie, II. 302.

³⁾ Весьма точно выразился Кольберъ относительно этой программы: «Réduire les droits à la sortie sur les denrées et les produits manufacturés du royaume. Diminuer aux entrées les droits sur tout ce qui sert aux fabriques. Repousser par l'élevation des droits les produits des manufactures étrangères».

⁴⁾ *Gesch. d. europ. Staatensystems*, стр. 226.

ніа“, или: „У варваровъ предметомъ завоеванія были люди и земли; у народовъ, занимающихся торговлею,—богатство“¹⁾).

При такихъ понятіяхъ каждая отрасль экономической дѣятельности должна была стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться національною монополіею. Это направленіе замѣтно съ давнихъ поръ. Жители острова Родоса убивали каждаго иностранца, встрѣчаемаго на ихъ верфяхъ съ намѣреніемъ научиться этому промыслу. Одинъ мореплаватель изъ Карагена въ открытомъ морѣ нарочно съѣлъ на мель, жертвуя и кораблемъ, и грузомъ, съ тою лишь цѣлю, чтобы продолженіемъ своего плаванія не указать путь слѣдовавшему за нимъ римскому судну; за этотъ патриотическій поступокъ онъ былъ награжденъ въ своемъ отечествѣ, потому что Карагеняне во что бы то ни стало желали отдалить Римлянъ отъ совмѣстничества въ торговлѣ съ сѣверными странами Европы. Венеціанцы также не допускали иностранцевъ къ участию въ кораблестроеніи на венеціанскихъ верфяхъ и преслѣдовали подосланными убійцами венеціанскихъ ремесленниковъ, оставившихъ свое отечество и занимавшихся своимъ ремесломъ въ другихъ странахъ. Голландцы, сосредоточившіе мушкатный орѣхъ, гвоздику и т. д. на отдѣльныхъ островахъ чрезъ уничтоженіе этихъ растений на другихъ; навигаціонный актъ въ Англіи во время революціи и диктатуры Кромвелля; дѣйствія Кольбера въ области промышленности съ цѣлю, повредить экономическому быту Голландцевъ; континентальная система Наполеона—все это представляетъ намъ примѣры тѣсной связи между политикой и торговлею, стремленіе къ развитію собственной хозяйственной дѣятельности и къ ограниченію богатства другихъ народовъ. Это родъ войны, въ которой оружіемъ служатъ тарифы и привилегіи, законы, полицейскія распоряженія, административныя мѣры.

Болѣе просвѣщенныя конятія, а именно мысль о томъ, что важнѣйшимъ условіемъ настоящаго процвѣтанія торговли должны быть взаимность и дружескія отношенія между народами, весьма лишь медленно пробиваетъ себѣ дорогу. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка директоръ таможеннаго управленія въ Пруссіи де-Лонэ (de Launay) сказалъ: „Когда мы дѣйствуемъ въ ущербъ иностранцамъ, мы этимъ самымъ приносимъ пользу нашему народу“. За то знаменитый ораторъ французской революціи, Мирабо, замѣтилъ о такомъ

¹⁾ *Genovesi, Lezioni di commercio ossia d'economia civile, Bassano 1769.* Нѣм. переводъ *Виммана*; Лейпцигъ, 1776, I, 287, 294.

отзывѣ, что этотъ взглядъ на торговлю соотвѣтствуетъ варварскимъ возрѣніямъ какого-либо государственнаго человѣка XI вѣка ¹⁾. Ея счастью, являются уже довольно рано сторонники гуманнаго, либеральнаго начала. „Что же мы станемъ продавать Миланцамъ“, спрашивалъ венеціанскій дожъ Мочениго, — „коль скоро разоримъ ихъ въ войнѣ?“ ²⁾ „Кто не хочетъ покупать, не будетъ въ состояніи продавать“, замѣчаетъ одинъ изъ англійскихъ экономистовъ XVII вѣка. „Въ торговлѣ“, говоритъ Нортъ, — весь свѣтъ образуетъ одно семейство, котораго членами бывають отдѣльные народы“ ³⁾. Кильбургеръ, путешественникъ, находившійся въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, замѣчаетъ, что совершенно также, какъ Богъ никогда не одаряетъ одного человѣка всѣми способностями и талантами, онъ распредѣлялъ между различными народами и различные источники богатства; изъ этого различія произведеній каждой страны Кильбургеръ выводитъ необходимость международныхъ торговыхъ сношеній ⁴⁾. Монтескье указываетъ на миръ, какъ на главное условіе и главный результатъ торговыхъ сношеній. „Два народа“, замѣчаетъ онъ, — „состоящіе между собою въ торговыхъ сношеніяхъ, зависятъ другъ отъ друга; желанію покупать соотвѣтствуетъ желаніе продавать; всѣ союзы основаны на взаимныхъ выгодахъ“ ⁵⁾. Наконецъ, въ XIX столѣтіи англійскій экономистъ Торренсъ назвалъ торговлю международнымъ раздѣленіемъ труда ⁶⁾.

Посошковъ, какъ видно, не раздѣлялъ столь восполитическаго взгляда на торговлю. Онъ былъ чуждъ такого рода обобщеній и теоретическимъ разсужденіямъ и гораздо большее вниманіе обращалъ на практическіе вопросы, относящіеся къ торговлѣ Россіи. Онъ не былъ ученымъ или философомъ; онъ писалъ какъ патриотъ-публицистъ, желая быть полезнымъ своему народу. Поэтому его разсужденія о торговлѣ нельзя сравнить съ произведеніями литературы просвѣщенія на западѣ; за то бросается въ глаза необыкновенное сходство его мыслей съ предположеніями нѣкоторыхъ публицистовъ Англій и Голландіи въ XVII столѣтіи. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ указать

¹⁾ Roscher, Gesch. d. Nationalökonomie, стр. 407.

²⁾ Blanqui, Hist. de l'écon. pol. I. 243.

³⁾ Roscher, Zur Gesch. d. engl. Volksw., стр. 89.

⁴⁾ Kiburger, Kurzer Unterricht über den russ. Handel; Buschings Magazin, III, 247.

⁵⁾ Esprit des lois I, XX, ch. 2.

⁶⁾ Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 88.

на содержаніе таковыхъ брошюръ, разумѣется, не извѣстныхъ Пошпову, но и вообще, и даже въ частностяхъ весьма похожихъ на главныя соображенія въ главѣ „о купечествѣ“ книги „О скудости и богатствѣ“.

Англійская брошюра, приписываемая Уальтеру Ралею.

Въ 1653 году въ Англии явилась брошюра „Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами и другими народами“¹⁾. Авторомъ ея считался сэръ Уальтеръ Ралей. Безыменный издатель этой книжки сообщаетъ въ предисловіи, что онъ получилъ рукопись отъ одного господина, который по смерти знаменитаго автора, послѣдовавшей въ 1617 году, хранилъ ее у себя.

Содержаніе этой книжки находилось въ тѣсной связи съ понятіями о торговлѣ, господствовавшими тогда въ Англии. Авторъ указываетъ на значеніе торговли и желаетъ, чтобъ Англія посредствомъ торговли сдѣлалась богатою и могущественною страню. Торговля Нидерландовъ, по его мнѣнію, должна служить образцомъ для Англии; Голландцы препятствуютъ развитію Англии, и потому нужно избавиться отъ такого перевѣса Голландіи надъ Англійей. Въ самомъ заглавіи сказано, что въ этой брошюрѣ заключается доказательство, что всѣ источники богатства Англии служатъ лишь къ обогащенію и усиленію другихъ странъ въ ущербъ интересамъ самой Англии. Весьма подробно авторъ говоритъ о средствахъ для устраненія такого неудобства.

Уже самое географическое положеніе Англии указывало ея политикѣ на море какъ на главное поприще ея дѣятельности и ея перевѣса. Венеціанскій посланникъ Буссони писалъ въ началѣ XV вѣка: „Главное правило Англійскаго государства состоитъ въ стремленіи къ перевѣсу на морѣ надъ всѣми сосѣдями“. Въ заглавіи сочиненія Зельдена „*Mare clausum*“ встрѣчается замѣчаніе: „Во второй главѣ доказывается, что Великобританскій король царствуетъ надъ моремъ, окружающимъ Англию“. Многія событія содѣйствовали развитію значенія Англии на морѣ: открытіе морскаго пути въ Россію, колонизація въ Америкѣ, учрежденіе Остгвиндской и Вестгвиндской ком-

¹⁾ Sir Walter Raleighs Observations touching Trade and Commerce with the Hollander and other Nations, as it was presented to king James, wherein is proved, that our Sea- and Land-Commodities serve to enrich and strenthnen other Countries against our owne. 1653.

паній, побѣда надъ испанскимъ флотомъ и пр. Таково было начало гегемоніи Англіи на морѣ. Съ этимъ началомъ гегемоніи Англіи совпало и начало политической экономіи въ Англіи. Главные англійскіе колонизаторы въ Америкѣ, знаменитѣйшіе адмиралы времени Елизаветы, какъ напримѣръ, Дрэкъ (Drake), Джильбертъ (Gilbert), Фробшеръ и Ралей могутъ считаться первыми представителями этой науки въ Англіи.

Если только Ралей можетъ считаться авторомъ вышеупомянутой брошюры, чтò, впрочемъ, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію ¹⁾, онъ за-

¹⁾ Издатель брошюры не сомнѣвается въ томъ, что Ралей былъ авторомъ ея. Онъ подробно разказываетъ, что это сочиненіе, имѣвшее форму письма къ королю Якову I, два раза было представляемо сему послѣднему, но оба раза не имѣло успѣха. Многіе извѣстные писатели Англіи не сомнѣвались въ авторствѣ Ралея. Такъ, напримѣръ, Роджеръ Кокъ (*Roger Coke, Detections of the Court and State of England during the last four reigns, 3-е изд. 1694 г.*), такъ и извѣстный авторъ исторіи торговли Андерсонъ называютъ Ралея авторомъ знаменитой брошюры. Когда въ 1829 году были изданы въ Оксфордѣ все сочиненія Уальтера Ралея, то между ними были помѣщены и «Замѣчанія о торговлѣ». Противъ мнѣнія, что Ралей былъ авторомъ этого труда, возстали два авторитета: биографъ Ралея Ольдисъ (*Oldys, Life of Raleigh, p. 442, въ срединѣ XVIII вѣка*) заключаетъ, что въ бібліотекахъ англійскаго дворянства находится нѣсколько списковъ этого сочиненія, въ которыхъ авторъ названъ Джономъ Кеймеромъ (John Keumer). Сей послѣдній въ 1601 г. написалъ сочиненіе о рыбной ловлѣ Голландцевъ (*Observations made upon the dutch fishery, напечатано въ 1664 г.*), и Ольдисъ говоритъ, что тотъ, кто читалъ оба сочиненія «Замѣчанія о рыбной ловлѣ Голландцевъ» и «Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами», не можетъ сомнѣваться въ томъ, что авторъ обоихъ сочиненій одно и то же лицо. Къ тому же въ «Замѣчаніяхъ о торговлѣ» сказано, по случаю предложенія обратить вниманіе на рыбную ловлю, что авторъ самъ занимался этимъ предметомъ. Такое замѣчаніе действительно скорѣе указываетъ на Кеймера, нежели на Ралея. Главнымъ предметомъ «Замѣчаній о торговлѣ» служитъ рыбная ловля и торговля шерстью. То, чтò сказано о рыбной ловлѣ, указываетъ на Джона Кеймера, какъ на автора; то же, чтò сказано о торговлѣ шерстью, указываетъ на другую личность, какъ на автора этой брошюры, а именно на Кокена (Cockayne). Живѣе, что авторомъ этого сочиненія былъ Кокенъ, высказано въ замѣчательномъ сочиненіи Смитъ «Memoirs of wool, woolen manufacture and trade. London, 1757», стр. 103. Въ анонимной запискѣ о торговлѣ съ Нидерландами говорится о томъ, что вывозъ шерсти, какъ сырого матеріала, чрезвычайно убыточенъ для Англіи, и что лучше бы вывозить шерстяные товары или сукно крашеное вмѣсто бѣлой шерсти и бѣлаго сукна. Эти мысли совершенно согласны съ проектомъ Кокена, получившаго въ 1615 году привилегію аппретировать и красить сукно. Андерсонъ (Ист. торг., нѣм. перев., IV, стр. 373) говоритъ, что именно сочиненіе Ралея внушило Кокену мысль о такомъ промышленномъ предпріятіи, которое впрочемъ

нимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между эконоmistами Англiи того времени. Ралей былъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей главныхъ политическихъ стремленiй Англiи въ то время. Его многосторонность доставила ему возможность быть въ одно и то же время и адмираломъ, и виднымъ членомъ въ парламентѣ, и ученымъ, и царедворцемъ, и колонистомъ, и поэтомъ. Онъ принималъ участiе во всемъ, что касалось новыхъ открытiй и изобрѣтенiй, литературы, искусства и политики. Во Францiи онъ въ молодости воевалъ на сторонѣ гугенотовъ; въ Америкѣ онъ участвовалъ въ учрежденiи колонiи Виргинiи, у береговъ Испанiи онъ не разъ побѣждалъ испанскiй флотъ. Въ темницѣ, куда онъ попалъ вслѣдствiе участiя въ какомъ-то заговорѣ, онъ написалъ весьма обширное общенсторическое сочиненiе (*History of the world*) и занимался философiей, богословiемъ, психологiей и медициною. Онъ былъ казненъ въ 1617 году. Какъ горячiй патрiотъ, мѣтвiй наблюдатель, экономистъ и политикъ, Ралей не могъ не заняться вопросомъ объ отношенiяхъ Англiи въ Голландiи. Восхваленiе нидерландской торговли было любимымъ предметомъ англiйскихъ публицистовъ XVI вѣка. И Роджеръ Коукъ (*Roder Coke*) писалъ о торговлѣ Голландцевъ, и лордъ Темплъ (*Temple*), и другiе. Ралей нерѣдко разсуждалъ о зависимости Англичанъ отъ Голландцевъ и съ ненавистью говорилъ о перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми. Такъ, напримѣръ, въ своемъ сочиненiи о мореплаванiи (*Discourse of shipping*) онъ жалуется на то, что иностранцамъ дозволяютъ отнимать хлѣбъ у Англичанъ, вывозить англiйскiе товары и

не имѣло успѣха. Смитъ напротивъ замѣчаетъ: «Я не знаю, кто съ большею вѣроятностью можетъ быть названъ авторомъ этой книги, какъ альдерманъ Коукъ, или по крайней мѣрѣ лицо, состоявшее съ нимъ въ тѣсной связи». Какъ видно, вопросъ объ авторствѣ не рѣшается этими гипотезами. Самъ Ралей, какъ задолго бы, рѣшаетъ этотъ вопросъ довольно ясно. Упомянувъ однажды объ этомъ сочиненiи, онъ называетъ автора его «неизвѣстнымъ» (*a gentleman to me unknown*); см. его сочиненiе «*A discourse of the invention of ships*» въ собранiи его сочиненiй (*Works*, VII, p. 333), однако Рошеръ (*Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre*, стр. 33) считаетъ возможнымъ, что Ралей желалъ остаться анонимнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнiя, выраженные въ этомъ сочиненiи, совершенно совпадаютъ со взглядами Ралей, выраженными имъ какъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ парламентѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ его сочиненiй. Это сходство мѣстами даже букввальное... Вопросъ: былъ ли Ралей, или Коукъ, или Кеймеръ авторомъ записки, для насъ не особенно важенъ. Важнѣе то, что выраженные въ ней мысли соответствовали господствовавшимъ тогда понятiямъ общества.

привозить чужіе; въ парламентѣ онъ однажды говорилъ о томъ, что Голландцы, не занимаясь хлѣбопашествомъ, владѣютъ, чрезъ свою предприимчивость, хлѣбнымъ рынкомъ и потому могутъ снабжать всѣ народы хлѣбомъ. Почти тѣми же словами эти мысли выражены въ запискѣ, приписываемой Ралею. Поэтому, не смотря на вышепояннутыя сомнѣнія, мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Ралей былъ авторомъ этой записки.

Характеръ и содержаніе этой записки представляютъ большое сходство съ соответствующими главами въ сочиненіи Посошкова.

Ралей смотритъ на торговлю какъ на главное условіе политическаго могущества; онъ обращается къ королю, чтобы показать ему, „какимъ образомъ другія государства становятся богатыми и сильными посредствомъ промышленности и торговли“. Онъ увѣренъ въ томъ, что вовсе „не трудно привлечь посредствомъ торговли могущество и богатство другихъ странъ въ Англію“. Далѣе онъ доказываетъ, что торговля можетъ сдѣлаться источникомъ доходовъ казны, и продолжаетъ: „Ваше величество будете имѣть не только полную казну, но и такое политическое могущество, что всѣ государи соседнихъ странъ пожелаютъ союза съ Англіей и будутъ ея бояться“. О Голландцахъ Ралей говоритъ на этотъ счетъ: „Ихъ доходы умножаются, потому что торговля дозволяетъ даже и низшимъ слоямъ общества платить значительные налоги и въ то же время приобретать богатство“.

Всѣ эти мысли встрѣчаются и у Посошкова. Послѣдній, какъ мы видѣли, предлагалъ стройную организацію торговли подъ надзоромъ правительства. Совершенно такая же мысль встрѣчается въ сочиненіи, приписываемомъ Ралею, въ которомъ предлагается учрежденіе чего-то въ родѣ министерства торговли (State Merchant). „Этотъ State Merchant“, говоритъ авторъ, — „наполнить порты вашего величества кораблями, а корабли мореплавателями, ваше королевство купцами, ихъ жилища предметами англійскаго производста, вашу казну деньгами. Народъ вашъ вѣчно будетъ восхвалять царствованіе вашего величества, начало столь благоприятнаго, выгоднаго и похвальнаго предпріятія. Это истинный философскій камень, который сдѣлаетъ ваше величество богатымъ и могущественнымъ, а народъ вашъ счастливымъ“. За то все это требуетъ упорной борьбы противъ иностранцевъ. Уже самое заглавіе книги, „въ которой доказывалось, что англійскіе товары служатъ къ обогащенію другихъ странъ въ ущербъ Англіи“, обнаруживаетъ образъ мыслей автора. Тутъ высказано убѣж-

деніе, что условія для успѣшнаго экономическаго развитія Англи весьма благоприятны, что Англія имѣетъ самое выгодное географическое положеніе, и что она богато надѣлена разными продуктами. Желаніе воспользоваться этими выгодами было приведено въ исполненіе посредствомъ „навигационнаго акта“. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то обстоятельство, что сочиненіе, приписываемое Уальтеру Ралею, явилось въ печати въ 1653 году, между тѣмъ какъ въ октябрѣ 1651 года англійскій парламентъ постановилъ знаменитый законъ о мореплаваніи, который нанесъ сильный ударъ нидерландской торговлѣ и заслужилъ названіе „*magna charta maritima*“ Англи. Издатель сочиненія „Замѣчаній“ жалуется на то, что Ралеевы предложенія не были приведены въ исполненіе въ свое время; примѣненіе ихъ къ практикѣ воспрепятствовало бы обогащенію другихъ странъ и оскуднѣнію самой Англи.

И дѣйствительно, англійская торговля въ прежнее время въ нѣкоторой степени зависѣла отъ иностранцевъ. Такъ, напримѣръ, еще въ началѣ XVI вѣка Ганзейскіе купцы имѣли въ своихъ рукахъ большую часть англійской торговли. Въ 1551 году Ганзейскіе купцы вывезли изъ Англи 44000 штукъ сукна, между тѣмъ какъ сами Англичане вывезли не болѣе 1100 ¹⁾). Затѣмъ Голландцы смотрѣли на Англию какъ на источникъ своего богатства. Они занимались рыбною ловлею въ моряхъ, окружающихъ Англию. Издатель сочиненія, приписываемаго Ралею, замѣчаетъ: „Иностранцы наживаютъ себѣ огромныя суммы рыбною ловлею на нашихъ берегахъ. Рыбу и разныя другіе товары они развозятъ по всему свѣту, и такимъ образомъ тѣ, которые собственно не имѣютъ никакихъ товаровъ въ своей странѣ, богатѣютъ. Въ этомъ заключается позоръ (*scandall*) для нашей націи!“ Ралей признаетъ, что Голландцы „подняли свое государство на столь высокую степень развитія, что сдѣлались чудомъ свѣта“, но къ этому онъ прибавляетъ въ видѣ упрека: „Всѣмъ они обязаны Англи: моря и земли вашего величества — вотъ неисчерпаемые источники ихъ богатства. Это мнѣніе раздѣлялось многими государственными людьми и публицистами въ Англи. Такъ, напримѣръ, Мупъ въ своемъ сочиненіи „*Discourse of trade*“ замѣчаетъ, что величіе Голландіи основано на рыбной ловлѣ въ англійскихъ моряхъ, и что Голландія опаснѣе для Англи, чѣмъ сосѣдство Испаніи и Франціи ²⁾).

¹⁾ См. Ист. торговли *Андерсона*, т. 1552.

²⁾ *Roscher Engl. Volksw.* стр. 46.

Съ ожесточеніемъ и Ралей обращаетъ вниманіе короля на то, что рыбная ловля Голландцевъ происходитъ на берегахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Торгуя нашими товарами, Голландцы вытѣснили насъ изъ всѣхъ отраслей торговли“. Эти жалобы точь въ точь похожи на жалобы русскихъ купцовъ 1696 года, на отъезды Крижанича, на предложенія Посошкова.

Ралей желаетъ успѣшнаго совмѣстничества Англіи съ Голландіей; онъ убѣжденъ въ томъ, что для Англіи вовсе не трудно конкурировать съ нею, потому что послѣдняя не имѣла своихъ собственныхъ произведеній и торговала почти исключительно товарами другихъ странъ. Сравнивая Англію съ Голландіей, авторъ изчисляетъ количество сельдей, ловимыхъ въ англійскихъ моряхъ и продаваемыхъ Голландцами всѣмъ народамъ, и предлагаетъ подкупить голландскихъ чиновниковъ, служащихъ при рыбной ловлѣ, для полученія вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ сельдами ¹⁾. Довольно подробно излагаетъ онъ выгоды, которыми Англія могла бы пользоваться, еслибъ ей удалось забрать въ свои руки этотъ промыслъ. Далѣе Ралей жалуется на хлѣбную торговлю Голландцевъ, между тѣмъ какъ Англія не участвовала въ хлѣбной торговлѣ. Наконецъ, въ его глазахъ то обстоятельство, что Голландцы изъ портовъ Балтійскаго моря на 600 корабляхъ вывозили древесные товары, тогда какъ ни одинъ англійскій корабль не употреблялся на эту отрасль торговли, было вопіющимъ фактомъ. Онъ горюетъ о томъ, что Англія вездѣ остается позади, и что Голландцы имѣютъ въ одиннадцать разъ болѣе кораблей, чѣмъ Англія. Устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ автору „Замѣчаній“ кажется нетрудною задачею. По его мнѣнію, легко было привлечь богатство и могущество другихъ странъ въ Англію и обратить послѣднюю въ главный всемірный складъ всѣхъ товаровъ.

Упрекая Англичанъ за то, что они содѣйствуютъ обогащенію иностранцевъ, Ралей замѣчаетъ, что Англія не обращаетъ достаточнаго вниманія на свои собственные источники богатства и находится въ зависимости отъ иностранцевъ относительно удовлетворенія многихъ потребностей. Англія, сказано въ запискѣ, получая множество товаровъ изъ-за границы, становится должникомъ Франціи, Голландіи и пр. Съ ожесточеніемъ говоритъ авторъ о большомъ количествѣ денегъ, которое такимъ образомъ уходитъ изъ Англіи. Онъ убѣжденъ

¹⁾ Достоинно вниманія, что Карлъ II въ самомъ дѣлѣ старался получить подробныя свѣдѣнія о торговлѣ сельдами.

въ томъ, что Англія была бы въ состояніи играть совершенно противоположную роль. По его мнѣнію, Англія должна поуповать по возможности менѣе товаровъ и предоставить исключительно Англичанамъ продавать произведенія Англіи. Такимъ образомъ Ралей надѣялся привлечь въ Англію значительное количество денегъ, ибо былъ убѣжденъ въ томъ, что Англичане „могли снабжать всѣ народы всѣми товарами и лучше, и дешевле, чѣмъ Голландцы“. Онъ совѣтуетъ слѣдовать примѣру Голландцевъ, которые, покупая у всѣхъ народовъ и продавая всѣмъ народамъ, приобрѣтаютъ громадныя богатства. „Богъ благословилъ Англію множествомъ продуктовъ“, сказано дажѣ, — и металлами, и минералами, и растеніями, и хлѣбомъ, и шерстью, и пр. Но Англія не умѣетъ пользоваться этимъ богатствомъ. Каменный уголь, желѣзо и т. п. не добываются у насъ въ достаточномъ количествѣ: Англія чрезвычайно богата матеріаломъ для кораблестроенія и разными товарами для нагрузки множества англійскихъ кораблей, однако Англичане не занимаются столько, сколько могли бы, ни кораблестроеніемъ, ни торговлею, ни мореплаваніемъ. Рыбная ловля можетъ сдѣлаться источникомъ богатства народа и доходовъ казны⁴⁾.

Настоящимъ приверженцемъ маркантизма Ралей оказывается въ своихъ предложеніяхъ касательно шерсти. Онъ пишетъ: „Мы вывозимъ шерсть и сукно въ необработанномъ видѣ, а въ Нидерландахъ находятся фабрики, въ которыхъ нашъ сырой матеріалъ превращается въ гораздо болѣе цѣнный товаръ. Такимъ образомъ мы доставляемъ 50.000 иностранцамъ средства для существованія, между тѣмъ какъ народъ вашего величества отчасти остается безъ средствъ пропитанія. Вывозомъ сырой шерсти и не обдѣланнаго сукна, Англія лишаетъ себя ежегодно суммы въ 400.000 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ въ продолженіе 55 лѣтъ около 20 милліоновъ ф. ст. Между тѣмъ, какъ другіе народы, а именно Голландцы, наживаютъ себѣ этою промышленностью много денегъ и продаютъ нашу шерсть въ видѣ матеріи, мы лишаемся и прибыли и чести, потому что наши товары даже получаютъ иностранныя названія (какъ, напримѣръ, *Flemish Waage*). Все это чрезвычайно прискорбно, особенно если принять въ

⁴⁾ Ралей хвалитъ Генриха VII, учредившаго города на берегахъ Англіи съ тою дѣлюю, чтобы жители ихъ могли заниматься рыбною ловлею. И Елизавета принимала мѣры для поощренія рыбной ловли. Рыбная ловля Англичанъ у острова Ньюсундлендъ оказалась особенно выгодною потому, что здѣсь они не страдали отъ совѣстничества Голландцевъ. См. *Gulich, Geschichte des Handels*, I, 74.

соображеніе, что ваше величество одарены Богомъ властью поощрять вывозъ только обработанныхъ продуктовъ“.

Такого рода жалобы были весьма обыкновеннымъ въ Англіи явленіемъ. Сукно и шерсть были главными предметами англійской торговли: они были основой богатства Англіи. Лица, которыя занимались этою отраслю торговли, довольно часто имѣли случай обращаться къ публикѣ въ политико-экономическихъ брошюрахъ. Такъ, на-примѣръ, въ одной брошюрѣ, напечатанной уже въ 1581 году, предлагается запретить вывозъ сырой шерсти ¹⁾; такъ и правительство принимало множество мѣръ для обезпеченія интересовъ англійскаго народа въ отношеніи къ торговлѣ шерстью ²⁾. Особенно любопытно, что около того самаго времени, когда была писана въ Англіи вышеупомянутая брошюра, въ Россіи одинъ Англичанинъ, купецъ-дипломатъ Джонъ Мерикъ, преподавалъ главные правила меркантилизма, сообщая о результатахъ таковой торговой политики въ Англіи. Онъ объяснялъ, почему не должно допускать вывоза смолы изъ Россіи: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же послать, и царскаго величества людямъ нивакой прибыли изъ того не будетъ. „Государи и власти“, объяснялъ Мерикъ,—, не позволяютъ товаръ не изготовленный и не исправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать; изъ Англійской земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и отъ того въ Англійской землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумиѣ, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ, сукна въ своей землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ государствахъ не дѣлаютъ; этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую землю привели, землю и подданныхъ обогатили такъ, что славнѣе и богаче нашего государства нѣтъ между окрестными. И теперь недавно Королевское величество заказалъ изъ Англійской земли бѣлья сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши

¹⁾ A compendions or brief exemination of certayne ordinary complaints; by W. S. Powere, Zur Gesch. d. engl. Volksw., стр. 16, называетъ автора William Stafford. Когда явилось новое изданіе этого сочиненія въ 1751 г., издатель въ заглавіи изъ «W. S.» сдѣлалъ «William Shakespeare».

²⁾ Въ 1625 году шерсть составляла $\frac{9}{10}$ всего вывоза изъ Англіи, см. Hum History of England, 1625 г. О мѣрахъ Генриха VII, Маріи, Іакова и пр. см. Falsch, I, 61, Андерсона, 1550, 1564, 1601, 1608 гг., Smith, Memoirs of wool, I, и Observations Pamey, passim.

сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ " 1).

И въ самой Россіи Англичане руководствовались такими соображеніями при своихъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, пеньку англійская компанія, по возможности, не вывозила въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка ея обходилась компаніи слишкомъ дорого. Они устроили въ Холмогорахъ канатную фабрику 2), и Джонъ Мерикъ хвалился, что англійскіе люди завели канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многимъ Русскимъ бѣднымъ людямъ, которые у нихъ работали и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать 3).

Изъ всего этого видно, что взглядъ Посошкова относительно національнаго значенія торговли вполне согласовался съ понятіями Англичанъ. Мѣры, которыя предлагалъ Посошковъ, отчасти походили на мѣры, принятія въ Англии для обезпеченія англійской торговли и промышленности. Россія при Посошковѣ и до него должна была обороняться отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ надъ своими совершенно такъ же, какъ Англичане въ XVI и XVII столѣтіяхъ протестовали противъ преобладанія въ Англии Ганзейскихъ купцовъ и Голландцевъ. И въ Россіи, и въ Англии стремились къ національной монополіи путемъ меркантилизма. Одинаковыя причины должны были въ обѣихъ странахъ имѣть одинаковыя слѣдствія. Неудобства торговаго быта и здѣсь, и тамъ породили заявленія публицистовъ-патріотовъ. Ралею, Темплю, Смиту и пр. въ Англии соотвѣтствуютъ въ Россіи Крижаничъ и Посошковъ. Мѣрамъ Елизаветы, Якова и Кромвеля соотвѣтствуетъ законодательная и административная въ отношеніи къ торговлѣ дѣятельность Петра Великаго.

Голландская брошюра Питера де-ла-Нура.

Въ 1659 году было издано въ Голландіи сочиненіе „о благосостояніи города Лейдена“ („Het Wilvaeren der Stad Leyden“). Авторъ этого сочиненія, въ которомъ проповѣдывалась свобода труда, и предлагалась отмѣна монополій, привилегій, цеховъ, былъ Питеръ

1) Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, стр. 124.

2) Ключевскій. Сказ. иностр. о Моск. госуд., 242.

3) Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, стр. 126.

де-ла-Куръ (Pieter de-la-Court), докторъ правъ, сынъ владѣльца су-
конной фабрики, другъ и сподвижникъ знаменитаго республиканца
Жана де-Вита. Второе изданіе этого труда, нѣсколько измѣненное и
дополненное, явилось въ 1662 году подъ заглавіемъ: „О причинахъ
благосостоянія Голландіи“ („Interest van Holland ofte Gronden van
Hollands Welvaeren aangewezen door V. D. H. t'Amsterdam“.—V. D. H.
значило Van Der Hofe, во французскомъ переводѣ de-la-Court).
Третье изданіе, явившееся въ 1669 году, имѣло заглавіе: „Указаніе
на политическія правила, полезныя для Голландіи и Вестъ-Фрислан-
діи“. Въ 1709 году явился французскій переводъ подъ заглавіемъ
„Mémoires de Jean de Witt“. Нѣкоторыя главы, въ которыхъ были
помѣщены сильныя нападенія на принцевъ Оранскихъ, дѣйствительно
были написаны Жаномъ де-Витомъ ¹⁾.

Въ этомъ сочиненіи заключались разсужденія объ экономическомъ
и политическомъ положеніи нидерландскихъ провинцій вообще и Гол-
ландіи въ особенности. Чрезвычайно подробно разсматривались въ
немъ вопросы о тѣсной связи между политикою и торговлею. Эти
вопросы въ Голландіи постоянно находились на первомъ планѣ. По-
литическое значеніе и величіе этого государства было основано на
торговлѣ. Упадокъ Голландіи обуславливался совмѣстничествомъ дру-
гихъ странъ и народовъ въ области торговли. Именно такимъ пре-
ображеніемъ коммерческаго духа отличалась и политическая дѣятель-
ность ратспенсіонарія Жана де-Вита, и публицистическое направ-
леніе его друга Питера де-ла-Кура. Послѣдній, писавшій подъ влія-
ніемъ де-Вита, доказывалъ, что сила и блескъ Нидерландовъ осно-
ваны на торговлѣ, и что болѣе широкіе взгляды Оранской партіи
на политику Голландіи гибельны для этого государства. Книга эта
надѣлала много шума. Появились многія брошюры въ защиту прин-
цевъ Оранскихъ; Лейденскій синодъ отрѣшилъ Питера де-ла-Кура
отъ принятія св. тайнъ; произведено было слѣдствіе; привиллегія,
съ которою явилось второе изданіе, была уничтожена. Скоро послѣ
этого началась война съ Франціей, во время которой братья де-
Витъ сдѣлались жертвами Оранской партіи. Питеръ де-ла-Куръ дол-
женъ былъ бѣжать за границу; возвратившись въ свое отечество—

¹⁾ См. монографію Ласпейреса въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissen-
schaft*. Tübingen, 1862, 2-я и 3-я кн., стр. 330—374, а также большой трудъ *Ла-
спейреса* о политической экономіи въ Голландіи, стр. 17 и пр.

но уже не въ городъ Лейденъ, а въ Амстердамъ, — онъ умеръ въ 1685 году.

Питеръ де-ла-Куръ ясностью и мѣткостью своихъ политико-экономическихъ разсужденій опередилъ своихъ современниковъ и заслужилъ себѣ названіе достойнаго предшественника Адама Смита. Мы встрѣчаемъ у него подробныя свѣдѣнія по исторіи торговли, по теоріи финансоваго управленія и пр. Главное вниманіе онъ обращаетъ на ви́шнюю торговлю. Указывая на нѣкоторыя неудобства коммерческаго быта Нидерландовъ, онъ требуетъ мѣръ для обезпеченія интересовъ торговли. На этотъ счетъ его трудъ сходенъ съ трудами Ралея и Посошкова.

Мы видѣли, сколь высокое мнѣніе о значеніи торговли имѣлъ Уальтеръ Ралей. Еще выше цѣнилъ ее Питеръ де-ла-Куръ. „Голландія“, пишетъ онъ, — „существуетъ лишь въ силу торговли, промышленности, рыбной ловли и мореплаванія... Мореплаваніе, рыбная ловля, промышленность и торговля — четыре столба, на которыхъ основано государство“. Дѣйствительно, въ то время замѣчали, что Амстердамская биржа стремилась къ тому значенію въ европейской политикѣ, какое имѣлъ Мадритскій кабинетъ въ XVI столѣтіи. Объ Амстердамѣ говорили, что онъ „построенъ на сельдахъ“, сельди считались „золотымъ рудникомъ“ Голландіи. Де-ла-Куръ замѣчаетъ, что рыбная ловля и торговля вмѣстѣ поддерживаютъ промышленность, и что всѣ три вмѣстѣ создаютъ торговлю. Онъ показываетъ, что пятая часть доходовъ Голландіи имѣетъ источникомъ рыбную ловлю, десятая — мореплаваніе, половина — ви́шнюю торговлю. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ нѣсколько разъ повторенному заключенію: „l'état des Hollandais est fondé sur le commerce“. Питеръ де-ла-Куръ желаетъ отмены монополій, цеховъ, стѣсняющихъ, по его мнѣнію, промышленность и торговлю внутри государства. За то онъ желаетъ первенства Голландіи во всемірной торговлѣ. Онъ былъ главнымъ защитникомъ національной монополіи. Исторія Голландіи представляетъ множество примѣровъ національнаго эгоизма. Нидерландцы не были разборчивы въ средствахъ для устраненія конкуренціи другихъ народовъ въ торговлѣ пряностями. Ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ Англичанамъ на островахъ Азіи вѣчно будетъ пятномъ въ ихъ исторіи. Бѣдствія другихъ странъ были условіемъ выгодъ Голландіи, гдѣ, напримѣръ, съ радостью получались извѣстія о вздорожаніи хлѣба въ другихъ странахъ, потому что въ Голландіи находились на такіе случаи большіе запасы хлѣ-

ба ¹⁾. Съ опасеніемъ смотрѣла Голландія на могущество и богатства другихъ государствъ. Каждая переиѣна въ пошлинномъ тарифѣ Франціи, каждая запретительная мѣра въ Англіи, какое-либо нововведеніе въ любомъ государствѣ въ пользу религіозной терпимости, способное привлечь туда промышленниковъ и купцовъ различныхъ исповѣданій ²⁾, могли сдѣлаться роковыми для Голландіи, гдѣ всѣ желали, чтобы всѣ страны оставались въ нѣкоторой зависимости отъ голландскихъ купцовъ. „Каждый настоящій Голландецъ“, замѣчаетъ Питеръ де-ла-Куръ, — „долженъ желать ослабленія Франціи и Англіи, застоя въ Испаніи“. Такой же цинизмъ и національный эгоизмъ мы встрѣчали въ предложеніяхъ Посошкова, желавшаго „привести иностранцевъ въ смиреніе, и чтобы они за нами гонялись, ... чтобы намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами“ и пр.

Англія была опаснѣе другихъ странъ для Голландіи. Питеръ де-ла-Куръ горюетъ о томъ, что развитіе промышленности, распространеніе колонизаціи „сдѣлали Англію независимою отъ Нидерландовъ“. Но онъ находитъ утѣшеніе въ томъ обстоятельстве, что Англія, въ его время, употребляла втрое болѣе голландскихъ товаровъ, нежели Голландія — англійскихъ. Совершенно также Посошковъ радовался тому, что Россія можетъ, по его мнѣнію, „прожить безъ англійскихъ товаровъ, а они безъ нашихъ товаровъ прожить не могутъ“. Руководствуясь такимъ національнымъ эгоизмомъ, Питеръ де-ла-Куръ находитъ, что разстройство французскихъ финансовъ должно считаться выгодною для Голландіи. Онъ очень доволенъ расточительностью Англійскаго короля Карла II, потому что не тратя столько денегъ на удовольствія и на придворную роскошь, Карлъ былъ бы въ состояніи нанимать матросовъ, строить флотъ и получить рѣшительный перевѣсъ на морѣ. Сребролюбіе „фаворитовъ и воровъ, окружающихъ Англійскаго короля“, заставляетъ Питера де-ла-Кура надѣяться, что на этихъ людей можно дѣйствовать подарками, „чтобы препятствовать враждебнымъ мѣрамъ“.

Въ видахъ интересовъ голландской торговли, Питеръ де-ла-Куръ былъ сторонникомъ мира. „Хотя и кошка“, пишетъ онъ, — „нѣсколько

¹⁾ „En cas de mauvaises années et d'infertilité dans les autres pays, dont nous pourrions profiter“, говоритъ Питеръ де-ла-Куръ.

²⁾ См. подобные случаи въ сочиненіи Трейчке: Die Republik der vereinigten Niederlande, въ его Historische und politische Aufsätze. Neue Folge; erster Theil. Leipzig, 1870, стр. 567.

походить на льва, она всегда остается кошкою: также и мы, голландскіе купцы, никогда не превратимся въ воиновъ“. Именно въ этомъ отношеніи политика Жана де-Вита, желавшаго мира, отличалась отъ политики стремившихся къ монархической власти принцевъ Оранскихъ.

Мы видѣли, какъ и Уальтеръ Ралей, и Посошковъ указывали своимъ соотечественникамъ на необходимость осторожнаго потребленія заграничныхъ товаровъ. Точно также и Голландцы старались избѣгать роскоши потребленія предметовъ привоза. Англійскій дипломатъ Темплъ въ своемъ сочиненіи о Голландіи преподаетъ то ученіе, что при покупкѣ товаровъ весьма важенъ вопросъ, покупаются ли они для собственнаго потребленія или для вывоза. Въ первомъ случаѣ слѣдствіемъ торговли, по его мнѣнію, должно быть оскудѣніе, во второмъ — обогащеніе. Онъ удивлялся простотѣ нравовъ и отсутствію роскоши въ Нидерландахъ. Онъ замѣчаетъ, что высшіе сановники, какъ напримѣръ, адмиралъ Рейтеръ или Жанъ де-Витъ, въ своей одеждѣ, въ своемъ образѣ жизни нисколько не отличаются отъ простыхъ гражданъ. „Никакая страна“, говоритъ онъ, — „не привозитъ столько товаровъ и не употребляетъ столь малаго количества оныхъ. Они покупаютъ лишь съ цѣлью снова продать. Они имѣютъ и пряности Индіи, и шелковыя матеріи Персіи, но между тѣмъ они носятъ шерстяное платье и питаются рыбою и обыкновенными кореньями. Хорошее и дорогое сукно, которое они дѣлаютъ сами, они вывозятъ во Францію, а для себя покупаютъ сукно похуже въ Англии. Свое лучшее масло они продаютъ во всѣ европейскія государства, а для себя покупаютъ масло подешевле въ Ирландіи или въ сѣверной Англии и пр.“.

И Питеръ де-ла-Куръ убѣжденъ въ томъ, что избѣжаніемъ роскоши и крайнею осторожностію въ потребленіи обусловливается богатство. Онъ даже желаетъ на этотъ счетъ принятія правительствомъ мѣръ для ограниченія потребленія заграничныхъ предметовъ роскоши, а именно высокихъ пошлинъ съ товаровъ, служащихъ не для общихъ потребностей, а для пышности, для удовольствія, для украшенія. „Тогда“, замѣчаетъ онъ, — „Голландцы найдутъ для себя гораздо болѣе выгоднымъ ограничиваться потребленіемъ отечественныхъ произведеній“. За то Питеръ де-ла-Куръ желаетъ усиленія вывоза и для этой цѣли поощренія промышленности. Религіозную терпимость онъ весьма справедливо считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ для привлеченія въ Голландію многихъ предприимчивыхъ, трудолюбивыхъ и бо-

гатых капиталистовъ-фабрикантовъ ¹⁾. Далѣе онъ предлагаетъ пониженіе или отміну пошлинъ на вывозные товары. Существованіе такихъ пошлинъ онъ считаетъ непростительною ошибкою администраціи. „Всѣми средствами“, продолжаетъ Питеръ де-ла-Куръ, — „мы должны стараться удержать въ нашей странѣ тѣхъ лицъ, которые могли бы, оставая Голландію и переселяясь въ другія страны, навивать себѣ тамъ большія состоянія. Своими барышами онѣ доставляютъ средства для существованія многимъ промышленникамъ и самому государству“. Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Рыбная ловля и судоходство поддерживаютъ мануфактурную промышленность: посредствомъ ихъ мы получаемъ изъ-за границы сырые матеріалы, которые въ обработанномъ видѣ, въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій, вывозятся во всѣ государства“. Питеръ де-ла-Куръ желаетъ еще большаго развитія шерстаной, шелковой, льняной и пеньковой промышленности. И кораблестроеніе онъ называетъ мануфактурною промышленностью и основой торговли, потому что большая часть большихъ кораблей прочихъ европейскихъ народовъ строилась въ Голландіи, и этимъ поддерживались различныя отрасли промышленности и торговли.

Такия понятія о нѣсколькихъ враждебныхъ международныхъ отношеніяхъ встрѣчаются весьма часто въ политико-экономической литературѣ западной Европы, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Эразмъ предлагалъ собирать высокія пошлины со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, потому что они служатъ лишь для роскоши богачей. Гуттенъ (Hutten) считалъ потребление такихъ предметовъ, которые производятся въ чужихъ краяхъ, даже вреднымъ для здоровья; Лютеръ ратовалъ противъ ярмарки Франкфуртской, называя ее дырою, чрезъ которую исчезаетъ множество нѣмецкихъ денегъ за границу, и вообще часто протестовалъ противъ потребления иностранныхъ товаровъ. Австрійскій экономистъ Бехеръ также находилъ ярмарки вредными, потому что чрезъ нихъ публика все болѣе и болѣе привыкаетъ къ потребленію заграничныхъ товаровъ ²⁾.

Посошковъ и Петръ Великій—меркантилисты.

Мы видѣли, какимъ образомъ Посошковъ сходился съ мнѣніемъ западно-европейскихъ публицистовъ относительно международнаго анта-

¹⁾ Вѣсма любопытны на этотъ счетъ замѣчанія встрѣчаются въ сочиненіи Темпля.

²⁾ См. Roscher, Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, стр. 40, 44, 63, 67 (Lutherus von Husum), 280 и пр.

гонизма въ области торговли. Онъ желалъ освобожденія русской торговли отъ ига иностранцевъ совершенно также, какъ Вальтеръ Галей считалъ возможнымъ эманципировать англійскую торговлю отъ преобладанія Голландцевъ. Онъ мечталъ о возможности такого же торжества русской торговли надъ иностранцами, какъ Питеръ де-ля-Куръ надѣялся на постоянное господство Голландцевъ въ европейской торговлѣ. Въ частности относительно привоза и вывоза товаровъ Посошковъ также раздѣлялъ мнѣніе писателей-меркантилистовъ западной Европы. Желая ограниченія привоза продуктовъ промышленности изъ-за границы и считая важнѣйшею задачею торговой полиціи поощреніе вывоза продуктовъ промышленности, Посошковъ заслуживаетъ названіе меркантилиста. Его убѣжденія на этотъ счетъ сходны съ понятіями Петра Великаго. Предложенныя Посошковымъ административныя мѣры походятъ на мѣры, принятыя въ его время правительствомъ для поддержанія національной промышленности и развитія національной торговли.

Ограниченіе потребленія привозныхъ товаровъ.

Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ русская публика привыкла къ потребленію множества заграничныхъ товаровъ, главнымъ образомъ—предметовъ роскоши. Сначала только для царя привозились изъ-за границы такого рода предметы, какъ напримѣръ, позолоченныя алебарды, аптекарскія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки, жемчугъ, посуда вычурной работы. Такихъ вещей Горсей въ 1585 году навезъ на 4.000 ливровъ ¹⁾. Затѣмъ и для публики стали привозиться такого рода товары. На одномъ кораблѣ, прибывшемъ въ Холмогоры въ 1605 году, были: галстуки для мужчинъ, зеркала, колокольчики, мѣдные тазы, люстры, сафьянъ и пр ²⁾. Въ весьма подробныхъ спискахъ иностраннымъ товарамъ, привезеннымъ въ Архангельскъ въ 1671—1673 годахъ, мы находимъ кружева, шелковыя матеріи, драгоценныя камни, краски, нѣсколько сотенъ дюжинъ очковъ, иглодеи, пряности, конфеты, зеркала, ленты, испанскія и французскія вина ³⁾. Такого рода предметы становились болѣе и болѣе необходимыми. Количество такихъ

¹⁾ Записки Горсея въ *Библ. для Чт.* 1865, № 6, стр. 19; у *Ключевскаго*, Сказанія иностранцевъ, 240.

²⁾ *Baltische Monatschrift*, VI т., 4 выпускъ.

³⁾ *Kilburger*, Kurzer Unterricht и пр. въ *Büschings Magazin*, III, стр. 274 ff.

оваровъ, привозимыхъ въ Россію, росло постоянно съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Кильбургеръ (1671—1673), до того времени, когда писалъ Посошковъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“ (1721—1724). Это видно, между прочимъ, изъ сочиненіе Марпергера „Moscowitischer Kauffmann“, въ которомъ также встрѣчаются росписанія товарамъ, привозимымъ въ Россію въ началѣ XVIII вѣка. Между ними встрѣчаются, наприимѣръ, золотыя и серебряныя проволоки, нюрнбергскіе товары, парики, бобровыя мѣха изъ Канады, шелковыя платки и пр. ¹⁾).

Не мудрено, что Посошковъ не одобрялъ такой склонности Русскихъ къ потребленію иностранныхъ товаровъ. Уже въ „Отеческомъ завѣщаніи“ онъ совѣтуетъ сыну не давать дѣтямъ носить роскошное платье, замѣчая при этомъ: „Намъ иноземцовъ денгами не наполнить, они тому velmi ради, еже бы мы въ уборствѣ великомъ и въ парухахъ ходили, толко ихъ бы денгами осыпали. Въмѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и болши продають, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить“. Объясняя затѣмъ, почему обшивныя пуговицы не годятся, Посошковъ пишетъ: „А ты, сыне мой, на ихъ нѣмецкія басни не смотри; а наипаче не пускай дѣтей твоихъ заморскихъ питей пити: понеже тыи питея наче здравію человѣческому вредительны, а царьственному богатству истощительны, и не токмо истощительны, но и разорительны... На Нѣмецъ намъ смотреть нечего: они насъ обманываютъ, да денги у насъ выманиваютъ, а самыя правды никогда намъ не скажутъ, толко предлагаютъ намъ всякіе фигуры, на чомъ бы имъ излишніе у насъ денги выманити, и привозять къ намъ дудки, да робачіе игрушки, да всякіе напѣтки... и на питее и на иные бездѣлицы кои купи да бросить тысячъ по сту рублевъ и болши на кійждо годъ выманиваютъ. Намъ надлежало было то у нихъ покупати, безъ чего намъ пробыть не можно“ ²⁾).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, Посошковъ говоритъ: „Иноземцы хоцуть Россійское царство пригнать къ оскудѣнію, и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ возать къ намъ равныя питея, да похваляютъ ихъ, то питее честное и весьма похвальное, дабы слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали; и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питее выпить...“

¹⁾ *Marperger*, *Moscowitischer Kauffmann* (1723), стр. 228—230.

²⁾ *Отеч. зав.*, 57 и 58.

да привозятъ къ намъ стеклянную посуду, чтобъ намъ купить, разбить, да бросить... И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотрити: ихъ нѣмецкихъ разсказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надсѣдаясь хвалить, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозятъ, да продаютъ бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или двѣ копейки⁴⁾.

Въ другомъ мѣстѣ сказано: „А и во всякихъ товарѣхъ смотреть того накрѣпко, чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бывають къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею, камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полцѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призавретити; потому въ нихъ деньгамъ переводъ. И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны, чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогда принимать не надобно; такжеже и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малую цѣною не доведется жѣ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью нивакихъ линтовъ не принимать, потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, токмо денежная напрасная трата. Такжеже и платковъ шелковыхъ нѣмецкихъ и персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребы ни полу нужныя нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истереть, и на другой годъ толико же надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятьдесятъ; и хотя по рублю полежитъ платокъ, то пятьдесятъ рублей истратитъ и на всякій годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячь десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утиранія на лицѣ пота гораздо потребнѣе платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвосты, да иноземцамъ обогащеніе. И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ; то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему полотняными платками утиратися. Нѣмцы никогда насъ не научатъ на то, чтобы мы бережно жили и ничего бѣ напрасно не терли; только то выхваляютъ, отъ чего бѣ пожитокъ какой имѣ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымысли богатятъ, а насъ болѣе

⁴⁾ Соч. Пос., I, 124.

въ скудость пригоняють; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ лагозвать; надобно смотреть ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотреть презрительнымъ окомъ¹⁾).

Еще подробнѣе Посошковъ пишетъ о необходимости запретить употребленіе иностранныхъ винъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что не только людямъ духовнаго званія, но и купцамъ и чиновникамъ не слѣдуетъ „касаться заморскихъ питей“: „Буде кто хочетъ прохладиться, то можетъ и русскими питеями забавиться, а не тобъ что покупуачи пить, но и приноснаго никакого заморскаго питея не поваживались бы пить... И иноземцамъ то прилично питее свое заморское въ домѣхъ своихъ держать, и кого не похотятъ понтъ имъ хотя Рейнскимъ или алкономъ (Alicante?), но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продать много, или мало, брать штрафъ сторичный—за копейку по рублю, а за рубль по сту рублей, а достальное питее, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя“.

Впрочемъ, Посошковъ готовъ сдѣлать исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ: „А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивали бы своими питеями, а на заморскія питея отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питея покупали бы одни сенаторы, да изъ царскаго синклита, кои самыя богатые люди, обаче съ разсужденіемъ жъ бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было. Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется. Намъ отъ заморскихъ питей кромѣ тцеты и богатству нашему Россійскому прецятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, безъ коихъ имъ пробыть невозможно и отъ чего они богатство приобрѣтають“ и пр.²⁾

Таковы мысли Посошкова относительно ограниченія привоза и потребления иностранныхъ товаровъ въ Россіи. Хотя у него и не встрѣчается терминъ „торговый балансъ“, самое понятіе о выгод-

¹⁾ Соч. Пос., I, 125—127.

²⁾ Соч. Пос., I, 135—137.

номъ, отношеніи между привозомъ и отпускомъ товаровъ Посошкову также хорошо извѣстно, какъ и самому Петру Великому.

Если вообще, какъ мы замѣтили, административная и законодательная дѣятельность Петра Великаго должна была служить школою для Посошкова, то именно распоряженія Петра въ отношеніи къ торговлѣ могли сдѣлаться особенно полезными для крестьянина-купца, многосторонняя дѣятельность котораго заставляла его наблюдать за разными явленіями народной экономіи. Мѣры правительства для поощренія торговли и промышленности сдѣлались извѣстными въ подробностяхъ именно той части публики, къ которой принадлежалъ Посошковъ. Поэтому, мы до разбора мнѣній самого Посошкова относительно необходимости поощренія вывоза русскихъ товаровъ за границу и относительно усиленія производства разныхъ продуктовъ въ Россіи считаемъ не лишнимъ указать вкратцѣ на меркантилизмъ Петра Великаго.

Петръ для своихъ предпріятій въ области внѣшней политики нуждался въ значительномъ количествѣ денегъ. Россія же, какъ замѣчаютъ иностранцы, въ то время не столько была богата деньгами, сколько она изобиловала товарами ¹⁾. Такъ какъ горное искусство до Петра было весьма мало развито, и драгоценныя металлы добывались развѣ лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ, то удобнѣйшимъ способомъ привлеченія наличныхъ денегъ изъ-за границы въ Россію должно было казаться развитіе промышленности и вслѣдствіе того усиленіе вывоза русскихъ товаровъ за границу, однимъ словомъ — выгодный торговый балансъ. Съ этою цѣлью Петръ, какъ извѣстно, устраивалъ множество фабрикъ и мануфактуръ, и число заводовъ росло весьма быстро; при нѣкоторыхъ случаяхъ поощренія той или другой отрасли промышленности или земледѣлія правительство прямо указывало на цѣль, имѣвшуюся въ виду при этомъ, а именно на необходимость избѣжанія платить деньги иностранцамъ за тотъ или другой товаръ. Современники замѣчаютъ, что Петръ приглашалъ пастуховъ изъ Силезіи для развитія шерстяной промышленности, съ тою цѣлью

¹⁾ *Weber*, Das veränd. Russland, I, 34.

„чтобы не платить столько денег за шерсть и сукно Англичанамъ“¹⁾, или что онъ устраивалъ мануфактуры „шелковыхъ издѣлій, ибо зналъ, что привозъ таковыхъ товаровъ стоитъ много денегъ“²⁾.

До Петра Россія получала пушки и оружіе вообще главнымъ образомъ изъ за границы. При немъ устроены были желѣзные заводы, на которыхъ дѣлали пушки, ружья, гранаты и пр., далѣе пороховые заводы; всюду велѣно отыскивать рудники, краски, разные сырые матеріалы, необходимыя для мануфактуръ и заводовъ. Мануфактуръ-коллегія должна была заботиться о заведеніи такихъ мануфактуръ, для которыхъ матеріалы можно найти въ самой Россіи. Иностранные мастера должны были учить русскихъ, чтобъ можно было замѣнить первыхъ послѣдними. Въ 1716 году изъ канцеляріи сената были посланы во всѣ губерніи *заморскія* краски и велѣно показывать ихъ, означивъ цѣну каждой, и публиковать, чтобы нашедшій такія или подобныя краски объявлялъ о томъ губернатору, за что обѣщана награда. Съ привозныхъ товаровъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, взималась большая пошлина. Около того самаго времени, когда Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“, Петръ указывалъ на то, что какой-то мужикъ нашелъ краску баганъ „только одного венецейскаго плеше и съ нѣмецкимъ равенъ, а инаго и лучше“, но что при ввозѣ таковыхъ же товаровъ изъ-за границы въ Россію „наши фабрики у прочихъ народовъ въ великой завидости есть“; онъ былъ того мнѣнія, что „въ мануфактурныхъ дѣлахъ не однимъ предложеніемъ дѣлать, но и принуждать и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами и яко добрымъ экономомъ быть“ и пр.³⁾. Къ таковымъ мѣрамъ Петра Великаго можно отнести далѣе отправление самимъ правительствомъ въ дальнія страны, напримѣръ, въ Испанію, кораблей съ разными русскими товарами, учрежденіе русскихъ консульствъ въ Тулонѣ, Лиссабонѣ и прочихъ городахъ⁴⁾, множество наставленій правительства простолюди-намъ, какъ должно дѣлать полотно, принятіе Петромъ отъ ремесленниковъ мнѣній о ихъ мастерствахъ и т. п. Разныя мѣры были при-

¹⁾ *Weber*, I, 222.

²⁾ *Margreger* 142. Онъ полагаетъ, на стр. 139, что Россія скоро будетъ въ состояніи вывозить за границу пушки, ружья и пр.

³⁾ П. С. З., 4345.

⁴⁾ *Weber*, стр. 168 и стр. 13.

нимаемы для обезпеченія интересовъ коммерческаго и промышленнаго класса, хотя иногда такія мѣры, напримѣръ, монополіи и привилегіи, оказывались не-выгодными для большинства народа, для потребителей. Заключение торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, постройка Петербурга и мѣры, принятыя для привлеченія туда главной части вѣшной торговли, мысль объ учрежденіи колоній на островахъ южной Азіи или на островѣ Мадагаскарѣ ¹⁾, все это заключаетъ въ себѣ доказательства, что Петръ особенное обращалъ вниманіе на торговлю, что онъ лично занимался частностями этой отрасли администраціи и раздѣлялъ главныя воззрѣнія западно-европейской школы меркантилистовъ ²⁾.

Министры современника Петра Великаго, Германскаго императора Леопольда I, увѣряли этого государя, что ему не слѣдуетъ заботиться о вопросахъ народной экономіи, ибо такія занятія мелочами несогласуются съ достоинствомъ и величіемъ императорскаго сана ³⁾. Ни Петръ Великій, ни Посошковъ, писавшій главнымъ образомъ для Петра, не раздѣляли этого страннаго мнѣнія. Петръ трудился до гроба надъ самыми сложными вопросами хозяйственной полиціи, а Посошковъ, указывая недостатки торговаго и промышленнаго быта Россіи, постоянно ожидалъ отъ правительства, именно лично отъ государя, мѣръ, вносящихся къ поощренію торговли и ремеслъ. Въ Австріи, какъ видно, болѣе думали о величіи и правахъ государя, между тѣмъ какъ Петръ, настоящій представитель просвѣщеннаго абсолютизма, не упускалъ изъ виду своихъ обязанностей.

Усиленіе вывоза и поощреніе русской промышленности.

Мы видѣли, что Посошковъ считалъ весьма невыгодною для Россіи зависимость ея отъ другихъ государствъ чрезъ потребление

¹⁾ *Vockerodt*, Russland unter Peter dem Grossen, изд. *Германна*, 1872, стр. 91.

²⁾ См. *Галмейстеръ*, О законахъ Петра Великаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1836. III; *Афанасьевъ*, Госуд. хоз. при Петрѣ Великомъ, *Современникъ* 1847, III; *Wilhelm Stieda*, Peter der Grosse als Mercantilist въ *Russische Revue*, томъ IV, стр. 193—246.

³⁾ См. статью *Роснера* Oesterreichs Nationalökonomik unter Leopold I, въ журналѣ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1864. I, 35 ff.

иностранныхъ товаровъ. Онъ не только считалъ возможнымъ ограниченіе привоза многихъ такихъ товаровъ, но даже мечталъ о снабженіи многихъ европейскихъ странъ продуктами русской промышленности. До чего доходитъ на этотъ счетъ оптимизмъ Посошкова, видно между прочимъ изъ слѣдующаго замѣчанія: „И намъ если заводовъ (стеклянныхъ) пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянною посудою наполнить можемъ“¹⁾; а въ другомъ мѣстѣ: „Стеклянную посуду можно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ“²⁾. Далѣе Посошковъ пишетъ: „А кой у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оловячныя стекла, шляпы, скипидаръ, робачьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться намъ своимъ, а у иноземцевъ отнюдь бы никакихъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать“.

Мы знаемъ, какъ Петръ заботился объ открытіи желѣзныхъ рудъ, объ устройствѣ желѣзныхъ заводовъ, „дабы Божіе благословеніе подѣ землею втугѣ не оставалось“. Кто утаивалъ руду или препятствовалъ другимъ въ устройствѣ заводовъ, тотъ подвергался тѣлесному наказанію и смертной казни. Виніусъ восхищался обиліемъ и доброотою желѣза въ Сибири; были приняты мѣры для обработки его. Многие заводы были построены государевою денежною казною. Была устроена игольная фабрика Томилинымъ и Рюминымъ, съ привиллегіей на 30 лѣтъ при запрещеніи привоза иглъ изъ-за границы³⁾. Въ 1723 году велѣно: краски и прочіе матеріалы, которые къ фабрикамъ вывозятъ изъ чужихъ государствъ, искать по всему государству; обѣщана „довольная дача по дороговизнѣ оныхъ,... и когда смышутся, тогда оныя свидѣтельствовать съ фабрикантами и съ иными искусными людьми“⁴⁾. Однако такія мѣры не всегда имѣли желанный успѣхъ⁵⁾. Уже при Кильбургерѣ, то есть, за полвѣка до составленія Посошковымъ „Книги о свудости и богатствѣ“, существовали

¹⁾ Соч. Пос., I., 124.

²⁾ Тамъ же, 125. Впрочемъ, уже въ 1717 г. существовали стеклянные заводы, см. между прочимъ П. С. З., 3132.

³⁾ *Соловьевъ*, XVI, стр. 194—200; П. С. З., 4006.

⁴⁾ П. С. З., 4362.

⁵⁾ См. П. С. З., № 2559, о покупкѣ краски марены. Реестръ краскамъ, образчики которыхъ съ указаніемъ цѣнъ были посланы по всѣмъ губерніямъ см. въ П. С. З., № 2989.

стеклянные заводы около Москвы, однако стеклянная посуда все-таки привозилась изъ-за границы. Уже при Кильбургеръ Русскіе старались дѣлать ярь-шѣдянку, но этотъ товаръ оказался недоброкачественнымъ, и привозъ этого товара не прекращался ¹⁾.

Посошковъ продолжаетъ: „А и суконъ солдатскихъ, мнитса мнѣ, у иноземцевъ покупать не надобно жъ, потому что наши русскіи сукна аще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыи денъги изъ царства вонъ не выйдуть. Того ради и сукнами намъ потребно проищаться своими жъ, чтобы тѣ денъги у насъ въ Россіи были“ ²⁾.

Долго въ Россіи старались устраивать суконныя фабрики, однако успѣхъ былъ весьма незначителенъ. Петръ весьма дѣятельно хлопоталъ о развитіи этой отрасли промышленности; еще въ 1705 году онъ писалъ Меншикову: „Сукны дѣлають и умножается сіе дѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ къ празднику“. Число суконныхъ фабрикъ было значительно ³⁾; однако Джоѣъ Перри, упоминая объ одной изъ этихъ фабрикъ, постройка которой обошлась 100.000 рублей, замѣчаетъ, что сукно, выдѣлываемое на этой фабрицѣ, оказалось недоброкачественнымъ, такъ что развѣ только смѣщеніемъ голландской шерсти съ русскою можно было помочь этому недостатку ⁴⁾. Впрочемъ, ужъ и прежде существовали суконныя фабрики, и Кильбургеръ отзывался гораздо выгоднѣе чѣмъ Перри, о русскомъ сукнѣ ⁵⁾. Уже въ началѣ царствованія Петра съ шерстяныхъ матерій, привозимыхъ въ Россію, взималась значительная пошлина (отъ 25 до 37%). Такимъ образомъ правительство надѣялось поддержать національную промышленность. Однако весьма часто оказывался недостатокъ въ опытныхъ мастерахъ, хорошихъ снарядахъ, краскахъ и т. д. Такъ напримѣръ, о казанской фабрицѣ вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ въ 1719 году: „На заводахъ сукна текутъ и все готово, только некому ихъ красить; и нынѣ прошу ваше величество, чтобы присланъ былъ ма-

¹⁾ *Kilburger*, Kurzer Unterricht über den russischen Handel, въ *Bäischings Magazin*, III, стр. 276 и 277. Кильбургеръ говоритъ, что Россія имѣетъ достаточно желѣза для нуждъ всей страны, но что тѣмъ не менѣе привозится значительное количество желѣза.

²⁾ Соч. Пос., I., 127.

³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XVI, стр. 201.

⁴⁾ State of Russia; нѣмецк. переводъ, 431.

⁵⁾ *Kilburger*, стр. 329.

стерь, кому тѣ сукна красить, а здѣсь такого сискать нельзя, а прежній мастеръ только краски теряетъ“. Изъ частныхъ фабрикъ была извѣстна фабрика Воронина въ Москвѣ; въ началѣ 1720 года заведена была фабрика Щеголина съ товарищами, съ выдачею 20.000 р. изъ казны; въ 1721 г. въ Москвѣ суконная фабрика Александрова и компаніи. Упоминается также суконная фабрика огородника Соболинова. Уже въ 1718 году было дано приказаніе дѣлать мундиры на гарнизонныхъ солдаты всѣхъ губерній изъ суконъ московскаго дѣла ¹⁾. Какъ видно, желаніе Посошкова было исполнено. Совершенно сообразно съ его предложеніями, въ 1714 году въ именномъ указѣ велѣно положить число, сколько суконъ можно сдѣлать въ годъ „на солдатской мундиръ, и то число шерсти расположить или на все государство или на нѣкоторыя губерніи въ зачетъ податей годовыхъ и чтобы приносили стриженную и сколько возможно, чтобы чистая и не песиковатая“ и пр. ²⁾. Въ началѣ 1715 года приказано: „Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ такъ, чтобы въ 5 лѣтъ не покупать мундиру заморскаго, а именно: чтобы не въ одномъ мѣстѣ завести; и заводчи дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легкостью, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было“ ³⁾. Въ 1716 году приглашены были изъ за-границы 40 чело-вѣкъ овчаровъ и суконныхъ мастеровъ, которымъ было поручено пригото-вить значительное количество шерсти и „шерсть въ мануфактурѣ, какъ можно изрядно обдѣлывать и въ приготовленіи суконъ наилучшее стараніе прилагать“ ⁴⁾. Когда въ 1717 году дана была привиллегія Ша-фирову и Толстому на заведеніе фабрикъ „для дѣланія всякихъ матерій, Петръ при этомъ случаѣ указывалъ на свое „прилежное стараніе о распространеніи въ государствахъ нашихъ и пользѣ общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ, купчества и всякихъ художниковъ и рукодѣлій, которыми всѣхъ прочія благоустроенныя государства процвѣтаютъ и богатятся“ ⁵⁾. Когда былъ отданъ суконный заводъ въ Москвѣ въ компанію купцу Щеголину и прочимъ, Петръ замѣтилъ,

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 202—203.

²⁾ П. С. З., 2772.

³⁾ П. С. З., 2876.

⁴⁾ П. С. З., 3017.

⁵⁾ П. С. З., 3089.

что желаетъ умножить сукно въ Россіи „не только къ комиссарству на мундиръ, но и продажу и прочіе расходы, чтобъ изъ-за моря въ нѣсколько лѣтъ вывозъ сукнамъ былъ пресѣченъ“. На три года компанейщикамъ дано было 30.000 рублей безъ платежа процентовъ. И тутъ упомянуто о краскахъ, найденныхъ въ Россіи и годныхъ для вращенія сукна, „дабы конечно пробавляться россійскими красками безъ вывоза изъ иностранныхъ государствъ“¹⁾. Не смотря, однако, на всѣ усилія, русская армія едва ли и въ самомъ концѣ царствованія Петра могла обходиться безъ иностраннаго сукна, такъ какъ въ указѣ 13-го января 1724 выражено желаніе, чтобы „на мундиръ сукна сколько возможно употреблять изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ на россійскихъ фабрикахъ“²⁾. Къ 1724 году относится также манифестъ къ Малороссіянамъ, въ которомъ имъ предписывается заняться раціональнымъ овцеводствомъ, для доставленія на суконныя фабрики надлежащаго количества шерсти³⁾; тогда же были отправлены въ Силезію люди для обученія овцеводству, стриженію шерсти и употребленію оной въ дѣло⁴⁾.

Въ главѣ „о художествѣ“ Посошковъ пишетъ: „О семъ же всечески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то-есть: трипы, бумази, рубки, миткали, камордки и порусинныя полотна и прочія дѣла, кои изъ русскихъ матеріаловъ дѣлаются; сіе бо вельми нужно, еже кои матеріалы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили. Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или втрое дешевле ставиться стануть, а люди бы Россійскіе богателись... Чѣмъ къ намъ возить полотна, изъ нашихъ матеріаловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна. И аще первые годы увидятся оне и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ,—и того страшиться не для чего, но поступать въ дѣлѣ далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навьенутъ дѣлать, то и о томъ сумнится не надобно, потому, что егда всѣхъ тѣхъ дѣлѣ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупатся. За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и

¹⁾ П. С. З., 3309.

²⁾ П. С. З., 4408.

³⁾ П. С. З., 4532.

⁴⁾ П. С. З., 4459.

нашпаче дороже, а лень и пеньку отъ насъ покупають цѣною высокою, да страхъ морской платать, да двои пошлины и провозы многіе дають; обаче не лѣнятся, дѣлають изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ лень и пеньку покупають, и пищу себѣ отъ того руководѣлія приобрѣтають, ибо, сдѣлавъ полотно, паки въ намъ ихъ привозять и продають цѣною высокою; за трипъ берутъ по двадцати алтынъ и больше за аршинъ, рубки продають алтынъ по сороку и по полтора рубли, а камордеу — по двадцати алтынъ и по рублю аршинъ. А у насъ на Руси, я чаю, что рубою и въ двадцать алтынъ не станетъ, и камордеа аршинъ, чаю, что выше десяти алтынъ не станетъ, и всякія дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, ниже половой цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчъ у насъ тамошняго гораздо дешевле, а лень и пенька гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно. И егда ты дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ лень да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и банаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи. Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотень наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо услужне продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ нашихъ матеріаловъ богатиться, то лучше намъ Россіянамъ отъ своихъ вещей питаться и богатиться. Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да установити тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе установятся, то нельзя невольны имъ становиться. И ради царственнаго обогащенія надлежить на такія дѣла въ началѣ соорудити дома изъ царскія казны, на пространныхъ мѣстахъ, въ тѣхъ геродѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле, въ заводныхъ мѣстахъ, или гдѣ что пристойно дѣлать, и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богателись, а царская казна множилась“ и пр. ¹⁾

Изъ этихъ разсужденій видно, вопервыхъ, что Посошковъ вполнѣ раздѣлялъ мысли Петра Великаго относительно необходимости поощренія промышленности въ Россіи, вовторыхъ и то, что Посошковъ обманывался на счетъ возможности столь значительныхъ результатовъ торговой и промышленной полиціи. То, что предлагалъ сдѣлать Посошковъ, давно было сдѣлано правительствомъ; однако, именно повтореніе Посошковымъ предложеній, значительною долею уже приведенныхъ въ исполненіе, заключаетъ въ себѣ лучшее доказа-

¹⁾ Сочин. Пос., I, 148—150.

тельство, что мѣры, принятыя правительствомъ въ этомъ направленіи, не имѣли особеннаго успѣха. Посошковъ, впрочемъ, при этомъ случаѣ, можетъ считаться отличнымъ знатокомъ дѣла. Онъ былъ хорошо знакомъ съ техникою той отрасли мануфактурной промышленности, о которой онъ разсуждаетъ столь подробно въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Два-три года послѣ составленія имъ „Книги о скудости и богатствѣ“, Посошковъ, обратился въ мануфактуръ-коллегію, съ просьбой о разрѣшеніи ему учредить полотнянную фабрику. Въ этомъ документѣ встрѣчается множество техническихъ терминовъ, обозначающихъ и машины, и разные виды товара. Далѣе, тамъ указано на льготы, данныя фабрикантамъ въ прежнее время, и выражено желаніе, чтобъ и ему дозволено было пользоваться нѣкоторыми привилегіями. Дѣло это не состоялось. Посошковъ, вскорѣ послѣ подачи просьбы, умеръ въ заточеніи. Его примѣръ показывалъ, съ какими затрудненіями должны были тогда бороться нерѣдко люди предприимчивые, капиталисты и техники, готовые отважиться на новыя промышленныя предпріятія.

Хотя пряденіе и ткачество съ давнихъ поръ было особенно распространеннымъ рукодѣліемъ и главнымъ предметомъ кустарной промышленности въ Россіи, хотя уже въ началѣ XV вѣка, какъ извѣстно по историческимъ памятникамъ, издѣлія эти стали вывозиться за границу, вывозъ ихъ никогда не былъ особенно значителенъ. Напротивъ того, не смотря на многія и постоянныя усилія правительства подвинуть впередъ эту отрасль промышленности, въ Россію привозилось значительное количество таковыхъ продуктовъ.

Петръ Великій особенно старался улучшить тѣ производства, которыя уже существовали прежде, и чрезъ это улучшение усилить сбытъ ихъ за-границу. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ: въ 1702 году онѣ заведены въ Москвѣ, а въ 1719 году встрѣчаются въ одномъ документѣ слѣдующія данныя о ходѣ этого дѣла: въ 1702 и 1705 годахъ парусные заводы были „такъ хороши, яковы близъ голландскихъ“; въ 1711 году, находясь въ завѣдываніи Григорія Племянникова, они были въ очень дурномъ состояніи; въ 1715 и 1716 годахъ, во время управленія Андрея Бѣльева, едва не разорились въ конецъ, только три четверти парусной холстины было прислано въ Петербургъ и то все гнилое. Будучи послѣ того отданы въ завѣдываніе князя Одоевскаго, они опять пришли въ изрядное состояніе „и парусныя полотна доставляютъ добрыя“. Въ 1711 году полотняный заводъ, который вѣдался прежде въ посольскомъ прика-

зѣ, отданъ былъ „купецкимъ людямъ, Туркѣ съ товарищи“, на 30 лѣтъ, и къ нему приписаны село и деревни ¹⁾). Въ декабрѣ 1714 года велѣно было отдать въ вѣдомство Московскаго губернатора скатертное, салфетное и полотняное дѣло ²⁾). Въ этомъ же году была отдана иностранцу Тиммерманну „мельница съ землею на 15 лѣтъ“, гдѣ ему дозволено заводить полотняныя фабрики. Тутъ уже прямо сказано, что имѣется въ виду отпускъ полотна за границу ³⁾).

Русское полотно, выдѣлываемое крестьянскимъ трудомъ въ деревняхъ, не могло сдѣлаться предметомъ вывоза, какъ видно изъ слѣдующихъ распоряженій. Въ 1715 году было приказано полотна дѣлать широкія „противъ европейскихъ государствъ, какія за великія цѣны въ Россійское государство вывозятся, а именно въ полтора аршина съ четвертью, въ аршинъ, а уже того вновь отнюдь не дѣлать, для того, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣлаютъ полотна широкія, отъ чего промыслами и работами широкихъ полотень отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое народное пополненіе, понеже тѣмъ широкимъ полотнамъ великіе расходы состоятъ, паче другихъ товаровъ; и въ Россійскомъ государствѣ отъ такихъ неугодныхъ узкихъ полотень, которыя самыми малыми за негодностью цѣнами продаются, не только прибытковъ, но и своихъ издержанныхъ вещей не получаютъ, и отъ того во излишнія слудости приходатъ“. Правительство приняло строгія мѣры, принуждая всѣхъ запастись въ продолженіе одного года инструментами для производства широкихъ полотень и грозя денежною пеней за каждый аршинъ узкаго полотна по истеченіи извѣстнаго срока ⁴⁾). Однако, еще въ 1718 году резидентъ Феодоръ Веселовскій писалъ изъ Лондона: „Говорили мнѣ здѣшніе купцы, что въ Россіи дѣлаются полотна трехъ разныхъ рукъ, только все узки, и за этою узкостью худо продаются“ ⁵⁾). Какъ кажется, правительство считало невозможнымъ вѣручить народъ къ дѣланію широкихъ полотень, потому что въ 1718 году былъ данъ указъ о свободной торговлѣ холстами всѣхъ рукъ, какія у кого есть, и о пропускѣ ихъ въ заморскій отпускъ ⁶⁾).

¹⁾ *Соловьева*, XVI т. стр. 203—204.

²⁾ П. С. З., 2867.

³⁾ П. С. З., 2820.

⁴⁾ П. С. З., 8943.

⁵⁾ *Сол.* XVI, 204.

⁶⁾ *Сол.* XVI, 204, и П. С. З., 3156.

Какъ бы то ни было, Петръ Великій понималъ значеніе льняной пеньковой промышленности для народной экономіи Россіи. Въ декабрь 1715 года онъ издалъ указъ о размноженіи этихъ промысловъ. Кто сѣялъ четверть, тотъ бы прибавилъ четверикъ, а если можно и больше, „а гдѣ тому необыкновенны, какъ день и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ, и о томъ объявить въ народѣ, что оной прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и имъ поживленія“ ¹⁾. Желаніе правительства усилить разведеніе пеньки и льна, очевидно, состояло въ связи съ мыслью о выгодномъ торговомъ балансѣ, какъ можно заключить изъ того обстоятельства, что въ 1715 году было запрещено вывостить за море льняное и конопляное сѣмя, „и продавали бы масломъ, а не сѣмянами“ ²⁾.

Такимъ образомъ, правительство не переставало трудиться совершенно сообразно желаніямъ Посошкова, хотя, быть можетъ, послѣдній и не могъ бы одобрить пожалованіе привилегій не только Русскимъ, но также и иностранцамъ ³⁾.

Весьма любопытны соображенія Посошкова о табакѣ. Онъ пишетъ: „Табакъ не худо бы въ Руси жъ завести, сѣяти и строить его по заморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились“; и далѣе: „А еще и табачные заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобы онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить по заморски, то такъ намъ мочно его напастн, что и кораблями за море мочно его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копѣйки фунтъ не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупають, а сѣять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что миллионная отъ него прибыль будетъ; а на такихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ множество, мочно намъ или его сѣять во всѣхъ понизовыхъ горо-

¹⁾ П. С. З., 2966.

²⁾ П. С. З., 2963. Впрочемъ, это запрещеніе отиѣнено было указомъ 1718 года, см. П. С. З., 3166.

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ 1720 г. былъ назначенъ директоромъ полотняной фабрики ввоземецъ Тамесъ; ему даны были разныя привилегіи на 30 лѣтъ. П. С. З., 3543. Изъ русскихъ, получившихъ такія привилегіи, можно назвать Турчанинова и Цымбалышкова (см. П. С. З., 3174); въ Москвѣ существовала ачучная фабрика Француза Мамврiona, см. *Сол.* XVI, 205. О повтореніи и прещеніи вывостить за границу узкія полотна см. разныя указы, напримѣръ, П. С. З., 3677, 4204, 4259.

дѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Ирсарѣ, на Ломовѣ, въ Мчепсскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ, и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячи тысячъ пудъ наплодить его. И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться. И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питей русскихъ и табаку не выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ не лучше того, что деньги въ воду метать. Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли. ... тоѣмо подлежатъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти ихъ мочно и пріоставить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасты намъ смотрѣть не для чего¹⁾.

Мы видимъ, что Посошковъ, самъ бывшій когда-то раскольникомъ, въ то время, когда онъ писалъ „Книгу о скудости и богатствѣ“, насколько не раздѣлялъ того предразсудка, въ силу котораго табакъ считался богомерзкою, проклятою, бѣсовскою травою. Употребленіе табаку уже въ первой половинѣ XVII вѣка распространилось въ Россіи до такой степени, что, по свидѣтельству Олеарія, самые бѣдные люди покупали его на послѣднюю копейку²⁾. Царь Михаилъ Феодоровичъ подъ смертною казнію запретилъ употребленіе табаку. И въ Персіи въ то время строжайшимъ образомъ было запрещено курить и нюхать табакъ, потому что солдаты тратились чрезъ мѣру на покупку этого привознаго товара³⁾. Въ „Уложеніи“ царя Алексѣя Михайловича законъ о запрещеніи подтвержденъ⁴⁾. Однако, всѣ мѣры правительства не могли истребить вкоренившейся страсти къ наркотическому свойству этого растенія⁵⁾. Юрій Крижанничъ старался до-

¹⁾ Соч. Пос., I, 137—138.

²⁾ *Olearius*; *Reisebeschreibung*, изд. 1671, стр. 197.

³⁾ Тамъ же, стр. 645.

⁴⁾ Уложеніе, гл. XXV, ст. 16.

⁵⁾ См. разныя данныя объ этомъ предметѣ, *Успенскіе*, *Ист. Петра*. Волг. т. III, стр. 106.

казать, что употребленіе табаку не можетъ считаться грѣхомъ. Запрещеніе курить табакъ онъ называетъ „суетнымъ превѣріемъ“ ¹⁾. Петрѣ Великій раздѣлялъ такое мнѣніе. Когда, при заключеніи договора съ Кармартеномъ въ Англии, тамъ было выражено опасеніе, что патриархъ не будетъ доволенъ введеніемъ во всеобщее употребленіе этого растенія, Петрѣ возразилъ: „Не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобы патриархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель“. Посошковъ, недовольный, какъ мы видѣли, введеніемъ нѣмецкаго платья и париковъ, въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“ не говоритъ о табакѣ. Обычай курить табакъ при Петрѣ сдѣлался общимъ, хотя сначала курили украдкой, особенно въ Нѣмецкой слободѣ ²⁾.

Весьма любопытно совершенное сходство между соображеніями Посошкова и предложеніями Крижанича о разведеніи табаку, при чемъ нельзя не вспомнить, что Крижаничъ писалъ семьдесятъ лѣтъ до Посошкова. Онъ пишетъ: „А объ табакѣ добро вѣмъ, еже бы ся околѣ Хвалынскаго моря и на Волгѣ родилъ обильно, и доберь, токмень Ханавскому (Напау?) нѣмецкому табаку: и велика бы зъ него могла быть прибыль казнѣ государевой, и польза всей землѣ: нѣколико бо сотъ или тысячъ рублевъ на годъ бы остало на Руси, что ся извозить вонъ за табакъ... Могло бы ся то зелье и въ сей землѣ сѣять околѣ Астрахани, на Подонью и у Башкировъ. Насѣять нѣскольکو нивъ и добыть изъ Нѣмецъ майстора, кій е умѣлъ приправлять, и сунать (вертѣть, сучить), и продавать е Калмыкомъ, и иншимъ Сибирскимъ, Татарскимъ, и Черкасскимъ народомъ, и Литвѣ, и Вѣлоруссамъ. Видѣлъ естъ табакъ, кій ся естъ изъ греческаго сѣмена въ Тобольску родилъ верло доберь и близко ровень греческому. Могли бысмо ежегодъ дешевою цѣною добывать сѣмена отъ Персовъ и отъ Грековъ: изъ онаго бо сѣмена луче зѣлье ся родить, а изъ домашняго сѣмена зѣлье уже не будетъ такъ вѣрнѣко... По истинѣ говорить, я мню: преповѣдаемъ бытъ табакъ на Руси за то, что ея народу великъ убытокъ чинить: гдѣ ся за неупотребенъ товаръ ежегодъ

¹⁾ «Будь бы то грѣхъ было табакъ пріемать, якоже и вино пить въ грѣхъ почитають... Можетъ ся грѣхъ учинить въ табаку и чинится много кражъ, по неумѣрованомъ пріеманію: якоже и въ вина патию и въ житію со жемани». *Крижаничъ*, I, стр. 55. См. также его сочиненіе «О промыслѣ», стр. 77, бесѣду между Валеріемъ и Августинемъ.

²⁾ *Posselt, Leforth*, I, 382.

изъ земли многа казна вонъ извозить, а не яко чтобы ся Господаревой казнѣ какова убыль чинила. Ся есть сама истинная, годна и довольна причина. Алити вѣдь тая проповѣдь мало что пособляетъ, или паче ничего не пособляетъ, супроть той народной щетѣ и убытку: и не можетъ ся то зло отвратить тою проповѣдію. Абовѣшъ инородники несмѣтно много того зелья привозять на Русь ежегодъ, и страшно драго е продають. Чтобы имали взять за десять или за двадцать пудовъ, то возмутъ за еденъ пудъ и тѣмъ единымъ прѣметомъ нѣкои дивно богатѣють; и изъ одортыхъ (оборванныхъ) парневъ за два и за три годы постають торговцы и дворы покупають, и на Астрахань да на Архангель торгуютъ. Послы ляхски, литовски, цесарски, перски, свѣдски, дадеи, аглински, брабански, поднѣпрински, крымски, грузински, червески, калмыцки отнюдь не придуть на Русь безъ табака. Торговцы Нѣмцы, Греки, Персы, Бухары, Калмыки, Литовцы, и сами Руски торговцы, изъ Свѣдовъ, изъ Литвы, изъ Поднѣпрія, изъ Персовъ, не одну сотню пудовъ го (его) привезутъ на Русь по всякій годъ. За то я чаю: когда бы ся дома сѣялъ табакъ, съ печальнымъ презираніемъ (то есть, съ заботливымъ наблюденіемъ) и во множинѣ, троя бы съ того польза сему царству постала: 1) казнѣ Господаревой бы ся чинила корысть; 2) многи пѣнязи бѣху дома остави въ народу, кои ся нынѣ вонъ извозять за той непотребный товаръ; 3) люди бы ся обрадовали слободѣ¹⁾ и пр. ¹⁾.

Желанія Крижанича и Посошкова осуществились довольно поздно. Хотя современникъ Посошкова, Штраленбергъ, и упоминаетъ о производствѣ „черкаскаго“ табаку ²⁾, въ окрестностяхъ Астрахани, хотя изъ именнаго указа Петра вице-адмиралу Крейсу, отъ 3-го марта 1717 года, видно, что уже въ то время были сдѣланы кое-какія попытки разведенія табаку ³⁾, но лишь полвѣкомъ позже началась развиваться въ Россіи эта отрасль промышленности. Въ началѣ царствованія Екатерины II, а именно, въ 1763 году, правительство рѣшилось принять мѣры къ поощренію разведенія табаку, посредствомъ раздачи сѣмянъ, обѣщанія наградъ и публикованія правилъ о способѣ занятія этимъ промысломъ ⁴⁾. Въ настоящее время, именно въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указывалъ Посошковъ, какъ на самую

¹⁾ *Крижаничъ*, I, 54—56.

²⁾ *Strahlenberg*, das Ost- und nördliche Theil von Europa und Asien, стр. 320.

³⁾ П. С. З. 3071.

⁴⁾ *Storch*, Hist. stat. Gemälde, II, 338.

благопріятную почву для разведенія этого растенія, то-есть, въ малороссійскихъ и приволжскихъ губерніяхъ, производится табакъ, приблизительно, въ томъ количествѣ, о которомъ мечталъ Посошковъ ¹⁾.

Посошковъ имѣетъ весьма высокое понятіе объ источникахъ народнаго богатства въ Россіи. Онъ указываетъ и на разные продукты, уже встрѣчаемые въ Россіи, а далѣе, на возможность, развитіемъ новыхъ отраслей промышленности и торговли, еще гораздо болѣе содѣйствовать обогащенію народа и государства. Такъ, напримѣръ, протестуя противъ привоза иностранныхъ винъ, онъ пишетъ въ главѣ „о купечествѣ“. „А насъ Россіянь благословляя, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива ²⁾ у насъ недорогоя, и меду у насъ преславные, варенья самыя чистыя, что ничѣмъ не хуже рейнскаго, а плохаго рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каранинъ и меду красныя жъ вишневыя, малиновыя, смородиновые, костяничныя и яблочныя. И аще заморскія питья оставить, а повелѣтъ строить меду разными видами, различными и скусы и продавать ихъ изъ австеріи, то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ“ ³⁾.

Въ главѣ „о художествѣ“ Посошковъ пишетъ: „Такожде и въ прочихъ мастерствахъ, которыя царству пожиточны, а мастера малочны, и собою имъ великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковымъ надлежитъ на созиданіе мастеровыхъ давать деньги изъ ратуши, или откуда его императорское величество поволитъ, дабы всякія дѣла расширялись; и не токмо настроеніе, но и всякія къ тѣмъ дѣламъ не подлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскудѣнія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматривать, чтобы напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничали бъ, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ дѣнные деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію и исправленія ихъ погодно бъ брать. Такожде надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жечь и кровельныя доски желѣзныя; и аще и съ трудомъ,

¹⁾ У Посошкова «по тысячѣ тысячъ пудъ». Въ 1856 году производство составляло 1.170.500 пудъ; въ 1871 году—2.215.000 пудъ.

²⁾ *Афанасьеву*, Госуд. Хоз. при Петрѣ Великомъ, 47, извѣстіе о пивѣ является сомнительнымъ, между тѣмъ какъ о пивѣ упомянуто нѣсколько разъ въ источникахъ; см. *Аристовъ*, 79—80.

³⁾ *Пос.*, Соч. I, 136—137.

а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобъ тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей учили. Такожде надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такожде и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить чело-вѣкъ десятовъ-другой... Да хорошо бы добыть и красочныхъ масте-ровъ, кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру, и киноварь, и голубецъ, и боканъ венецейской и простой, и арь венецейскую и простую, и шпигиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ поташу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся. А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ приле-жаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамош-нихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лѣкарственнымъ дѣламъ и къ красошнымъ и ко инымъ вещамъ, и обѣщать имъ хорошую плату за всякое обрѣтеніе. И надлежитъ его императорскому величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои ему величеству государю радѣ-тельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ зна-ютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ простран-ствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтитъ не возможно,—отъ Кольскаго острова если бе-регомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изѣхать,—а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося. Я и не большое мѣсто побѣздилъ, и хотя не знаючи ѣздилъ, а паче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобно камению янтарю, и во всей вселен-ной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лѣкарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую гумесфальтушъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и нефти сыскалъ я многое число, вохры и червлени, хотя и по тысячѣ тутъ можно добывать; и пу-ментъ есть же у меня въ присѣбѣ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бы-вали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слы-хали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить¹⁾.

¹⁾ Соч. Пос., I, 151—153.

Совершенно также и Петръ Великій говорилъ объ открытіи источниковъ богатства. Въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіума сказано (въ концѣ 1719 года): „Наше Россійское государство, предъ многими иными землями, прензобилуетъ и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которыя до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ“, и пр. ¹⁾. И Петръ, и Посошковъ ясно понимали причины неудовлетворительнаго экономическаго быта Россіи и совершенно справедливо надѣялись на будущее время въ отношеніи къ открытію и къ эксплуатаціи источниковъ народнаго богатства. Они ошибались развѣ только относительно времени обогащенія Россіи посредствомъ особенно успѣшнаго развитія горнаго искусства, промышленности и земледѣлія. Такъ, напримѣръ, оба они надѣялись на успѣхи льняной и пеньковой промышленности, и дѣйствительно, эти предметы, а главнымъ образомъ пенька и ленъ въ сыромъ видѣ, составляютъ въ настоящее время безъ малаго одну треть всего вывоза русскихъ товаровъ за границу. При Петрѣ Великомъ положено начало болѣе успѣшному развитію горнаго искусства; при немъ началось производство металлическихъ издѣлій въ нѣсколько большихъ размѣрахъ; но лишь гораздо позже всѣ эти старанія привели къ значительнымъ результатамъ, и даже въ настоящее время желѣзная промышленность въ Россіи еще далеко уступаетъ западно-европейской. И Посошковъ, и Петръ хлопотали объ отысканіи и добываніи въ Россіи красильныхъ веществъ и тому подобныхъ продуктовъ; но въ этомъ отношеніи и понынѣ весьма мало сдѣлано. Такъ, напримѣръ, еще Крижаничъ считалъ легко возможнымъ разведеніе въ Россіи красильныхъ растений ²⁾, Посошковъ и Петръ раздѣляли эти мнѣнія, а въ концѣ XVIII вѣка Генрихъ Шторхъ также посвятилъ этому вопросу нѣсколько страницъ въ своемъ сочиненіи „Historisch-Statistisches Gemälde“ ³⁾, но и въ настоящее время эта отрасль сельской промышленности почти вовсе не существуетъ въ Россіи.

Посошковъ открылъ сѣру въ Россіи. И другіе современники Петра, напримѣръ, его лейбъ-медикъ Шоберъ, считали возможнымъ до-

¹⁾ П. С. З., № 3464.

²⁾ Крижаничъ, I, 45.

³⁾ Storch, II, 331.

бываніе этого предмета въ Россіи; однако, до царствованія Екатерины II не было обращено вниманія на этотъ источникъ богатства. Только во второй половинѣ XVIII вѣка знаменитые путешественники: Палласъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Гюльденштетъ обратили вниманіе правительства на сѣру, находящуюся въ Россіи. Шторкъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ Россіи можно добывать достаточное количество сѣры и этимъ самымъ совершенно избѣгнуть покупки заграничнаго товара ¹⁾). Однако, при всемъ томъ, сѣра не занимаетъ мѣста между мѣстными продуктами Россіи, а напротивъ, привозится въ значительномъ количествѣ изъ-за границы.

Посошковъ сыскалъ „и нефти многое число“; но въ продолженіе полутора столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Посошковъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, почти ничего не было сдѣлано для извлеченія пользы изъ этого источника богатства, и лишь въ самое послѣднее время началось болѣе успѣшное добываніе этого предмета ²⁾).

Во всѣхъ подобныхъ намекахъ Посошкова о возможности доставить Россіи значительныя матеріальныя средства, нельзя не видѣть доказательства, что онъ своими соображеніями о народномъ хозяйствѣ опередилъ многихъ современниковъ, и въ отношеніи къ вопросамъ торговли и промышленности, былъ не только способнымъ ученикомъ Петра Великаго, но и полезнымъ дѣятелемъ, ревностнымъ патріотомъ и отличнымъ знаткомъ техники по многимъ отраслямъ. Нельзя отрицать, что, по всей вѣроятности, законодательная и административная дѣятельность Петра возбуждала въ Посошковѣ многія мысли о торговлѣ и промышленности; но съ другой стороны, его разсужденія на счетъ торговаго баланса не лишены и нѣкоторой доли самостоятельности.

Торговый балансъ во время Посошкова и Петра Великаго былъ гораздо выгоднѣе чѣмъ въ настоящее время, какъ видно изъ значительнаго количества наличныхъ денегъ, приходившихъ въ прежнее время ежегодно изъ-за границы. Въ росписаніяхъ привознымъ товарамъ въ 1671—1673 годахъ, сообщенныхъ Кильбургеромъ, встрѣчаются нѣко-

¹⁾ См. статью *Штукенберга*: Russlands Schwefel въ сборникѣ *Ertnans Archiv f. d. wiss. Kunde von Russland*, XIV, 382—407.

²⁾ Впрочемъ, и Петръ, по случаю Персидской войны, обратилъ вниманіе на сѣру въ окрестностяхъ Баку, см. *Weber*, *Neuverändertes Russland*, II, 107.

торья данна на этотъ счетъ ¹⁾. На русскихъ монетныхъ дворахъ постоянно чеканили русскія деньги изъ иностранныхъ монетъ, привозимыхъ въ Россію, вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса. О русскихъ домахъ замѣтилъ одинъ изъ современниковъ Петра: „Въ Западной Европѣ деньги снабжаются латинскою надписью съ тою цѣлью, чтобъ они сдѣлались ходячею монетою во всѣхъ государствахъ; въ Россіи же монеты имѣютъ надпись на русскомъ языкѣ, чтобъ этимъ самымъ препятствовать ихъ вывозу за-границу ²⁾. Марпергеръ, заимствовавшій многія данныя для исторіи современной ему торговли изъ архивовъ Ганзейскихъ городовъ ³⁾, приписываетъ мѣрамъ Петра Великаго развитіе особенно выгоднаго торговаго баланса и прибавляетъ къ этому, что въ преобладаніи вывоза товаровъ за границу надъ привозомъ товаровъ изъ-за границы главнымъ образомъ состоитъ „благополучіе государствъ“ ⁴⁾. Изъ весьма подробной записки саксонскаго дипломата Лефорта (1727 года) о состояніи торговли въ Россіи также видно, что торговый балансъ считался весьма выгоднымъ. Лефортъ полагалъ, что вывозъ превышаетъ привозъ 800.000 рублями ежегодно, не считая 600.000 червонцевъ, уплачиваемыхъ, въ видѣ пошлинъ, на привозные товары ⁵⁾.

Съ тѣхъ поръ торговый балансъ становится менѣ выгоднымъ. По даннымъ, сообщаемымъ Лефортомъ, вывозъ въ 1727 году составлялъ сумму 2.400.000 р., а привозъ 1.600.000 р. Въ 1758 г. вывозъ составлялъ сумму 8.000.000 р., а привозъ безъ малаго 6.000.000. Въ 1870 году цѣнность вывоза составляетъ сумму 355.000.000 руб., а цѣнность привоза сумму 433.000.000 руб. ⁶⁾

Изъ этихъ данныхъ видно, что надежды Петра Великаго и Посошкова сдѣлать Россію независимою отъ привоза иностранныхъ товаровъ оказались тщетными. Ожиданія Посошкова и Петра, что Россія ранѣе или позже будетъ имѣть возможность снабжать другія

¹⁾ См. *Kilburger*, Kurzer Unterricht über den russ. Handel, у *Бюшима*, III. 279.

²⁾ *Weber*, I. c., II. 177.

³⁾ См. замѣчанія *Рощера* о Марпергерѣ въ его сочиненіи *Gesch. d. N. Oek. in. Deutschland*.

⁴⁾ *Moskowitzscher Kauffmann*, 218.

⁵⁾ *Herrmann*, Diplomat. Beiträge z. russ. Gesch. S.-Petersburg. 1868, стр. 209.

⁶⁾ См. карту таможенныхъ учрежденій, составленную на основаніи числовыхъ данныхъ и обзора вѣшной торговли за 1873 г. *Мусницкимъ*.

страны продуктами промышленности, не осуществились. Сближеніе Россіи съ западомъ, напротивъ, имѣло слѣдствіемъ усиленіе привоза отчасти и такихъ предметовъ, которые Посошковъ называлъ „нѣмецкими затѣйками“, и развѣ только въ будущемъ можно ожидать болѣе самостоятельнаго развитія русской промышленности, и вслѣдствіе того, болѣе выгоднаго торговаго баланса. Однако, нѣкоторая часть программы Петра и Посошкова съ теченіемъ времени была приведена въ исполненіе. Ихъ теоріи оказались основательными. То, что было высказано ими въ отношеніи къ народно-экономической дѣятельности, и въ настоящее время составляетъ, такъ сказать, красную нить въ хозяйственно-полицейскихъ распоряженіяхъ нашего правительства.

Прочія мысли Посошкова о торговлѣ.

Въ различныя историческія эпохи существовали различныя понятія о значеніи торговли и купеческаго сословія. Въ древней Греціи Ксенофонтъ требовалъ, чтобы купцы пользовались особымъ вниманіемъ правительства, между тѣмъ какъ Платонъ считалъ занятія коммерческія унижительными для порядочнаго человѣка, такъ что, по его мнѣнію, пользованіе политическими правами не было совмѣстно съ занятіями торговлею, всегда, по мнѣнію Платона, сопряженныя съ обманомъ и разными продѣлками; онъ считаетъ купечество необходимымъ зломъ въ государствѣ; поэтому онъ желалъ, чтобы то утопическое государство, о которомъ онъ мечталъ, находилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, такъ какъ прибрежное географическое положеніе неволью должно заставлятъ гражданъ заниматься торговлею и этимъ самымъ возбуждать въ нихъ мелочный, купеческій духъ. Цицеронъ также говоритъ, что „купцы лишь обманываютъ и не приносятъ никакой пользы“. Уже то обстоятельство, что Меркурій считался въ древности въ одно и то же время покровителемъ купцовъ и воровъ, доказываетъ, что понятіе о пользѣ и достоинствѣ коммерческаго класса не было высокое. Такіе предразсудки сохранялись и въ позднѣйшее время, какъ видно, между прочимъ, въ средневѣковой исторіи по страшной ненависти, господствовавшей въ обществѣ вообще противъ Жидовъ, занимавшихся торговлею. Лютеръ замѣчаетъ: „Занятія торговою мѣною, съ цѣлью выигрыша при этомъ съ чаѣ, не можетъ считаться дѣломъ любви, а просто заслуживаетъ

названія воровства. Каждый купецъ, дающій деньги въ заемъ на проценты, долженъ считаться мошенникомъ, достойнымъ висѣлицы; я называю лихоимцемъ cadaго, получающаго 5—6 процентовъ". Изъ этого слѣдуетъ, что Лютеру приходилось бы повѣсить въ настоящее время почти всѣхъ купцовъ. Въ этомъ же духѣ разсуждали такіе просвѣщенные люди, какъ Дантъ, Меланхтонъ и Шекспиръ о купцахъ и о взиманіи процентовъ при ссудахъ деньгами. Меньшинство ученыхъ того времени, къ которому принадлежалъ Кальвинъ, считало взиманіе процентовъ займодавцами столько же справедливымъ, какъ взиманіе платы за наемъ квартиры. Между тѣмъ какъ каноническое право строго запрещало въ принципѣ взиманіе процентовъ при ссудахъ деньгами, верхнеитальянскія республики считали такого рода коммерческія операціи совершенно согласными съ началами нравственности и религіи. Такое различіе мнѣній содѣйствовало упорной борьбѣ между папой и этими государствами, въ которыхъ политика находилась въ самой тѣсной связи съ торговлею.

И въ XVIII столѣтіи, въ эпоху развитія литературы просвѣщенія, мнѣнія на этотъ счетъ расходились. Кольберъ во Франціи рѣшительно объявилъ, что занятія торговлею нисколько не унижаютъ достоинства дворянскаго сословія; но Монтескье былъ такого мнѣнія, что участіе дворянъ въ коммерческихъ операціяхъ несовмѣстно съ характеромъ настоящей монархіи. Дженовези долженъ былъ доказывать весьма подробно, на основаніи историческихъ данныхъ, что подобное мнѣніе должно считаться суевѣріемъ.

Что же касается до пользы торговли для государства, то фیزیократы отрицали совершенно производительную силу торговли, меркантилисты придавали торговлѣ, въ особенности внѣшней, чрезмѣрное значеніе, а социалисты въ XIX вѣкѣ опять-таки нерѣдко выражались съ презрѣніемъ и ненавистью о вредѣ, причиняемомъ купцами всему обществу.

Мы видѣли, что тѣ писатели о торговлѣ въ XVIII вѣкѣ, съ которыми мы сравнивали Посошкова, имѣли чрезвычайно высокое понятіе о значеніи ея для государства и общества. Посошковъ, раздѣлявшій меркантильныя воззрѣнія такихъ людей, какъ Уальтеръ Ралей и Питеръ де-ля-Куръ, считалъ торговлю чуть ли не самымъ важнымъ дѣломъ въ государствѣ „Торгъ великое дѣло! „говоритъ онъ“. — Надобно судьямъ всѣмъ о купцахъ попеченіе имѣть неоскудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того

ради подъ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожество бѣ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодъ бы несли со усердіемъ“. Въ другомъ мѣстѣ Посошковъ замѣчаетъ: „И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воишетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ, уготовляетъ. И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть; яко бы душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пребыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служилыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что не ставятъ и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человекъ не потребенъ былъ бы“¹⁾.

Посошковъ былъ правъ, требуя болѣе гуманнаго обращенія съ купцами въ Россіи. Особенно чиновники весьма часто преслѣдовали коммерческое сословіе и этимъ самымъ, дѣйствительно, причиняли значительный вредъ народному богатству. Человекъ съ состояніемъ долженъ былъ находиться въ непрерывномъ страхѣ за свое имущество, потому что оно было постоянною цѣлью для людей, хотѣвшихъ поживиться на чужой счетъ, а такихъ людей было много²⁾. Англичанинъ Джонъ Перри, жившій нѣсколько лѣтъ именно въ эпоху Посошкова въ Россіи между людьми промышленнаго и коммерческаго класса рисуетъ намъ весьма мрачную картину варварскаго обращенія чиновнаго люда съ капиталистами скромныхъ сословій. Именно такому произволу въ администраціи, такому невниманію къ народно-экономическимъ интересамъ, систематическому грабежу, которому обыкновенно подвергались люди съ состояніемъ, Перри приписываетъ неудовлетворительное состояніе промышленности и торговли въ Россіи. „Въ Англіи и другихъ городахъ“, замѣчаетъ Перри, — „всѣ поощряются къ труду и производству, къ занятіямъ торговлей и разными предпріятіями, въ Россіи же боярская

¹⁾ Соч. Пос., I, 6 и 112.

²⁾ Соч. Ист., Рос., IX, 414.

администрація является игомъ, подъ которымъ страдаютъ люди работающіе, и которое до того вредить торговлѣ, что и подданные, и самъ государь не могутъ сдѣлаться богатыми“. Особенно прибыльщиковъ Перри считалъ весьма опаснымъ для народнаго благосостоянія элементомъ, такъ что многіе изъ простолюдиновъ, нажившіе себѣ нѣкоторое состояніе, зарывали деньги въ землю и показывали видъ крайней бѣдности, чтобы не навлечь на себя вниманіе финансовыхъ чиновниковъ, всюду иссавшихъ источниковъ для обогащенія казны. Такимъ образомъ, говоритъ Перри, многіе люди, способные заниматься какою-либо отраслю промышленности, остаются праздными; такимъ образомъ значительные денежные капиталы, необходимые для торговыхъ оборотовъ, не приносятъ никакой пользы¹⁾. Не даромъ Посошковъ сожалѣлъ, что въ то время какъ „въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ“, въ Россіи „боаре не ставятъ купечество не въ яичную скорлупу“.

За то Посошковъ требовалъ, чтобы правительство всячески поддерживало купечество и законами, и матеріальными средствами. Такъ, наприимѣръ, онъ замѣчаетъ во главѣ о купечествѣ: „А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже аще которой человекъ проча себѣ и дѣтямъ своимъ построить палаты, и аще онъ построилъ ихъ и одолжась, а сосѣды и клеветы его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любить и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную чинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть діавольская ненависть; за что бы было надлежало ему польготить, потому что онъ, строя палаты, изубытчился, а они вмѣсто льготы нападутъ на него съ разореніемъ. А мнится: не худо бы и царскимъ указомъ сіе подтвердить, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построившимъ палаты въ царскихъ поборахъ давать льготы и тѣ льготныя лѣта въ службы никаковы не выбирать бы, дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бы иные тцатися палаты строить“. Въ концѣ главы „о купечествѣ“ Посошковъ пишетъ: „И хорошо бы въ купечествѣ то учинить, чтобы всѣ другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ царскія бы сборныя казны, изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человекъ въ убожество великое отъ

¹⁾ Перри, нѣмецкій переводъ, стр. 388, 397, 406 и слѣд.

какого своего упадка не входилъ. И еще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣютъ, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ расширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе благословляя благословить, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе ¹⁾.

Мы уже знаемъ, что Посошковъ былъ сторонникомъ регламентаціи и считалъ на каждомъ шагу необходимымъ полицейскій надзоръ, административныя мѣры, вмѣшательство въ частныя дѣла правительственныхъ органовъ. Такъ и въ видахъ поощренія торговли онъ предлагалъ разныя бюрократическія учрежденія. На этотъ счетъ онъ не раздѣлялъ мнѣній представителей западно-европейской торговли, утверждавшихъ, что торговля прежде всего нуждается въ свободѣ. Уже въ то время встрѣчается мнѣніе, что правительство не должно столько заботиться о торговлѣ, и что для послѣдней полезнѣе всего предоставить ее самой себѣ и избѣгать всякаго рода стѣсненій. Въ Англіи Давенантъ въ XVII столѣтіи замѣтилъ, что процвѣтаніе торговли обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ многихъ законовъ о ней; Нортъ утверждаетъ, что ни одинъ народъ еще не сдѣлался богатымъ посредствомъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ ²⁾. Физиократы своимъ принципомъ: „laissez faire, laissez passer“, были въ этомъ отношеніи противниками меркантилистовъ, требовавшихъ сильной опеки правительства надъ торговлей и промышленностью. Уильямъ Темплъ одну изъ главныхъ причинъ процвѣтанія торговли въ Голландіи видѣлъ въ либеральныхъ учрежденіяхъ этой страны и въ религиозной терпимости, вслѣдствіе которой въ Амстердамѣ и Роттердамѣ Евреи имѣли свои синагоги, и мирно и дружно жили вмѣстѣ анабаптисты, арминіанцы, кальвинисты, католики и пр. Питеръ де-ля-Куръ также требовалъ освобожденія торговли отъ многихъ преградъ, замѣчая: „Торговля хочетъ быть свободною; пусть каждый купецъ покупаетъ то, что ему кажется выгоднымъ, пусть промышленники производятъ любые товары по своему усмотрѣнію“, и пр.

Кильбургеръ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, сравниваетъ торговлю съ птичкою въ рукахъ человѣка. Если человѣкъ жметъ птичку слишкомъ сильно, то она должна умереть,—если

¹⁾ Соч. Пос., I, 128, 132.

²⁾ Roscher, Zur Gesch. d. engl.-Volkswirtschaftslehre, стр. 114 и 91.

онъ дастъ ей слишкомъ много свободы, она улетитъ ¹⁾. Посошковъ, какъ мы знаемъ, хотѣлъ подвергнуть всѣхъ купцовъ строжайшему надзору. Такъ, напримѣръ, онъ предлагалъ раздѣленіе всѣхъ купцовъ на классы, смотря по оборотамъ ихъ коммерческихъ операций, и опредѣленіе для каждаго разряда купцовъ особеннаго костюма. Посошковъ былъ сторонникомъ весьма строгаго раздѣленія всего общества на сословія. Такъ, напримѣръ, онъ протестовалъ противъ участія другихъ классовъ общества въ торговыхъ дѣлахъ. Въ началѣ главы „о купечествѣ“ онъ пишетъ: И такъ купечество годствуетъ блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ инопчинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами наполнились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали. Егда бо торгъ данъ будетъ русскому купечеству свободный, чтобъ не токмо инопчинцы, но и инопземцы въ торгу русскимъ людямъ помѣшательства нималаго бѣ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошрины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ разночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина. Бude кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить и записаться въ купечество, и промышленать уже прямымъ лицомъ, а не приказомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа не мало таять“. Затѣмъ Посошковъ указаніями на разныя изреченія Священнаго Писанія и на пословицы старается доказать, что никто не можетъ и не долженъ участвовать въ торговлѣ, не будучи купцомъ. Такое ограниченіе кажется ему главнымъ условіемъ благоденствія купческаго сословія. „Аще не учинить о семь предѣла, „замѣчаетъ онъ“, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ, и вотчинныхъ людей, и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатится купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножится

¹⁾ *Büschings Magazin*, III, 248.

не отъ чего будетъ. А еще Господь Богъ у насъ въ Россійскомъ царствѣ устроить сиче: еже судьи и всѣ правители будутъ кѣждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, но токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ въ купечество не вступати же и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пендися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пендися бы о своихъ приказныхъ дѣлахъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣліемъ, а въ купечество ити не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы“. Особенно о крестьянахъ Посошковъ говоритъ подробно, что имъ не слѣдуетъ участвовать въ торговыхъ операціяхъ, не вышедъ изъ крестьянскаго сословія и не записавшись въ купцы. Онъ самъ „крестьянинъ села Покровскаго“, пересталъ быть крестьяниномъ и принадлежалъ къ промышленному сословію. Съ крестьянами онъ совѣтуетъ обращаться строго: „А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши ванималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы“. Если же крестьянинъ купить съ этою цѣлью хотя бы и осьмину, то онъ долженъ заплатить штрафу во сто разъ болѣе, при чемъ доносчикъ получаетъ десятую часть пени.

Предлагая столь строгія мѣры, Посошковъ ожидаетъ хорошихъ результатовъ въ двухъ отношеніяхъ. Впервыхъ, онъ полагаетъ, что устраненіе чрезмѣрной конкуренціи другихъ сословій въ дѣлахъ торговли послужитъ важнымъ условіемъ обогащенія купцовъ, а далѣе, онъ не сомнѣвается въ весьма значительномъ умноженіи доходовъ казны чрезъ такия мѣры. Въ отношеніи къ послѣднему обстоятельству онъ сообщаетъ слѣдующія довольно любопытныя данныя. „Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ, и офицеры, и солдаты, и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ беспошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имени множество привозятъ беспошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралася, да и собрать ее не мочно, еще не отставить во всемъ торгу отъ господъ и отъ служащихъ людей, потому что привоснулись торгу лица сильныя, а кои несильны, то магистрату не подсудны. Я о семъ совершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои то гуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И еще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дво-

ране за нихъ вступатся, и чуть живыхъ оставить, и на то смотря, никакіе дѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгѣ. И если все сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится“¹⁾.

Дѣйствительно, всѣ сословія въ Россіи были весьма склонны къ участию въ торговлѣ. Самъ царь былъ главнымъ купцомъ въ государствѣ, и его агенты и приказчики занимались всюду покупкой и продажей разныхъ товаровъ. Многіе товары были даже монополіей казны. Иностранные послы, посѣщавшіе Россію, удивлялись тому, что и высшее дворянство покупало и продавало разные товары, участвовало въ большихъ коммерческихъ предпріятіяхъ и этимъ наживало себѣ большія деньги. Не смотря на строгое запрещеніе воеводамъ, въ XVII вѣкѣ, участвовать въ коммерческихъ дѣлахъ, они, совершенно также какъ и стрѣльцы, казаки, служилые люди, тайкомъ присоединялись къ торговымъ операціямъ разныхъ товариществъ. „Всѣ Русскіе любятъ торговлю“, замѣчаетъ Кильбургеръ въ 1672 году; и до настоящаго времени множество крестьянъ предпочитаетъ занятіе мелочною торговлей сельскому труду. Участіе всѣхъ сословій въ торговлѣ дѣйствительно усложняло надзоръ правительства надъ коммерческими дѣлами. Утайка пошлннъ была дѣломъ весьма легкимъ для людей, не записанныхъ въ купеческое сословіе, но и сами купцы, какъ мы знаемъ изъ многихъ примѣровъ, удивительно искусно занимались контрабандною торговлею. Посошковъ, сторонникъ правительства, защитникъ казеннаго интереса, желаетъ введенія болѣе строгаго контроля, и потому считаетъ необходимымъ ясное и опредѣленное отношеніе купческаго класса къ правительству. На этотъ счетъ онъ вполне раздѣлялъ мнѣніе правительства, которое въ разныхъ указахъ высказалось объ этомъ предметѣ совершенно сходно съ предложеніями Посошкова. Такъ, напримѣръ, въ 1699 году состоялся боярскій приговоръ: „которые люди государевы и патриарши, и монастырскія, и помѣщиковы крестьяне похотятъ жить для торговыхъ своихъ промысловъ на Москвѣ, и имъ велѣно по купечеству записываться въ слободы, гдѣ кто похочетъ, и всякія его государевы подати платить и пр.“²⁾. Гораздо строже именной указъ того же года (24-го ноября), въ которомъ сказано, что многіе разныхъ чи-

¹⁾ Соч. Пос., I, 113—116.

²⁾ П. С. З., № 1666.

новъ люди торгуютъ въ лавкахъ „и отъѣзжими торгами, и тѣмъ у посадскихъ людей промыслы отнимаютъ“; о крестьянахъ тутъ прямо сказано, что имъ слѣдуетъ „никакими торгами никогда не торговать, и промысловъ никакихъ не держать, и въ лавкахъ не сидѣть, а жить за помѣщики“¹⁾. Еслибы такъ строго было поступлено съ Посошковымъ самимъ, то ему едва ли удалось бы занять то мѣсто въ промышленности и литературѣ, какое онъ занялъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ имѣлъ возможность промыслять разными способами помимо настоящихъ крестьянскихъ, сельскихъ работъ. Въ указѣ 1709 года также сказано, что люди, не записавшіеся въ купцы и занимающіеся торговлею, „торгами своими у посадскихъ людей промыслы отымаютъ“. Изъ указа 1714 года видно, что правительство при такихъ распоряженіяхъ руководствовалось главнымъ образомъ финансовыми распоряженіями²⁾.

Впрочемъ, правительство, сообразно съ желаніями Посошкова, старалось защитить коммерческое сословіе отъ обидъ, причиняемыхъ ему приказными и военными людьми. Иногда оно грозило наказаніемъ чиновникамъ, которые безъ основанія станутъ притѣснять купцовъ³⁾; такъ, въ указѣ 1700 года даже велѣно въ случаѣ жалобъ солдатъ на торговыхъ людей въ „брани и безчестьѣ“, „въ тѣхъ искѣхъ имъ отказывать и розыску не чинить“⁴⁾. Правительство, какъ кажется, желало умножить торги слѣдующимъ указомъ, уже вовсе несогласнымъ съ видами Посошкова. Въ 1711 года. Правительствующій сенатъ приговорилъ: „всякаго чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невобранно своими именами и съ платежѣмъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ; а подъ именами торговыхъ людей утайкою отнюдь никому не торговать“⁵⁾.

Нѣсколько разъ Посошковъ, говоря о вопросахъ, относящихся къ торговлѣ, жалуется на отсутствіе честности въ купеческомъ сословіи въ Россіи. Изъ наставленій сыну въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ можно видѣть, что продѣлки купцовъ были весьма частымъ и распространеннымъ явленіемъ. Тамъ сказано: „Аще же вступиши въ купече-

¹⁾ П. С. З., № 1723. Изъ указа № 1775, Впрочемъ, видно, что такіа распоряженія легко могли повести къ разнымъ лишнимъ притѣсненіямъ, по крайней мѣрѣ правительство въ подобныхъ случаяхъ грозить бурмистрамъ пеней.

²⁾ П. С. З., № 2770.

³⁾ П. С. З. № 1764.

⁴⁾ П. С. З. № 1785.

П. С. З. № 2433.

ство, то въ словѣ своемъ буди твердъ яко недвижимый камень; аще сторгуеши себѣ новый товаръ и выше настоящія цѣны, уже возми его, и аще и великая тѣста отъ него тебѣ будетъ, обаче слова своего не мочи измѣнити, и у расплаты денегъ изъ договорныя цѣны не отворачивай, и восплатю не волочи. Паки аще за какую цѣну и свой товаръ съ кѣмъ помолвиши, а послѣди того твоего слова, инъ человекъ будетъ ти аще и сугубый прибытокъ давати, не моя слова своего измѣнити: но отдаждь тому, съ кѣмъ ты прежде слово молвилъ, и цѣны уже не измѣняй: но на чомъ слово свое поставилъ, на томъ и стой, и аще тебѣ повидится и скорбно, еже проронилъ у себя много, обаче въспять не обращай^а, и пр. Затѣмъ слѣдуютъ разныя разсужденія о правдѣ и лжи, а затѣмъ сказано: „И ради правды и вѣсы у себя имѣй самыя правыя и вѣрныя, дабы въ нихъ не было ни малыя неправды. Такожде и въ мѣрахъ во всякихъ, яко въ хлѣбныхъ и питейныхъ; тако и въ локотныхъ,—всѣ бы у тебѣ были правыя, и чтобы въ нихъ не было ни малыя неправды, и въ какову мѣру что примеши, въ таковую жъ и отдавай, а другихъ мѣръ неправыхъ отнюдь у себя не имѣй..... „И товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми и заврасы въ товарахъ своихъ ни малыя не чини: но каковъ есть, таковъ бы и былъ весь, и чужова товара добраго не нарицай худымъ..... А буде же кой купецъ придетъ къ тебѣ и положитца на тебя въ выборѣ товару твоего, то самый лучший выбери ему, а аще же и въ цѣнѣ положитца на тебя кто, то не моги ты болшаго барыша съ него взять. Такожде аще кто придетъ къ тебѣ отъ малыхъ отрочать: то не моги ты болшаго барыша съ него взять... А аще какой товаръ продаси обманомъ, и ипаче же не знающаго человека обманеши, то по закону провѣстію подпадеши... неправда отъ діавола: а правда отъ самаго Бога^а, и пр. ¹⁾).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ Посошковъ прямо говоритъ, что ложь и обманъ въ русской торговлѣ могутъ считаться общимъ правиломъ. „Купечество у насъ въ Россіи“, пишетъ онъ,—„чинится вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидать, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую^а и пр. ²⁾“. Въ главѣ „о купечествѣ“ сказано: „А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть не-

¹⁾ Отеч. Зав., 189—192.

²⁾ Соч. Пос., I, 5.

правъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ. Товары яже иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены и содѣланы плохіе, а иные товары и саміе плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрыя, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ велики изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправого порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся. А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадають и въ убожество выщее приходятъ, и тако вси отончиваютъ. А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда установилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристойству товару, прямую, настоящую, почему коему товару цѣна положена, излишніа бѣ цѣны ни у коего товара не то, что взять, но и не припрашивали бѣ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бѣ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ“.

Противъ этого зла Посошковъ предлагаетъ весьма сильныя средства, совершенно сходныя съ приѣмами тогдашней администраціи, но едва ли вполне цѣлесообразныя: „И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать аще: сотской, такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какою товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямо ль отвѣсилъ или обмѣривъ, и товаръ доброй или плохой и настоящую ль цѣну взялъ. А буде взялъ цѣну не противу настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьюми, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ; а буде другой разъ такъ же учинитъ, то доправитъ штрафу сугубо, и наказаніе учинитъ сугубоежъ. А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому жесточае чинитъ наказаніе, и штрафъ противу товарныя цѣны взять десятикратно. А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотской или пятидесятской

или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ 10 мѣрь, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣрь, а на сотскомъ во 100 мѣрь, и наказаніе чинить кнутомъ, по колико ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятниамъ инструкціи съ великимъ подерѣвленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они каковому десятнику понаровке нисколько не чинили, и плохо бы сего не вляли, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ.... И самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ вѣсовымъ и локотнымъ положить цѣна установленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней. А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафъ и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе, не отлагая до иного дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафъ, записывали бѣ въ закрѣпленную книгу и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую“ и пр. ¹⁾).

Такого рода средства уже употреблялись правительствомъ при разныхъ случаяхъ, и безуспѣшно. Ватоги, плеть и кнутъ, страшныя денежные пени,—все это едва ли могло помочь нравственному недостатку, встрѣчаемому въ русскомъ купечествѣ и давно извѣстному западно-европейскимъ купцамъ, посѣщавшимъ Россію. Такъ, напри- мѣръ, Герберштейнъ отзывался весьма невыгодно о московскихъ торговыхъ людяхъ. Онъ пишетъ подробно о хитрости и обманѣ, о разныхъ продѣлкахъ русскихъ купцовъ. „Покупая иностранныя товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину и этия поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе и въ недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь въ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже, такъ что иная вещь стоитъ имъ самимъ одинъ червонецъ, а они продаютъ за 5, 10, даже за 20 червонцевъ, хотя и случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 гульденовъ какую-нибудь вещь, которая стоитъ одинъ гульденъ или два. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности подхватываютъ и настойчиво требуютъ исполненія обѣщанія, а сами, если обѣщали что-либо въ свою очередь, не исполняютъ своего обѣщанія. Если они начнутъ божиться или клястися, то знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлію

¹⁾ Соч. Пос., I, 116—119.

обмануть... Есть у них обычай ставить себя посредникомъ между продавцомъ и покупателемъ и взявъ подарокъ особо, и съ той, и съ другой стороны, обоемъ обѣщать свое содѣйствіе¹⁾. Олеарій также пишетъ, что Московитяне купцы высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это—даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, приобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ въ себя въ товарищи, въ надеждѣ поучиться его искусству²⁾. Разные примѣры обмановъ приводитъ въ своемъ сочиненіи о русской торговлѣ и Кильбургеръ. Такъ русскіе купцы употребляли при продажѣ поташу и сала бочки столь толстаго дерева, что покупатели обыкновенно терали при этомъ случаѣ около 8⁰/₀. Къ бобровой шерсти они примѣшивали жиръ, муку, бѣлило, желѣзные опилки и волосы другихъ животныхъ, напримѣръ, зайцевъ и кошевъ. Нѣмецкіе купцы жаловались на сильныя потери вслѣдствіе такихъ обмановъ, а во Франціи совершенно былъ запрещенъ привозъ этого товара изъ Россіи. Такіе же обманы дѣлались и относительно мускусу и ревеню³⁾. Петрей также приводитъ разные примѣры лукавства и грубаго обмана, весьма часто встрѣчаемыхъ въ русскомъ купечествѣ⁴⁾. Правительство весьма хорошо понимало, что такая нечестность въ Русскихъ должна была лишити довѣрія русскіе товары за границую, и старалось полицейскими распоряженіями дѣйствовать противъ этого зла. Такъ, напримѣръ, въ 1716 году Петръ Великій приказалъ объявить всенародно: „Понеже происходятъ жалобы отъ англійскихъ купцовъ, что русскіе купцы въ бракованіи пеньки чинятъ обманы, въ средину доброй вкладутъ не только худую и гнилую, но и каменья, и такъ ихъ продаютъ; того ради подтверждать жестокими указами, чтобъ впредь отнюдь того чинить не дерзали, подъ опасеніемъ живота и лишеніемъ всего имѣнія, дабы впредь о томъ никакія жалобы не происходили, и ежели кто съидется въ такомъ воровствѣ послѣ и та-

¹⁾ *Herberstein* въ сборникѣ: *Historiae ruthenicae scriptores exteri*, I, стр. 41.

²⁾ См. у *Ключевскаго*, 258.

³⁾ *Kilburger*, 260—264.

⁴⁾ См. *Petreyus*, *Historien und Berichte von dem Grossfürstent. Muschkow*. стр. 615.

вовых казнить смертію, а которые то учинили прошедшаго года и тѣхъ сыскавъ и послать на каторгу вѣчно, учиня имъ наказаніе“¹⁾.

Такіе случаи обмановъ соотвѣтствуютъ низкой степени культуры тогдашняго русскаго купечества. Лютеръ, вѣроятно, имѣя въ виду подобнаго рода обманы со стороны нѣмецкихъ купцовъ, замѣтилъ, что купцы гораздо хуже разбойниковъ: разбойникъ занимается разбоемъ и грабежемъ только развѣ по нѣскольбу разъ въ годъ, купецъ же грабитъ и воруетъ въ продолженіе круглаго года²⁾. Поэтому онъ и предлагалъ по возможности усиливать сельскій трудъ, производство сырыхъ продуктовъ и ограничивать число купцовъ³⁾. Посошковъ, сознавая вполне, что купеческому сословію слѣдуетъ исправиться отъ такого нравственнаго недуга, гораздо лучше Лютера понимаетъ пользу торговаго класса для всего общества. Однако Посошковъ не упоминаетъ о вредѣ для русской торговли, заключавшемся въ томъ обстоятельствѣ, что на западѣ, вслѣдствіе такихъ обмановъ, неохотно покупали русскіе товары. Для него, быть можетъ, еще недостаточно ясно было то правило, что купецъ-обманщикъ, лишая себя довѣрія покупателей, этимъ самымъ тормазитъ ходъ своей коммерческой дѣятельности. Напротивъ того, правительство, обнародывая указы въ родѣ вышеупомянутаго о пенькѣ, такъ сказать, стыдилось за русскихъ купцовъ предъ западною Европою и ясно сознавало коммерческую выгоду честнаго веденія торговыхъ дѣлъ. Однако ни Посошковъ, ни Петръ не думали о мѣрахъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, какъ о лучшемъ, хотя и медленно дѣйствующемъ средствѣ исцѣленія нравственнаго недуга русскаго купечества; оба они надѣются на достиженіе желанной цѣли путемъ строгихъ наказаній, бдительнаго надзора, опеки и регламентаціи. На каждомъ шагѣ, по мнѣнію и крестьянина-публициста, и монарха-преобразователя, нужно было обращаться съ публикою, какъ съ несовершеннолѣтними. Убѣжденіе Петра въ отношеніи къ промышленности и торговлѣ: „нашъ народъ, яко бы дѣти“, совсѣмъ не походило на убѣжденіе его знаменитаго современника, философа Вольфа, утверждавшаго, что купцамъ, какъ болѣе всѣхъ другихъ заинтересованнымъ въ торговлѣ, должно предоставить полную свободу, ибо торговля будетъ всегда процвѣтать

1) П. С. З., № 3005.

2) Roscher, Gesch. d. N. Osk. in Deutschland, стр. 60.

3) Тамъ же, 52.

главнымъ образомъ тамъ, гдѣ не существуетъ никакихъ для нея стѣсненій ¹⁾). Посошковъ и Петръ, напротивъ того, считали необходимымъ искусственную организацію торговли, и въ этомъ отношеніи въ ихъ предложеніяхъ оказываются даже нѣкоторыя противорѣчія. Посошковъ говорилъ о „свободѣ“ торговли, а въ тоже время предлагалъ множество стѣснительныхъ мѣръ и этимъ доказывалъ, что не понималъ изреченія воздвѣйшаго экономиста Лоца: „ubi libertas, ibi divitiae“ ²⁾). Искусственная система надзирателей надъ купцами, сотскихъ, пятидесятичювъ, десятичювъ, предлагаемая Посошковымъ, быть можетъ, имѣла бы нѣкоторую выгоду для покупателей, которые были бы защищены такимъ образомъ отъ чрезмѣрнаго произвола и отъ разныхъ продѣловъ купцовъ; за то для послѣднихъ такія учрежденія представляли бы собою множество опасностей, стѣсненій: тутъ являлся просторъ для произвола именно надзирателей и чиновниковъ. Самъ же Посошковъ желалъ избавить купцовъ отъ угнетеній чиновнаго люда, а между тѣмъ предлагаемыя имъ мѣры могли, при исполненіи, легко имѣть печальныя слѣдствія, создавая множество случаевъ подкупа, произвола, насилія „волокиты“ и т. д.

Именно во время Петра Великаго, какъ намъ извѣстно, случаи безсовѣстнаго обращенія чиновниковъ и судей съ купцами бывали частыми; такъ, на примѣръ, Волинскій, губернаторъ Астраханскій, до того притѣснялъ купцовъ, что, какъ разказываетъ Нестеровъ, „лишь купцы, отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерію, въ извозчики и воротники“, и т. д. ³⁾). Богатый купецъ Богомоловъ, какъ видно изъ подробнаго разказа его вѣта, безъ всякой вины съ своей стороны, былъ лишенъ своего имущества, страшнымъ насиліемъ князя Сергѣя Борисовича Голицына, такъ что обобранный до ниточки, умеръ отъ горести бѣльцомъ въ Богоявленскомъ монастырѣ ⁴⁾). Еще болѣе вопіющимъ фактомъ было преслѣдованіе богатаго и опытнаго въ дѣлахъ купца Соловьева въ Амстердамѣ, котораго послѣ пытки и лишенія имущества самъ Петръ

¹⁾ Roscher, N. Ock. in Deutschland, стр. 355.

²⁾ Тамъ же, 669.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XVI, 216.

⁴⁾ Тамъ же, XVIII, 169.

призналъ невиннымъ, однако не возвратилъ ему конфискованнаго имущества ¹⁾):

Въ продолженіе вѣковъ, замѣчаютъ нашъ почтенный историкъ С. М. Соловьевъ, служилое сословіе привыкло непосредственно кормиться на счетъ промышленнаго народонаселенія; самоуправленіе, данное Петромъ, застало врасплохъ, и посадскіе люди вели себя въ этомъ отношеніи очень неразумно; исправленіе обязанностей самоуправления казалось лишнею тягостью; богатые тѣснили бѣдныхъ и заставляли ихъ жалѣть о воеводахъ; служилый человѣкъ презрительно относился въ промышленному человѣку и позволялъ себѣ на счетъ его всякаго рода насилія. Главный магистратъ представилъ длинный списокъ купецкихъ людей, которые были захвачены разными вѣдомствами и судебными мѣстами, и не смотря на прошемерію главнаго магистрата, ни сами они, ни ихъ дѣла не были пересланы въ это учрежденіе и нѣкоторые изъ нихъ умерли въ жестокомъ заключеніи, ²⁾). Сами купцы обижали другъ друга. „Купечество“, писалъ Нестеровъ, — „въ Москвѣ и городахъ само себѣ повредило и повреждаетъ: сильные на маломочныхъ налагаютъ поборы несносныя, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ, отъ чего маломочныя въ большую приходятъ свудость и безторжигу“ и т. д. ³⁾). И все это уже было съ давнихъ поръ вѣроенившимся зломъ. Не даромъ уже Крижаничъ за шестьдесятъ лѣтъ до Носовикова требовалъ: „Треба бы дать слободину торговцемъ земскимъ или ти посадникомъ, и волюемъ и всякимъ овладникомъ: да имъ будетъ волюно всегда, и для всякія причины, предъ державниками явно тужить ся и свѣдочать и челобитіе немедленно въ Москвѣ слать, супроть державникомъ кои бы хотѣли превратить доберь законъ и добро тешине земскаго торговства“ ⁴⁾). Правительство весьма хорошо знало, что купцовъ обижаютъ весьма часто. Въ 1711 году правительствующій сенатъ велѣлъ по градскимъ воротамъ, на гостиномъ дворѣ и въ рядахъ прибить листы такого содержанія: „Купческаго чина людямъ, буде въ купчествѣ ихъ есть въ чемъ гдѣ какая обида, и тѣ бѣ

¹⁾ См. соч. Барновича, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, стр. 183.

²⁾ Соловьевъ, XVIII, 166.

³⁾ Тамъ же, XVI, 216.

⁴⁾ Крижаничъ, I, 29.

донесли о томъ въ канцелярію правительствующаго сената⁴⁾. Однако, этимъ еще нельзя было помочь общему злу. И Посошковъ, и правительство находились въ странномъ положеніи. Искренно желая устранить недостатки, защитить и купцовъ, и публичку отъ обидъ и „неправды“, стараясь всюду проводить реформы, и Посошковъ, и правительство усложненіемъ административныхъ, полицейскихъ учреждений и отправленій рождали новыя стѣсненія, новыя преграды болѣе успѣшному развитію народно-экономической дѣятельности. Лѣкарство создаетъ новыя болѣзни. Тѣ, которымъ поручается надзоръ, должны сами находиться подъ надзоромъ. Тѣ, которые наказываютъ, часто сами достойны наказанія.

Прочія мысли Посошкова относительно промышленности.

Посошковъ не имѣлъ основанія быть особенно довольнымъ состояніемъ промышленности въ Россіи. Промышленность сосредоточивалась не столько въ среднемъ, городскомъ сословіи, какъ было на западѣ, сколько въ рукахъ низшаго класса сельскаго населенія. Ремеслами занимались, какъ и до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ, крестьяне. Сельскій трудъ едва ли гдѣ-нибудь находился въ столь тѣсномъ соединеніи съ промышленнымъ трудомъ, какъ въ Россіи. То обстоятельство однако, что промышленность была дѣломъ мужиковъ, между тѣмъ какъ посадскіе люди занимались охотнѣе торговлею, тѣмъ ремеслами, имѣло слѣдствіемъ, что ни общество, ни государство не обращали особеннаго вниманія на эти занятія, которыя не были поддерживаемы болѣе значительными капиталами и не пользовались уваженіемъ публички.

Между тѣмъ Русскіе считались весьма способными въ промышленному труду, и въ настоящее время состояніе устарѣлой промышленности доказываетъ, что простолюдины въ Россіи отличаются необыкновенною ловкостью, расторопностью и умѣlostью. Иностранцы, бывшіе въ Россіи, восхищались нерѣдко этими качествами Русскихъ. Такъ, напримѣръ, полякъ Самуилъ Маскѣвичъ, бывшій въ московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка, пишетъ: „Всѣ русскіе ремесленники превосходятъ, весьма искусны и такъ смышлены, что все, что съ роду не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ мало-

⁴⁾ П. С. З., № 2382.

дѣтства привыкли, въ особенности турецкія вещи: чепраки, збруи, сѣдла, сабли съ золотомъ насѣчкою. Всѣ эти вещи не уступаютъ турецкимъ¹⁾.

Однако, русскіе ремесленники, не пользуясь особеннымъ покровительствомъ правительства, не имѣя стройной организаціи, и не располагая средствами, не могли имѣть особеннаго успѣха. Недоставало имъ солиднаго техническаго образованія; не имѣли они того общественнаго, нравственнаго значенія, которое имѣли цехи въ западной Европѣ²⁾.

Цехи.

По мѣрѣ того, какъ городское сословіе въ до-Петровскую эпоху боролось съ страшными затрудненіями, заключающимися, главнымъ образомъ, въ жестокомъ характерѣ администраціи и судопроизводства, города не могли сдѣлаться особенно важными центрами промышленности. Характеризуя безчеловѣчное обращеніе чиновнаго люда съ жителями городовъ, г. Хлѣбниковъ приходитъ къ слѣдующему весьма справедливому заключенію: „Если мы примемъ во вниманіе всѣ приведенныя условія, то для насъ станетъ понятно, что народонаселеніе стремилось не въ городъ, а изъ города“³⁾. Начертивъ устройство и характеръ русскихъ городовъ въ XVII столѣтіи, г. Корсакъ замѣчаетъ: „Наши деревянные, непрочные города имѣли мало притягательной силы для окрестнаго народонаселенія“. На западѣ городское населеніе, окрѣпнувъ въ борьбѣ съ старинными родами, вскорѣ составило свободныя общины со своимъ управленіемъ, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Городскія общины имѣли политическое значеніе, пользовались большими привилегіями въ сравненіи съ сельскими и могли защищать ихъ сами. Въ Россіи же настоящая городская жизнь выразилась только въ тѣхъ немногихъ городахъ, которые, благодаря удобству положенія для торговли или особеннымъ историческимъ условіямъ, сдѣлались главными дѣятелями нашей торговли. За то многіе другіе города были чисто земледѣльче-

¹⁾ Дневникъ Маскѣвича въ Сказаніяхъ иностранцевъ о Самовѣ, V, стр. 54.

²⁾ См. довольно дѣльную монографію: Zur Geschichte der Handwerke in Russland und deren Vergleichung mit den analogisch. Erscheinungen in Deutschland въ журналѣ: *Archiv f. wissenschaftl. Kunde von Russland*, Herausg. v. Erman. Berlin. 1843, III, стр. 246 ff.

³⁾ О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, стр. 290.

скія поселенія: жители другихъ были только чернорабочими въ огородахъ, занимались извозомъ и т. н. Иногда сельскіе жители находили главный сбытъ своихъ ремесленныхъ издѣлій въ городахъ, между тѣмъ какъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жители села Иванова, Владимірской губерніи, получали огородныя овощи лукъ, огурцы и пр., изъ города Суздаля, отстоящаго отъ него на 76 верстъ. Въ большей части случаевъ городскія сословія, если можно ихъ такъ назвать, составляли безразличную массу въ числѣ прочаго народонаселенія страны. Переходя непрерывно изъ города въ село и обратно, находя тамъ и здѣсь почти одинаковыя условія жизни, оно осталось чуждо того духа корпораціи, который былъ столь могущественнымъ орудіемъ успѣховъ гражданственности на западѣ ¹⁾.

Не смотря на все это, ремесла были довольно развиты въ Россіи и до начала XVIII вѣка. Какъ мы знаемъ изъ Домостроя, частное хозяйство каждаго зажиточнаго человѣка представляло собою что-то въ родѣ микрокосма, въ которомъ трудились ремесленники всѣхъ видовъ, такъ что не особенно часто приходилось обращаться за промышленными товарами къ общему рынку. Царское хозяйство, какъ мы знаемъ изъ сочиненія Котошикина, также отчасти имѣло характеръ хозяйства по правиламъ Домостроя. Тутъ было множество мастерскихъ и фабрикъ, доставлявшихъ необходимыя для потребленія двора издѣлія. Зато при производствѣ промышленныхъ продуктовъ для потребленія массы народа замѣтно чрезвычайное раздѣленіе труда, и до нынѣ сохранившееся въ деревняхъ и нѣрѣдко вызывавшее удивленіе путешественниковъ-иностранцевъ, напримѣръ, Гакстгаузена. Уже въ XVII вѣкѣ нѣкоторыя отрасли промышленности сосредоточивались въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Казани были кожевенные заводы; мыло варили въ Костромѣ; производствомъ поташа занимались въ Каргополѣ; войлочные товары дѣлали въ Калугѣ; деревянные ящики — въ Холмогорахъ; мелкія серебряныя вещи — въ Устюгѣ и пр. При всемъ томъ, однако, издѣлія русской промышленности были непрочны; при ихъ производствѣ господствовала рутіна. Вывозъ ихъ за границу въ большей части случаевъ оказывался невозможнымъ вслѣдствіе недоброкачества ихъ.

Нельзя отрицать, что въ западной Европѣ усовершенствованію

¹⁾ Корсажъ, О формахъ промышленности вообще и пр. Москва. 1861, стр. 106—111.

ремесль содѣйствовало значительно устройство цеховъ. Они ожидали на томъ понятіи, что городъ, какъ нравственное цѣлое, долженъ заботиться и объ умственномъ, и о матеріальномъ благосостояніи принадлежащихъ къ нему лицъ. Такимъ образомъ, произошла искусственная организація труда, отчасти даже и потребления. Городское начальство, въ видахъ обезпеченія интересовъ потребителей, наблюдало за добротачественностью товара, опредѣляль способъ производства его и надзираю надъ солиднымъ обученіемъ молодыхъ людей мастерству. Съ другой стороны, такое устройство обезпечивало и производителей. Число послѣднихъ было ограничено: они не могли страдать отъ чрезмѣрной конкуренціи; размѣры производства каждаго мастера часто были ограничены; обнаруживалось стремленіе сохранить нѣкоторое равенство между членами каждой корпораціи ¹⁾. Все это со временемъ измѣнилось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія промышленности фабричной; надзоръ правительства въ отношеніи къ техникѣ труда оказался, съ одной стороны, невозможнымъ вслѣдствіе усложненія самой техники, а съ другой — лишнимъ вслѣдствіе развитія большей самостоятельности публики. Рынки для сбыта промышленныхъ продуктовъ принимали все большіе и большіе размѣры; явились постепененно хорошіе пути сообщенія, кредитныя учрежденія, тѣсная связь между промышленностью и торговлею, такъ что ремесленники въ то же время сдѣлались купцами; большее раздѣленіе труда, ограниченіе домашнего производства продуктовъ промышленности и пр. ²⁾, все это не могло не имѣть слѣдствіемъ отміну цеховаго устройства, состоявшуюся впрочемъ, какъ извѣстно, въ большей частн европейскихъ государствъ лишь въ текущемъ столѣтіи.

Въ то время, когда писалъ Посетшювъ, на западѣ существовали еще въ полной силѣ цеховые порядки. Въ Россіи до того времени ихъ не доставало, хотя нѣрѣдка въ историческихъ источникахъ и упоминается о нѣкоторыхъ отношеніяхъ между мастерами и учениками, сходныхъ съ опредѣленіями западно-европейскихъ цеховъ. Корпораціи ремесленниковъ были извѣстны въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ. Одна изъ лѣтописей разказываетъ, что въ XIV

¹⁾ *Schönberg*, Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter. Berlin, 1868.

²⁾ *Schnoller*, Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19-ten Jahrhundert. Halle, 1870.

вѣкъ, Новгородскій епископъ Василій повелѣлъ расписывать церковь Греху Исаву съ друми; другая, повѣствуя о подобномъ предпріятіи, дѣлаетъ различіе между *старѣйшими*, *начальниками экономическѣ* и *ихъ друскими*. Въ документахъ встрѣчается различіе между „*занисными* и *незанисными мастерами*“¹⁾. Тѣмъ же менѣе, хотя г. Лешковъ и видитъ во всемъ этомъ несомнѣнное доказательство, что въ Россіи съ давнихъ поръ существовали цехи наравнѣ съ западно-европейскими, мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, между прочимъ потому, что русскія артели, какъ говоритъ самъ г. Лешковъ, всегда сохраняли для членовъ свободу вступленія, выхода и перехода, наравнѣ съ другими русскими общинами, и никогда не были замкнутою, исключительною корпораціей запада. Русскія артели, складчины, ватаги²⁾ скорѣе могутъ быть сравниваемы съ ассоціаціями новѣйшаго времени, чѣмъ съ средневѣковымъ учрежденіемъ цеховъ въ Германіи, хотя нѣкоторыя черты состоянія ремесленного класса въ Россіи и имѣютъ кое-какое сходство съ западно-европейскими учрежденіями. Такъ, наприкѣръ, обученіе молодыхъ людей какому-нибудь ремеслу производилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Россіи такимъ же образомъ, какъ обученіе молодыхъ людей за границею.

Правительство, вызывая съ запада иноземныхъ мастеровъ, возлагало на нихъ обязанность учить русскихъ людей ихъ ремеслу. До насъ дошли акты, изъ которыхъ видно, что иноземные мастера, выполняяше эту обязанность съ какимъ-либо видимымъ успѣхомъ, могли право просить прибавку жалованья и получали ее. Такъ, одинъ изъ подобныхъ актовъ говоритъ объ часовщикѣ Анигѣ Кезелѣ, что онъ просилъ и получилъ прибавочное жалованье на томъ основаніи, что въ противность примѣру прежнихъ иноземныхъ часовщиковъ, училъ двоимъ мальчиковъ своему мастерству и съ такимъ успѣхомъ, что одинъ изъ нихъ уже умѣетъ сдѣлать *указные часыки*—первое ученіе, первый курсъ ученія; да и другой скоро тоже сработаетъ. Но преимущественно русскіе ремесленники учились одинъ отъ другаго. Сохранились нѣкоторыя подробности о томъ, какъ это происходило, наприкѣръ, договоръ *объ учебѣ*, заключенный между *серебряникомъ* и *крестьяниномъ*, который отдастъ въ нему „своего сына Анисима, учиться мастерству серебряника на 8 лѣтъ, съ тѣмъ, что мастеръ въ эти годы научить Анисима всему, что

¹⁾ См. *Лешковъ*, Русскій народъ и государство, стр. 368.

²⁾ См. соч. *Балачева*, Артели въ древней и нынѣшней Россіи.

самъ знаетъ". Отецъ обязуется заплатить посадекому за это 20 рублей, да снабжать сына во все время учения бѣльемъ и отвѣчать предъ мастеромъ за поправку, сносъ и другія потери, если сынъ въ томъ виноватъ будетъ. Пить и ѣсть будетъ Анисимъ на счетъ хозяина, равнокѣрно отъ него же будетъ онъ получать верхнее и исподнее платье: „А живучи тому моему сыну Анисиму въ томъ учебномъ промыслѣ быть во всемъ послушну и покорну, и безотвѣтну, дѣлати дѣло безотступно и быть въ послушаніи и покореніи“ ¹⁾ (1684 г.). Во всемъ этомъ, по справедливому замѣчанію г. Корсака, еще нельзя видѣть цеховаго устройства. Никакихъ корпоративныхъ постановленій объ ученіи мастерству, какъ у западныхъ цеховъ, мы не видимъ въ Россіи ²⁾.

Доказательствомъ, что такого цеховаго устройства въ Россіи до Петра, то есть, до двадцатыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка, не было, служатъ выраженное и Крижаничемъ, и Посошковымъ желаніе устройства цеховъ и попытка Петра Великаго подражать западу и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ.

Крижаничъ пишетъ на этотъ счетъ слѣдующее. Говоря о процвѣтаніи промышленности у Венеціанцевъ и Нидерландцевъ, онъ замѣчаетъ о Германіи: „Наиболѣе у Нѣмцевъ цвѣтутъ и въ совершенности стоятъ ремесла. А тому есть причина, что имаютъ нѣкія слободины и законоставія, пристояща къ совершенію ремеслъ. А уставы суть сицевы: 1. Всяко ремесло имаетъ свою дружинну и своего назорника. Тѣ имаютъ слободину или мочь судить между собою распри къ ремеслу пристоящія. То есть, аще ремесленникъ господарь дѣланцу отъ дѣла не заплатитъ или аще другъ друга обезчеститъ. 2. Всякій ученикъ есть повиненъ ученіе свое докончатъ у одного учителя: и служить му даромъ два, три или выще годовъ; какъ есть время отлучено во всякомъ ремеслу. 3. Ученикъ исполнивши ученіе треба есть да возметъ свѣдочество отъ дружинны въ письму: яко есть вѣрно служилъ, время исполнилъ и ремесла ся научилъ. Тогда ся назоветъ товарушъ; и повиненъ есть путовать по градахъ, да увидитъ и да вкуситъ знаніе многихъ иныхъ майсторовъ. 4. Товарушъ, пришедшій въ кій градъ, повиненъ есть явиться назорнику своего ремесла. Назорникъ му укажетъ станъ и обѣститъ братомъ, аще

¹⁾ Лешковъ, 368 и 369.

²⁾ Корсакъ, 111: «Ремесло не имѣло корпоративный, а скорѣе семейный характеръ».

бы кому потребенъ былъ дѣлавецъ: и приметъ го онъ, всему будетъ потребенъ. Аще ли никому не будетъ потребенъ, не дадутъ жу въ ономъ граду жить: но вскорѣ го отправятъ. 5. Когда товарушъ хочетъ постать майстеромъ и держать свою лавку, либо дворъ, и не иному майстеру помогать, но самъ на свою руку дѣлать ремество: тогда мораетъ показать свѣдочество своего ученія и повѣдать объ своемъ путованіи: и мораетъ здѣлать кое нарочито изыщное дѣло во своемъ реместву, кое зовутъ майстерское оказаніе: и майстеры судятъ оно дѣло и ухвалить е. А онъ имъ приправитъ пирь и дастъ нѣколико пѣнявъ въ общую казну, и возьметъ отъ нихъ свѣдочество майстерства въ писму. Тогда можетъ въ своей лавкѣ дѣлать, и на стѣнѣ своего дома вывѣсить доску писану или знамя, да будетъ вѣдомо каковъ реместникъ тамо живетъ“¹⁾.

Какъ видно, Крижаничу, много путешествовавшему по западной Европѣ, были извѣстны самымъ точнымъ образомъ мельчайшія подробности цеховыхъ учреждений. Онъ считалъ ихъ весьма полезными и предлагалъ разныя мѣры, какимъ образомъ слѣдуетъ учить Русскихъ и размѣстить иностранныхъ „майсторовъ учителей въ разныхъ городахъ“²⁾.

Посошмовъ зналъ о цеховыхъ учрежденіяхъ западной Европы лишь по наслышкѣ. Однако то, что онъ зналъ о нихъ, заставляло его желать введенія оныхъ и въ Россіи. Онъ пишетъ: „И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣется у насъ въ Россіи несправно; въ началѣ, егда кой человѣкъ отдается въ ученіе въ мастеру, и поставитъ срокъ, въ которому ему выучиться, и аще мастеръ не скроется и научитъ его скоро, то онъ не доживъ срока и станетъ прочь отбиваться, и отшедь, станетъ дѣлать собою; и аще хуже мастерскаго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ цѣтъ самого добраго мастерства“³⁾.

Вотъ именно, въ чемъ заключалась разница между состояніемъ ученія ремесламъ въ Россіи и цеховыми порядками въ западной Европѣ: въ Россіи срокъ ученія зависѣлъ отъ благоусмотрѣнія каждаго; общихъ правилъ, обязательныхъ для всѣхъ, не существовало. На западѣ, напротивъ того, строго соблюдался извѣстный срокъ уче-

¹⁾ Соч. Крижанича, I, 32.

²⁾ Тамъ же, 32 и 39.

³⁾ Соч. Пос., I, 5.

ніа, требовалось испытаніе учившагося до вступленія въ цехъ и т. п. Подробнѣе Посешниковъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ: „Въ художникахъ еще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлами обогатиться не возможно, ниже славы себѣ доброй получить, но до окончанія вѣка будутъ жить въ скудости и бесславіи. А если бы о нихъ учиненъ былъ гражданскій указъ, если бы имъ изъ самого начала учтиса постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отходить, и не взявъ отпуснаго письма, и послѣ сроку со двора не сходить, то бы всѣ мастера ни въ томъ бездѣльномъ порадѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучася, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну опуститъ, и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ. А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданской указъ такой твердой, что буде кто не доживъ до сроку хотя одинаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человекъ не будетъ добрымъ человекомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпуснаго, нигде его не возьметъ, и того ради у нихъ и мастера добры и похвальны. А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы, не доживъ до сроку и совершенно не научася, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастерамъ добрымъ у насъ не возможно“¹⁾. И далѣе въ другомъ мѣстѣ: „Также и о художественныхъ дѣлахъ гражданскій уставъ надлежитъ учинить, и ежели надъ всякими мастерствами устроить надзирателей, а наипаче надъ иконописцами, и надъ всѣми ими главнаго правителя приставить, и за всѣми мастерами и надзирателями прилежно ему смотрѣть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы всѣ мастера дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно. И во ученіи ихъ уставъ положить недвижимый: еще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какаго учиться, и еще и добръ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказаніе—отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 159—141.

ночью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ идетъ къ командиру своему объявить, и то письмо по обличенію будетъ отставлено, а заступника по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людяхъ указъ состоитъ". И если такъ будетъ устроено, то, какъ ожидаетъ Посошковъ, „и мастерству уже учиться будутъ прилежиѣ, а и мастера будутъ учить ихъ охотиѣ; и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добрѣ, и совершенно выучасъ и взявъ у мастера отпускъ высшему художественныхъ дѣлъ командиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той командиръ опредѣлитъ, еще-ль ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему можно быть мастеромъ, то такъ тому и быть. И еще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумѣ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать командиру съ товарищи и съ мастерами, и еще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полный, чтобъ ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить" ¹⁾.

Есть основаніе думать, что Посошковъ уже и въ „Отеческомъ завѣщаніи“ говорилъ о болѣе солидномъ обученіи ремесленниковъ, но глава „о художествѣ“ въ изданіи г. Попова очевидно не окончена. Трудно предположить, чтобъ Посошковъ въ завѣщаніи, писанномъ для сына, не сказалъ ни слова о необходимости продолжительнаго и правильнаго ученія ремеслу; вѣроятно, что въ спискѣ Завѣщанія, имѣвшемся у г. Попова, есть въ этомъ отношеніи пробѣлъ.

Какъ бы то ни было, и въ отношеніи къ ремесламъ Посошковъ оказывается сторонникомъ опеки, строгаго наблюденія за частными лицами со стороны правительства. Онъ хвалилъ учрежденія западной Европы, которыя уже тогда именно, вслѣдствіе преобладанія въ нихъ чрезмѣрно мелочной регламентаціи, вызывали оппозицію со стороны лицъ просвѣщенныхъ. Такъ, напримѣръ, современникъ Посошкова, извѣстный лейпцигскій профессоръ Томасіусъ, былъ того мнѣнія, что въ Германіи ремесла не развиваются успѣшно вслѣдствіе существованія слишкомъ многихъ правилъ и запрещеній. По его мнѣнію, ремесла и искусства наиболѣе процвѣтаютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ каждому предоставлена полнѣйшая свобода работать совершенно по своему усмотрѣнію и умѣнію ²⁾. Такой либерализмъ,

¹⁾ Соч. Пос., I, 142—143.

²⁾ См. Roscher, Gesch. d. N. Oek. in Deutschland, стр. 346.

напоминающій возрѣнія такъ называемой Манчестерской школы, долженъ считаться въ началѣ восемнадцатаго вѣка исключеніемъ. Такъ, напримѣръ, знаменитый философъ Вольфъ требовалъ, чтобы каждый ремесленникъ былъ подвергнутъ испытанію и доказалъ бы, что знаетъ свое ремесло въ совершенствѣ ¹⁾.

При понятіяхъ, господствовавшихъ въ Россіи относительно главныхъ началъ администраціи вообще, и Посошковъ, и Петръ Великій раздѣляли скорѣе мнѣніе Вольфа, нежели мнѣніе Томазиуса. Въ то самое время, когда писалъ Посошковъ свою главу „о художествѣ“ въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“, въ которой онъ предлагалъ подражать западной Европѣ въ отношеніи къ цеховымъ порядкамъ, Петръ Великій энергично занялся рѣшеніемъ этого вопроса.

Въ „Регламентѣ или уставѣ главнаго магистрата“ послѣднему вмѣняется въ обязанность заботиться о размноженіи „мануфактурн“, то-есть, не только большихъ заводовъ, но и ремеслъ („необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебряники“). Каждое ремесло должно было имѣть „свои особливныя пунфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ), и свои книги, въ которыхъ регулы или уставы, права и привилегіи ремесленныхъ людей содержаны“. Мануфактуръ-коллегіи было поручено составить такіе уставы ²⁾. Все это было начато, „понеже всякое каждаго города изобиліе при Божіей помощи и доброй полиціи, въ началѣ отъ корабельнаго морскаго хода, такожь отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ купечествѣ и искуснаго руководѣлія, собственную свою имѣеть силу и умножительное дѣйство“. Все это однако было лишь началомъ, проэкономъ. Многое зависѣло отъ разработки тѣхъ „регулъ“ или уставовъ для цеховъ. Трудъ былъ продолжительный. Не ранѣе какъ въ апрѣлѣ 1722 года вышелъ именной указъ „о цехахъ“, въ которомъ заключались слѣдующія правила: кто желаетъ вступить въ цехъ, обращается къ старшинѣ цеха; конъ достойны „быть мастерами, тѣмъ давать письма, что имъ быть мастерами, и за ремесленными людьми смотрѣть, дабы всякой свое руководѣліе дѣлалъ добрыми мастерства“. Каждый ремесленникъ обязанъ на свой товаръ положить „свое пятно“, а потомъ приносить для свидѣтельства того мастерства къ старшинѣ, а старшинѣ то сдѣланное буде явится добраго мастерства, пятнать своимъ пят-

¹⁾ Roscher, тамъ же, стр. 353 и 356.

²⁾ П. С. З., № 3708, въ январѣ 1721 года.

номъ... а безъ того отнюдь никому продавать и въ ряды покупать не дерзать“; товаръ негодный уничтожается или конфискуется; за нарушеніе того правила слѣдуютъ разныя наказанія. Старшина, одобрившій негодный товаръ, послѣ „жесточаго наказанія“, ссылается на галеры. Мастера могутъ имѣть подмастерьевъ и учениковъ. Въ отношеніи къ ученикамъ точь въ точь исполнено желаніе Посошкова; въ указѣ сказано: „ученикамъ ранѣе семи лѣтъ не отходить, а по семи лѣтахъ давать свидѣтельствованныя письма и освидѣтельствовать такъ, какъ въ чужихъ краяхъ“. Указъ оканчивается повелѣніемъ и въ столичныхъ городахъ, и въ другихъ „сочинить цехи наискорѣе, немедленно же“¹⁾.

Посошковъ, какъ мы уже иногда имѣли случай видѣть, былъ оптимистомъ. Предлагая довольно сложныя реформы, онъ считалъ исполненіе своихъ предложеній возможнымъ и удобнымъ и часто обманывался въ отношеніи къ тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми правительство, дѣйствуя въ духѣ и направленіи его же мыслей, по необходимости должно было встрѣтиться. На этотъ счетъ весьма полезно прослѣдить за сравнительно медленнымъ успѣхомъ разныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Мы видѣли, что уже въ январѣ 1721 года въ регламентѣ о магистратахъ является мысль о цехахъ. Цѣлымъ годомъ позже, 19-го января 1722 года, встрѣчается такой указъ оберъ-президенту магистрата: „Понеже давно имѣется указъ и регламентъ о исправленіи дѣла вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и такъ въ прочихъ, но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается: того ради симъ опредѣляемъ, что ежели въ Питербурхѣ сихъ двухъ дѣлъ, то-есть, магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы“. Въ то время трудно было приступить такъ скоро къ исполненію предположенія Петра. Даже, какъ видно изъ слѣдующаго обстоятельства, самое учрежденіе западно-европейскихъ цеховъ было мало извѣстно. Въ апрѣлѣ 1722 года, по выходѣ изъ сената, велѣно Дмитрію Соловьеву „учинить съ иностранныхъ учрежденій о цехахъ извѣстіе и внести въ сенатъ“, и Соловьевъ, извѣстный купецъ, жив-

¹⁾ П. С. З., № 3980.

шій долго въ Амстердамѣ, обѣщаль сдѣлать это къ завтрашнему утру ¹⁾).

Не смотря однако на всё такія мѣры правительства, характеръ нашей ремесленности, какъ говоритъ г. Корсакъ въ своемъ сочиненіи „о формахъ промышленности“ ²⁾, въ сущности измѣнился мало. Цехи не имѣли того характера, какимъ они отличались на западѣ. Въ остальныхъ городахъ, кромѣ Петербурга и Москвы, каждый имѣлъ право осѣдлости и могъ заниматься всякимъ ремесломъ. Тамъ, гдѣ были въ значительномъ числѣ иностранцы, они, правда, основали свои цехи, учрежденіе которыхъ однако совершенно было имъ предоставлено. Русскіе ремесленники были въ прежнемъ положеніи. Наибольшее ихъ число состояло изъ крѣпостныхъ, изъ такъ называемыхъ „подлыхъ“ людей, которые отдавались на обученіе нѣмецкимъ мастерамъ, и по окончаніи срока, или должны были работать на своихъ господъ, или получая отъ нихъ паспорта, занимались ремесломъ въ городахъ и платили оброкъ помѣщикамъ. Нѣкоторые могли записываться въ цехъ, но тѣмъ не менѣе оставались крѣпостными. Самые цехи не имѣли никакой правильной организаціи или строго опредѣленныхъ правилъ; каждый могъ свободно въ нихъ записываться. Хорошихъ ремесленниковъ они не произвели; значительные города наполнялись только людьми, которые, работая кое-какъ и занимаясь то тѣмъ, то другимъ промысломъ, записывались въ цехи, чтобъ избавиться отъ земледѣльческихъ работъ ³⁾.

Такимъ образомъ, правительство ограничивалось собираемъ данныхъ о ремесленныхъ и мастеровыхъ людяхъ, требовало строго, но безуспѣшно, чтобы всѣ ремесленники „объявляли о себѣ, кто какого ремесла“ и т. п. ⁴⁾ или въ инструкціи магистратамъ, въ 1724 году, обѣщало особенныя привилегіи тѣмъ, которые заведутъ какую либо „мануфактуру“ и поручало магистратамъ принуждать „гулякъ“ въ „какимъ возможно художествамъ и ремесламъ“ ⁵⁾.

Вскорѣ послѣ смерти Петра относительно магистратовъ произошли въ законодательствѣ существенныя перемѣны. Наконецъ, городовое положеніе Екатерины, въ отношеніи устройства ремесленнаго сословія, хотя имѣло характеръ, нѣсколько напоминающій подобныя учрежденія запа-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, стр. 178.

²⁾ Стр. 113—114.

³⁾ Корсакъ, 114.

⁴⁾ П. С. З., № 4102.

⁵⁾ П. С. З., № 4624.

да, но также не могло измѣнить прежняго состоянія ремесль въ Россіи. Ремесло въ селахъ было изъято отъ всякаго вліянія цеховъ: поселяне по прежнему могли свободно имъ заниматься и продавать свои издѣлія въ городахъ. Законодательство, создавъ управленіе ремеслами, по справедливому замѣчанію г. Корсака, не создало ремесленнаго класса и городского сословія въ истинномъ значеніи этого слова ¹⁾).

Контроль доброначественности товара.

Въ „Отеческомъ Замѣчаніи“ Посошковъ даетъ сыну слѣдующее наставленіе: „Тщися всякое свое мастерство дѣлать тщательно, самымъ добрымъ и искуснымъ мастерствомъ, за что бы тебѣ при иныхъ художникахъ быть похвалену, и того ради дѣлай неспѣшно самымъ неспѣшнымъ тѣченіемъ. И здѣлавъ на всякой своей работѣ клади своего званія клеймо, дабы кто инъ не могъ твоего мастерства нарещи своимъ или своего худаго твоимъ, и аще твое мастерство и плохо будетъ, обаче за своимъ клеймомъ отпускай. А того, сынъ мой, не могли учинить, еже бы ты поддѣлалъца подъ чужое, русское или иноземное, клеймо, велики бо сіе правѣ противно, а по гражданскому правому суду подъявишися жестокому наказанію..... Каково что возмешь доброе или худое, изъ того и дѣлай, и примѣсу никакова отнюдь не дѣлай. Аще золото возмешь: ни мѣди ни серебра въ него не примѣшивай, и золота своего плохова не прилагай: но каково возмешь, изъ того и дѣлай. Такжеже и серебро каково возмешь изъ такова и дѣлай, а мѣди въ него и плохова серебра своего не примѣшивай. Такжеже и олова доброе или плохое возмешь, изъ того и дѣлай: а свинцу въ него, ни плохова олова, не примѣшивай. Подобнѣ и желѣзо, или и иную какую вещь, отъ древесъ или отъ камней: каковы у кого возмешь, такъовы и въ дѣло клади, а измѣнить не могли не единны искрицы. И всякое свое дѣло дѣлай правдиво, безъ всякаго фальшивства, чтобы въ работѣ твоей никакова и малаго поврежденія не было, и чтобы тебѣ худово не отдать за доброе, и никакова дѣла своего мастерства, совершенно не осмотра не отдавай, чтобы не было въ немъ никакова порока. А такова безумія не учись глаголати, яко шѣщцы невѣгласы глаголють, мнѣ буде съ рукъ, а тамъ хотя все пропади, но тщися ты тако дѣлать, чтобы твоя работа и по смерти твоей была славна“ ²⁾).

¹⁾ О формахъ промышленности, стр. 115.

²⁾ Отеч. Зав., 185 - 187.

Правительство старалось разными административными мѣрами обеспечивать интересъ потребителей, устраивая нѣкоторымъ образомъ контроль въ отношеніи къ качеству покупаемыхъ публикою издѣлій. Къ такимъ мѣрамъ можно отнести „учиненіе для пробы золотыхъ и серебряныхъ вещей пробныхъ клеймъ“. Въ указѣ объ этомъ предметѣ велѣно „мастеровымъ людямъ здѣлать держать у себя съ назначеніемъ имени своего клейма и всякія своего мастерства прежде клеймить своимъ клеймомъ, и потомъ приносить къ старостамъ“¹⁾. Вскорѣ послѣ того было сдѣлано слѣдующее распоряженіе: „буде кто въ дѣлѣ серебро къ клейменью принесетъ ниже учиненныхъ пробъ въ первыя, и такое въ дѣлѣ серебро старостамъ ломать“, а кромѣ того взимается денежная пеня²⁾. Въ 1709 году велѣно, чтобы у торговыхъ и мастеровыхъ людей серебрянаго ряда были вѣсы и фунты у всѣхъ правдивыя и заклеяены годовымъ клеймомъ и пр.³⁾. Въ 1722 году было приказано устраивать на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ разныя „пробы желѣза“, и обозначать клеймами на желѣзѣ, выдержало ли желѣзо пробы или нѣтъ; безъ клейменія же было запрещено продавать желѣзо⁴⁾.

Какъ Кольберъ, въ своихъ регламентахъ и мануфактурахъ и ремеслахъ давалъ Французамъ подробныя наставленія по этимъ предметамъ, такъ и Петръ самъ опытный техникъ, знавшій специально подробности разныхъ ремеслъ, былъ учителемъ своего народа въ своихъ подробныхъ предписаніяхъ, какъ должно заниматься тѣмъ или другимъ рукодѣліемъ. Въ бумагахъ Петра находились мнѣнія разныхъ мастеровъ: Ивана Кочетова о парусномъ мастерствѣ, Фолія или Фрорія о якорномъ, Максима Микулина о канатномъ, неизвѣстнаго о купоросномъ⁵⁾. Правительство старалось слѣдить строго за доброкачественностью печенаго хлѣба⁶⁾ и наблюдало за извѣстными правилами при постройкѣ судовъ. Всюду оно старалось водворять честность и солидность въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Однако эти старанія оставались часто безуспѣшными, и Посошковъ не даромъ старался возбуждать въ сынѣ своемъ любовь къ честности и нѣкоторую добросовѣстность въ про-

¹⁾ П. С. З., № 1752.

²⁾ П. С. З., № 1843.

³⁾ П. С. З., № 2779.

⁴⁾ П. С. З., № 3952.

⁵⁾ *Афанасьевъ*, IV, 13.

⁶⁾ *Marperger* 277.

изводствѣ такихъ работъ. И тутъ онъ надѣется на успѣхи надзора, страшныхъ наказаній и пр. Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „Ини мастера будутъ именитые и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣтъ у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особливныя жъ клеймы. И егда кой мастеръ сдѣлаетъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельствѣ предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеймилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ. И тѣ бы именитые мастера за учениками своими за наинниками смотрѣли накрѣпко, чтобы на мастерство его похульи какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то општрафованъ будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ. А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятирично въ десять цѣнъ проданныя вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣлаетъ какую либо пицаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проварить, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ мастерѣ, чье клеймо, взять штрафъ во сто цѣнъ той пицали, да ему же учинить наказаніе. А аще пицаль тверда и мастерствомъ добра, а въ стрѣльбѣ не дѣльна, то взять штрафъ десятиричный — за рубль десять рублевъ. А аще кто сдѣлаетъ замокъ пицальный плохъ и неогнисть, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружье рукобитное безъ укладу, или желѣзо положить ломкое, то взять на немъ штрафъ два десятиричный — за гривну два рубля. А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, буде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятиричный — за гривну по рублю. А буде лавочникъ купить на продажу не рассмотри пороку, и будетъ продавать за доброе, то онъ заплатитъ штрафъ подлежащій купческаго регула, каковъ положенъ будетъ. И аще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повелѣно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иновемцы; иновемцы же такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданскій уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превысить ихъ. И тако годствуеть учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ русской или иноземець никакого рукодѣ-

лія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ командиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлять, такъ и быть“¹⁾).

У Крижанича также встрѣчаются замѣчанія о необходимости правительственнаго надзора за доброкачественностью издѣлій и товаровъ²⁾).

Требованіе столь строгаго надзора правительства надъ дѣйствіями частныхъ лицъ вполне соотвѣтствовало воззрѣніямъ самихъ правительствъ въ Европѣ въ то время. И прежде въ отношеніи къ доброкачественности товаровъ существовали чрезвычайно строгія постановленія. Такъ, на примѣръ, въ XV столѣтіи тѣхъ лицъ, которыя продавали шафранъ поддѣльный, сожигали или зарывали живыхъ въ землю. Никогда однако до Кольбера правительства столько не заботились о частностяхъ ремеслъ и мануфактуръ, какъ въ періодъ такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма. Регламенты на этотъ счетъ Кольбера или Фридриха Великаго могутъ считаться чуть ли не учебниками технологіи. Во многихъ случаяхъ правительство оказывалось болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ была публика. Такъ на примѣръ, русское правительство не только имѣло основаніе, но даже нѣкоторымъ образомъ обязано было требовать отъ своихъ подданныхъ производства болѣе широкаго полотна, потому что сбытъ слишкомъ узкаго полотна за границею былъ невозможенъ. За то правительства въ подобныхъ вопросахъ иногда и ошибались, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда въ 1669 году во Франціи предписана была ширина и длина всѣхъ выдѣлываемыхъ тканей, то слѣдствіемъ такой регламентаціи было затрудненіе сбыта французскаго камлота въ Италію, гдѣ желали другихъ размѣровъ этой матеріи. Бывало, что правительства опредѣляли, на примѣръ, сколько вѣсу должна имѣть пара шелковыхъ чулковъ и т. п. Такихъ законовъ отмѣнено, на примѣръ, въ Англіи въ новѣйшее время весьма большое число. Въ настоящее время размѣры сбыта всѣхъ товаровъ, техническое образованіе производителей, осмотрительность покупателей представляютъ собою гораздо болѣе сильное ручательство за доброкачественность товаровъ, нежели административныя мѣры правительствъ. Даже въ отношеніи къ требованіямъ иностранныхъ покупателей въ настоящее время ремесленники и фабриканты обыкновенно имѣютъ болѣе основательныя свѣдѣнія, нежели органы правительства. Поэтому въ послѣднее время

¹⁾ Соч. Пос., I, 143—144.

²⁾ Крижаничъ. I. стр. 37.

во многих мѣстахъ были устранены учрежденія для осмотра товаровъ и освидѣтельствванія ихъ доброкачественности (Schauanstalten), такъ какъ правительства убѣдились, что лучше предоставить частнымъ лицамъ, а именно покупателямъ, быть судьями качества товара и чрезъ ограниченіе сбыта менѣе добробачественнаго товара принуждать производителей обращать вниманіе на желанія и выгоды публики. Иного мнѣнія были въ свое время Крижаничъ и Посошковъ.

Впрочемъ и до настоящаго времени нѣкоторый контроль въ отношеніи въ доброкачественности товаровъ со стороны правительствъ оказывается не только не лишнимъ, но даже необходимымъ, напримеръ, на основаніи гигиеническихъ или другихъ полицейскихъ соображеній. Далѣе, въ такихъ случаяхъ, когда само правительство бываетъ покупателемъ, напримеръ, при поставкѣ оружія и, т. п., оно имѣетъ полное право опредѣлять разныя правила надзора и даже, въ случаѣ недоброкачественности товара, строгаго взыскаія.

Мѣры поощренія промышленности.

Посошковъ считаетъ необходимымъ обезпечивать интересъ изобрѣтателей въ области промышленности. „Аще кто что вымыслить вновь“, говоритъ онъ,—отъ своего разума или и научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то таковому по иноземскимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его. И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будутъ вымысленниковъ: многіе бо острые люди и нарочно стали тшчатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживиться. А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гнѣтъ добра много.... И тако есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуетъ о вымысленникахъ опредѣленія учинить гражданское, твердое, то многіе вымысленники явятся“¹⁾.

Посошковъ считаетъ необходимымъ законъ о патентахъ. Онъ зналъ о такихъ „иноземныхъ уставахъ“. И дѣйствительно, именно въ XVII столѣтіи въ Англии и въ другихъ странахъ появилось болѣе или менѣе сложное законодательство о патентахъ. Въ 1628 году, во

¹⁾ Соч. Пос., I, 141—142.

время царствованія Іакова I, англійскій парламентъ постановилъ разныя правила о патентахъ. Въ другихъ государствахъ, а также и въ Россіи, законы о патентахъ появились гораздо позже, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ въ 1787 году, въ Пруссіи въ 1815 году. Въ настоящее время вездѣ, за исключеніемъ Швейцаріи и нѣкоторыхъ частей въ Германіи, существуютъ законы о патентахъ. Въ послѣднее время со стороны многихъ экономистовъ были выражены однако сомнѣнія относительно пользы патентовъ. Лишними или даже вредными они признаны, напримѣръ, Эминнгаузомъ (Emminghaus), Принсъ-Смитомъ (Prince-Smith), Макфіемъ (Macfie), Рендшемъ (Rentsch) и др. ¹⁾ Вопросъ о патентахъ нынѣ еще можетъ считаться открытымъ, а при Посошковѣ онъ могъ считаться только что поднятымъ.

Далѣе Посошковъ требуетъ поддержанія фабрикантовъ денежными ссудами. Онъ пишетъ въ главѣ „о царскомъ интересѣ“: „А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради разширенія того своего промысла востребуютъ взять изъ прибыли, то смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шести и по тысячѣ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей разширились, и промышленные богателись. И о таковыхъ дачахъ послать во всѣ города указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушъ своегогородныхъ людямъ на промыслъ давали бы денѣги, по промыслу ихъ смотря, ста по два-три. А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотнянные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобныя симъ, то таковымъ, буде они люди добрые, а не замыты, и промышленники прямыя усердные, то для разширенія промысловъ давать и по тысячѣ рублевъ и больше... И мнитсѣ съ большихъ промысловъ больше шести рублевъ на годъ не надлежитъ имать, потому что у большаго промысла множество людей питаться будеть, и то станеть быти пополненіе царственное“ ²⁾.

Какъ видно, особенно изъ послѣдняго замѣчанія, Посошковъ ставилъ интересъ народнаго хозяйства гораздо выше интереса казны. Истинно высокая идеальная точка зрѣнія Посошкова въ отношеніи къ обязанностямъ правительства на счетъ поддержанія промышлен-

¹⁾ См. напр. статью въ соч. «Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre», Leipzig, 1866, стр. 625—636.

²⁾ Соч. Пос., I, 237—238.

наго класса матеріальными средствами характеризуетъ его какъ патриота и гражданина, какъ способнаго и одареннаго теплою душою питомца западно-европейскаго просвѣщенія. Петръ Великій дѣйствовалъ въ этомъ же духѣ. Нельзя однако отрицать, что такія мѣры иногда оказывались нецѣлесообразными, что онѣ довольно часто подавали поводъ къ злоупотребленіямъ и имѣли слѣдствіемъ обремененіе бюджета лишними расходами въ ущербъ тѣмъ сословіямъ, которыя главнымъ образомъ платили подати. Быть можетъ, и на этотъ счетъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ, законодательство и администрація Кольбера имѣла нѣкоторое вліяніе на мѣры, принимаемыя другими правительствами, и между прочимъ, на характеръ распоряженій Петра Великаго. Кольберъ обѣщаль фабрикантамъ за устройство каждаго ткацкаго станка для шелковыхъ матерій по 2000 ливровъ. Вообще во Франціи промышленный классъ привыкъ разчитывать на всякаго рода поддержку со стороны правительства. Наполеонъ I, какъ видно, между прочимъ, изъ документовъ, изданныхъ въ послѣднее время (*Correspondance de Napoléon*) тратилъ большія деньги на такого рода вспоможенія. Въ Англіи промышленность гораздо менѣе ожидала въ такихъ случаяхъ помощи со стороны правительства. Тамъ само общество путемъ ассоціаціи старалось поддерживать промышленныя предпріятія, какъ показываютъ общество *Society for the encouragement of Arts* въ Лондонѣ, учрежденное въ 1753 году, или *the British and foreign Patent association* и *the British-Invention and Discovery-Company* ¹⁾.

Посошкоть, какъ мы видѣли уже при разныхъ случаяхъ, не любилъ иностранцевъ. Однако онъ, равно какъ и Петръ Великій, смотрѣлъ на нихъ какъ на наставниковъ. Онъ предлагалъ устраивать цехи въ Россіи по образцу нѣмецкихъ, онъ требовалъ законовъ о патентахъ наравнѣ съ англійскими и французскими; мало того, онъ также, какъ и Петръ Великій, считалъ необходимымъ приглашеніе мастеровъ изъ-за границы для обученія Русскихъ разнымъ ремесламъ. Вотъ что онъ пишетъ на этотъ счетъ въ главѣ „о художествѣ“: „А буде кто иноземець пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ и отдать ему въ наученіе челоувѣкъ десятковъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкій, чтобы онъ

¹⁾ См. нѣкоторыя подробности по этому вопросу въ соч. *Rau, Grundsätze der Volkswirtschaftsplege*. Heidelberg, 1828, стр. 235 слѣд.

тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрѣтно. И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучить противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрѣтно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди въѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали. А буде кой иноземецъ, по древнему своему обыменованію иноземческому, будетъ шмонить, о ученьи учениковъ не радѣть, но чтобы, деньги выманивъ, за море уѣхать, — и то его лукавство и правду мочно и въ полугодѣ узнать, — то съ чѣмъ онъ пріѣхалъ съ тѣмъ и назадъ выслать его нечестно, и чтобы онъ въ Руси не шатался, дабы на то зря впредь для обману въ Руси къ намъ не пріѣзжали. И кои ученики будутъ перемичивы и мастерства какого совершенно научатся, еже противъ заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастерами, и кормъ имъ учинить довольный, чтобы могъ онъ обогатиться“ и пр. ¹⁾. Посошковъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Русскихъ иногда считали менѣе способными чѣмъ иноземцевъ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Русскіе могутъ быть столь же искусными рабочими и мастерами, какъ и иностранцы, между тѣмъ какъ послѣдніе обыкновенно получали гораздо большую плату въ сравненіи съ Русскими. Посошковъ сильно ропщетъ на русскихъ сапожниковъ, не поддерживающихъ русскихъ ремесленниковъ. „Во всякихъ дѣлахъ“, пишетъ онъ, — „правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублей пропадаютъ, то ни во что поставляютъ и размножатиа доброму художеству не допускаютъ“ ²⁾.

И Крижаничъ раздѣлялъ это мнѣніе о необходимости приглашенія иностранцевъ-наставниковъ, а также и мнѣніе о способности русскихъ-учениковъ ³⁾. Мы знаемъ, что правительство еще въ XVII столѣтіи возлагало на иностранныхъ мастеровъ обязанность учить русскихъ людей ихъ ремеслу. Такъ, напримѣръ, изъ одной грамоты, относящейся къ 1645 году, видно, что иностранный часовщикъ обязался выучить двоихъ мальчиковъ своему мастерству и дѣйствительно выполнилъ эту обязанность ⁴⁾. Вообще, однако, въѣздъ иностранцевъ въ Россію былъ затрудненъ. Когда въ 1689 году, по ходатайству бранденбургскаго посланника Чаллича, было дозволено французскимъ

¹⁾ Соч. Пос., I., 146.

²⁾ Соч. Пос., I., 149.

³⁾ Крижаничъ, I, 31.

⁴⁾ Лешковъ, 368, 370.

эмигрантамъ-гугенотамъ прїѣзжать въ Россію, то такая мѣра могла считаться нѣкоторымъ образомъ исключеніемъ ¹⁾). Въ манифестѣ 1702 года „о вызовѣ иностранцевъ въ Россію съ общаніемъ имъ свободы вѣроисповѣданія“ прямо сказано, что правительство ~~отлично и уничтожило „древній обычай, посредствомъ котораго совершенно воспрещался иноземцамъ свободный вѣздъ въ Россію“~~; такая мѣра вызвана искреннимъ желаніемъ правительства „какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе“; для достиженія такой цѣли правительство „уничжило нѣкоторыя переѣзны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искусіе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ“ ²⁾).

При каждомъ случаѣ Петръ старался пріобрѣсти таковыхъ наставниковъ для Русскихъ. Извѣстно, какъ онъ для этой цѣли воспользовался множествомъ Шведовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Полтавской битвѣ ³⁾. Въ 1721 году въ продолженіе одного мѣсяца прибыло въ Москву около тысячи молодыхъ Татаръ, которыхъ, по приказанію Петра Великаго обучали разнымъ ремесламъ ⁴⁾. Еще въ концѣ царствованія Петра были выписаны „изъ Брабантіа“ кружевныя мастерицы ⁵⁾ и пр.

Однимъ словомъ, правительство дѣйствовало совершенно сообразно съ предложеніями Посошкова, а послѣдній мыслилъ исполнѣ въ духѣ реформъ Петра. И въ высшихъ сферахъ администраціи и между простолюдинами встрѣчается убѣжденіе, что улучшеніе быта Россіи значительною долею обуславливалось такимъ ученіемъ въ школахъ западной Европы.

Иконопись.

Посошковъ, какъ человѣкъ набожный и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный техникъ, не могъ не обратить вниманія на одну отрасль промышленности, имѣвшую характеръ ремесла весьма распространеннаго, а именно, на иконопись. Онъ былъ крайне недоволенъ современнымъ состояніемъ этого искусства и предлагалъ разныя мѣры для улучшенія его. Уже въ

¹⁾ П. С. З., № 1331.

²⁾ П. С. З., № 1910.

³⁾ Weber, I, 161. Storch, III, 18.

⁴⁾ Storch, III, ч. 1.

⁵⁾ Афанасьевъ, см. также соч. Марперера, 128.

„Отеческомъ Завѣщаніи“ онъ коснулся этого вопроса и писалъ въ главѣ „О художествѣ“ слѣдующее: „А еще будещи моларомъ: то наипаче тѣхся еже бы ти не погрѣшить предъ Богомъ въ рисовкѣ, и во изображеніи лица Спасителя: и знай во всемъ мѣру. Есть бо во иконописцахъ великое неискусство: пишутъ младенцовъ не во младенческой мѣрѣ. И ради примѣра имѣй у себя азбуки размѣра человѣческаго, личныя и писменныя размѣры. Разумѣй же человѣка сидѣ: возми мѣру съ большаго палца: и что мѣры въ немъ, то и носу, а въ ноздряхъ ширина также мѣра безъ трети, и между глазъ тоже безъ трети мѣра, во главѣ четыре мѣры, въ шеѣ поперегъ двѣ мѣры, отъ плеча до плеча семь мѣръ, отъ плеча до локтя шесть мѣръ, отъ локтя до запястья пять мѣръ безъ четверти, отъ запястья въ ладони двѣ мѣры безъ трети, отъ длани средней персть мѣра съ третью, а отъ запястья со дланію три мѣры. Сидящему человѣку отъ сидѣнья до плеча 10 мѣръ, а до поясницы отъ плеча (поль осмы мѣры отъ поясницы же до колѣна 7 мѣръ безъ, отъ колѣна до“) ¹⁾... Означенное скобками въ подлинникѣ зачеркнуто и, какъ видно, вся эта статья не была dokonчена.

Итакъ, Посошкоть не ограничивался предложеніемъ сдѣлать „азбуку“ для „моларовъ“. Онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу и самъ сочинилъ такую „азбуку“. Однако, трудъ его, по всей вѣроятности, ему самому казался не полнымъ; иначе, говоря объ этомъ предметѣ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи, онъ не преминулъ бы указать на свой трудъ какъ на руководство, которое слѣдуетъ напечатать и распространить по всему государству. Предлагая въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ устроить надзоръ надъ ремесленниками, онъ замѣчаетъ, что такой надзоръ необходимъ „наипаче надъ иконописцами“. Въ другомъ мѣстѣ той же главы „О художествѣ“ онъ пишетъ: „А наипаче всѣхъ художествъ научиться надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человѣческаго и чинъ надлежащій. А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ и смотрѣть накрѣпко, чтобы не было въ нихъ ни единъ человѣкъ не умѣющій: и кѣи иконописатели не весьма искусны, то работали бъ они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, то бы и писали, а егда навыкнутъ, тогда могутъ они мастерами быть. И мнитсѣ мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрещеніемъ закрѣпить, чтобы

¹⁾ От. Зав., стр. 188.

не свидѣтельствованные иконники и не имѣющіе повелительнаго у себя указа еже писать ему святыхъ иконы, отнюдь бы не писали. Святое Писаніе глаголетъ: яко проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣло тому присутственно; понеже строится онѣ ради Божія чести, и тая честь восходитъ на самаго Бога. А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что многы иконы страшно и видѣти: иные отъ недознанія своего пишутъ тако, что аще бы такимъ размѣреніемъ былъ это живой человѣкъ, то бы онѣ былъ страшнѣйшимъ..... И аще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе человеческое, обаче подлежатъ сдѣлать азбуку русскую, и написать ее русскимъ манеромъ, а не нѣмецкимъ, чтобы она всякому человѣку поемну была, и написать ее надлежитъ сицевымъ манеромъ: (слѣдуетъ изложеніе содержанія проектируемой азбуки).... и всю тое азбуку написать нашими тѣлесы, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сѣдящихъ, и всякими разными видами, и состроая ее вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ, и напечатать ихъ тысячу мѣста и во всѣ города разослать, и повелѣть всемъ иконникамъ писать противъ той азбуки, и сдѣлать ее во всю десть. А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастера есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продають, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза да уста написать, то тутъ однѣ точки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое, смотрѣніе учинить“¹⁾.

Церковная живопись въ Россіи сначала находилась въ рукахъ греческихъ иконописцевъ. Скоро, однако, и Русскіе занялись этимъ искусствомъ, довольно часто имѣвшимъ характеръ ремесла. Въ послѣдствіи оказалось нѣкоторое вліяніе западно-европейской живописи на иконопись въ Россіи.

Посошковъ считалъ иконопись скорѣе ремесломъ, чѣмъ искусствомъ. Индивидуальное творчество исключалось догматическимъ схематизмомъ. На западѣ на этотъ счетъ встрѣчалось гораздо болѣе свободы. Посошковъ предлагаетъ устроить „азбуку“ для иконописцевъ, впрочемъ, не столько ради догматики, сколько ради вѣрности

¹⁾ Соч. Пос., I, 146—148.

рисунка. „Азбуку“, предлагаемую Посошковымъ, скорѣе можно сравнить съ руководствомъ, сочиненнымъ въ XVI вѣкѣ знаменитымъ германскимъ художникомъ Альбрехтомъ Дюреромъ: „Vier Bücher von der menschlichen Proportion“ (1528) ¹⁾, чѣмъ съ подлинниками, распространенными въ Россіи и по мѣсту ихъ употребленія названными кievскими, новгородскими, устюжскими, московскими ²⁾.

Можно удивляться тому, что Посошковъ въ своихъ разсужденіяхъ объ иконописи вовсе не говоритъ о томъ недостаткѣ русской церковной живописи, на который столь часто жаловались и церковь и свѣтское правительство. Недостатки иконописи состояли не только въ художественной неправоности изображаемыхъ предметовъ, свидѣтельствовавшей о неопытности, но и въ нарушеніи преданій восточной церкви. Весьма часто встрѣчаются указы и распоряженія въ видахъ сохраненія въ чистотѣ этихъ преданій. Такъ, напримѣръ, Стоглавный соборъ строжайше требовалъ, чтобы иконописцы писали „сютра на образъ древнихъ живописцевъ“, чтобы „гораздыя иконы и ихъ ученики писали съ древнихъ образовъ, а отъ самовышленій бы своими догадками Божества не описывали“. Иконопись считалась дѣломъ священнымъ. Имъ должны были заниматься только тѣ, которымъ „Богъ откроетъ такое руководѣніе“. „И того бы ради“, сказано въ грамотѣ 1551 года, — „живописцы, учите учениковъ безъ великаго коварства, да не осужени будете въ муку вѣчную“. Постоянно повторяется совѣтъ живописцамъ писать „съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писали Андрей Рублевъ и прочіи пресловущіи живописцы“ ³⁾.

Посошковъ, какъ мы знаемъ главнымъ образомъ изъ „Отечественнаго завѣщанія“, сильно ненавидѣлъ католиковъ и лютеранъ. Онъ, однако, въ своемъ разсужденіи объ иконописи не упоминаетъ о вліяніи западно-европейской живописи на русскую. При замѣчательномъ развитіи этого искусства въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ въ Италіи, въ Нидерландахъ, въ Германіи, и пр. въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно начиная со второй половины XV вѣка, съ каждымъ десятилѣтіемъ росло число иностранныхъ мастеровъ, при-

¹⁾ См. монографію А. фонъ-Эйе (von Eye) объ Альбрехтѣ Дюрерѣ.

²⁾ Не имѣвъ возможности пользоваться русскою монографіею Снегирева объ этомъ предметѣ, мы цитуемъ нѣмецкое извлеченіе изъ нея въ журналѣ *Erman Archiv*, II, 335.

³⁾ См. Матеріалы для исторіи иконописи, сообщ. Забѣлинымъ во *Временникѣ* VII, 1—4.

взавшихъ въ Россію, консервативный характеръ русской церковной живописи легко могъ находиться въ нѣкоторой опасности, подвергаясь влиянію западной Европы. Были случаи, что въ Россіи начали писать „худо или не по правильному завѣщанію“. Художники писали по образцамъ польскимъ и пр. Знатные люди въ Россіи покупали такія картины. Патріархъ Никонъ принималъ довольно крутыя мѣры противъ этого зла. Такія картины зарывались въ землю. Церковь и художникамъ, и покупателямъ ихъ произведеній грозила проклятіемъ. Не смотря на все это, приверженцы западной цивилизаціи, такіе люди, какъ Матвѣевъ или Голицынъ, имѣли въ своихъ покояхъ, въ частныхъ своихъ часовняхъ картины италіанскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ ¹⁾. Мало того: само правительство приглашало иностранныхъ художниковъ для усовершенствованія русской иконописи. Между приглашенными встрѣчаются не только Греки и Армяне, каковы были, напримѣръ, Юрьевъ и Салтановъ но и изъ западныхъ странъ; такъ въ XVII столѣтіи пріѣзжали между прочимъ, изъ Австріи Даниель Вухтерсъ и Іоаннъ Детерсъ, изъ Швеціи — Дерсонъ, изъ Польши — Станиславъ Лопуцкій ²⁾. Эти иностранцы получали въ сравненіи съ русскими художниками чрезвычайно высокое вознагражденіе за трудъ. Между тѣмъ какъ Русскіе получали по три копѣйки поденной платы, Іоанъ Детерсъ получалъ изъ приказа большаго прихода по 20 р. на мѣсяць. За то Русскіе должны были учиться у иностранцевъ „живописному писму“; однако, Русскіе жаловались, что Лопуцкій и др., взявшіе на себя обязанность учить Русскихъ, не учили ихъ писать какъ слѣдуетъ, а развѣ только учили ихъ „по дереву и по полотну золотить“ ³⁾. Посошковъ, какъ видно, не безъ основанія жаловался, что въ Россіи „русскаго человѣка ни во что не ставятъ“ и „наvormить его не хоцуть“; но съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что вышеупомянутые иностранцы были, вѣроятно, замѣчательными художниками, тогда какъ ихъ ученики, — Ивашка Безминъ или Доронка Ермолинъ, были только простыми работниками, едва ли имѣвшими понятіе объ искусствѣ.

Не мудрено, однако, что многіе въ Россіи считали влияніе западно-европейское на русскую живопись ересью. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ окружной царской грамотѣ въ 1669 году объ икон-

¹⁾ *Erman's Archiv*, II, 337.

²⁾ *Erman's Archiv*, II, 336.

³⁾ См. Матеріалы для исторіи иконописи во *Временникѣ*, VII, 57, 76, 77.

номъ писаніи отличалъ иконописцевъ, яко истинныхъ церковниковъ, и велѣлъ „да честныя и святыя иконы Божія, по преданію Святыхъ и Богоносныхъ Отецъ, по необходимому обычаю Св. Восточной церкви, по приличности дѣлъ и лицъ, писаны будутъ“. Патріархъ Іоакимъ послѣ 1674 года запрещалъ „печатать на бумажныхъ листахъ изображенія Святыхъ и торговать нѣмецкими печатными листами съ таковыми же изображеніями: ибо многіе дѣлають странно и развращенно, а Лютеране и Кальвинны неистово и неправо, на подобіе лицъ своея страны и во одеждахъ своестранныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ“¹⁾.

И въ то самое время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, въ которой встрѣчаются вышеупомянутыя соображенія объ иконописи, правительство, ссылаясь на прежнія распоряженія, ратовало противъ иконописцевъ, „которые многая ложно ко прелести невѣждъ пишутъ,.... поругаются святымъ иконамъ Христа и Его Богоматере и угодниковъ Его, худымъ и недѣльнымъ письмомъ пишемымъ“. Правительство требовало „да престаеть всякое суемудріе неправедное“; Петръ, будучи въ сенатѣ, при присутствіи сената и синода приказалъ: „иконное изображеніе исправить по содержанію церковнаго обычая и по оному святѣйшихъ патріарховъ соборному дѣянію и изложенному (1667 г.) тогда разсужденію. А надзирательство надъ живописцами и иконописцами имѣть искусному въ томъ художествѣ Ивану Зарудневу“. Весьма строго правительство требовало, чтобъ иконы писались „самымъ добрымъ мастерствомъ“; весьма рѣзко жаловалось, что „неискусные иконописцы издавна уже начали быть неисправны“²⁾.

Не столько обращая вниманія на ересь въ иконописи, сколько на рутинность и небрежность, Посошковъ, собственно говоря, повторяетъ то, что довольно часто и давно было высказываемо на этотъ счетъ и правительствомъ, и церковью. Такъ, напримѣръ, въ 1551 году было сказано, что если кто займется иконописью не какъ слѣдуетъ, того должно „въ запрещеніи полагати, а отъ дѣла иконнаго отнюдь отлучати и касатись того не велѣти, боящися словеси реченнаго: проклять творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ. А которые по се время писали иконы, не учась самовольствомъ и самолюбіемъ, а не по образу, и тѣ иконы

¹⁾ См. статью С. Д. объ иконописи въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1845, I, 29—30.

²⁾ П. С. З., № 4079; см. также, № 4154.

промѣняли дешево простымъ людямъ поселяномъ невѣждамъ, ино тѣмъ запрещеніе положить, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ.... Также архіепископомъ и епископомъ по всѣмъ градомъ и весемъ и по монастыремъ своихъ предѣлъ испытывати мастеровъ иконныхъ и ихъ писемъ самимъ смотрити“ и т. д. ¹⁾.

Весьма любопытна царская грамота 1667 года слѣдующаго содержания: „Видно великому князю учинилось, что на Москвѣ и во градѣхъ и слободахъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ объявились многіе неискусные иконописцы, и отъ неискуства воображеніе святыхъ иконъ пишутъ не противъ древнихъ переводовъ, и тому ихъ неискусному ученію многіе послѣдуютъ и у нихъ учатца... и ходять по своимъ волямъ... къ тому жъ еще въ нѣкоторой веси Суздальскаго уѣзду, иже именуется село Холуй, и того села Холую поселяне держать и пишутъ святые иконы безъ всякаго разсужденія и страха... съ небреженіемъ... Которые неискусны иконнаго художества и тѣмъ воображенія святыхъ иконъ не писать. Такъ же на Москвѣ и во градѣхъ учинить заказъ крѣпкой, которые всякихъ чиновъ люди сидятъ въ лавкахъ, и тѣбѣ люди у иконописцовъ святые иконы принимали добраго мастерства со свидѣтельствомъ, а безъ свидѣтельства отнюдь не принимать. А которые иконописцы живутъ въ Суздальскомъ уѣздѣ въ селѣ Холую и тѣмъ иконописцамъ впредь воображенія святыхъ иконъ не писать же“ ²⁾.

Извѣстно, что и до настоящаго времени производство иконъ для простолюдиновъ составляетъ довольно значительную отрасль кустарной промышленности, далеко при томъ не совершенную. И въ настоящее время жалобы Посошкова и правительства имѣли бы основаніе.

Таковы были мысли Посошкова въ отношеніи къ торговлѣ и промышленности. Онъ былъ меркантилистомъ, какъ и Петръ Великій, не бывъ знакомымъ съ литературой экономистовъ на западѣ. Онъ протестовалъ противъ чрезмѣрнаго значенія иностранцевъ въ русской торговлѣ, считая однако необходимымъ приглашеніе иностранцевъ въ Россію въ качествѣ техникувъ-наставниковъ. Зная нѣкоторымъ образомъ о характерѣ администраціи и законодательства за грани-

¹⁾ Матеріалы для исторіи иконописи, общ. сообщ. *Заблѣлимы* во *Временникѣ*, VII, 2 и 3.

²⁾ *Временникъ*, VII, 1. с.

цей, онъ предлагалъ введеніе въ Россіи нѣкоторыхъ учрежденій, съ давнихъ поръ существовавшихъ на западѣ. Говоря о разныхъ видахъ промышленности, онъ обнаруживаетъ изумительную многосторонность, солидность и опытность въ техническихъ познаніяхъ И въ отношеніи къ этому предмету, какъ въ отношеніи къ общимъ началамъ веденія государственнаго, общественнаго и частнаго хозяйства, Посошковъ оказывается глубоко нравственнымъ человѣкомъ, горячимъ патріотомъ, вѣрнымъ подданнымъ и ученикомъ Петровскихъ реформъ.

III.

Мысли Посошкова о земледѣліи.

„Крестьянинъ села Повровскаго“, какъ мы уже замѣтили выше, не былъ крестьяниномъ въ тѣсномъ смыслѣ, а скорѣе могъ считаться промышленникомъ, купцомъ, поставщикомъ правительства, финансовымъ чиновникомъ. Главное его вниманіе было обращено не столько на сельскій трудъ, сколько на устройство фабрикъ или на разные коммерческія предпріятія. Посошковъ не былъ фізіократомъ; онъ былъ меркантилистомъ. Сословіе фабрикантовъ и купцовъ, по его мнѣнію, и для государства, и для общества гораздо важнѣе, чѣмъ земледѣльческій классъ. О техникѣ сельскаго труда Посошковъ говоритъ въ своемъ сочиненіи далеко не столь подробно, какъ о промышленности и торговлѣ. Его отзывъ о крестьянахъ оказывается далеко не столь лестнымъ для послѣднихъ, какъ разсужденія о значеніи купцовъ для послѣднихъ.

Крестьяне.

Въ то время, какъ Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“, положеніе крестьянъ на Руси становилось все хуже и хуже. „Сироты“, смерды, земляне, черные люди, какъ называли крестьянъ въ древней Россіи, отъ конца XVI до втораго десятилѣтія XVIII вѣка подвергались процессу прикрѣпленія къ землѣ. Бывши прежде свободными членами русскаго общества, крестьяне вслѣдствіе раздачи земель служилымъ людямъ при Іоаннѣ Васильевичѣ, вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе финансовыхъ и другихъ административныхъ соображеній правительства, мало по малу лишались своихъ правъ. Земля болѣе и бо-

ѣ ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Прикрѣпленіе ихъ къ землѣ, начавшееся въ концѣ XVI вѣка, развивается на основаніи разныхъ законодательныхъ и административныхъ распоряженій правительствъ въ продолженіе XVII вѣка. Значеніе и положеніе крестьянъ постепенно падаетъ во время царствованія Петра Великаго, и къ первой ревизіи оно доходитъ до того, что по ревизіи крестьяне отчасти были сравнены съ полными холопами, отчасти еще пользовались нѣкоторыми старыми правами, по которымъ они считались самостоятельными членами русскаго общества, а не частною собственностью землевладѣльцевъ. Ихъ положеніе было неопредѣленное. Власть землевладѣльцевъ получила сильное развитіе и при всякомъ удобномъ случаѣ давила старыя крестьянскія права; она успѣла проникнуть во всѣ крестьянскія отношенія. Господа могли ихъ продавать и закладывать безъ земли, могли переводить въ дворовые люди, судить своимъ судомъ, наказывать тѣлесно, брать ихъ имущество, переводить съ оброка на издѣлье и на оборотъ. Такимъ образомъ крестьяне были уже не далеки отъ того, чтобы совершенно сравняться съ рабами, съ полными холопами ¹⁾.

Таково было положеніе крестьянъ въ то время, когда Посошковъ писалъ свою главу „О крестьянствѣ“ въ своемъ послѣднемъ и самомъ замѣчательномъ сочиненіи.

Въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“, писанномъ нѣсколькими годами ранѣе, Посошковъ отличаетъ званіе крестьянина отъ званія холопа. Одна глава этого сочиненія трактуетъ „о земледѣльствѣ“, другая — „о рабскомъ житіи“. Посошковъ считаетъ возможнымъ, что сынъ сдѣлается земледѣльцемъ, преимущественно въ томъ случаѣ, если „весма оскудѣетъ“ ²⁾. Значитъ, попасть въ крестьянское сословіе считается несчастіемъ, слѣдствіемъ экономическаго упадка. На такой случай Посошковъ даетъ сыну слѣдующій совѣтъ: „Аще отъ твоя скудости чемъ пропитатися не можеша, то и тогда, сыне мой, въ отчаяніе ни въ уныніе не вдавайся: и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не вайся, и къ воровскимъ людямъ и къ разбойникамъ не прилѣпляйся, и съ мошенниками, ни съ обманщиками и ни съ каковыми людьми неключимыми не снимайся, но возлага надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу, и аще

¹⁾ См. *Бяляева*, Крестьяне на Руси.

²⁾ Отеч. зав., стр. 176.

цѣну велику или малу возмеш, работой всею правдою безъ лѣности и безъ лукавства“.

Затѣмъ слѣдуютъ разныя нравственныя наставленія о поведеніи работника, поденьщика, объ отношеніи его къ господину и къ прочимъ работникамъ. Далѣе въ главѣ о рабскомъ житіи сказано: „Аще же тою черною работою прокормити себя не можеш... отдашися въ рабы“ и пр., при чемъ Посошковъ считаетъ весьма легко возможнымъ, что сынъ будетъ рабомъ какого-либо крестьянина. Въ такомъ случаѣ отецъ проповѣдуетъ сыну быть безусловно покорнымъ господину, работать усердно и стараться жить „кратко, беззлобно и христіански“¹⁾.

Всѣ эти замѣчанія весьма кратки и касаются не экономической, и не юридической стороны вопроса, а только нравственной и религіозной. О свободномъ, независимомъ отъ—какого-либо господина крестьянинѣ не говорится. О значеніи сельскаго труда, о производствѣ сырыхъ продуктовъ для всего общественнаго организма — ни слова. За то о характерѣ крестьянскаго сословія въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ встрѣчаются весьма невыгодныя отзывы. „Крестьянское житіе скудно“, сказано въ началѣ главы „О крестьянствѣ“, — „ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ“. По мнѣнію Посошкова, всѣмъ помѣщикамъ должно быть вмѣнено въ обязанность смотрѣть за своими крестьянами, чтобъ они „не гуляли“, „не лежбочили“. Онъ требуетъ строгаго наказанія „изгулявшихся“ крестьянъ²⁾. Они должны постоянно находиться подъ надзоромъ. Посошковъ пишетъ: „А буде кой крестьянинъ хлѣба напхавъ, да станетъ гулять,—а впредь ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотрѣть и жестоко наказывать, чтобъ отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ пьянство не уклонялись“³⁾.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ составленія Посошковымъ его послѣдняго сочиненія, извѣстный историкъ и администраторъ Татищевъ написалъ свои „Краткія экономическія, до деревни слѣдующія за-

¹⁾ Отеч. зав., стр. 183.

²⁾ Соч. Пос., I, 7 и 171.

³⁾ Тамъ же, 185.

писки". Въ нихъ говорится „о поспѣшности къ работѣ“ слѣдующее: „Всего наивяще надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы не малою лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать, понеже лѣнливые крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать больше праздниковъ... И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской. Работу же производить сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, то не смотреть за крестьянскою работою, когда они обращаются въ собственной своей работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ производятъ на судьбу жалобу... А въ зиму ревизуетъ художниковъ, что это сдѣлалъ для своей продажи и не были ль праздны; понеже отъ праздности крестьяне не токмо въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ, спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону; доброму старостѣ и прикащику всего того смотрѣть надлежитъ, ибо за хорошее смотрѣніе должны получить хорошую зарплату, а за нерадѣніе штрафъ и наказаніе... Кто въ работѣ лѣнливъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двоимъ или тремъ сутки“ и пр. ¹⁾.

Такъ писалъ Татищевъ, передовой человекъ своего времени, извѣстный своимъ образованіемъ и проникнутый уваженіемъ къ человѣчеству и желаніемъ добра крестьянамъ. Хозяинъ-помѣщикъ смотритъ на крестьянъ не какъ на людей, имѣющихъ право на какую-нибудь свободу, но какъ на бессознательную рабочую силу; онъ прямо отрицаетъ всякое свободное распоряженіе крестьянина даже въ его крестьянскомъ хозяйствѣ. Онъ заботится о крестьянахъ также, какъ онъ заботится о лошадяхъ и о другихъ домашнихъ животныхъ ²⁾.

И Татищевъ, и Посошковъ считали крестьянъ лѣнливыми, не понимавшими своего собственного интереса. Такого же мнѣнія былъ когда-то Катонъ въ отношеніи къ рабамъ, такое же мнѣніе относительно крестьянъ встрѣчается и на западѣ даже въ эпоху литературы просвѣщенія. Когда въ Австріи, во время царствованія Маріи-

¹⁾ *Временникъ М. Общ. Ист.*, VII, Смѣсь, стр. 20—21.

²⁾ См. *Бяляева*, Крестьяне на Русь, 306, 308.

Терези, правительство мечтало о реформах въ отношеніи къ крестьянамъ, чешское дворянство старалось доказать, что нововведенія такого рода для самихъ крестьянъ сдѣлаются гибельными, потому что крестьяне, освобожденные отъ барщины, станутъ содержать менѣе скота, останутся праздными, будутъ „лежебочить“ и тѣмъ сдѣлаются причиною разоренія своего и своихъ господъ ¹⁾. И въ другихъ государствѣхъ такой пессимизмъ, столь невыгодныя предположенія относительно радѣнія и рабочей силы крестьянъ тормозили реформы, имѣвшія цѣлю освобожденіе крестьянъ.

Русское правительство, впрочемъ, уже въ XVII вѣкѣ считало себя обязаннымъ слѣдить нѣсколько за сельскими работами крестьянъ и принуждать ихъ къ исполненію своихъ обязанностей. Такъ, напримеръ, относительно Сибири сохранилось нѣсколько наказовъ къ тамошнимъ воеводамъ, въ родѣ слѣдующаго: „вновь пашенныхъ крестьянъ изъ гуляющихъ и охочихъ вольныхъ людей призывать; надзирать по часту, чтобъ крестьяне землю пахали всю сполна, зернью и карты не играли, на винѣ не пропивались, а въ комъ свѣдаютъ какое воровство и старостамъ, и цѣловальникамъ, и десятскимъ про то сыскивать и чинить крестьянамъ наказаніе“ ²⁾. Указъ 1723 года февраля 27-го предписываетъ „помѣщикамъ и пригашникамъ смотрѣть за крестьянами, чтобъ они подъ хлѣбный сѣвъ землю хорошенько снабдвали и болѣе хлѣбнаго всякаго сѣву умножали“ ³⁾. Указомъ 11-го мая 1721 были отправлены изъ Остзейскаго края крестьяне въ разныя мѣстности Россіи для обученія русскихъ мужиковъ снимать хлѣбъ съ полей косами, а не серпами ⁴⁾.

Посопшковъ также составилъ хотя лишь весьма краткую инструкцію о занятіяхъ крестьянъ. Онъ пишетъ: „Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить. А буде при дворѣ своемъ никакой работы позиточной нѣтъ, то шель бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя, никакой крестьянинъ не осудѣтъ“ ⁵⁾.

¹⁾ См. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. St.-Petersburg, 1861, стр. 388.

²⁾ *Лешковъ*, 860.

³⁾ П. С. З., № 4175.

⁴⁾ П. С. З., № 3781.

⁵⁾ Соч. Пос., I, 171—172.

Посошковъ желаетъ, чтобы правительство обращалось съ крестьянами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ напримѣръ, онъ предлагаетъ учить ихъ грамотѣ. Его соображенія на этотъ счетъ достойны особеннаго вниманія. Посошковъ самъ былъ не только грамотнымъ, но даже образованнымъ человѣкомъ. Онъ умѣлъ цѣнить значеніе образованія и для экономическаго состоянія крестьянскаго сословія. Онъ пишетъ: „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать или тридцать, а грамотнаго человѣка ни единого у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не прійдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрять, и отъ того приѣмлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ, а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой приѣмлютъ себѣ убытокъ. И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолять, чтобы они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре годы дѣтей своихъ не научатъ, также кои ребята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе. А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ. и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ ⁴⁾).

Довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ сочиненіи „Отеческое Завѣщаніе“ Посошковъ нѣсколько разъ съ особеннымъ презрѣніемъ говоритъ о „Мордвѣ“, замѣчая, что лютеране, которыхъ онъ обвиняетъ въ страшныхъ порокахъ, нисколько не лучше „Мордвы“. Теперь же, говоря о крестьянахъ, Посошковъ предлагаетъ однѣ и тѣ же мѣры относительно крестьянъ, какъ относительно „Мордвы“. И тѣхъ, и другихъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ принуждать

⁴⁾ Соч. Пос., I, 175—177.

къ учению грамотѣ. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ употребляются однѣ и тѣ же выраженія, что они, какъ безграмотные „беззаступные“, что ихъ обманываютъ и т. п. Только въ отношеніи къ Мордвѣ еще прибавляется, что обученіе грамотѣ можетъ быть удобнымъ средствомъ распространенія между этими язычниками христіанской вѣры. Далѣе къ Мордвѣ и къ крестьянамъ одинаково относится упрекъ Посошкова, что они уничтожаютъ понапрасну множество молодого лѣсу.

Предложенія Посошкова относительно обученія крестьянъ грамотѣ остались безуспѣшными. Никто не думалъ тогда объ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ на этотъ счетъ. Крестьяне коснѣли въ невѣжествѣ. Ихъ положеніе становилось все хуже и хуже. Ревизіи, рекрутскіе наборы и усложненіе администраціи въ продолженіе XVIII вѣка, все это содѣйствовало къ упадку значенія крестьянскаго сословія и доставляло просторъ тѣмъ продѣлкамъ грамотныхъ людей, о которыхъ говоритъ Посошковъ. Съ одной стороны, они весьма часто бывали жертвами приказныхъ людей, приѣзжавшихъ „или съ указами или безъ указовъ“; съ другой, они, какъ видно между прочимъ изъ Пугачевского бунта, нерѣдко бывали обманываемы революціонными агентами, приѣзжающими въ деревни съ поддѣльными грамотами объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и т. п. Полтора-столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ Посошковъ предлагалъ принять мѣры для обученія крестьянъ грамотѣ, и развѣ только въ нынѣшнее время, послѣ великой реформы 1861 года, при содѣйствіи земскихъ учрежденій, мало по малу предложенія Посошкова приводятся въ исполненіе.

И до Посошкова, и послѣ него крестьяне при извѣстныхъ случаяхъ становились весьма опаснымъ элементомъ въ государствѣ: отчаянное экономическое положеніе, въ которомъ они находились, разныя притѣсненія со стороны администраціи, насилія воеводъ и приказныхъ людей, междоусобныя войны въ смутное время и т. д. все это оказывало весьма гибельное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на крестьянъ. Они часто обращались въ большія разбойническія шайки, доставляли обильный матеріалъ для казачества и въ періоды смуты, какъ на примѣръ, во время возстаній Стеньки Разина, Болотникова и т. п., дѣйствовали за одно съ бунтовщиками противъ органовъ власти.

Въ продолженіе XVII вѣка разбойники нерѣдко ходили толпами. Разбойничали приказчики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами,

и стрѣльцы при удобномъ случаѣ становились разбойниками; бѣглыхъ крестьянъ, не смотря на множество строгихъ указовъ противъ этого зла, была безчисленная масса. Тяжкая подать, воевода, подъячій, земскій староста, разбойникъ, выживали крестьянъ, заставляя ихъ уходить дальше въ Сибирь. „Крестьяне бредутъ врознь“, было обыкновенною жалобою въ XVII вѣкѣ.

И въ то время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, разбойническія шайки продолжали быть какъ-бы хроническою болѣзнію русскаго общества. Посошковъ прямо обвиняетъ крестьянъ въ солидарности съ разбойниками. ¹⁾ Противъ этого зла Посошковъ предлагаетъ введеніе весьма сложной и чрезвычайно строгой паспортной системы. Если принять въ соображеніе, что подобныя мѣры противъ перехода крестьянъ главнымъ образомъ лишили ихъ свободы и правъ, то нельзя не удивляться тому, что Посошковъ не предвидѣлъ слѣдствій усложненнаго надзора надъ крестьянами. А между тѣмъ эти новыя законы и распоряженія оказались чрезвычайно тягостными для крестьянъ; они продолжали бѣгать и часто кончали дѣло грабежами и убійствами. Сыщики, отправляемые правительствомъ и ѣздившіе по уѣздамъ изъ селенія въ селеніе пересматривать и переспрашивать крестьянъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и наказывать ихъ „кнутомъ нещадно“, не помогали. Въ слѣдующія десятилѣтія побѣги крестьянъ и приниманіе бѣглыхъ усилились болѣе прежняго. Отысканіе и возвращеніе бѣглыхъ оказалось почти невозможнымъ, не смотря ни на какія строгости законовъ ²⁾.

Предложенія Посошкова противъ бродяжничества крестьянъ согласны, съ одной стороны, съ духомъ правительственныхъ распоряженій на этотъ счетъ, съ другой—съ образомъ мыслей вельможъ-помѣщиковъ, каковы были Татищевъ или Волинскій. Послѣдній, въ составленномъ имъ наказѣ для управляющаго имѣніемъ, требуетъ, чтобы крестьяне для своихъ нуждъ отправлялись на ближніе торги не иначе, какъ съ дозволенія пригавца и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго; и ежели десятскій за кѣмъ изъ отправившихся на торгъ замѣтитъ пьянство, или мотовство, или какое-нибудь непотребство, то въ тотъ же день долженъ о томъ объявить прикащику, который, при собраніи лучшихъ крестьянъ, долженъ о виноватомъ розыскать и по ро-

¹⁾ Соч. Пос., I, 207.

²⁾ *Биллетъ*, стр. 196—199.

зыску учинить по винѣ наказаніе. Далѣе Волинскій пишетъ: „По вся годы свидѣлствовать бѣдныхъ мужиковъ, отъ чего онъ обѣднѣлъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства припала ему скудность, такъкъ ссужать хлѣбомъ всякимъ; а когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оный данный отъ него взять, а прибыль ему отдать. Также хотя которые отъ своего неупотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать однако съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть не повадно было. Буде же и за тѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ конюхи или въ нашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнивцовъ или неупотребцовъ кормить мѣсячиною невѣяннымъ хлѣбомъ и чтобъ онъ былъ къ невѣрстанной работѣ и подати за нихъ моими деньгами платить“¹⁾.

Такимъ образомъ изъ замѣчаній Посолшкова, Волинскаго, Татищева видно, что въ то время обращеніе съ крестьянами было главнымъ образомъ борьбою противъ лѣности, пьянства, склонности къ разбою и грабежу въ крестьянскомъ сословіи. Постоянно встрѣчается опасеніе, что крестьянинъ станетъ не только вредить интересу помещика, но отсутствіемъ всякой добродѣтели будетъ содѣйствовать своему собственному оскуднѣнію. Поэтому считается необходимымъ строжайшая опека надъ крестьянами, самый дѣлительный полицейскій надзоръ, принужденіе всякаго рода, разныя мѣры для предохраненія крестьянина отъ присоединенія къ шайкамъ разбойниковъ. Такъ напримѣръ, Татищевъ въ своей „Духовной“, составленной для сына Евграфа, совѣтуетъ ему заботиться о приисканіи хорошаго священника для деревни: „Крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидѣть, подвѣда воровъ и разбойниковъ, смертельно мучать и тиранять, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когдажъ гдѣ есть ученый попъ, и добраго поведенія человекъ, къ томужъ не имѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ“.

Громадное число указовъ о мѣрахъ противъ „гулящихъ людей“ и разбойниковъ также свидѣлствуетъ о распространеніи этого зла. Изъ нѣкоторыхъ распоряженій видно, въ какой тѣсной связи состояло сельское населеніе вообще съ разбойниками²⁾. Иногда впрочемъ

¹⁾ *Бтлаевъ*, I. с. 270

²⁾ См. напр. П. С. З. № 1678 и 2439.

и сами помѣщики разбойничали со своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ и пр. ¹⁾

Не даромъ и публицисты и правительство считали необходимымъ усиленіе полицейскаго надзора надъ низшимъ классомъ русскаго общества. Волынской желалъ, чтобы въ его имѣніи десятокіе наблюдали за тѣмъ, чтобы всѣ крестьяне каждую ночь были дома, а если имѣли надѣбность отлучиться на разстояніе отъ 10 до 20 верстъ, то брали бы отпускные листы; по его мнѣнію, на болѣе чѣмъ на три мѣсяца вообще нельзя было давать отпуска крестьянину; всѣхъ должно принуждать къ общимъ дѣйствіямъ противъ разбойниковъ и проч. Правительство также распорядилось, чтобы крестьяне, когда они хотѣли удалиться болѣе нежели за 90 верстъ отъ своего села, получали паспорта отъ комиссара, отъ земли и отъ полковника квартировавшихъ у нихъ войскъ. Посошковъ предлагалъ совершенно сходныя мѣры, замѣчая при этомъ: „И еще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обмываетъ, то и тягости никакой не будетъ“ ²⁾

Посошковъ считаетъ далѣе необходимымъ, чтобы крестьяне помогали другъ другу противъ разбойниковъ. Но и для этой цѣли онъ предлагаетъ принудительныя мѣры, наказанія. Онъ пишетъ: „Нынѣ такъ дьяволъ ихъ (разбойниковъ) умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорять, и, допытываясь денегъ, многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворами даютъ волю. И ради охраненія отъ такового гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ овольныхъ сель и деревень и дворяне изъ своихъ усадебъ, аще услышатъ шумъ или повѣству, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей бить кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ по болѣе, да на нихъ же доправить того грабленнаго крестьянина убитою, колико тѣ воры взяли, сугубо и отдать грабленному“ ³⁾. И въ другомъ мѣстѣ Посошковъ разказываетъ подробно о великомъ развореніи, которое „чинилось“ крестьянамъ отъ разбойниковъ. По его мнѣнію, „того ради не можно никакому крестьянину

¹⁾ *Соловьевъ*, Ист. Рос., XV; 105, XVI, 19 и 251; XVIII, 183 и пр.

²⁾ Соч. Пос., I, 168 и 169.

³⁾ Соч. Пос., I, 166.

богатому быть". Онъ приходитъ къ такому заключенію: „Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежели бы ихъ нагло пріѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое ¹⁾).

Но не высоко ставя нравственные качества крестьянскаго сословія, требуя множества строгихъ мѣръ для содержанія ихъ въ порядкѣ и подчиненіи, Посошковъ въ то же самое время жалуется на притѣсненіе крестьянъ помѣщиками. Онъ пишетъ: „А и сіе не весьма правое зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единого дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣновосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало поситѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды дома свои оставляютъ и бѣгутъ инне въ Понизовые мѣста, инне жъ и во Украинныя, а инне и въ зарубезныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы опъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублей была, только бы не воровалъ, и безавочно не торговалъ; что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику ²⁾).

Этими соображеніями Посошковъ затронулъ самую существенную сторону крестьянскаго вопроса. Именно произволъ въ отношеніи къ оброкамъ и повинностямъ; со стороны помѣщиковъ на крестьянъ возлагаемымъ, былъ самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ прежнее время подробности отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, порядокъ крестьянскихъ работъ, оброки и

¹⁾ Пос. Соч., I, 175.

²⁾ Соч. Пос., I., 182—183.

повинности у больших землевладельцев излагались обыкновенно въ особу́хъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Хотя и общихъ правилъ на счетъ этого не существовало, однако все зависѣло отъ взаимныхъ условій крестьянина и землевладельца, особенно въ мелкихъ владѣнiяхъ, гдѣ едва ли и были какия уставныя грамоты. При свободномъ переходѣ крестьянъ слишкомъ большой разницы въ отношенiяхъ не было и не могло быть: взаимная нужда въ рабочихъ и въ землѣ естественно устанавливала приблизительно одинакую цѣну на трудъ и на землю ¹⁾. Послѣ приврѣпленiя крестьянъ оброки и повинности крестьянъ нигдѣ не были прямо опредѣлены, ни Уложенiемъ, ни какии-либо другимъ известнымъ указомъ, а въ послушныхъ грамотахъ предписывалось крестьянамъ въ общихъ выраженiяхъ: „пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить“, или „читать и слушать таково-то и пашню на него пахать и доходъ платить“ ²⁾. Понятно, что было много простора для злоупотребленiй, для чрезмѣрнаго обремененiя крестьянъ оброками и повинностями. Господская полевая работа производилась смотря по нуждѣ и по соображенiямъ или самого помѣщика, или прикащика. Управление было самовластно и чрезвычайно строго. Имѣя со времени Уложенiя полное право наказывать своихъ крестьянъ тѣлесно, помѣщики беспощадно располагали и рабочею силою крестьянъ въ свою пользу. Андрей Ильичъ Безобразовъ, помѣщикъ, въ 1681 г. пишетъ въ одномъ своемъ приказѣ: „бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то, что по ихъ недосмотру сгорѣлъ господскiй домъ), вода по деревнямъ, только бы чуть живы были, и оковавъ прислать къ Москвѣ на ихъ подводахъ“ ³⁾. Если въ отношенiи къ суду и расправѣ были возможны столь вопiющiе факты, въ барщинѣ, разумѣется, легко могло проявляться то безчеловѣчное обращенiе съ крестьянами, противъ котораго возстаетъ Посошковъ. Нельзя отрицать, что именно въ послѣднее время до составленiя Посошковымъ „Книги о скудости и богатствѣ“ ревизiя много способствовала развитiю владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнiя права крестьянъ.

И въ западной Европѣ неопредѣленность отношенiй между крестьянами и землевладельцами, произволъ со стороны послѣднихъ, осно-

¹⁾ *Виллеовъ*, 93 и 95.

²⁾ Тамъ же, 191.

³⁾ *Виллеовъ*, стр. 249.

ванное на слишкомъ общихъ началахъ право помѣщиковъ относительно барщины — все это заставляло иногда правительство путемъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ дѣйствовать въ пользу крестьянъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на общую неудачу возстанія крестьянъ въ Германіи въ XVI столѣтіи, эти бунты имѣли хотя одно благоприятное слѣдствіе: правитель Германіи (намѣстникъ императора Карла V), Фердинандъ (впослѣдствіи императоръ Фердинандъ I), принудилъ въ нѣкоторыхъ областяхъ дворянство и духовенство обратить неопредѣленный барщинный трудъ крестьянъ въ точно опредѣленный. Сравнительно цвѣтущее состояніе крестьянскаго сословія въ Англіи главнымъ образомъ обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой странѣ уже съ XIII вѣка были точно опредѣлены повинности крестьянъ.

Жалкія условія, въ которыхъ находились крестьяне въ Россіи вслѣдствіе возможности произвола въ дѣлѣ барщины, встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ государствахъ въ продолженіе XVIII вѣка. Въ Австріи также случалось, что въ самую пору жатвы помѣщики заставляли работать крестьянъ на барщинѣ въ продолженіе цѣлой недѣли. Немедленно послѣ перваго раздѣла Польши, Фридрихъ Великій въ присоединенныхъ къ Пруссіи польскихъ земляхъ значительно улучшилъ состояніе крестьянъ превращеніемъ неопредѣленныхъ повинностей въ опредѣленные. За то можно было считать непростительною ошибкою образъ дѣйствія прусскаго правительства при наслѣдникѣ Фридриха Великаго, Фридрихъ-Вильгельмѣ II; въ уставѣ о крестьянахъ 1791 года законъ предписывалъ опредѣлить *по возможности* точнымъ образомъ размѣры повинностей крестьянъ, и нигдѣ не было сказано, кому принадлежало право рѣшенія о мѣрѣ возможности; далѣе въ этомъ же уставѣ было сказано, что землевладѣльцы имѣютъ право по своему усмотрѣнію возлагать на крестьянъ *умѣренное* тѣлесное наказаніе, но никто не имѣлъ возможности опредѣлить различіе между умѣреннымъ и неумѣреннымъ тѣлеснымъ наказаніемъ ¹⁾.

Посошковъ былъ правъ, требуя точнаго опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянъ путемъ законодательства. Но его предложенія остались тщетными. Правительство до этого только въ видѣ исключенія принимало мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ. Такъ,

¹⁾ См. мою статью «Die Hauptmomente der Geschichte des Bauernstandes», въ журналѣ *Baltische Monatschrift* 1864 года.

например, Котошихинъ пишетъ: „А какъ бояромъ и инымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишуть въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегати и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстей и вотчинъ не разогнать и въ нищце не привести, и насилствомъ у нихъ скота и животины пикакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати“ и пр. ¹⁾.

При характерѣ законодательства, болѣе и болѣе лишавшаго крестьянъ всѣхъ правъ, административныя мѣры, внушенія, надзоръ, не могли имѣть успѣха. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать на нихъ нравственно, но при отсутствіи законныхъ опредѣленій въ защиту крестьянъ, какихъ желалъ Посошковъ, всѣ старанія правительства на этотъ счетъ не могли имѣть успѣха.

Весьма любопытно въ этомъ отношеніи, что какъ разъ въ то время, когда Посошковъ готовился написать свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“, правительствомъ были приняты мѣры для обезпеченія благосостоянія крестьянъ. Въ инструкціи воеводамъ въ январѣ 1719 года встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее распоряженіе—наказъ (№ 31): „Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какаго непостояннаго житія (sic) вотчины свои не токмо (не) снабдѣвають или защищаютъ въ чемъ, но и раззоряють, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ быть и мучать, и отъ того крестьяне, повинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается донька, того ради воеводѣ и земскимъ комиссарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до такого раззоренія не допускать, и ежели подлинно явятся въ ихъ вѣдѣніи такіе разорители, и о такихъ разсматривать, и когда для денежныхъ и другихъ сборовъ поѣдутъ въ уѣзды земскіе комиссары, и гдѣ найдутъ прямую пустоту, или великое умаленіе, передъ переписнымъ числомъ, крестьянъ, тогда оному комиссару объявлять ему, воеводѣ, которому то обыскивать и свидѣтельствовать съ нимъ, комиссаромъ, тутошними ближними сосѣдами и другими о тѣхъ помѣщикахъ знаемыми людьми и явными свидѣтель-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 113—114.

ствы, отъ чего оная пустота явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такога наглаго разоренія; а тѣ обещки съ достовѣрными свидѣтельствами прислать въ сенатъ, и буде по сыску и по свидѣтельству такіе разорители своихъ имѣній явятся подлинно, и тѣхъ исправлять велѣтъ ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ, и велѣтъ до исправленія вѣдать ихъ деревни онымъ сродникамъ и свойственникамъ; такоужъ изъ тѣхъ деревень довольствоваться доходами тѣхъ помѣщиковъ, а которые не исправятся, и тѣхъ послать подъ началъ до исправленія, а которые не исправятся и подъ началомъ будучи, тѣхъ не освобождать, докелѣ же исправятся“ и пр. ¹⁾.

Такія мѣры не могли быть цѣлесообразны. Уже самое открытіе злоупотребленій, насилій, какъ видно, было дѣломъ случая; оно стало возможно лишь послѣ того, какъ разореніе крестьянъ дошло до столь громаднхъ размѣровъ, что убыль населенія бросалась въ глаза разѣвжавшимъ по округу чиновникамъ; безконечная процедура слѣдствія нисколько не обезпечивала улучшенія состоянія крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ; правительство, какъ видно, даже и не надѣялось на исправленіе разорителей, считая весьма легко возможнымъ, что впервые принятія противъ нихъ мѣры не достигнутъ желанной цѣли; наконецъ, какъ видно, правительство заботилось о всемъ этомъ не столько изъ общихъ полицейскихъ соображеній, и еще менѣе изъ особеннаго желанія защитить несчастныхъ крестьянъ, сколько руководимое мыслію о доходахъ государства. Именно казенныя выгоды, финансовыя соображенія заставляли правительство принимать мѣры къ приврѣпленію крестьянъ. Землевладѣльцы, аккуратно выплачивавшіе суммы, слѣдующія казнѣ, всегда могли разчитывать на снисходительность правительства. Такимъ образомъ, правительство, не смотря на желаніе, не имѣло вѣрныхъ средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это нѣкоторымъ образомъ намекаетъ указъ отъ 15-го апрѣля 1721 г.: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, говорить слѣдующее: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малой вошь бываетъ; и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь“.

¹⁾ П. С. З., 3294, № 31.

Но правительство сомнѣвалось въ возможности прекратить такую продажу, и потому тотчасъ послѣ приказанія „пресѣчь оную продажу“, оговаривается: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“. Очевидно, все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: „и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующие господа сенаторы заблагоразсудятъ“¹⁾. Значить, желаніе государя легко могло оставаться лишь предположеніемъ. Положеніе крестьянъ становилось все хуже и хуже. Слѣдующія за Петромъ Великимъ правительства путемъ законодательства содѣйствовали дальнѣйшему упадку крестьянскаго сословія. Постепенное уменьшеніе правъ, которыми еще при Петрѣ пользовались крѣпостные дворовые люди и крестьяне, дошло до того, что въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны они толпами уходили отъ помѣщиковъ. Вторая ревизія утвердила всѣ стѣсненія крѣпостныхъ людей и ввела многія новыя. За помѣщиками было утверждено право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ кому бы то ни было для отдачи въ рекруты; помѣщики получили право ссылать неугодныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь. Хозяева распоряжались ими какъ безгласною частною собственностью. Крестьянинъ не имѣлъ никакихъ правъ какъ человекъ, какъ лицо; личность его совершенно была подавлена и закрыта властью помѣщика; вся жизнь, всѣ способности крестьянина нераздѣльно принадлежали помѣщику. При Екатеринѣ II законодательство довершило бѣдствіе крестьянъ. Жалобы отъ крестьянъ на помѣщиковъ не принимались, и даже сами жалобщики наказывались кнутомъ и ссылкой въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ. Крѣпостные люди покупались, продавались, дарились сотнями и тысячами, оптомъ и въ розницу. Въ Малороссіи крѣпостныхъ людей выводили для продажи вмѣстѣ съ баранами и другими животными на ярмарки²⁾. Только въ видѣ исключенія правительство имѣло возможность защитить крестьянъ отъ такихъ лицъ, какова была Солтычиха. Такія лица встрѣчаются и во время Петра Великаго. Въ 1721 году Василій Головинъ былъ сосланъ на каторгу на 10 лѣтъ за то, что

¹⁾ Именной указъ, объявленный сенату кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. П. С. З. №3770. См. также *Бяляева*, 258.

²⁾ *Бяляевъ*, 279—325.

билъ человека своего и тотъ во время побоевъ умеръ ¹⁾). Но часто ли дурное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами дѣлалось извѣстнымъ правительству?

Посошковъ хотѣлъ быть защитникомъ крестьянъ. Онъ предлагалъ законодательныя мѣры въ пользу обезпеченія хотя бы нѣкоторыхъ ихъ правъ. Его записка не дошла до того, для котораго она была назначена. Петръ, не узнавъ о мысляхъ Посошкова, скоро умеръ, да и самъ Посошковъ не дожидъ до самаго печальнаго періода развитія крѣпостнаго права на Руси.

Подобно Посошкову и иностранцы, находившіеся въ Россіи при Петрѣ Великомъ, замѣчали, что положеніе крестьянъ становилось невыносимымъ. Такъ, напримѣръ, ганноверскій резидентъ Веберъ говоритъ, что безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами имѣло слѣдствіемъ убавленіе производства и общее униженіе въ низшемъ классѣ. Крестьяне, хотя бы сколько-нибудь зажиточные, содержали въ тайнѣ свои денежные средства изъ опасенія лишиться ихъ чрезъ сребролюбіе дворянства. Веберъ прибавляетъ къ этому, что нѣкоторые лица совѣтовали Петру отмѣнить рабство, но что Петръ, будто, возразилъ на это: „такимъ народомъ нельзя управлять иначе, какъ съ крайнею строгостью“ ²⁾.

Посошковъ, какъ мы видѣли, раздѣлялъ и это мнѣніе Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, считалъ необходимымъ болѣе гуманное обращеніе съ крестьянами уже въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ. Онъ пишетъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковныя владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель—Всероссійскій самодержавецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство—богатство царственное. И того ради мнитъ мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить распоряженіе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлать дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя провормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣ-

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, стр. 278.

²⁾ Weber. Neuverändertes Russland, II, 174.

ники на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили“¹⁾).

Изъ такихъ соображеній челоуѣка, который самъ принадлежалъ къ крестьянскому сословию, видно, что въ то время личность крестьянина считалась гораздо болѣе полноправною, чѣмъ впоследствии, чѣмъ, напримѣръ, въ то время, когда Татищевъ составлялъ свои экономическія записки.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство послѣдующаго времени развивалось именно въ направленіи, указанномъ Посошковымъ. Въ отношеніи же къ крестьянамъ законодательство послѣ Петра Великаго пошло на переборъ соображеніямъ, желаніямъ, надеждамъ Посошкова. Онъ желалъ болѣе точнаго опредѣленія обязанностей крестьянъ, и тѣмъ самымъ, обезпеченія остальнаго времени крестьянъ, остатка ихъ свободы. „О крестьянахъ“, говоритъ онъ, — „мнитса мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ничѣмъ бы такихъ не тѣснилъ, токмо смотреть за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно въ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такого порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить“²⁾. Такого закона не только не было издано, но даже все законодательство послѣдующаго времени имѣло противоположный характеръ и достигало противоположной цѣли, то есть, давая просторъ произволу помѣщиковъ, раззоряло крестьянъ.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ былъ настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ, какъ тщательно онъ занимался разборомъ такого рода вопросовъ, видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній. Для опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянскихъ онъ считаетъ необходимымъ самое точное опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго двора. Онъ спрашиваетъ: что должно считать крестьянскимъ дворомъ? Что должно служить предметомъ налога? Онъ занимается этимъ вопросомъ весьма основательно, и притомъ замѣчаетъ: „Я, истинно, о семъ много размышлялъ како бы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобъ Его Императорскомъ Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ

1) Соч. Пос., I, 183—184.

2) Соч. Пос., I, 185.

кой владѣть, и koliko онъ на то своей землѣ хлѣба высѣть про себя¹⁾. Не безъ основанія онъ въ нѣсколько сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ именно дворянъ за то, что они еще не позаботились о болѣе рациональномъ устройствѣ податной системы. Но мнѣнію Посошкова и „высвояго господа“ и „мелкіе дворяне“ должны были давно мѣстѣ всесторонне обсудить эти вопросы и представить о результатахъ своихъ совѣщаній докладъ Государю, „чтобы крестьянству было не тягостно“; Посошковъ, такъ сказать, считалъ возможнымъ нѣчто въ родѣ *assemblée des notables*; онъ мечталъ какъ-бы о зачаткахъ парламентаризма; при содѣйствіи дворянства и по утвержденію Государемъ долженъ былъ, по его мнѣнію, состояться законъ о крестьянахъ, законъ, которымъ рѣшилась бы судьба громаднаго большинства русскаго народа.

Тѣ самые вопросы, которые занимали Посошкова, и не были рѣшены въ продолженіе всего XVIII вѣка, и въ настоящее время принадлежать еще отчасти къ важнѣйшимъ задачамъ законодательной дѣятельности правительства. Введеніе болѣе рациональныхъ началъ въ податную систему и нынѣ служить предметомъ заботъ законодателей, которые при этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, руководствуются тѣми же соображеніями, которыми полтора столѣтія тому назадъ руководствовался Посошковъ. Послѣдній востаетъ противъ бывшаго тогда въ ходу способа опредѣленія крестьянскихъ податей. Онъ пишетъ: „Я невѣмъ, что господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что то именовать крестьянина ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота да городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожъ обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаю жъ я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ не постижимая и цѣны немущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка два-три истоцилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни по что; ибо поборъ сей несостоятеленъ“ и пр.²⁾ Такимъ образомъ, подвергнувъ нѣкоторымъ образомъ критику ревизію и подушную подать, Посошковъ продолжаетъ: „Крестьянамъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямаго у нихъ нѣтъ: кои сильные помѣщики, тѣ и-

¹⁾ Соч. Пос., I, 182.

²⁾ Соч. Пос., I, 185.

шуть дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, тѣмъ легко и жить, а кои средніе могутъ, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливають, а одними воротами ходять, а прочія ворота заборомъ забирають, то и тѣмъ крестьянамъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ таковаго порядка тѣи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходять, а богатые и сильныи бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ, а о прочихъ не пекутся¹⁾. Объясняя затѣмъ весьма подробно, какимъ образомъ должно поступать при опредѣленіи размѣровъ двора, онъ приходитъ въ тому заключенію, что слѣдуетъ, „расположить дворы не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ. И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому, ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить“²⁾.

Какъ видно, соображенія Посошкова имѣють нѣкоторое сходство съ мыслями его знаменитаго современника, строителя и защитника крѣпостей и экономиста Вобана, (*Vauban, Projet, d'une dime royale*). Во всѣхъ государствахъ опредѣленіе предмета, съ котораго собиралась подать, въ теченіемъ времени становилось все болѣе и болѣе точнымъ. Но лишь въ новѣйшее время были усовершенствованы способы составленія кадастровъ. Посошковъ именно требуетъ такого усовершенствованія въ финансовой администраціи относительно крестьянъ и относительно поземельной собственности вообще. При этомъ онъ надѣется на достиженіе двухъ цѣлей. *Вопервыхъ*, онъ желаетъ „охраненія крестьянъ отъ помѣщиковъ“, желаетъ, чтобы крестьянамъ было „сносно“; онъ до такой степени считаетъ личность крестьянина полноправною, что предлагаетъ давать свободу тѣмъ крестьянамъ, которые донесутъ судьямъ о взиманіи съ нихъ лишннихъ поборовъ, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, крестьянъ, умалчивающихъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, слѣдуетъ наказывать кнутомъ— „колько ударовъ уложено будетъ“³⁾. Посошковъ хочетъ, чтобы поборы были „легкостнѣе“ онъ требуетъ слѣдующее: „Буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать и наложить сверхъ указаннаго числа

¹⁾ Соч. Пос., I, 185—186.

²⁾ Тамъ же, I, 187—188.

³⁾ Соч. Пос., I, 188.

или излишнюю работу наложить, и еще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на государя и землю, то на то смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станеть“ ¹⁾. *Восторгалъ* же, Посошковъ разчитываетъ на гораздо большіе доходы для казны: „Интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множиться“. *Втретийжъ*, онъ надѣется на уравниеніе экономическаго положенія крестьянъ, принадлежавшихъ бѣднымъ, и крестьянъ, принадлежавшихъ богатымъ помѣщикамъ. „Аще по вышписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лица будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить“ ²⁾.

О деревенскихъ постройкахъ.

Страшное зло, отъ котораго страдало въ Россіи и городское, и сельское населеніе, были частые пожары. И въ лѣтописяхъ, и въ сказаніяхъ иностранцевъ встрѣчаются многія данныя о страшно опустошительныхъ дѣйствіяхъ огня. Уже довольно рано были приняты кое-какія мѣры противъ этой опасности. Были опредѣлены нѣкоторыя правила осторожности, были въ Москвѣ введены объѣзды, было запрещено топить мыльни лѣтомъ; было предписано ставить на избахъ бочки съ водой у дымницъ и т. п. Далѣе законъ старался предписывать нѣкоторыя правила о частныхъ зданіяхъ ³⁾.

Впрочемъ, въ отношеніи къ мѣрамъ предупрежденія почти ничего не было сдѣлано до Посошкова. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ его соображенія на этотъ счетъ, свидѣтельствующія опять-таки о необыкновенной наблюдательности и солидности его сужденія. „Къ крестьянскаго житія охраненію“, говоритъ онъ, — „надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда одного и двора не останется. И такъ погорають, что у инаго ни хлѣба, ни скота не обстанеться. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Аще бо селитьбою ихъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 190.

²⁾ Тамъ же, 188.

³⁾ См. нѣкоторыя данныя о полиціи относительно пожаровъ у *Лешкова*, Русскій народъ и государство, и 527—537, *Erman's Archiv*, X, и т. п.

не тѣснили, то бы гибели имъ такой не было. И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣтъ строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространнѣхъ мѣстахъ сажень по тридцати шириною, а и гдѣ тѣсное мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати сажень улицъ не дѣлать: того ради, аще у кого загорится, то всѣ бы сосѣди бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободныя, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе горѣтъ не дадутъ, потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлы во время запаленія сосѣдамъ помощи подать не можно, понеже всѣ мечутся за своими уборами; обаче не вся обратися могутъ, но у всѣхъ не безъ погибели бываетъ. И тако вси погибаютъ, а отъ того и въ самую нищету приходять“. Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о способѣ построекъ „гнѣздами“. Къ этому Посошковъ даже прибавилъ рисунокъ ¹⁾.

Мысли Посошкова встрѣчаются и въ законодательствѣ того времени. Посошковъ требуетъ перестройки всѣхъ деревень „какъ мочно хотя не вдругъ, но помаленьку“ и предлагаетъ весьма точный чертежъ, изъ котораго видно, что, по его соображеніямъ, между дворами должны были оставаться „промежки“, а за дворами должны были находиться „жонопляники“. Извѣстно что какъ разъ въ то самое время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, правительство обнародовало относительно сельскихъ построекъ предписаніе точь въ точь сходное съ предложеніями Посошкова. Изъ сенатскаго указа 3-го апрѣля 1724 года видно, что 26-го іюля (7-го августа 1722 года было „опубликовано во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ о строеніи въ погорѣлыхъ селахъ и деревняхъ по чертежу, и чертежи при указахъ разосланы“. Въ 1724 же году правительство жалуется на то, что не смотря на такое предписаніе, крестьяне погорѣлыхъ мѣстъ строятъ дворы „по старому обыкновенію,

¹⁾ Тутъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующую, впрочемъ, незначительную несообразность въ текстѣ, изданномъ г. Погодинымъ. Въ концѣ VIII-й главы въ двухъ словахъ еще разъ упомянуто (стр. 189) о постройкѣ гнѣздами «якоже о томъ во ослмой главѣ изъяснится»; между тѣмъ какъ въ восьмой главѣ, объ этомъ предметѣ не говорится, а только въ VII главѣ, стр. 172—173.

не оставляя между дворовъ огородовъ и коноплянниковъ". Поэтому предписывается строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „до прежняго строгія сплошь дворовъ отнюдь не допускали ¹⁾).

Къ сожалѣнію, указъ съ чертежемъ отъ 26-го іюля 1722 года не сохранился. Именно сравненіе чертежей могло бы представить доказательство, что Посошковъ состоялъ въ нѣкоторой непосредственной связи съ правительствомъ. Или онъ могъ находиться подъ прямымъ вліяніемъ вышеупомянутаго указа, или же онъ какимъ-либо путемъ внушилъ правительству мысль о необходимости такого указа и сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ этой весьма важной, хотя, и какъ видно не только изъ указа 1724 года, но также изъ характера сельскихъ построекъ нынѣшняго времени, совершенно безуспѣшной законодательной мѣры. Рѣшить этотъ любопытный вопросъ мы пока не въ состояніи. Принимая, однако, во вниманіе, что Посошковъ, весьма хорошо знакомый съ современными ему законами, на этотъ разъ не говоритъ ни слова о существованіи такого закона: поэтому мы можемъ считать вѣроятнымъ, что мысль Посошкова о реформѣ сельской архитектуры сдѣлалась въ частностяхъ извѣстною кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ и превратилась въ указъ. Этотъ указъ явился 26-го іюля 1722 года. Посошковъ писалъ книгу „О скудости и богатствѣ“ отъ 1721 до 1724 года. Когда именно онъ писалъ главу „о крестьянствѣ“—неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, ни старанія Посошкова, ни мѣры правительства для обезпеченія успѣха борьбы съ „Вулканусомъ“, какъ выражался въ то время Виниусъ о частыхъ пожарахъ,—не имѣли успѣха. И до сихъ поръ дома въ деревняхъ не строятся гнѣздами, какъ предлагалъ Посошковъ. Деревянные дома представляютъ собою непрерывную цѣпь горючаго матеріала. Въ губерніяхъ Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской, главнымъ образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, на каждый пожаръ приходится среднимъ числомъ отъ 10 до 13 домовъ ²⁾). Мнѣніе Посошкова и досихъ поръ еще вѣрно въ томъ отношеніи, что „и тако вси погибають, и отъ того въ самую нищету приходятъ“.

О межеваніи.

Посошковъ уже до составленія книги „О скудости и богатствѣ“ занимался вопросомъ о межеваніи. Ему приписывается составленіе не-

¹⁾ П. С. З., №4490.

²⁾ См. соч. Вильсона, Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи (С.-Петербургъ, 1865), стр. 4 и 12.

большаго сочиненія, списокъ котораго находится въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Книга о размѣреніи земли пахенной по росписанію крестьянскаго тягла десятинь, пятинь, четвертей, полчетвертей и ноль-полчетвертей и менши, описанное какъ государевыхъ сель, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству къ плодоносію доброй, средней и худой земли“¹⁾). На какомъ основаніи это сочиненіе приписывалось Посошкову—покуда остается неизвѣстнымъ. По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ не имѣвъ возможности заняться чтеніемъ и разборомъ этой рукописи, мы не можемъ ничего сказать по этому вопросу; но такъ какъ, впрочемъ, Посошковъ о межеваніи говоритъ весьма подробно въ восьмой главѣ своего сочиненія „О скудости и богатствѣ“, и изъ этихъ соображеній видно, что онъ былъ весьма хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ; то мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Посошковъ былъ авторомъ того сочиненія, о которомъ упомянуто въ V томѣ *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*. Если-жъ авторомъ этой записки былъ Посошковъ, то по всей вѣроятности, выраженныя въ восьмой главѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ мысли по крайней мѣрѣ значительною долею могутъ считаться повтореніемъ того, что было сказано въ вышеупомянутой рукописи. Посошковъ въ отношеніи ко многимъ предметамъ любилъ въ разныхъ сочиненіяхъ повторять однѣ и тѣ же мысли. Такъ, напримѣръ, его доношеніе къ Яворскому отчасти сходно съ первою главою сочиненія „О скудости и богатствѣ“, а доношеніе къ боирину Головину сходно со второю главою этой книги; глава „о приказныхъ порядкахъ“ въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сходна нѣкоторымъ образомъ съ содержаніемъ главы „о правосудіи“ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ и т. п.

Вопросъ о межеваніи и о составленіи кадастра могъ считаться весьма важнымъ предметомъ заботъ правительства во время Посошкова. Это видно, между прочимъ, изъ множества указовъ „о размежеваніи пустошей“, „о межеваніи спорныхъ земель“ и т. п. По мѣрѣ того, какъ развивалось сознаніе о значеніи поземельной подати, правительство должно было стараться усовершенствовать приемы межеванія, болѣе точно опредѣлять доходность земель, однимъ словомъ—займаться составленіемъ кадастра для всей имперіи.

Восьмая глава сочиненія Посошкова „О скудости и богатствѣ“

¹⁾ См. *Записки Императорской Академіи Наукъ*, т. V, 62—63.

нѣтъ по одному списку заглавіе „О дворянѣхъ, о крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ“, по другому только „О земляныхъ дѣлахъ“. Тутъ прежде всего говорится о вредѣ чрезмѣрнаго дробленія помѣщичьихъ земель. „Въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ“, говоритъ Посошковъ, — „кромя ссоры да бѣды, иного нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣютъ и деривютъ и лѣсомъ поростають. И въ томъ запустѣніи царскій интересъ малится, потому что отъ пустой земли никакого дохода не бываетъ. А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ навозиваетъ, и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, также и сѣнные покосы распахиваютъ, и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается“. Посошковъ предполагаетъ положить предѣлъ чрезмѣрному дробленію земель; такъ какъ однако общія владѣнія не бываютъ „безъ вражды и другъ другу безъ обиды“, то Посошковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже считаетъ необходимымъ продажу такихъ имѣній и распредѣленіе вырученныхъ денегъ между родственниками. Въ такомъ случаѣ „и браниться будетъ не о чемъ“, потому что на деньгахъ и малыя дробныя раздѣляютъ часто“.

Далѣе Посошковъ жалуется на писцовъ, переписчиковъ и дозорщиковъ, которые, относясь къ своей обязанности весьма недобросовѣстно, „пишутъ и пишучи, не то чтобъ ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ“. Посошковъ по собственному опыту знаетъ, въ какой степени такія показанія чиновниковъ бывали случайными, произвольными, неправильными и несправедливыми. Онъ говоритъ: „А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межами не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову положиа дернину, да отводятъ землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшати, и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагаая, и умирали на межѣ“¹⁾.

¹⁾ Соч. Пос., I, 191—193.

Можно представить себѣ, что подобный образъ дѣйствій чиновнаго люда долженъ былъ казаться дикимъ, вопіющимъ Посошкову, строгому защитнику правосудія, любившему во всемъ правильность, аккуратность, добросовѣстность. Потому-то онъ, перица образъ дѣйствій писцовъ и дозорщиковъ, не ограничивался этимъ, но самъ занялся составленіемъ руководства для межеванія земель. Его подробное объясненіе этого предмета показываетъ въ немъ отличнаго знатока дѣла. Мы намѣрены представить лишь образчикъ этихъ правилъ, предлагаемыхъ Посошковымъ. Онъ пишетъ между прочимъ: „А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя, а буде съ кѣмъ не раздѣлила ни рѣвка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотритъ какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было, а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полну камня и накласть бугромъ, чтобъ матерья земли выше было, и на то копанье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ вѣковъ утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки, и подъ ту вервь поставить мореходный компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать“ и пр.—Далѣе Посошковъ предлагаетъ на межахъ посадить „деревцовъ“: „около коей земли сажены березки, то березы бѣ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около той земли одни бы они и были.... и дерево кое насажено такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ деревьямъ не присаживать... И буде кое дерево посаженое подсохнетъ, та паки посадить такоежъ... и годы два-три или пять-шесть перемѣшкавъ, паки всякому межевщику межъ своихъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какое поврежденіе“.... Затѣмъ слѣдуютъ весьма подробныя указанія о наказаніяхъ тѣмъ, которые портятъ межи, объ осмотрѣ деревьевъ на межахъ, и о разныхъ приемахъ межеванія ¹⁾). Любопытно слѣдующее предложеніе Посошкова: „Аще и съ трудностью потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ бескорно бѣ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершитъ, то мнитца мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ сотницу другую и по городамъ ра-

¹⁾ Соч. Пос., I, 193—196.

зослать. И еще гдѣ пожаръ учиниться, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевальнѣй трудъ не погибнетъ, и смѣтенія о землѣ нигдѣ и ни угого не будетъ: она будто въ зеркалѣ всѣмъ зрима¹⁾. Объяснивъ подробно, какимъ способомъ должно составлять чертежи отдѣльными участкамъ, Посошковъ замѣчаетъ: „И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣрѣ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ колико въ ней десятинъ и коликія четвертныя пашни“. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы были „написаны всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бѣ была на особливомъ листу“; затѣмъ онъ продолжаетъ: „И еще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, еще убогъ, и еще кто и абедовать и нахиловать, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все, и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ и буде кто и покусится между заровнять, или холмъ на чужую землю перенести, то всякой человѣкъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человѣку, и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обида чинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другую въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна¹⁾).

Все это Посошкову кажется необходимымъ ради кореннаго измѣненія податной системы.

О поземельной подати.

Поземельная подать существовала съ давнихъ поръ. Земля была опредѣлена по *десятинамъ*, *четямъ*, *сохамъ* и *взтямъ*. Величина этихъ мѣръ была различна въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Впрочемъ, поземельная подать не имѣла большаго значенія въ финансовомъ управленіи. Другіе доходы казны преобладали. Посошковъ желалъ привлечь преимущественно поземельную собственность въ участію въ платежѣ налоговъ²⁾. Онъ пишетъ: „И тако всѣхъ гос-

¹⁾ Соч. Пос., I, 198 и 199.

²⁾ См. Исторію финансовыхъ учреждений Россіи гр. Д. Толстаго, стр. 7 и слѣд.

подъ, великихъ и мелкихъ дворянъ дачи обмѣрить подлинною правдою мѣрою, а не по прежнему глазомѣроу, чтобы ни лишка и ни недомѣру противъ дачъ не было. Велики надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да еще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душегубства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было¹⁾.

Такимъ образомъ Посошковъ позволяетъ себѣ строгую критику существовавшей при немъ податной системы. Онъ называетъ подушную подать „душегубствомъ“ и желаетъ замѣнить ее поземельною податью; онъ обвиняетъ финансовое управленіе въ томъ, что при прежней системѣ, при отсутствіи строгихъ порядковъ межеванія и кадастра было много „обидъ“.

Всѣ эти вопросы не разъ съ тѣхъ поръ занимали экономистовъ и правителей. Наука политической экономіи и теоріи финансовъ совершенно въ духъ мыслей Посошкова высказалась противъ подушной подати²⁾. Физиократы, писавшіе немногимъ позже Посошкова, также указали на необходимость существенной перемѣны податной системы, обращая особенное вниманіе на поземельную подать. Въ новѣйшее время принципъ взиманія налоговъ съ дохода получаетъ все большее и большее значеніе въ финансовомъ управленіи, совершенно согласуясь съ убѣжденіями, высказанными Посошковымъ. Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ и администрація у насъ въ Россіи, особенно послѣ тщательныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ состояніемъ крестьянскаго сословія въ новѣйшее время.

Посошковъ, по своему обыкновенію, не ограничивается общимъ предложеніемъ реформъ въ законодательствѣ. Онъ входитъ въ частности. „И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь уважетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійской, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли

¹⁾ Соч. Пос., I, 200.

²⁾ См., напримеръ, Rau, Lehrbuch der polit. Oekonomie, Bd. III. 2-te Hälfte. стр. 192. (Heidelberg, 1877); также Эммингаузъ (Emminghaus) въ Reuttsch, Handwörterbuch. Leipzig, 1866, стр. 517.

будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ. И буде положить мѣра десятины длиннику 80 сажень, а поперечнику 40 сажень ¹⁾, и съ такой десятины, мнитса мнѣ, что можно съ пахотныя земли по осьми копѣекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копѣекъ, а съ лѣсныя по четыре копѣйки, а съ болотныя по двѣ копѣйки. И я чаю, что на каждый годъ денежнаго сбора тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходить, или и гораздо больше, и тотъ земляной сборъ будетъ прочень, и нивогда онъ не умалитса, токмо годъ отъ году прибывать будетъ. Буде кто лѣса расчислитъ и пахотными полями устроить, то у того дачи прибудеть, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на землю прибавлять дачи не для чего, потому что она паки подъ лѣснымъ угодьемъ будетъ. И аще кто и болото обсушить и устроить сѣнокосъ, то и тамо прибудеть же сбору. И того ради земскимъ комиссаромъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить. И по тому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики ²⁾.

И при этомъ случаѣ Посошковъ оказывается вѣрнымъ подданнымъ и горячимъ патриотомъ. Онъ хорошо понимаетъ необходимость финансовыхъ пожертвованій со стороны каждаго подданнаго. Поэтому онъ, въ видѣ обезпеченія общихъ интересовъ, столько же желаетъ привлечь другихъ къ усиленному платежу налоговъ, сколько и самъ былъ готовъ платить болѣе прежняго, лишь бы распределение податей было рационально, то-есть, соответствовало бы имуществу и доходамъ каждаго. И тутъ, какъ при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, обнаруживается нѣкоторое нерасположеніе Посошкова къ высшимъ классамъ общества: „А нынѣ есть много такихъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ пустоши отдають подъ пахоту и подъ сѣнокосъ изъ найма, и на вѣждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не даетъ онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтора-четвертей есть, а платежу моему нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить де-

¹⁾ 3200 квадр. саж., нынѣ десятина 2400 кв. с.

²⁾ Соч. Пос., I, 202.

сятинами, то я чаю, десятинь миллионовъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячь сотъ пять шесть будетъ того сбору, и того платежа никому по-тять или въ платежѣ похитрить будетъ не возможно; потому что не единыя десятины утять будетъ не возможно“¹⁾).

Изъ этихъ соображеній мы видимъ, въ какой солидарности съ интересомъ казны находился Посошковъ. То обстоятельство, что при платежѣ податей публика столь часто относилась недобросовѣстно въ выгодамъ казны, стараясь утять предметъ налога, кажется Посошкову доказательствомъ сильной нравственной порчи общества. Всею душою желая помочь государству въ достиженіи цѣлей послѣдняго, онъ не разчитываетъ на содѣйствіе самаго состоятельнаго класса Русскаго народа. „Только чаю“, замѣчаетъ онъ, — „сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять“. Въ качествѣ ревностнаго сторонника правительства, Посошковъ ожидаетъ, что „сильныя лица... будутъ препятся чинить“, но въ то же время онъ надѣется, что „Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство“²⁾).

Посошковъ хорошо понимаетъ, что такая реформа сопряжена съ значительными затрудненіями. Онъ ожидаетъ, что особенно въ первое время даже будетъ недостатокъ въ людяхъ опытныхъ въ межеваніи. Онъ признаетъ, что трудно всю землю размежевать, по „послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ“. За то онъ надѣется, что земляная подать „тверже подушнаго сбору“, что она „постоянна и прибыльна“. „Землю“, онъ замѣчаетъ, — „сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обача она стоить недвижимо; того ради и поборъ аще съ неа учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ“³⁾. Затѣмъ онъ старается опредѣлить точнѣе финансовый результатъ предлагаемой имъ операціи.

Посошковъ, опытный въ вычисленіяхъ, считая десятину въ 3200 квадратныхъ саженой, находитъ, что въ каждой квадратной верстѣ по $78\frac{1}{8}$ десятинь. Считая „кругомъ съ пахатныя и съ сѣновосныя и съ болотныя земли по грошу съ десятины“, онъ ожидаетъ сбору „милліонъ мѣста другой во всякій годъ, и тотъ сборъ не оскудѣетъ,

¹⁾ Соч. Пос., I, 20, 3.

²⁾ Тамъ же, 204.

³⁾ Соч. Пос. I, 203—204.

но тою мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполниться“. Сбору отъ 1 до 2 милліоновъ рублей по 2 копѣйки за десятину соотвѣтствуетъ количество 50 до 100 милліоновъ десятинъ. Разумѣется, эта цифра есть результатъ приблизительной оцѣнки, а не точнаго измѣренія, однако она довольно хорошо согласуется съ дѣйствительностью. Тенгоборскій насчитываетъ въ Россіи 90 милліоновъ десятинъ пахатныхъ полей и 60 милліоновъ десятинъ луговъ. Принимая въ соображеніе, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Посошковъ, до Тенгоборскаго территория Россіи расширилась чрезъ приобрѣтеніе различныхъ земель, напримѣръ польскихъ, татарскихъ и турецкихъ цифра у Посошкова оказывается довольно близкою къ дѣйствительности.

Посошковъ желаетъ, чтобы были измѣряемы и обложены всѣ, безъ исключенія, земли: имѣнія дворянъ, дворы „крестьянскіе и всякихъ чиновъ людей и прочихъ у градскихъ жителей и у приказныхъ канцеляристовъ и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей.. дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Посошкова, всѣ землевладѣльцы считаются какъ бы откупщиками государю. Поземельная подать, такъ сказать, имѣетъ значеніе арендной платы. Такой взглядъ на отношеніе подданныхъ къ государю, собственнику всѣхъ земель, соотвѣтствуетъ еще нынѣ господствующему на востокѣ, въ Турецкой имперіи.

Посошковъ считаетъ главнымъ основаніемъ поземельной подати количество земли. Онъ говоритъ прежде всего о межеваніи, а затѣмъ только обращаетъ вниманіе на доходъ съ земли. То обстоятельство, что онъ предлагаетъ брать иную подать съ пахатныхъ полей, иную съ сѣнокосовъ и т. д., уже показываетъ, что онъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ кадастра. Особенно замѣтенъ этотъ взглядъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Посошковъ говоритъ о поземельной подати съ такихъ земель, гдѣ происходятъ занятія садоводствомъ. Онъ замѣчаетъ: „А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородныя разведены, такожде измѣрять въ дробныя сажени, и мнитсѣ, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копѣйкѣ можно имать“ ¹⁾. Значить, въ то самое время, когда Посошковъ считалъ достаточнымъ, чтобы съ каждой десятины пахатной земли уплачивалось по 8 копѣекъ, съ сѣнокосной

¹⁾ Соч. Пос., I, 207—208.

по 6 копѣекъ и пр., съ такихъ „огородныхъ и подгородныхъ“ земель онъ предлагаетъ взимать по 320 копѣекъ, то-есть, въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ съ пахатныхъ земель.—Какъ видно, Посошковъ имѣлъ болѣе или менѣе точныя понятія о теоріи поземельнаго дохода, хотя въ наукѣ развитіе этой теоріи послѣдовало гораздо позже, благодаря изслѣдованіямъ Рикардо, Тюнена и проч.

Что касается до примѣненія въ практикѣ предложеній Посошкова относительно поземельной подати, то и въ настоящее время русское законодательство занято рѣшеніемъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, которыми довольно тщательно занимался когда-то Посошковъ. Раньше или позже, но сколько можно судить при настоящемъ положеніи дѣла объ этомъ предметѣ, главныя основанія предложеній Посошкова должны осуществиться. Отмѣна подушной подати должна считаться лишь вопросомъ времени. Болѣе тщательное распредѣленіе поземельнаго налога, привлеченіе всѣхъ къ участию въ платежѣ онаго, развитіе значенія этого налога между доходами государственными, все это, мало по малу, уже съ нѣвотораго времени составляетъ весьма важный предметъ заботъ правительства. Посошковъ въ этомъ отношеніи понималъ не только нужды и потребности своего вѣка, но и слѣдующихъ за нимъ поколѣній.

Напротивъ того, крестьянскій вопросъ былъ затронутъ Посошковымъ лишь слегка, главнымъ образомъ потому, что развитіе ерѣвостнаго состоянія относится значительною долею ко времени послѣ Посошкова. Между тѣмъ какъ въ отношеніи къ крестьянамъ онъ скорѣе былъ консерваторомъ и не ожидалъ еще большаго упадка крестьянскаго быта, но вопросу о поземельной подати онъ былъ прогрессистомъ, далеко опередившимъ свой вѣкъ.

IV.

Мысли Посошкова о финансахъ.

Разбирая понятія Посошкова о состояніи земледѣльческаго сословія, мы уже имѣли случай видѣть, въ какой мѣрѣ Посошковъ понималъ необходимость всѣхъ пожертвованій со стороны и каждаго въ пользу казны, какъ онъ умѣлъ цѣнить значеніе финансовъ для государства, и какъ онъ мечталъ объ устройствѣ по возможности болѣе правильнаго отношенія хозяйства государственнаго къ общественному хозяйству.

Уже въ первой главѣ, въ которой мы подвергали разбору нѣкоторыя обще-экономическія понятія Посошкова, мы указали на то обстоятельство, что скромный крестьянинъ-экономистъ постоянно имѣлъ въ виду тѣсную связь между выгодами казны и экономическимъ состояніемъ общества. Едва ли многіе современники Посошкова въ Россіи столь ясно понимали необходимость доставленія казны весьма значительныхъ средствъ для покрытія издержекъ государства. Едва ли многіе государственные люди, а также и представители публики, платящей налоги, столь ясно, какъ Посошковъ, сознавали необходимость весьма осторожнаго и рациональнаго взиманія податей.

Мы имѣли случай видѣть, что Посошковъ былъ во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ посредникомъ между правительствомъ и обществомъ въ области хозяйственной полиціи. И при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ, онъ постоянно старался согласовать интересъ государственнаго бюджета съ благосостояніемъ публики. Хотя у него еще не встрѣчается самаго слова „финансы“, хотя, и даже весьма часто, онъ смѣшиваетъ понятіе о „царскомъ интересѣ“ съ понятіемъ о благосостояніи народа, онъ во многихъ случаяхъ весьма точно и опредѣленно разсуждаетъ о соотношеніи между финансами и экономическимъ бытомъ частныхъ лицъ.

Уже въ первыхъ сочиненіяхъ Посошкова мѣстами затрогиваются финансовыя вопросы. Въ донесеніи боярину Головину (1701 г.) довольно подробно говорится о расходахъ для содержанія войска, о военномъ бюджетѣ. Въ не дошедшихъ до насъ „денежныхъ письмахъ“ Посошкова говорилось о монетной системѣ и ея значеніи для государственнаго хозяйства. Гораздо подробнѣе однако говорится о разныхъ финансовыхъ вопросахъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Последняя глава этой книги, „о царскомъ интересѣ“, цѣликомъ посвящена этимъ вопросамъ, а кромѣ того, и въ другихъ главахъ встрѣчаются разныя разсужденія о финансовыхъ предметахъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „о правосудіи“ говорится о контролѣ надъ цѣловальниками, бурмистрами и сборщиками, въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ“ о поземельной подати, въ главѣ „о купечествѣ“ — о монетахъ и т. п.

Посошковъ имѣетъ высокое понятіе о значеніи нравственности для матеріальнаго благосостоянія государства. Въ началѣ книги „О скудости и богатствѣ“ онъ говоритъ: „То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ земскихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится, и вси, яко богати, тако и убози, между собою любвію

имуть жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудить другъ другу въ нуждахъ помогать; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочный случится, то не морщася, платитъ будутъ“ ¹⁾).

Предлагая, чтобы крестьяне при продажѣ скота или хлѣба и т. п. платили десятую часть цѣны государю въ видѣ пошлины, Пососшковъ замѣчаетъ въ главѣ „о духовенствѣ“: „И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословить всякимъ изобиліемъ и пр.“ ²⁾. Весьма рѣзко осуждаетъ Пососшковъ образъ дѣйствій недобросовѣстныхъ людей, занимающихся торговлею и уклоняющихся отъ платежа опредѣленныхъ закономъ пошлинъ. Съ ожесточеніемъ говоритъ онъ о безцеремонномъ обращеніи сильныхъ, богатыхъ людей съ цѣловальниками и сборщиками казны, которые „къ богатымъ людямъ прикоснуться не имѣютъ“, потому что сильные люди „сборщиковъ чуть живыхъ оставляютъ“ ³⁾.

Еще до Пососškова объ этой обязанности всѣхъ сословій участвовать въ платежѣ налоговъ довольно обстоятельно говорилъ Крижаничъ. Въ тронной рѣчи, составленной послѣднимъ какъ бы для царя Алексѣя Михайловича, царь говоритъ, между прочимъ ⁴⁾: „Вы мораете (должны) радо и охотно приѣмать всякія наши заповѣди: а именно объ поборехъ: когда коли кратъ мы вамъ заповѣмъ, всегда вы будете повинны давать поборъ: на посидокъ (на поддержку) нашия казны, во всякимъ потребамъ. А мы вамъ супроть тому обѣщаемъ: яко поборовъ не хотимъ выпрошать безъ нужи. А должны будутъ поборъ давать всѣ посадники и всѣ еметы, никого не изнимая. То есть наипервые наши кралевски посадники и нашихъ кралевскихъ сель еметы и селяны. А за тѣмъ всяки церковны, княжески, властельски и боярски посадники и еметы“ ⁵⁾. Готовностью платитъ налоги, говоритъ Крижаничъ въ другомъ мѣстѣ, подданные

¹⁾ Соч. Пос., I, 2—3.

²⁾ Соч. Пос., I, 23.

³⁾ Тамъ же, I, 116.

⁴⁾ Крижаничъ, I, 328.

⁵⁾ Крижаничъ, I, 328.

лучше всего избѣгнуть всѣхъ бѣдствій финансовыхъ крутыхъ мѣръ, оказывающихъ вредное вліяніе на благосостояніе народа, каковы „кабаки“, „злые пѣвязи“ и т. п. ¹⁾). Какъ видно, Крижаничъ превосходитъ Посошкова и ясностью понятія объ обязанностяхъ подданныхъ платить налоги, и точностью указанія на вредныя финансовыя мѣры.

О расходахъ государства.

Посошковъ говоритъ лишь въ одномъ мѣстѣ и къ тому же въ одномъ изъ самыхъ раннихъ сочиненій, а именно въ донесеніи боярину Головину „О распутномъ поведеніи“. Тутъ онъ нѣсколько подробнѣе занялся составленіемъ военнаго бюджета. Весьма тщательно вычисляетъ онъ, дорого ли обойдется предложенная имъ организація войска. Онъ полагаетъ устроить пѣхоты 50.000 чел., по 10 руб. жалованья каждому, далѣе 10 четвертей хлѣба на человѣка (по 50 к. четверть) и подъемныхъ три рубля на человѣка. Такимъ образомъ, расходы на содержаніе пѣхоты, по его мнѣнію, должны быть:

500.000 р.	+	250.000 р.	+	150.000 р.	Итого 900.000 р. Затѣмъ:
		ружье по 2 руб.		100.000 р.	
		богинеты по 50 коп.		25.000 „	
		пороху 5 фунт. по 10 к. фунтъ		25.000 „	
		пулекъ 5 „ „ 3 „ „		7.000 „	
				<hr/>	
					157.500 р.

Кормъ на три мѣсяца, по рублю на человѣка, Посошковъ считаетъ 150.000 руб. Значить, всѣ три суммы вмѣстѣ: 900.000 + 157.500 + 150.000 = 1,207.500 р.

Не довольствуясь этимъ, Посошковъ вычисляетъ, сколько стоило бы содержаніе 10.000 человѣкъ пѣхоты, еслибы каждый стрѣлецъ получалъ по 30 рублей и хлѣба—20 четвертей и подъемныхъ 5 рублей. Это составило бы 450.000 р.

ружье по 6 рублей	60.000 „
бердыши или богинеты по 60 к.	6.000 „
ножи „добрые“ по 20 коп.	2.000 „
пороху по 3 фун. по 20 к. фунтъ	6.000 „
„пулей“ по 3 фунта.	900 „
корму	45.000 „
	<hr/>
Итого	569.000 р.

¹⁾ Крижаничъ, I, 370.

Таковыми выкладками Посошковъ старается доказать, что содержаніе менѣе многочисленнаго, но состоящаго изъ лучшихъ стрѣлковъ и снабженныхъ лучшимъ оружіемъ войска обходится дешевле, чѣмъ содержаніе войска многочисленнаго даже въ томъ случаѣ, когда жалованье солдатамъ, умѣющимъ стрѣлять въ цѣль, будетъ стоить втрое дороже содержанія обыкновенныхъ солдатъ.

Въ концѣ записки, составленной для Головина, Посошковъ возвращается къ этимъ финансовымъ вопросамъ, и въ особенномъ приложеніи сообщаетъ „исчисленіи казны, что иметца противъ вышесаннаго расположенія“. Мы позволимъ себѣ привести краткое извлеченіе изъ этой смѣты въ доказательство того, какъ подробно Посошковъ занимался вопросомъ о нуждахъ государства.

20.000 человекъ пѣхоты по 25 р. жалованья и по 4 руб. подъемныхъ	929.800 р.
<hr/>	
20.000 копейныхъ солдатъ по 16 р. жалованья .	320.000 „
хлѣба по 16 четвертей, по 50 коп. четверть . .	160.000 „
подъемныхъ по 3 рубля	60.000 „
копы съ бердышами и пр. по 1 рублю	20.000 „
<hr/>	
	560.000 р.
<hr/>	
„работнымъ“ людямъ 20.000 руб. по 8 р. жалованья, хлѣба по 8 четвертей, подъемныхъ рублей по 2 рубля	280.000 р.
кирки, топоры и пр. по 50 кой.	10.000 „
„для нужной обороны“ по рогатинѣ, по 30 коп.	6.000 „
<hr/>	
	296.000 р.
<hr/>	
конницы 10.000 человекъ по 60 рублей	600.000 р.
хлѣба ему и коню по 40 четвертей	200.000 „
на коня по 10 рублей	100.000 „
ружье по 8 рублей	80.000 „
пара „пистолей“ по 4 рубля	40.000 „
„острь“ по 1 рублю	10.000 „
пороху и пулекъ	31.500 „
<hr/>	
	1,061.500 р. ¹⁾

¹⁾ У Посошкова, по ошибкѣ, 1,171.500 р.

копейщиковъ и лучшихъ стрѣльцовъ 10.000, по	
40 рублей годоваго жалованья	400.000 р.
хлѣба по 40 четвертей	200.000 „
на воя по 8 рублей.	80.000 „
на подъемъ по 8 рублей.	80.000 „
на оружіе по 5 рублей	50.000 „
	810.000 р.

Значить, расходы на содержаніе войска въ 60.000 чел. составляютъ сумму около 3¹/₂ милліоновъ рублей и т. д. ¹⁾).

Устройство финансовъ въ то время, когда Посошковъ писалъ о военномъ бюджетѣ, при критическомъ положеніи, въ которомъ находилось государство, было дѣломъ самымъ важнымъ. Правильной финансовой организаціи еще не существовало. Правительство всѣми мѣрами старалось умножить доходы государства, которые весьма значительною долей употреблялись на содержаніе войска и флота. Къ сожалѣнію, о тогдашнемъ состояніи финансовъ имѣются лишь отрывочныя данныя. Такъ напримѣръ, цифры, сообщенныя въ сочиненіи г. Соловьева, еще не могутъ дать намъ яснаго понятія о финансовомъ состояніи Россіи въ то время. Вотъ что сказано тамъ на счетъ финансовъ въ 1710 году: „27-го января 1710 г. государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу 3,051.796 рублей; по табелямъ губернаторскимъ среднихъ доходовъ 3,016.590 р., изъ общаго сложеннаго трехъ годовъ перечна треть 3,133.879 р. Расходъ на армію простирался до 1,252.525 рублей, на флотъ до 444.288 р., на артиллерію и припасы до 221.799 р., рекрутамъ 30.000 р., на оружейныя дѣла 84 104 р. и т. д.“ ²⁾). Какъ кажется, фактическіе расходы, какъ видно изъ этихъ официальныхъ данныхъ, были менѣе значительны, чѣмъ цифры, встрѣчающіяся въ военномъ бюджетѣ, составленномъ Посошковымъ. Это обстоятельство удивляетъ насъ тѣмъ болѣе, что смѣта Посошкова относится къ 1701 году, тогда какъ официальныя цифры о расходахъ въ сочиненіи г. Соловьева относятся къ 1710 году. Въ какой мѣрѣ, однако, въ продолженіе царствованія Петра увеличивались размѣры бюджета, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1710 году доходы составляли сумму около 3 милліоновъ, въ 1722 г. — 7,859.833 руб., а въ 1725 г. — 10,186.707 р.

¹⁾ Соч. Пос., I, 289—291.

²⁾ Соч., Ист. Рос., XVI, 44.

Еъ этому же времени относится чрезвычайно значительное увеличеніе размѣровъ бюджетовъ и прочихъ европейскихъ государствъ; главнымъ образомъ причиной этого явленія были войны Людовика XIV и громадныя расходы Франціи для содержанія двора и войска. Въ Англіи въ 1685 г. доходы составляли сумму 1,400.000 фунт. ст.; въ 1709 году они достигли уже цифры 7 милліоновъ фунт. ст. Въ Австріи при Фердинандѣ доходы были 7¼ мил. гульденовъ; въ 1733 году мы встрѣчаемъ цифру 42 милліоновъ гульденовъ и т. п.

Результатомъ такого усиленія потребностей, нуждъ, расходовъ государствъ, а главнымъ образомъ, слѣдствіемъ развитія системы постоянныхъ войскъ было усложненіе финансовой системы, изобрѣтеніе новыхъ средствъ для доставленія казнѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ, во многихъ случаяхъ поврежденіе экономическихъ интересовъ общества посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманіи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманіемъ общественно-хозяйственнаго организма.

Въ настоящее время развитіе государственнаго права, гласность, печать, сила и вліяніе общественнаго мнѣнія, все это содѣйствуетъ болѣе просвѣщенному, болѣе рациональному управленію финансами. Въ эпоху Посошкова такихъ способовъ къ финансовымъ реформамъ не существовало. Поэтому такія болѣе или менѣе подробныя записки о финансовыхъ вопросахъ, какъ глава „о царскомъ интересѣ“ въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“, могутъ считаться драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи мнѣній, господствовавшихъ въ нѣкоторой части общества относительно тогдашняго управленія финансами. Тутъ мы встрѣчаемъ мнѣніе благонамѣреннаго, вѣрнаго подданнаго, понимающаго необходимость доставленія казнѣ весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отзывъ публициста, желающаго обратить вниманіе правительства на всѣ неудобства финансоваго управленія и предлагающаго существенныя реформы, даже коренное преобразованіе податной системы. Такая перемѣна кажется необходимою Посошкову и ради умноженія казны, и ради обезпеченія интереса частнаго богатства. Онъ и тутъ является настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ.

О собираніи налоговъ.

Уже въ главѣ „О политико-экономическихъ понятіяхъ Посошкова“ мы имѣли случай указать на старанія его убѣдить правительство въ томъ, что при солидарности государственнаго и общественнаго

хозяйства необращеніе вниманія на интересы общества при собираніи налоговъ по необходимости должно вредить и интересу казны. Наполнить казну, не обращая вниманія на народное богатство и его сохраненіе, Посошковъ считаетъ дѣломъ нетруднымъ: гораздо болѣе сложной задачей кажется ему обогащеніе народа путемъ разумнаго и гуманнаго управленія, путемъ просвѣщеннаго законодательства и энергическаго, но притомъ либеральнаго полицейскаго надзора.

Петръ Великій, какъ мы видѣли, раздѣлялъ эти мнѣнія Посошкова. Онъ зналъ, что при собираніи налоговъ чиновники иногда поступали безчеловѣчно. Поэтому въ именномъ указѣ отъ 25-го августа 1713 года Петръ, „милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищеніе лукавыя государственныхъ казны“, изъявилъ сожалѣніе о томъ, что „возрастаютъ на тягость всенародную, и умножаются для лукавыхъ приобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность“. Поэтому Петръ изъявилъ намѣреніе „искоренить повредителей интересовъ государственныхъ и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тягости, а именно въ сборахъ“ и т. д. Онъ приказалъ при сборахъ поступать „съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и беспосульно, ища государственной прибыли безъ тягости народной“. За нарушеніе этого указа Петръ слушникамъ грозилъ смертною казнію и конфискованіемъ имущества ¹⁾. Въ другомъ указѣ того же года предписывается строго, чтобы при сборѣ подушной подати съ сибирскихъ мастеровыхъ людей, ихъ „ни въ чемъ не привлекали и не волочили и не убитчили и нигдѣ бѣ ихъ не держали, потому что безъ нихъ... пробыть не возможно“ ²⁾.

Искоренить зло грабежа въ финансовомъ управленіи оказалось невозможнымъ. Поэтому Посошковъ не переставалъ говорить о необходимости принятія мѣръ для „истребленія обидниковъ... и явныхъ и потаенныхъ грабителей“ ³⁾.

Посошковъ проповѣдуетъ въ интересѣ казны крайнюю осторожность не только въ отношеніи къ плательщикамъ податей, но даже

¹⁾ П. С. З., № 2707.

²⁾ П. С. З., № 2727.

³⁾ Соч. Пос., I, 3.

и въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ въ нѣкоторой официальной связи съ финансовымъ управленіемъ. Онъ самъ когда-то находился въ такомъ положеніи. Онъ былъ „у водочнаго строенія“ въ Москвѣ, и тутъ именно, какъ писалъ Меншиковъ, „приличился въ ратушѣ въ воровствѣ“¹⁾. Не имѣя возможности судить о томъ, на сколько такое обвиненіе было справедливо, мы, однако, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Посошкову, по собственному опыту, была известна вся затруднительность положенія бурмистровъ, цѣловальниковъ, весьма часто разоряемыхъ несправедливымъ привлеченіемъ къ суду и носившихъ страшную отвѣтственность за недоимки.

Въ главѣ „О правосудіи“ онъ пишетъ: „Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ и недочеты безвременно правятъ? Буде какой человекъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратить или и на свою потребу взялъ, и у отчету въ платежѣ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно раззоритъ его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ. И отъ того великому государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отдадутъ; а безвременные платежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное раззореніе, царству—истощеніе, а не собраніе. Царская собранія не истощатися, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнять, а крутое собраніе не собраніе, а раззореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ великаго государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе, понеже никто раззоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и позитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или втретъ или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако со всѣмъ его раззорятъ“²⁾.

* Все это легко объясняется точкою зрѣнія Посошкова, его личнымъ опытомъ, однако *audiatur et altera pars*. Изъ писемъ знаменитаго прибыльщика Курбатова видно, какая безграничная недо-

¹⁾ Устряловъ, Ист. Петра Вел., I, стр. IX.

²⁾ Соч. Пос., I, 72.

бросовѣтность господствовала среди бурмистровъ и прочихъ представителей финансоваго управленія. Въ 1705 году Курбатовъ писалъ о безпорядкахъ въ финансовомъ управленіи Москвы, что „отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашей казны“, что „бурмистры пишутъ въ книги съ великимъ уменьшеніемъ“. Курбатовъ спрашиваетъ: „И такимъ клятвopеступникамъ, крадущимъ вашу казну, что чинить? Да повелить мнѣ ваше величество, въ страхъ прочихъ о самыхъ воровству производителейъ учинить указъ, да воспріимуть смерть, безъ страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство. Подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всякое вышеозначеннымъ ворами чинять въ ихъ поползновеніяхъ помоществованіе и берутъ премногія взятки“. При этомъ Курбатовъ приводитъ разные примѣры, какія средства употребляли частные люди для собственныхъ выгодъ противъ выгодъ казны. Въ слѣдующемъ году Курбатовъ опять повторилъ свои жалобы. Изъ его донесеній видно, какія чувствительныя потери для казны были сопряжены съ этою недобросовѣстностью служащихъ. „За градскими бурмистры“, пишетъ онъ, — „премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усиліе смысано: въ одномъ Ярославѣ украдено до 40,000 рублей. На Псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Сарпунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей доносятъ, что во время тоію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90,000 рублей и больше... Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20,000 рублей, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня“. Безпрестанно доносилъ Курбатовъ о нерадѣніи бурмистровъ, притѣсненіи ими убогихъ, казнокрадствѣ и пр. ¹⁾).

Положеніе было весьма затруднительное: съ одной стороны, Курбатовъ обвинялъ подданныхъ, что они неохотно платятъ подати, и что „кому мочно платить сто рублей, тотъ платитъ пятнадцать, а убогіе отягчены“ ²⁾); съ другой — отчаянная борьба, которую началъ Петръ Великій съ казнокрадами, дѣйствительно легко могла повести къ разнымъ лишнимъ притѣсненіямъ, губельнымъ для народнаго благосостоянія, и къ несправедливому обвиненію и привлеченію къ суду невинныхъ. Съ одной стороны, учрежденіе новыхъ должностей прибыльщиковъ и фискаловъ было вызвано необходимостью умноженія государственныхъ доходовъ, а съ другой — обличенія, доносы,

¹⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 10—13.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 10.

подметныя письма давали просторъ произволу чиновниковъ и не могли не оказывать вреднаго вліянія и на нравственный и матеріальный бытъ народа. Въ какой мѣрѣ недовѣріе, съ одной стороны, и нечестность, съ другой, были общимъ явленіемъ, видно изъ того обстоятельства, что иногда фискалы доносили другъ на друга, — что столь замѣчательные сановники, какъ Нестеровъ, Виниусъ и Курбатовъ были подъ судомъ, — что и самъ Посошковъ, столь твердо стоявшій за „правду“ и за „царскій интересъ“, былъ компрометированъ и считался „обличившимся въ воровствѣ“. Не даромъ Петръ Великій жаловался: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и дѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“¹⁾. Впрочемъ, и самъ Петръ сознавалъ, что обвиненія въ воровствѣ бывали иногда несправедливыми. Такъ, напримѣръ, къ Меншикову Петръ однажды обратился съ упрекомъ: „Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами“²⁾.

Поэтому были необходимы, съ одной стороны, строгость, съ другой — осторожность: строгость въ преслѣдованіи виновныхъ, осмотрительность въ обвиненіи. Посошковъ также требовалъ строгости: „Безъ страха“, говоритъ онъ, — „не думаю, чтобы можно было тотъ злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно задернѣетъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого тернія огнемъ не выжгутъ; какъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надобно и истреблять“. Финансовыя реформы Петра Великаго, по мнѣнію ганноверскаго режидента Вебера, должны были встрѣтить многія затрудненія вслѣдствіе такой закоренѣлой „неправды“ въ народѣ, на которую такъ часто и такъ сильно жаловался Посошковъ³⁾. Однако, въ то же время Посошковъ требовалъ осторожности въ обращеніи съ народомъ, именно въ финансовомъ управленіи. Весьма краснорѣчиво онъ говоритъ въ главѣ „О правосудіи“: „Въ поборѣхъ за гривну изъ человѣка хотять кушу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибають напрасно, того никто не смотрять, не внимають тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать въ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то мытють, что на лицо принимаютъ; то и въ прибыль вочитають. А это тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлають людямъ, понеже са-

¹⁾ *Сол.*, XVIII, 137.

²⁾ *Сол.*, XVI, 251.

³⁾ *Weber*, I, 57.

тому великому государю надѣлають убытковъ множество, то ничего того не смотря и не радѣють о томъ. Самое основаніе собраніе то радѣтельное, еже Его Императорскому Величеству кто потщится казну собирать, а людей не разорить“¹⁾.

Изъ множества данныхъ видно, въ какой мѣрѣ низшія сословія страдали отъ такой излишней строгости финансовыхъ чиновниковъ и до Посошкова, и при немъ. Въ 1618 году съ Бѣлоозерцевъ взыскивались таможенные недоборныя деньги, и взысканіе производилось съ такою суровою строгостью, „что многіе лутчіе съ правожовъ разбѣглися безвѣстно съ женами и дѣтьми, покиня дома свои пустыне“. Въ 1673 году было постановлено, что если головы и цѣловальники не были замѣчены въ воровствѣ и утайкахъ, то недоборныхъ денегъ на нихъ не взыскивать. Ежегодно до 3.000 лицъ во всѣхъ городахъ исполняли городскія таможенныя службы; эти 3.000 лицъ принадлежали къ самымъ богатымъ гражданамъ, но и они весьма часто при этомъ случаѣ разорялись, какъ видно весьма ясно изъ челобитной Нижегородцевъ 1674 года, въ которой они писали слѣдующее: „По указу великаго государя служатъ они въ Нижнемъ Новгородѣ и Нижегородскомъ уѣздѣ въ таможенныхъ и на крупичныхъ дворахъ въ головахъ, и въ земской избѣ въ старостахъ, и въ приказной избѣ для всякой покупки, и на укусномъ дворѣ, и великаго государя у оханной низовой рыбной ловли, и въ ловцахъ, и про великаго государя изъ посадовъ у рыбнаго wyboru и за отдачами, и у свѣжія рыбы, и на конской площадѣ, и у Пермскаго лодейнаго солянаго промысла, и у банъ въ цѣловальникахъ, и у тюремъ въ сторожахъ; ... и отъ того-де многіе посадскіе люди изъ Нижняго врозь бредуть, а достальныя въ конецъ похибають“¹⁾.

Не даромъ Посошковъ требовалъ болѣе осторожнаго обращенія съ бурмистрами и цѣловальниками, жалуюсь на то, что служившіе въ Новгородѣ заставляли ѣздить въ Петербургъ для представленія отчетовъ по нѣскольку лѣтъ сряду, и что „отъ того людямъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе“. Далѣе онъ жалуется на то, что такіе отчеты требуются иногда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. „Десять лѣтъ спустя“, замѣчаетъ Посошковъ, — „я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ повормки, а въ скоромъ отчетѣ и разоренія бы не было служителемъ, и отслуживъ“

¹⁾ Соч. Пос., I, 106.

²⁾ Хлбниковъ, 287.

всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы¹⁾.

Еще яснѣе эта мысль о необходимости щадить экономическія силы народа выражена въ слѣдующемъ: „И кои люди держатъ на откупъ кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по порутчиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинятъ великія убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинятъ, но токмо препатіе Его Величества интересу. Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да еъ скороти не нужное, то мочно ему и просрочить. Во всякомъ дѣлѣ нарочно смекать, что ему великому государю прибытокъ былъ, а напраснобъ ничего не пропадало“²⁾. „Мнится мнѣ“, говоритъ Посошювъ далѣе,—„паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ уставится, то всѣ люди будутъ бояться неправды: всему добру основаніе—нелицепріятный судъ! Тогда и обраніе казны будетъ сугубо“³⁾.

Иностранцы, находившіеся въ Россіи при Петрѣ Великомъ, также довольно часто сожалѣли о томъ что, чиновники слишкомъ мало обращали вниманія на народное богатство при собираніи налоговъ. Такъ, на примѣръ, Перри въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о разныхъ проблкахъ губернаторовъ и цѣловальниковъ, о произволѣ и насиліи при собираніи налоговъ, о вредѣ дѣятельности прибыльщикова и т. п.⁴⁾ Штраденбергъ замѣчаетъ, что губернаторы всевозможными способами взоряли ввѣренныя ихъ управленію страны; такъ, на примѣръ, чиновники, отправляемые ими для сбора податей, являлись съ требованиями казны обыкновенно въ то время, когда крестьяне, въ самую горячую рабочую пору, не имѣли наличныхъ денегъ и вслѣдствіе того должны были продавать своихъ лошадей и коровъ, и свой хлѣбъ въ половинную цѣну. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство, крестьяне поэтому бѣжали иногда даже за границу. Штраденбергъ насчитываетъ до 100.000 человекъ бѣжавшихъ въ Польшу, Пруцію, Турцію и Татарію и т. д.⁵⁾.

1) Соч. Пос., I, 70—71.

2) Тамъ же, I, 72.

3) Тамъ же, I, 73.

4) Perry, 300, 403.

5) Strahlenberg, 238.

Не даромъ въ послѣдствіи итальянскій экономистъ Дженовези довольно наглядно и остроумно объяснилъ значеніе разумнаго и справедливаго распредѣленія налоговъ слѣдующимъ образомъ: „На спинѣ человѣкъ можетъ носить довольно тяжелое бремя, тогда какъ носить на носу предметъ хотя бы въ одинъ фунтъ вѣсу было бы невыносимо“¹⁾.

При Петрѣ Великомъ правительство придумывало разные новые источники для доставленія казнѣ матеріальныхъ средствъ. Задача прибыльщиковъ было открытіе новыхъ источниковъ дохода. Слѣдствіемъ того было весьма значительное усложненіе финансовой системы. Посошковъ жалуется на такую многосложность и пестроту разныхъ поборовъ. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ онъ говоритъ: „И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили по земельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные, съ судовъ водяныя посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборами; наполнится казна можетъ, тоюмо людямъ турбацяя великая; мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть“²⁾.

Посошковъ былъ правъ. Число разныхъ новыхъ налоговъ, введенныхъ при Петрѣ Великомъ, было весьма значительно. Изобрѣтательность правительства на этотъ счетъ была изумительна. Прибыльщики указывали новые источники дохода, и правительство брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобы вынести тяжесть Шведскую войну. Рыбныя ловли, бани, хомутный сборъ, мачтовныя деревья и пр. были отданы на откупъ; были введены сборы на дубовые гробы, пошлина на бороду и усы; съ извозчиковъ велѣно брать десятую долю съ наемной платы³⁾; явились и мельничный сборъ, мостовыя деньги, и гербовая бумага, и повышеніе цѣны на соль, проч.⁴⁾ Безконечный рядъ распоряженій, инструкцій, указовъ, относящихся къ финансовому управленію, указываетъ на усиленную дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи. Все это весьма легко могло сдѣлаться чрезвычайно тягостнымъ для общества, меж-

¹⁾ *Wirth*, *Nationalökonomie*, II, 348.

²⁾ Соч. Пос., I, 212—220.

³⁾ П. С. З., № 2032. «Съ подводчиковъ десятую», говоритъ Посошковъ.

⁴⁾ П. С. З., №№ 1176, 1353, 1426, 1500, 1501, 1514, 1528, 1570, 1580, 1581, 1607, 1628, 1637, 1773, 1789, 1816, 1965, 1994, 1995, 1999, 2001, 2002, 2003, 2014, 2045, 2123, 2350, 2411, 2558, 2786, 2832, 4193, 4196 и пр.

тѣмъ какъ финансовый результатъ этихъ многочисленныхъ сборовъ былъ не особенно важенъ.

Посошкову, между прочимъ, не нравится налогъ, собираемый для содержанія самого государя. „Еще же“, пишетъ онъ, — „къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ, иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому великому монарху, и на весь свѣтъ славному, и великому императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнiю противенъ; понеже царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ государь подобенъ Богу, еже восхоцетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснуться его не можетъ“¹⁾.

О такомъ налогѣ, составлявшемъ полпроцента всѣхъ сборовъ, мы нигдѣ не нашли указанiй. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что расходы на содержанiе русскаго двора, по показанiю Фокеродта, составляли сумму 50.000 рублей²⁾. Такъ какъ мы знаемъ, что доходы простирались въ концѣ царствованiя Петра до 10 миллiоновъ, то стало быть, расходы на содержанiе двора дѣйствительно составляли полпроцента всего бюджета. Это отношенiе соотвѣтствуетъ показанiю Посошкова о собиранiи на нужные расходы государя „со всякаго сбора по деньгѣ на рубль“.

Что касается до отдѣльныхъ налоговъ, то Посошковъ обращаетъ особенное вниманiе на поземельную подать, на пошлину при продажѣ и покупкѣ разнаго рода товаровъ, на соляную регалию и на доходъ съ хлѣбнаго вина.

Поземельная подать.

О поземельной подати, на сколько она сдѣлалась предметомъ наблюдений и соображенiй Посошкова, мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Можно удивляться тому, что его замѣчанiя на этотъ счетъ встрѣчаются исключительно въ главѣ „о земельныхъ дѣлахъ“, между тѣмъ какъ въ главѣ „о царскомъ интересѣ“, посвященной именно вопросамъ финансового управленiя, ни слова не сказано о поземельной подати, хотя ея значенiе во всемъ бюджетѣ, по мнѣнiю Посошкова, было весьма

¹⁾ Соч. Пос., I, 220.

²⁾ Herrmann, Zeitgenössische Berichte. Leipzig 1872, стр. 117.

большое. Посошковъ ожидаетъ, что поземельная подать будетъ весьма важною доходною статью. Въ введеніи въ книгу „О скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землягъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою монарха нашего есть, а платежа съ нея и малаго нѣтъ. Дворяне накупаютъ пустошей да въ наймы отдаютъ. и многія деньги на каждой годъ кортомы (sic) съ нея берутъ, а великому государю ни по деньгѣ на годъ не платятъ. Россійское царство на пространѣйшемъ мѣствѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны въ царскія сокровища весьма негобовито собирается, ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже исчислити невозможно, а нѣтъ съ нея ни малаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лише никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа миллионное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему великому нашему монарху была бы и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирать, то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ миллиона по два-три за всякими расходы въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ“¹⁾.

Посошковъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ замѣнить подушную подать поземельною. И самъ Петръ сталъ замышлять о введеніи кадастра, желая собирать налоги сообразно съ доходами плательщиковъ оныхъ. Это стремленіе, на примѣръ, обнаруживается въ указѣ 1705 года, въ которомъ предполагалось ввести переписныя книги для купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей; правительство старалось узнавать, кто какимъ ремесломъ или какою работою промышляеть, сколько кто нанимаетъ земли, и сколько каждый наемщикъ платитъ найма²⁾. Какъ видно, тутъ было начало проекта о сборѣ съ обывателей податей соразмѣрно съ промысломъ каждаго, соразмѣрно и съ поземельнымъ владѣніемъ. 5-го февраля 1722 года Петръ приказалъ: „посадскихъ переписать и которые вышли въ деревни и иныя мѣста въ дворцовыя и помѣщиковы для укрытія, всѣхъ взять въ посады; а платить сверхъ промысловъ, учинить анштальтъ, примѣняясь

¹⁾ Соч. Пос., I, стр. 8.

²⁾ П. С. З., № 2076.

къ другимъ государствамъ, и свое мѣнѣе предложить¹⁾). Для сельскихъ обывателей Петръ предполагалъ учредить подать, соразмѣрную съ поземельнымъ владѣніемъ. Посему въ регламентѣ камеръ-коллегіи онъ вмѣнилъ въ обязанность этому высшему финансовому управленію— дозавѣдываться о составленіи земскихъ или грунтовыхъ переписныхъ книгъ, которыя могли бы служить примымъ основаніемъ распределе- нію и взиманію податей съ уѣздныхъ жителей. Такія книги долж- ствовали быть составлены, начиная съ отдѣльныхъ помѣстій или по- гостовъ и восходя отъ нихъ къ дистриктамъ, а отъ послѣднихъ ко всей провинціи. Для единообразія въ составленіи особенныхъ или частныхъ и общихъ земскихъ книгъ, высшее финансовое управленіе должно было снабдить мѣстныя управленія (земскія конторы) образ- цами переписныхъ книгъ. Книги, составленныя мѣстнымъ управле- ніемъ, должны были поступить на ревизію и регулированіе высшаго управленія. Подати на земскихъ обывателей должны были быть на- лагаемы по состоянію почвы, по климату и особеннымъ обстоятель- ствамъ и хозяйственнымъ отклоненіямъ каждой провинціи, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ въ той мѣстности, и по другимъ основаніямъ, опредѣляющимъ различіе въ доходѣ съ поземельнаго владѣнія²⁾).

Все это вполнѣ соотвѣтствовало духу предложеній Посошкова въ главѣ „о земельныхъ дѣлахъ“. Но все это осталось проектомъ. Скоро послѣ того Петръ умеръ. Осуществленіе мысли о кадастрѣ и о по- земельномъ налогѣ осталось дѣломъ будущности.

О пошлинѣ съ продажи и покупки разныхъ предметовъ.

Уже въ среднихъ вѣкахъ Кастильскій король Альфонсъ XI ввелъ въ своихъ владѣніяхъ пошлину, уплачиваемую въ видѣ извѣстной доли цѣны каждаго продаваемого предмета. Въ 1342 г. она состав- ляла 21 часть цѣны предмета или около 5%, а въ 1742 г. достигла 10% цѣны предмета. Эта подать, извѣстная подъ названіемъ „al- kavala“, оказалась чрезвычайно гибельною для всего экономическаго быта народа, затрудняя на каждомъ шагѣ мѣну и вредя такимъ образомъ промышленности и торговлѣ. Тѣмъ не менѣе это учрежденіе сохранилось въ Италіи до XIX вѣка³⁾).

¹⁾ П. С. З., № 3898.

²⁾ См. соч. *Кранихфельда*, Финансовая система и учрежденія Петра Вели- каго, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1845, ч. XLVII, стр. 52—53.

³⁾ *Rühls*, Mittelalter, стр. 560.

Нѣчто въ этомъ родѣ существовало и въ Россіи. Сборъ, состоявшій въ извѣстныхъ процентахъ съ цѣны товара, встрѣчается въ разныхъ видахъ. По новоторговому уставу 1667 года, съ продажи товаровъ вѣскихъ опредѣляется окладъ пошлины въ 5% съ цѣны, а съ невѣскихъ по 4%. По наказу большой Московской таможи, со всякихъ вѣскихъ товаровъ съ покупателей взымались перекупныя пошлины по 1½ деньги съ рубля; ежели же товаръ купленъ у иноземцевъ, то по 2 деньги съ рубля. Съ хлѣба и другихъ удобовыпеченныхъ произведеній сельскаго хозяйства взымалась помѣрная пошлина въ 5%. Въ отвращеніе злоупотребленій по сбыту хлѣба и недобора помѣрной пошлины, продажа дозволялась только на торгахъ, и отнюдь не на дворахъ. За утайку же хлѣба или за показаніе цѣны ему ниже настоящей, для уменьшенія самаго платежа пошлины, полагалось наказаніемъ взятіе хлѣба въ казну безповоротно. Первая покупка товаровъ въ уѣздѣ у производителей, бывшая прежде безпошлинною, обложена Петромъ Великимъ тѣми же сборами. Покупатели въ семъ случаѣ должны были платить за первыхъ продавцовъ или производителей, свободныхъ отъ платежа пошлины. За утайку этой пошлины правительство грозило страшными наказаніями. Такія пошлины назывались заѣздными уставными пошлинами. Онѣ составляли 5% съ цѣны товара за уѣздныхъ продавцовъ и 5% за покупателя ¹⁾. Очевидно, такая пошлина, во первыхъ, тормозила нѣкоторымъ образомъ торговые обороты; во вторыхъ, она весьма часто подавала поводъ къ продѣлкамъ разнаго рода. Утайка этой пошлины не представляла особенныхъ затрудненій. Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ въ разныхъ главахъ говоритъ объ этой пошлинѣ, которую онъ находитъ вполне цѣлесообразною. Однако изъ замѣчаній его, дающихъ намъ возможность подробнѣе узнать о частностяхъ этого финансоваго учрежденія, видно, что пошлина платилась особенно неохотно, и что поэтому примѣры утайки ея были весьма часты.

Посошковъ выражаетъ въ главѣ „о духовности“, желаніе, чтобы духовенство оказывало нравственно вліяніе на общество, убѣждая всѣхъ и cadaго платить добросовѣстно эту пошлину: „А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣляли бѣ десятую часть великому государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ той цѣны

¹⁾ П. С. З., № 2033, *Краницфельдъ*, 41 и 42.

также отдѣлять десятую часть въ пошлину, а всю скотину употребить кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлять десятую долю на церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни, также и въ меду, и въ маслѣ, и рыбѣ, и въ яицахъ, и во всякихъ прибиткахъ, отъ всего неизмѣнно при себя употребляемаго отдѣлять въ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять великому государю въ пошлину десятая же часть¹⁾.

Во главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится объ этомъ же предметѣ гораздо подробнѣе, а именно съ финансовой точки зрѣнія. „А въ сборѣ царскаго интереса“, пишетъ Посошковъ, — „не весьма праводѣется; ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинной правдѣ не могутъ и единныя кожи цѣлыя содрати, и слико не нудятся, токмо лоскуты содирають, и въ томъ царскаго величества интересу поврежденіе чинится великое, понеже хочуть надлишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою потеряли. Ибо, по торговому уставу, въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлиннъ брать по пяти копѣекъ съ рубля, а кто собираетъ, то съ тѣхъ велѣно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; и того станеть во гривнѣ съ рубля, и куда тотъ товаръ отвезуть и продадутъ, то пакы съ продажи берутъ по пяти копѣекъ съ рубля. Нинѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгѣ съ рубля не сойдеться, потому что многіе покупають у себя на дому, а иные покупають отъѣхавъ. И тако первая пять копѣекъ, кое было надлежало взять съ крестьянства и пропадетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, та и другая пять копѣекъ пропадетъ, и тотъ второй купецъ, привезши въ свой городъ тайно, въ свою лавку или по инымъ раскладеть. И тако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копѣекъ пропадетъ. А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выписъ на свое имя, и кто у него купитъ, и тотъ по той чужой выписи повезеть, и буде удасться продать безпошлино, то тое выписъ назадъ отвозить, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выписъ о земь. И того ради многіе отнускныхъ выписей и въ книги не записываютъ. А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копѣекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудеть, а откуда тотъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 26 и 27.

товаръ поднять нельзя платажной выписи не явивъ, то возьметъ платажную выписъ гдѣ въ маломъ городѣ или въ селѣ, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копейки, а съ правдивыя продажи едва и по копейки съ рубля сойдется лѣ. И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинъ пятикопѣечныхъ никому одной пятикопѣечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копейкѣ съ рубля. И того ради нельзя быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ⁴⁾.

Изъ этихъ замѣчаній Посошкова видно, что предметъ, о которомъ онъ говоритъ столь подробно, былъ весьма хорошо извѣстенъ ему по собственному опыту. И въ качествѣ купца, а также и въ качествѣ представителя „царскаго интереса“, Посошковъ испыталъ всѣ неудобства этой запутанной системы внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, всю произвольность, которую она часто допускала, всѣ злоупотребленія, вызванныя этимъ изобрѣтеніемъ сравнительно низкой степени культуры⁵⁾.

Однако Посошковъ, подвергая критикѣ существовавшее при немъ весьма неудобное финансовое учрежденіе, не былъ въ состояніи предложить коренную реформу его. Соображенія на этотъ счетъ Посошкова оказываются неудовлетворительными. Онъ предлагаетъ нѣкоторое упрощеніе существовавшей системы, но въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго. „По моему мнѣнію“, пишетъ онъ, — „вышеупомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочныя сборы отставить, да оставить одинъ самый государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія установленный, то есть, десятинный же имать пошлины по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынъ. И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товару взять пошлины

⁴⁾ Соч. Пос., I, 219.

⁵⁾ Уже множество названій этихъ пошлинъ показываетъ намъ степень сложности и запутанности этого сбора; вотъ нѣкоторые изъ этихъ названій: тамга, вѣсее, контарное, прѣемное и припускъ, рудонозная пошлина, помѣрное, восмичнее, пятенное, плснее и поводное, гостинное, поворотное и анбарное, порядное, головщина, отвозъ и т. д.; между заставными пошлинами: мытъ, побережное, отводъ, шестовина, перевозъ, мостовщина и т. д. См. о происхожденіи этихъ сборовъ въ сочиненіи графа Дм. А. Толстаго, *Исторія финансовыхъ учреждений Россіи*, стр. 72 и слѣд.

единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать" ¹⁾. Посошковъ ожидаетъ, что при такомъ устройствѣ пошлины будетъ вдвое или втрое больше „настоящаго сбора ея“.

Нѣсколькими страницами дальше онъ говоритъ подробнѣе объ этой пошлинѣ: „Еще бы братъ пошлина всякая по вышенисанному на кореню, то всѣ тѣ сборы управить одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станеть поднимать, и почему онъ будетъ тутъ на торгу куплень, или на дому у себя, или въ деревню отъѣхавъ, обаче по прежнему уже пошлины-утиять нельзя будетъ; почему онъ ни купить, а пошлину дастъ полную по гривнѣ съ рубля, и уже никакими дѣлами и отбить отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежня выписи ²⁾ нельзя ему никогда того товару повезти. Того ради что еще безъ платежня выписи куды ни поѣдетъ, то взять будетъ тотъ товаръ на великаго государа безповоротно“. Затѣмъ слѣдуютъ у Посошкова многія частности о доносахъ и наказаніяхъ по случаю утайки этой пошлины и о разныхъ способахъ контроля. Эти подробности менѣе интересны; онѣ однако показываютъ, что Посошковъ былъ столь же опытнымъ вунцомъ, какъ и финансовымъ чиновникомъ. Едва ли мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, были вполнѣ цѣлесообразными? Утайка пошлины и при осуществленіи его предложеній была легко возможна. Доносы, награжденіе доносчиковъ, наказаніе кнутомъ виновниковъ, всѣ эти средства азіатско-варварскаго уголовного судопроизводства не достигали желанной цѣли, не обезпечивали достаточно интереса казны: тѣмъ не менѣе Посошковъ вновь и вновь предлагаетъ ихъ употребленіе. Болѣе практичнымъ оказывается его предложеніе „платить“ товаръ, за который десятипроцентная пошлина была уплачена. Разумѣется, не всѣ товаръ, а развѣ лишь нѣкоторые, допускали такую операцію „переплатанія таможеннымъ платномъ“: „А буде кто собереть скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цифирными словами число рублямъ, koliko за кое скотину дано рублевъ, а koliko за рублями копѣекъ лишку, то тѣми жъ цифирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копѣйками и выжигать такожде на правой лопаткѣ. И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копѣйки на правой лопаткѣ. И

¹⁾ Соч. Пос., I, 220.

²⁾ То-есть, акцизная квитанція или бандероль.

за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не заплативъ оной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно кольцо какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годъ писать и при-
мѣты⁴⁾).

Посошковъ, кажется, не могъ предвидѣть многосложности и запутанности бюрократическихъ приемовъ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе его предложенія. Чѣмъ болѣе сложны были операціи контроля, тѣмъ болѣе онѣ могли подавать поводъ, съ одной стороны, къ разнаго рода притѣсненіямъ публики, чиновнымъ людямъ, съ другой—къ разнымъ продѣлкамъ со стороны купцовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Тѣ самыя неудобства, на которыя такъ часто обращалъ вниманіе Посошковъ, такимъ образомъ не только не устранялись, а усиливались. Проектируемая имъ регламентація контроля надъ уплатою этой пошлины свидѣтельствуетъ, что публика при Петрѣ Великомъ привыкла къ чрезвычайно сложнымъ приемамъ бюрократическаго организаціи, считала эти приемы необходимыми и даже во многихъ случаяхъ видѣла въ усложненіи ихъ удобнѣйшее средство къ разнаго рода реформамъ. Эта система пошлинъ внутри государства оказалась вообще на практикѣ несостоятельною. Вслѣдствіи многіе такіе сборы были отменены правительствомъ, и благодаря такой мѣрѣ торговые обороты внутри государства сдѣлались болѣе свободными, болѣе оживленными. Законодательство послѣдующаго времени развивалось въ духѣ противоположномъ предложеніямъ Посошкова.

Кромѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Посошковъ предлагаетъ пошлину съ вывозныхъ товаровъ. Его замѣчанія на этотъ счетъ, впрочемъ, весьма кратки. Любопытно при этомъ замѣтить, что о вывозѣ русскихъ товаровъ за границу говорится въ выраженіяхъ, изъ которыхъ видно, что эта операція находилась почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Только въ заключеніи своихъ замѣчаній Посошковъ говоритъ: „А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежь сами, то и съ тѣхъ товаровъ такожде брать пошлина накладная неизмѣнно сполна“. Значитъ, Посошковъ считалъ не особенно вѣроятнымъ, чтобы русскіе купцы брались, независимо отъ иностранцевъ, за вѣншію торговлю.

О способѣ взиманія пошлины съ вывозныхъ товаровъ Посошковъ

⁴⁾ Соч. Пос., I, 227.

не говорить подробно. Какъ кажется, онъ ожидалъ, что эта пошлина будетъ уплачиваема не въ самую пору вывоза, то есть, въ пограничной тамошнѣ, но гораздо раньше. По крайней мѣрѣ онъ замѣчаетъ: „И почему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людямъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы, прикладывали бы ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А будетъ кто, продасть товаръ свой безъ приставки той накладныя пошлины, то та пошлина доправлена будетъ на продавцѣ сполна“¹⁾.

Соляная регалия.

Соль съ давнихъ поръ служила средствомъ для доставленія казнѣ доходовъ. Именитые люди Строгановы, имѣвшіе соловарни, платили царю ежегодно 23,000 рублей пошлины. Вообще соланные промыслы частныхъ лицъ были обложены пошлинами. Иностранцы разказывали, что правительство получало отъ солянаго промысла доходы весьма значительные, какъ при выдѣлѣ и продажѣ соли внутри государства, такъ и черезъ торговлю ею съ азіятскими народами. Соляной промыселъ сначала не былъ однако монополіей казны. По вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича съ частныхъ соловарень взималось съ каждаго пуда по двѣ гривны, кромѣ астраханской и яцкой соли, обложеной половиною пошлиною²⁾. Торговля солью была свободна до царствованія Петра Великаго.

Въ началѣ 1705 года въ отношеніи къ соляному промыслу произошло весьма важная перемена. Указомъ 1-го января этого года была постановлена продажа соли отъ казны. Торговля солью сдѣлалась регалией „на Москвѣ и въ городахъ“, сизвано въ этомъ указѣ. „У всякихъ чиновъ людей соль описавъ, продавать изъ казны, а у продажи быть выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ, за выборами, а надъ ними смотрѣть бурмистрамъ, а впередъ соль ставить въ казну подрядомъ, кто пожелаетъ. А почему по подряду по истинной цѣнѣ на мѣстѣ ставеть, продавать *едво*“ и пр.³⁾. Такимъ образомъ, хотя варницы частныхъ лицъ и не были уничтожены, всѣ

¹⁾ Соч. Пис., I, 230.

²⁾ См. соч. графа Дм. Толстаго: «Исторія финансовъ учрежд. въ Россіи», стр. 177 и 178.

³⁾ П. С. З., № 2009.

лица, занимавшіяся этимъ промысломъ, были обязаны ставить соль въ казну. Цѣна соли была весьма высокая, едва выше подрядной цѣны. Въ ноябрѣ 1706 года послѣдовало дальнѣйшее повышение цѣны на соль. Тамъ, гдѣ она продавалась по 24 копѣйки, она должна была продаваться по 36 копѣекъ, а гдѣ выше 8 алтынъ, продавать вдвое, и истина и прибыль пополамъ ¹⁾.

Дурная организація управленія соляною регалией, безпорядки и притѣсненія, почти нераздѣльныя съ торговлею, производимою правительствомъ, въ скоромъ времени обнаружили губительное свое дѣйствіе, преимущественно надъ бѣднымъ классомъ народа. Вотъ что говорится о злоупотребленіяхъ въ указѣ отъ 11-го мая 1722 года: „Не токмо въ городахъ, въ селахъ и деревняхъ, но и въ Москвѣ, при продажѣ соли, цѣловальники воруютъ такимъ образомъ: ежели кому случится купить пудъ или больше, и съ таковыхъ имая нѣкоторыя взятки, продаютъ, а вторые подлые люди имѣютъ только купить по малому числу, а именно до 10 копѣекъ, а больше того, чтобъ какому цѣловальнику дачу дать денегъ не имѣютъ, и таковыхъ оные цѣловальники, воровствомъ своимъ отсылая другъ въ другу, продажи не чинятъ, чего для оные возвращаются въ дома безъ купли соли, отъ чего многіе бѣдные въ неизлѣимыя болѣзни впадаютъ, а съ жалобами на такихъ воровъ придти не смѣютъ, а камеръ-колегія, также и оберъ-фискалъ и фискалы за оными ворами того не смотрятъ, и въ принадлежащихъ мѣстахъ о томъ не доносятъ“. Правительство до того было раздражено такимъ образомъ дѣйствій цѣловальниковъ, что оно грозило смертною казнью и конфискованіемъ имущества такимъ „ворамъ“ и общало доносчикамъ половину конфискованнаго имущества ²⁾.

Правительство, какъ видно, понимало, сколь вредны могли быть послѣдствія казенной продажи соли; но развѣ только случайно центральная власть узнавала о такихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ. Публика нуждалась въ защитникахъ, и вотъ Посошковъ былъ такого рода защитникомъ. Его мысли относительно значенія соли въ общественномъ и государственномъ хозяйствѣ отличаются необыкновенною ясностью и отчетливостью. „А и о соляной продажѣ“, пишетъ онъ, — мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ царскаго величества, но вельми пристойнѣе быти ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто

¹⁾ П. С. З., № 2123.

²⁾ П. С. З. № 4007.

продажныя прибыли положить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни кунтеса, хотя гдѣ въ алтынъ или въ грошъ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по кольку Его Императорское Величество поволить имать съ пуда. И братъ бы ту пошлину на кореню ¹⁾, откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякия ладби сойдетъ пошлины по десяти тысячъ рублей или больше, та-кожде и съ бузуну и съ коморки. И гдѣ бы былъ ея пудъ по копейкѣ, а пошлину единаче имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому кунду давать изъ таможи ярлыки свободные, чтобъ ему не тоимо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ русскихъ, и иноземскихъ и зарубежныхъ, продавать свободно и пошлины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣль: ни вода его не потопитъ, ни огонь пакости тому сбору не учинитъ, и буде гдѣ соль потонетъ или сгоритъ, а царской казнѣ ни малаго помѣнательства не учинитъ“.

Посошновъ былъ свидѣтелемъ важной перемены, состоявшейся въ 1705 году. Онъ былъ правъ, когда требовалъ восстановления прежней свободной торговли солью и увязывалъ на гибельныя послѣдствія введенія казенной продажи соли. „И аще“, замѣчаетъ онъ, — соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормиться благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питаться. И аще соль нѣвшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогачютъ отъ нея, люди отъ бессолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ. А нигдѣ въ деревняхъ такую нужду подѣбляютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцнжаютъ, и умираютъ; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помираютъ. Аще бы она не занерта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублей, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей въ той соли не кадобны бѣ были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якори, ни иные каіе припасы и подводы подъ нее ненадобны бы были, но одна бы таможня управла, и то тоимо

¹⁾ У *Погодина* стр. 223, въ текстѣ «на кормлю», и въ замѣчаніи предположеніе, что должно читать «на кореню», то-есть, на мѣстѣ производства.

въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль купцы рознимать будутъ. А гдѣ ее купцы въ равновѣску продавать будутъ, то тамъ ни малаго збору не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой ей не надобно, кромѣ тое, откуда она поднята и въ развозъ повезена. А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на коренѣ, гдѣ она сварена: тамъ надлежитъ двѣ записки имѣть, одна выварная, а другая: развозная— и о самосадѣхъ тожъ чинить. И торговые промышленники, купя ее, куды похотятъ, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и швода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣль. А люди по нынѣшнему отъ бессолицы цыжаты и безвременно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ, и на сѣотину, и на всячину мѣняють и въ долгъ отдають. А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копѣйку не дадутъ, а се не вездѣ ее и продають, и кому купить ее ѣхать верстъ сто или другое, или и большее, и того ради крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадають, и аще и многіе отъ бессолицы помирають; да никто о томъ Великому Государю не доноситъ, а судьи хотя и вѣдають, да о томъ не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были. И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ, въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ и въ работникахъ и въ надирателяхъ тысячь пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль и пищу себѣ приобрѣтають отъ тояжъ соли. А если бъ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышленниками, и цѣтались бы отъ своихъ трудовъ. И о семъ мочно и слычаться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякіе расходы расходитъ, и за всѣми расходами, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ въсомъ въ годъ ее въ продажу исходитъ; и если со всей продажи обложить по гривнѣ съ пуда имать пошдины, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а все-таки гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ“¹⁾.

Какъ видно, и правительство, и Посошковъ въ одинъ голосъ говорятъ о гибельномъ вліаніи системы казенной 'продажи на общегигиеническія условія народнаго быта. Посошковъ жалуется на то, что царю неизвѣстно ничего о смертности въ народѣ вслѣдствіе недостаточнаго потребленія соли, что судьи не заботятся о народномъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 222—225.

благъ и здравіи. Изъ вышеупомянутаго указа — правда — видно, что царь зналъ о „неизцѣлимыхъ болѣзняхъ“ въ народѣ, какъ о слѣдствіи продѣловъ чиновниковъ, но изъ того же указа ни узнаемъ, что Петръ жаловался на небрежность чиновниковъ, не преслѣдовавшихъ виновныхъ. И Посошковъ, и Петръ понимали, какое громадное значеніе имѣетъ соль какъ питательное вещество для здоровья, хотя имъ не было извѣстно изреченіе Плинія: „*Corporibus nihil esse utilius sale et sole*“¹⁾.

Посошковъ весьма справедливо ожидалъ, что при отмѣнѣ казенной монополіи всѣ деревни и даже болѣе отдаленныя мѣста будутъ снабжены солью путемъ обыкновенной торговли гораздо легче и удобнѣе. Онъ умѣлъ цѣнить выгоду полной конкуренціи въ торговлѣ для потребителей и гибельное влияние всякаго рода монополіи. Изъ замѣчаній Посошкова видно, что цѣна соли въ различныхъ мѣстахъ имперіи была различна. Цѣна „выше рубля“ за пудъ соли „въ иныхъ мѣстахъ“ кажется баснословно высокою, если принять въ соображеніе, что въ то время четверть хлѣба стоила 50 копѣекъ²⁾. Посошковъ полагаетъ, что число лицъ, занятыхъ казенною продажей соли, достигало громадной цифры четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ. Весь доходъ съ соли считался въ то время 600,000 рублей³⁾. Значить, расходы при взиманіи этого чрезвычайно тяжелаго для народа налога были весьма значительны. Едва ли гдѣ-нибудь число чиновниковъ, занятыхъ этою отраслью администраціи, было столь громадно.

Посошковъ имѣлъ основаніе предполагать, что сборъ по 10 копѣекъ съ пуда соли представить финансовый результатъ не хуже имѣющагося отъ казенной продажи соли. Если принять въ соображеніе, что по ревизіи 1722 года населеніе составляло 14 милліоновъ, и что въ настоящее время считается потребленіе соли по

¹⁾ См. *Alfred Schmidt*, Das Salz. Eine volkswirtschaftliche und finanzielle Studie, Leipzig, 1874, стр. 9. — Другія монографіи: *Hehn*, Das Salz, eine culturhistorische Studie, Berlin, 1873. — *Bunge*, Über die Bedeutung des Kochsalzes, München, 1873.

²⁾ Эта цѣна соли равнялась бы цѣнѣ по 40 копѣекъ за фунтъ соли въ настоящее время, потому что четверть ржи въ настоящее время, по 8 рублей; значить, пудъ соли по 16 рублей!

³⁾ См. *Hermann*, Diplomatische Beiträge zur Russischen Geschichte, St.-Petersburg, 1866. — стр. 201. Записка Лесорта о финансахъ Россіи въ 1727 году. — Мы не знаемъ, считалась ли эта сумма чистымъ доходомъ. Какъ бы то ни было, содержаніе этого значительнаго числа чиновниковъ обходилось едва-ли дешевле. Однако справедлива ли цѣна Посошкова?

16½ фунтовъ на каждаго, то правительство дѣйствительно легко могло ожидать отъ такого сбора нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Справедливо также Посошковъ ожидалъ значительнаго уменьшенія потребления соли вслѣдствіе предложенной имъ реформы. Вездѣ въ подобныхъ случаяхъ законодательныя мѣры имѣли благопріятныя слѣдствія. Такъ, напримѣръ, въ Англіи значительно убавилась смертность между дѣтьми, преимущественно бѣдныхъ сословій, вслѣдствіе убавленія цѣны на соль ¹⁾.

Послѣ кончины Посошкова, хотя на краткое время (то есть отъ 1727 до 1731 года) правительство отменило казенную продажу соли, но вслѣдствіи администрація и законодательство дѣйствовали далеко не сообразно съ предложеніями Посошкова. Казенная продажа соли еще весьма долго оставалась на прежнихъ основаніяхъ, при чемъ, впрочемъ, даже финансовыя выгоды были ничтожны. Только въ продолженіе текущаго столѣтія послѣдовали измѣненія, соотвѣтствующія общенароднымъ интересамъ. Реформа 1862 г., отменя казенной монополіи, имѣла слѣдствіемъ умноженіе дохода съ соли. Въ 1861 году этотъ доходъ составлялъ сумму 7 милліоновъ рублей, а въ слѣдующихъ годахъ около 12 милліоновъ. Акценная система была упрощеніемъ администраціи ²⁾. Такимъ образомъ, мысли Посошкова осуществились, хотя и весьма лишь поздно, въ новѣйшее время.

Винная реталия.

Посошковъ былъ когда-то у водочнаго строенія въ Москвѣ; онъ искалъ мѣста при устройствѣ питейныхъ домовъ въ Ингерманландской губерніи; онъ имѣлъ винокуренный заводъ въ Устрицкомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда. Поэтому нельзя удивляться тому, что онъ весьма подробно говоритъ о питейномъ доходѣ. Тутъ онъ былъ полнѣйшимъ специалистомъ и знаткомъ дѣла. Онъ могъ считаться экспертомъ и въ качествѣ служившаго въ этой отрасли финансоваго управленія, и въ качествѣ частнаго заводчика, занимавшагося производствомъ водки. Не менѣе 22 страницъ въ главѣ „о царскомъ ин-

¹⁾ *Alfred Schmidt*, 111.

²⁾ См. соч. *А. Шмидта*, 84.—Какъ при казенной продажѣ соли во время Петра Великаго администрація была сложна, видно изъ разныхъ указовъ; см. напримѣръ, № 3179, въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ которомъ говорится о разныхъ наказаніяхъ за нарушеніе правъ казны, № 3277—о разныхъ частныхъ предписаніяхъ и постановленіяхъ, №№ 2853, 2878, 2899, 2902, 4521, 4545 и проч.

тересъ“ посвящены тщательному и всестороннему разбору этого вопроса, равно важнаго и въ отношеніи къ народному хозяйству, и въ отношеніи къ финансамъ.

Во время Посошкова доходъ съ питей составлялъ развѣ только десятую долю всѣхъ доходовъ ¹⁾, тогда какъ въ настоящее время онъ составляетъ около третьей части всего бюджета, но эта статья считалась уже съ давнихъ поръ весьма важною. Выдѣла и продажа вина, какъ кажется, съ самыхъ древнихъ временъ были исключительнымъ правомъ князей. Отъ XVI, и, въ особенности, съ XVI вѣка осталось весьма много актовъ, которые совершенно удостоверяютъ въ томъ, что добываніе и продажа вина въ Россіи были регалией. Существовала и система казеннаго управленія, и система отдачи на откупъ производства и продажи вина. Впрочемъ, казенное управленіе всегда было господствующимъ въ древней Россіи. Въ 1651 году Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ уничтожилъ откупное содержаніе; послѣ этого доходы отъ винной регалии значительно уменьшились; поэтому въ 1663 году было восстановлено откупное содержаніе. Злоупотребленія откупщиковъ заставили правительство снова отменить винные откупы въ 1681 году. Послѣ того казенное управленіе установилось и продолжалось до самаго царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Мы видѣли, что Посошковъ былъ противъ казенной продажи соли. Онъ положительно требовалъ отмены соляной регалии и введенія совершенной свободы въ торговлѣ солью. Иначе думалъ онъ въ отношеніи къ винокуренію. Онъ не только желалъ сохраненія винной регалии, но и предлагалъ разныя мѣры для обезпеченія интереса казны при этомъ доходѣ.

Совсѣмъ другаго мнѣнія на этотъ счетъ былъ Крижаничъ, за полѣтъ до Посошкова писавшій объ этомъ же предметѣ. Въ весьма сильныхъ выраженіяхъ говоритъ онъ о пьянствѣ въ Россіи и обвиняетъ правительство въ томъ, что оно своими административными мѣрами вызываетъ и поддерживаетъ это зло ²⁾. Измѣну Малороссіи послѣ кончины Богдана Хмельницкаго Крижаничъ приписываетъ, главнымъ образомъ, приемамъ русской бюрократіи въ отношеніи къ винной регалии ³⁾.

¹⁾ См. *Herrmann*, *Diplomat. Beiträge*, стр. 200.

²⁾ *Крижаничъ*, I. 297 — 301.

³⁾ См. *Крижаничъ*, I, 325.

Посопшковъ не считалъ устройства казенныхъ кабаковъ причиною пьянства, хотя и онъ желалъ противодействовать пьянству. „Къ чему же“, говоритъ онъ въ Отечественномъ Завѣщаніи, — „приложи и сіе, дабы дѣти твои не пьяницы были о семъ всѣми своими силами тщися, дабы дѣти твои трезвенны были и отъ пьянственнаго питія воздержны были“ ... Аще бо кто напиется допьяна вина, и въ томъ пьянствѣ дни два три пробудеть, и послѣди того помалу не истрезвится, то таковымъ скорая смерть случается: а вельми многіе отъ черепомъ не доживъ вѣка умираютъ...“ „Наипаче бо случаются скорби отъ превеликаго питія пьянственнаго: велики бо оно человѣка разогрѣваетъ и болѣзнь наводитъ, а множицею и смерть безвременная случается, и я такъ признаваю, яко нѣкоторый человекъ вѣку своего прамаго не доживаетъ, который много умирается, велики бо вельми пьянство человекѣ погубляетъ, и въ самую скудость приводитъ. И того ради ты, сыне мой, всячески тщися, еже бы ти до пьяна не упиватися, а сіе бы, и наипаче лучши, дабы тебѣ, и весьма его не касатися: понеже пьянство не токмо едино здравіе, но и умъ вредяетъ, и всякое безчестіе наводитъ и въ самое убожество приводитъ. И приточниизъ о нихъ тако глаголетъ, яко пьяница обнищаетъ, а облечется въ раздранное одѣяніе“¹⁾).

Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, говоря о питейномъ дѣлѣ, Посопшковъ, впрочемъ, все-таки нѣкоторымъ образомъ обвиняетъ чиновниковъ, что они споспѣшествуютъ пьянству. „Я знаю, что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не разсудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлѣхъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьяныхъ людей и у приказныхъ все неспоро, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего; токмо отъ нитя люди, а наипаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и царскому интересу препятіе немалое отъ излишняго питья чинится“. Въ другомъ мѣстѣ: „Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или допьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно человекъ чарви по три или по четіре на день пить, то онъ будетъ добръ и здоровъ, а буде ради веселія, мочно и еще толикое жъ число приложить. А безмѣрное питіе ничего добраго не приноситъ, но токмо приноситъ ума порушеніе и здравія поврежденіе, пожитковъ лишеніе

¹⁾ Отеч. Зав., 58, 61—62.

и безвременную смерть. А еще кто непременно будет пить безвоздержанно, то всего себя погубить; и того ради всячески надобно потягаться, како бы пьянства изъ народа поубавить" ¹⁾. Значитъ, Посошковъ желалъ, чтобы вино было подороже. Высокая цѣна хлѣбнаго вина является ему удобнымъ средствомъ убавленія пьянства. Но при винной реглаціи, при сохраненіи казенной монополіи, цѣна вину легче возвысится. Монополія, исключая конкуренцію, содѣйствуетъ почти всегда нѣкоторой дороговизнѣ.

Совѣтъ иное было мнѣніе Крижанича. Именно то обстоятельство, что число кабаковъ было ограничено, такъ какъ существовали только кабаки казенные, что кабаки содержались дурно, грязно и находились часто въ далекомъ отъ потребителей разстояніи, казалось ему причиною чрезмѣрной любви народа къ крѣпкимъ напиткамъ ²⁾.

Посошковъ смотритъ на казенные кабаки съ какой-то идеальной точки зрѣнія. „Всякая вещь“, говоритъ онъ, — „коя носитъ на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной. Того бо ради и о винѣ предъявить, еще бы держать и продавать на кружечныхъ дворѣхъ самое чистое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого обрѣталось. Также и прочія питья, кои подъ именемъ Царскимъ, были бы самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьями вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя и ни малма бы гнусности въ нихъ бы не было; потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людямъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а ограбленія при нихъ не было бы. А у насъ все сіе *противно дѣется*. И при кабакахъ зернщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде вой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ броситъ о землю и разобьетъ, то таковыхъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобы такого дому питейному руганія и обиды не чинили. Такъ надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, что уже бы безпечаленъ былъ. И еще и товаръ какой случится царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и еще кой товаръ лучше простолюдиннаго не будетъ, то не надобно

¹⁾ Соч. Пос., I, 242—245.

²⁾ Крижаничъ, I, 298, 297.

его и нарицать царскими, но такіе товары держать имъ купецкииъ людямъ, а не царю: Царь—судья и подобенъ Богу“ и пр. ¹⁾).

Все эти *pro desideria* Посошкова не легко могли осуществиться. Кабаки не сдѣлались образцовыми учрежденіями, въ которыхъ все было бы чинно и опрятно. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность несколько не соответствовала высокимъ понятіямъ Посошкова о „царскомъ“ кабакѣ. Товаръ, продаваемый въ питейныхъ домахъ, былъ далеко не безукоризненный. Пьяныхъ грабили; игра въ зернь процвѣтала въ нихъ. Безчинства солдатъ и офицеровъ продолжались. Зернь и корчма, какъ извѣстно, уже съ давнихъ поръ были въ тѣсномъ соединеніи. Пить и играть зернью въ корчмахъ собирались бояре, монахи, нѣпы и толпы холоповъ. Стоглавъ приказывалъ, чтобы „дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью не играли и не корчмамъ не пили“ ²⁾. Сначала, вскорѣ послѣ устройства царскихъ кабаковъ, народъ и духовенство просили снести кабаки, потому что „подлѣ государева кабака жить не мочно“ ³⁾. Самъ Посошковъ сознается, что фактический бытъ кабаковъ противорѣчилъ его идеалу. Онь въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ, что „уборъ питейныхъ покоевъ плохъ и питья держать самія плохія“ ⁴⁾.

Особенно не нравилось Посошкову непостоянство цѣнъ на хлѣбныя вина. „А и питейный сборъ“, пишетъ онъ, — „весьма несправно дѣется... что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продаютъ равную, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство. Нашъ царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и ни мало ни на право, ни на лѣво неподвижно; яко Богъ всеиъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по егѣ царской власти надлежитъ всякой власти вѣщше быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣри вездѣ равная, и цѣнѣ подобаетъ быти равной, никогда неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подо-

¹⁾ Соч. Пос., I, 256—277.

²⁾ *Примовъ*, Исторія кабаковъ въ Россіи, стр. 41, 92, 137.

³⁾ Тамъ же, 67.

⁴⁾ Соч. Пос., I, 231.

басть продавать и въ самомъ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не измѣнять, ни мѣры, ни вѣски не нарушивать, но имѣть все невредно“¹⁾).

Эта теорія Посошкова могла быть применима въ практикѣ лишь при весьма высокихъ цѣнахъ на хлѣбное вино, такъ что и въ тѣхъ мѣстахъ, которые вслѣдствіе большого разстоянія отъ центровъ производства или по другимъ причинамъ могли имѣть лишь весьма дорогое стоящее вино, расходы правительства были покрыты. Правительство смотрѣло на этотъ предметъ совсѣмъ иначе и постоянно принимало въ соображеніе стоимость вина и цѣну денегъ. Такъ, наприимѣръ, въ одной грамотѣ государь приказываетъ кабацкимъ головамъ: „Разсмотрѣти наврѣпно по чему имѣе на вѣски кабаки хлѣбъ и хмѣль и иные всякіе запаси небуваютъ, и по сколько ведръ вина и пива имѣ вари и меду въ ставкахъ выходитъ, и сколько у котораго питья за расходы прибыль, и можно ли на какое питье нинѣ для прибыли цѣны прибавити или убавити и какъ бы наней назнѣ было прибыльнѣе“. Въ другой грамотѣ: „А буде въ тѣхъ городкахъ вино въ подрадѣ противъ нынѣшней цѣны убавится,—и въ продажѣ вину цѣны по томушъ учинити сбавку“²⁾.

Когда, во время денежнаго кризиса при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ влѣдствіе выпуска мѣдннхъ денегъ, произошла вообще революція въ цѣнахъ, правительство въ краткое время переимѣнило цѣны на хлѣбное вино. Хотя правительство въ самомъ началѣ операціи мѣдннхъ денегъ и изъявляло готовность принимать за кабацкое питье на казенныхъ кружечныхъ дворахъ мѣднны деньги, тѣмъ не менѣе оно считало себя въ правѣ, при упадкѣ въ цѣнѣ мѣдннхъ денегъ, возвысить цѣну на вино, и мы знаемъ о нѣсколькихъ грамотахъ къ воеводамъ, въ которыхъ имъ дается порученіе, „для хлѣбной дороговли“ или „для нынѣшня дорогия цѣны“ продавать вино по возвышеннымъ цѣнамъ. Между тѣмъ какъ въ 1653 г. ведро вина стоило 75 — 90 коп., въ 1661 году оно возвысилось въ цѣнѣ до 3 рублей, а въ 1662—даже до 5 рублей, а послѣ отгнн мѣдннхъ денегъ опять платилось только 1 рубль³⁾. Изъ приказовъ разсматривая намѣстникамъ и воеводамъ указы объ определенной для продажи вина цѣнѣ. Иногда имъ предоставлялось право, по представленію головы и по

¹⁾ Соч. Пос., I, 231.

²⁾ Толстой, Ист. ени. учр., 157.

³⁾ См. мое соч. Мѣднны деньги въ Россіи и денежные знаки въ Швеціи. Спб. 1864, стр. 40.

собственному разсмотрѣнію, прибавить или убавить цѣну, „чтобы нашей казѣ учинить прибыль“. Иногда допускалась продажа *новомою цѣною*. Неопредѣленность цѣнъ была вынуждена недостаткомъ финансовъ. Войны или прочія неблагопріятныя для государства обстоятельства всегда имѣли своимъ дѣйствиельнымъ возвышеніе цѣнъ на вино ¹⁾.

Посошковъ, напротивъ, желалъ, чтобы подрадная цѣна нисколько не вліяла на продажную цѣну вина. „Древній обычай былъ весьма несправедливъ, что буде подрадчина дорогову цѣну вину оставлять, то дорогову продаванъ, а буде подрадчикъ возьмутъ дешевле, то дешевле и продаванъ. И по такому уставу стали быть уставщики цѣнъ мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну оставить Царскимъ указомъ, а не мужичинимъ уставомъ“. — Такое обстоятельство Посошкову кажется „весьма противнымъ Царскаго Величества самовластию“ ²⁾. Посошковъ требуетъ, чтобы ведѣ цѣна была одинакова „кромя Сибири“. Изъ указа 14-го марта 1701 года мы знаемъ, что и въ Сибирѣ въ различныхъ городахъ цѣна была различна: въ Тюмени 1 р. 30 коп., въ Магдасѣ 2 р. 78 коп., въ Якутскѣ по 4 рубль, въ Енисейскѣ по 3 р. 91 коп. м. т. п. ³⁾.

Посошковъ ожидаетъ, что если „вино будетъ равное, то и сборъ винный весьма будетъ приближенъ, потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возитъ не стануть“, а затѣмъ точнось же выражаетъ сомнѣніе въ возможности повсемѣстнаго приведенія въ исполненіе предложенной имъ мѣры: „А буде у Черкасъ цѣны подыять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дворянъ и офицеровъ стивдъ, купя у нихъ вина и табаку, безъ указа, въ Великороссійскіе города, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ“ ⁴⁾.

Въ Малороссіи вино было дешевле. Тамъ даже и при Петрѣ Великомъ еще не была устроена система царскихъ кабаковъ. Поэтому контрабандная торговля виномъ изъ Малороссіи въ Великую Россію могла представлять весьма значительныя выгоды. Посошковъ и при

¹⁾ Толстой, стр. 160.

²⁾ Соч. Пос., I, 240.

³⁾ П. С. З., № 2841.

⁴⁾ Соч. Пос., I, 240—241.

этомъ случаѣ, какъ весьма часто, оказывается развѣстными сторонникомъ правительства. Они стараются доставить казнь по возможности болѣе значительныя финансовыя выгоды. Мы видѣли, что даже въ Сибирѣ цѣна вину, по крайней мѣрѣ, въ 1701 году, была въ болыней части случаевъ ниже 3 рублей. Песочниковъ же пишетъ: „А о продажной цѣнѣ вину какъ зоя: Его Императорскаго Величества привозить; тому никто не извѣстенъ; а ивнтся простаго вину ведру цѣну можно положить, слобы въ продажѣ банъ ему по три рубль; а въ рещицу по четыре алтина фунтъ; и аще тѣхъ будетъ дюрякъ и по колтиѣ ведру, а въ продажѣ стюдокъ цѣны не обавлять“¹⁾. Мы уже говорили о томъ, что должность бурмистра, головы или цѣловальника иногда была очень стѣснительна и что Песочниковъ въ главѣ „о правосудіи“ предлагать весьма болѣе гуманное и свѣдѣтельное обращеніе съ этими блестящими „парскаго интереса“. Г. Пришковъ, въ своей „Исторіи кабакной“ на этотъ предметъ обращаетъ особенное вниманіе. „Головы и цѣловальники“, говоритъ онъ, — это были какъ будто закрѣпощенные кабацкіе слуги. Оторвать его отъ дома, поводить въ кабакъ собирать нитейную прибыль, а цѣмъ ему нитаться—того не спрашиваютъ. Одни бѣжали отъ вѣнзора, чтобы не разориться, а другіе, которымъ терять было нечего, а напротивъ представлялись возможностью нажить, шли въ кабакъ и разорали народъ“. Въ обществѣ мало было охотниковъ поступать въ эти должности. Выборы встрѣчались разнаго рода затрудненія; правительство не дозволяло отбиваться отъ выборовъ очередными службами; если однако была остановка въ выборѣ, или были выбраны дурные люди, то такимъ городамъ грозили: „Быть вамъ въ опалѣ и во всякомъ разореніи“. Изъ нѣкоторыхъ случаевъ переписки городовъ, головъ и цѣловальниковъ съ правительствомъ можно усмотрѣть, въ какомъ стѣснительномъ положеніи иногда находились и мѣстное населеніе, объявленное и выбрать голову или цѣловальника, и затѣмъ ручаться за него, — надзирать за нимъ, платить за него недоборъ въ случаѣ воровства или неудачнаго веденія дѣла, а также и самыя выборы чиновники. Иногда города были теломъ царю, избавить ихъ отъ кабака, иногда выборные, вступая въ управление кабакомъ, и опутанные цѣлою системою обязательствъ и надзора, дѣлались несчастными жертвами „московской волокаты и проѣста“. Всякій недоборъ ставился въ нерадѣніе и выборные должны были идти на правезу.

¹⁾ Соч. Пос., I, 241.

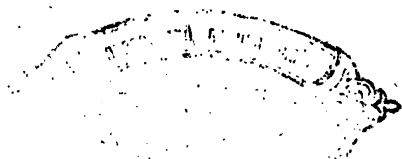

Часто они привлекались въ суду вслѣдствіе доносовъ. Довоеннымъ правительствомъ объявлено „царское жалованье“. При контролѣ надъ выборными входили въ малѣйшія подробности. Однако, не смотря на все мѣры предосторожности, весьма часто случалось, что головы, проливъ и прогулавъ царскія деньги, обращались въ бѣгство, смѣнивали вино съ водкой, грабили пьяныхъ и т. п.“¹⁾ Вотъ нѣкоторые приемы контроля надъ выборными. Полученныя деньги цѣловальники должны были немедленно класть въ ящики, которые голова печаталъ собственною печатью. Предписывалось: „мимо ящиковъ денегъ цѣловальникомъ въ кошель и карманы, и подъ блюда и подъ ставцы и никуда не класть“; запрещалось имъ также бросать деньги въ вино. Въ указѣ 30-го августа 1696 года говорится: „ящики все осматривать, чтобы у нихъ не было за печатью крышечки неостодыгались, и деньги изъ нихъ не высыпались, и дыръ бы у ящиковъ цѣловальники для воровства не прибавляли“; цѣловальникамъ было запрещено брать „поминковъ съ подрачникомъ отъ приема винъ и водокъ“; запрещено было имъ „своего питья на отдаточный дворъ и въ фартенны избы и въ палаты водочной продажи тайно привозить и продавать“ и т. д. Все это было устроено, „чтобы въ деньгахъ хитрости не было“, — при каждомъ случаѣ цѣловальникамъ и головамъ грозить „жестокимъ наказаніемъ безъ всякаго пощады“²⁾.

Всякую недѣлю или всякій мѣсяцъ голова, въ присутствіи всѣхъ цѣловальниковъ, вынималъ собранныя деньги и записывалъ въ книгу, сколько какою цѣловальникомъ собрано. Эти деньги по истеченіи года отсылались въ приказъ. Для устраненія всякаго лихонства со стороны цѣловальниковъ, указомъ 1696 года дозволено было покупщикамъ, по ихъ желанію, самимъ мѣрять покупаемые ими напитки, „чтобы впредь купцамъ для покупки питей приходило было новово, и отъ того въ сборѣ денежной казны чинилось поколебленіе“. Ежегодно назначено было: сколько каждый кабацкій голова долженъ собрать денегъ, сораазмѣряясь съ сборами того дружечнаго двора въ прошедшіе годы. Количество, превышавшее сборъ прошедшихъ годовъ предъ настоящимъ сборомъ, называлось недоборомъ, который доварялся на головахъ, такъ что новый голова подвергался отвѣтственности. Голова, оставившій свою должность, не былъ еще совершенно свободенъ отъ отвѣтственности, ибо стояло новому велѣнію собрать

¹⁾ Прыжовъ, 72—82.

²⁾ П. С. З., № 1622.

болѣе стараго, чтобы подвергнуть послѣдняго взысканіямъ. Не добравшаго наказывали иногда смертною казнью, иногда сѣкли кнутомъ ¹⁾.

Число бурмистровъ, головъ и цѣловальниковъ было громадно. Каждая отрасль финансовой администраціи, каждый налогъ требовалъ назначенія значительнаго числа таковыхъ чиновниковъ, которые и сами постоянно находились въ опасномъ положеніи и позволяли себѣ разныя продѣлки въ отношеніи къ казнѣ и въ отношеніи къ публичѣ. На даромъ Посожковъ предлагалъ по возможности ограничить число такихъ служащихъ посредствомъ упрощенія финансовой системы. Говоря о множествѣ новыхъ сборовъ, онъ замѣчаетъ: „Нинѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ въ оскудѣніе, потому что волине разныхъ сборовъ есть, толиво и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и кодожи особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли и воруются тѣми же государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди всё тѣнѣютъ: ово отъ множества служебъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлають нетвердо, должи сборине крадутъ, тѣмъ себя и питають, и ради клятвенпреступленія не спорится имъ. А егда службу свою отслужать, то привазные люди стануть ихъ считать, да щипать, да въ томъ отчетѣ годъ или два проволочать, и тою волокитой и до конца разоряють ихъ“.

Посошковъ предлагаетъ назначить такимъ людямъ жалованье: „И мнитса мнѣ: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадать, и питаться бы благословиннымъ кусомъ; такожде и привазнымъ людямъ надлежитъ указъ учинить, по чему съ какого слугителя имать“ и пр. Посошкову кажется весьма неразумнымъ, что „выбирають въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ слугители отъ нужды касаются кражъ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пребудуть, а во кресту принуждають. И егда увидать чье похищеніе, то питають и кнутомъ бьютъ, и доми ихъ разоряють, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтѣ будетъ мучиться.“ Посошковъ предлагаетъ или „клятву оставить“, удовольствуясь однимъ наказаніемъ виновнаго, или же оставить наказаніе и отдать виновнаго на Божій судъ. Во всякомъ

¹⁾ Толстой, 161—162.

случаѣ, по мнѣнію Посожкова, нужно спросить дѣловальника, чѣмъ онъ у того дѣла будучи будетъ питаться, можетъ ли онъ ономъ прокормиться. И буде скажетъ, что прокормится ему нечѣмъ, то опредѣлить ему кормить, чтобы ему было чѣмъ питаться. И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборными деньгами коновоя, то уже жестоко надлежитъ его наказати⁴⁾, а если явству оставитъ, то виновный „на ономъ свѣтѣ будетъ уже отъ тамошняго мученія свободенъ“⁵⁾. Посожковъ соизволяетъ не смышляемъ часто мѣнять бурмистровъ: „Кой бурмистръ впервые сядетъ, тотъ вездѣ потеряетъ: не знаетъ колько чего ему надобно припаси, и купитъ все въ переодачу: и дѣлъ было найтись, а онъ тутъ потеряетъ. И еще бы бурмистры были вѣрныи, то бы ни гдѣ онъ не потерялъ и лишку бы ни у какой покупки не передалъ, всякіе бы припасы покупалъ во время дешевости“ и пр.

Правительство всегда обращало вниманіе на это обстоятельство. Кабацкимъ головамъ и дѣловальникамъ было предписано отъ имени государя покупать всё нуажное припаси морско, то-есть, когда они бывали дешево, во самому времени года, или, напримеръ, по случаю торва, ярмарки, и т. п., „какіе въ воторое время бываетъ всякимъ торговымъ людямъ съѣда, и запасы всякіе бываютъ дешеви“ и „готовили бѣ на кабакъ запасы, какъ бы нашей давнѣ было прибыльнѣе“²⁾. Однако, разумѣется, не только честность, но и дѣятельная омытность въ дѣлахъ была условіемъ удачныхъ операций головы или дѣловальника. Для этого Посожковъ предлагаетъ „въ бурмистры выбирать людей не весьма богатыхъ, но среднія статьи, токмо разумныхъ и правдолюбивыхъ; и въ дѣлахъ праведныхъ; кои бы были не пьяници“, ... и имъ учинитъ жалованье годовое, и буде сверхъ настоящаго сбора неусмыннымъ своимъ радѣньемъ прибереть излишнее, то за тотъ приборъ дать ему сверхъ его оклада со всякаго приборнаго рубля по гривнѣ“ и т. д. Слѣдующее обстоятельство характеризуетъ безприваженность приказныхъ людей того времени. Посожковъ предлагаетъ дозволять бурмистрамъ и дѣловальникамъ брать на значенное имъ жалованье или собранныхъ ими денегъ и записывать „въ книгу“, прибавляя къ этому: „А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за раскладчиками по нѣтъшнему, то уже правдѣ быть нельзя: для наивышнихъ расходовъ будутъ агать“. Не-

¹⁾ Соч. Пос., I, 220—222.

²⁾ Толстой, 154.

сознать, что выгода казны будетъ при такой системѣ гораздо болѣе обезпечена. „Что имъ въ жалованье дастся, — возвратится съ лихвою“.

Затѣмъ Посониковъ предлагаетъ разныя мѣры, относящіяся къ бухгалтеріи и къ контролю. Контроль, повторяющійся каждую недѣлю, кажется ему „важнѣею турбаціею бурмистрамъ и прямому дѣлу помѣстнаго хозяйства“. Записывать каждую недѣлю остатки, по его мнѣнію, вместе съ свѣдѣніемъ „истрату въ веремѣрныя питья и лишнюю плату писатъ“. Онъ предлагаетъ ограничиваться ежемѣсячною ревизіею и сокращенными свѣдомостями о припасахъ. Подробности этихъ предложеній заключаютъ въ себѣ доказательство, что Посониковъ отлично былъ знакомъ со всѣмъ дѣлопроизводствомъ по части питейнаго обора. Впрочемъ, онъ требуетъ весьма строгихъ мѣръ противъ нечестныхъ бурмистровъ: „Буде кой бурмистръ не противъ данныхъ ему инструкціи учинитъ что, и та учинитъ ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ“. За „похищеніе казны“ Посониковъ предлагаетъ „позаклеить на лицо клеймо, и бити ему при арміи вѣчно въ черной работѣ“¹⁾. Посониковъ требуетъ также строгихъ наказаній за порчу продажнаго вина или за принятіе бурмистромъ отъ подрядчика вина „ниже пробы“. „Для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не привѣщивали“, онъ предлагаетъ ввести у всѣхъ бурмистровъ и цѣлевальниковъ особенныя контрольныя приборы: „Маленькія вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобы мочно было бѣ въ нихъ вина или воды. Однѣя золотинѣя отвѣся вишечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣла хрустальныя фунтовныя или полупунтовныя стальночки, самыя чистыя“ и пр. Такимъ образомъ Посониковъ надѣется получить для казны больше доходовъ, и въ то же время „люди трезвые будутъ“²⁾. Далѣе Посониковъ предлагаетъ разныя мѣры контроля при приѣмѣ вина отъ подрядчиковъ. И тутъ видно, въ какой мѣрѣ онъ обладалъ техникою въ этомъ предметѣ³⁾.

Выбирать богатыхъ купцовъ въ бурмистры Посониковъ не советуетъ: „надлежитъ имъ торговать и съ торговъ своихъ пошлины платитъ... богатому еще на годъ дать и пять сотъ рублевъ, то онъ такъ не услужитъ, какъ молотчій и изо ста рублевъ. Богатый еще и

¹⁾ Соч. Пос., I, 237.

²⁾ Соч. Пос., I, 242.

³⁾ Тамъ же, 239—40.

у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ. А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но только то у него и на умъ будетъ, какъ бы ему управлять вверенное ему дѣло¹⁾

Въ извѣстныхъ случаяхъ дозволилось частнымъ лицамъ курить вино. Такія исключенія въ ущербъ казенной монополіи встрѣчаются весьма часто въ XVII столѣтіи. Въ 1708 году было велѣно положить вонецъ частному винокуренію „со всякою жесточью“. У всякихъ людей велѣно было отписывать винокурную посуду—кубы, котлы, казаны и т. д., съ уплатою хованьямъ цѣны ихъ. Эта мѣра оказалась весьма выгодною въ финансовомъ отношеніи. Цѣловальники доносили, что съ отборомъ посуды въ разныхъ волостяхъ „питейной казнѣ учинилось немалое пополненіе“. Тѣмъ, которые утаивали „кубы“, грозили страшными наказаніями²⁾.

Изъ равныхъ указовъ видно, что было дозволено приготовить для собственнаго приготовленія только пиво и медъ, а курить вино и для домашняго обихода всѣмъ сословіямъ было запрещено. Однако этотъ указъ не долго оставался въ своей силѣ: въ 1716 году онъ былъ отмененъ, и классы, прежде пользовавшіеся дозволеніемъ курить вино для домашняго употребленія, вновь получили на то право, съ уплатою пошлинъ съ кубовъ³⁾. Хотя и при этомъ случаѣ были приняты кое-какія мѣры предосторожности, это позволеніе приготовить вино для домашняго обихода вскорѣ превращалось въ настоящее корчемство⁴⁾, какъ видно изъ весьма любопытныхъ въ этомъ отношеніи разсужденій Посошкова. Онъ вообще не любитъ привилегированные классы; на этотъ разъ же онъ былъ крайне не доволенъ такою привилегіей, которая оказалась весьма невыгодною для казны.

„Въ большихъ своихъ вотчинахъ“, говоритъ Посошковъ, — „пестроены у нихъ (дворянъ) свои кабаки, и называютъ ихъ кваснями, а подъ именемъ квасни продаютъ явко пиво, а вино потаенно. А истинный прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣшничій. И еще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство все отнять,

¹⁾ Соч. Пос., I., 237, 239.

²⁾ П. С. З., № 2004.

³⁾ П. С. З., № 2990.

⁴⁾ Толстой, 159.

и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячь по сотницѣ или больше въ годъ прибудеть. А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменные кубы и котлы оставить, то, чаю, что по двѣсти и по триста тысячь рублей на каждый годъ прибудеть у питейной продажи". Посошковъ ожидаетъ однако, что въ случаѣ принятія такой мѣры, кто нибудь „самый сильный человекъ просить будетъ, чтобы квасни ихъ не разорять“, въ такомъ случаѣ онъ уже предвидитъ, что предложенная имъ мѣра не будетъ приведена въ исполненіе. Потому онъ предлагаетъ по крайней мѣрѣ болѣе точно опредѣлить, сколько дворянамъ должно платить за винокуренье. Вообще же онъ совсѣмъ недоволенъ такою несходительностью къ дворянамъ и говоритъ: „А дворяне и мелкія статьи многіе накура вина, въ деревняхъ своихъ продають, а иные и въ города привозять, продають и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждаютъ“ ¹⁾. Нѣсколько страницъ далѣе Посошковъ возвращается къ этому предмету. Изъ весьма любопытныхъ подробностей его разказа можно видѣть, какимъ образомъ „сильные люди“ вліяли на законодательство, не заботились о выгодахъ казны и нарушали существовавшія правила и законы. Поэтому онъ предлагаетъ „отставить клейменье“, „валѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обратъ на государя и по настоящей цѣнѣ за мѣдъ деньги заплатить, а олово и свинець и всякую грязь на огнѣ выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъязу напраснаго не было“. Затѣмъ слѣдуютъ разныя предложенія, какимъ образомъ устроить надзоръ, чтобы никто не занимался винокуреньемъ; наказанія за тайное винокуренье, по мнѣнію Посошкова, должны быть весьма строгія; не только дворяне, но и крестьяне, не донесшіе на своихъ господъ, должны подвергнуться денежнымъ пенямъ и, т. п. ²⁾. Достоинно вниманія слѣдующее предположеніе Посошкова: „Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчмамъ развозить не стануть, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ“. Значитъ, дворяне позволяли себѣ такое злоупотребленіе, весьма губительное для рабочаго класса.

Посошковъ предлагаетъ опредѣлить количество вина, которое можетъ получить изъ кабаковъ каждый дворянинъ по подрядной цѣнѣ.

¹⁾ Соч. Пос. X. 234—235.

²⁾ Соч. Пос., I, 243—244.

Онъ желаетъ принятія мѣръ „чтобы одинъ человекъ дважды не взялъ. Кто возьметъ излишнее вино, то взять на немъ штрафъ за ведро вина излишнее по 25 рублей, а со свидетелей по 5 рублей за человека“. Полученное такимъ образомъ вино „по подрядной цѣнѣ“, значитъ, безъ прибавки для казни, — и въ этомъ видѣлочалась привилегія дворянства, допускаемая Посошковымъ, — она не могла быть продаваема кому либо. И на этотъ счетъ слѣдуютъ у Посошкова разные штрафы, доносы и т. д. (1).

Спрашивается, однако, какими образомъ могъ Посошковъ жаловаться на точное исполненіе предложеиныхъ ему правды и законовъ. Онъ же лучше многихъ другихъ знаетъ, какъ „сильные люди“ отнеслись къ закону и къ представителямъ власти. На этотъ счетъ чрезвычайно любопытны замѣчанія Посошкова объ отношеніи дворянъ къ цѣловальникамъ и бурмистрамъ. „Паки“ говоритъ онъ и отъ сего интереса Царскаго Величества гнѣтъ много, что помѣшники сбору казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинятъ: въ конхъ пристойныхъ мѣстахъ, по Его Императорскаго Величества указу, повелѣнію кабаки построить и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ дитейную прибыль, и гдѣ уже построены были, помѣшники разорили и сборы остановили. Василій Дмитріевичъ Курчминъ, аще добрый человекъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ велики погрѣшкъ: ибо въ Бодонецкомъ погостѣ до его владѣнія была дитейная стойла построена, и рублей по сту и больше на каждый ведръ на ней собиралось, а нынѣ приказный его человекъ съ дитьемъ въ ту стойлу не пудитъ, и въ Государевѣ погребѣ ставитъ свое питье. И отъ тора у Великаго Государя рублей по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣшники и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питье отнимаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озорничеству стали они быть своему Государю противники, а не слуги. Чѣмъ было нынѣ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинятъ вспомощеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя, а и сама отъ не своей, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мелкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ

(1) Соч. Пос., I, 245—246.

временнымъ его владѣніемъ, съ вѣтвемъ Государевымъ не пускаютъ" ¹⁾).

Сомнѣваться въ справедливости такихъ обличеній Посошкова мы не имѣемъ, оспораивая. Такъ даже онъ уваживаетъ мѣсто происхожденія такихъ случаевъ и называетъ по имени одного изъ виновныхъ, его разнасъ заслуживаетъ доверія. Хотя онъ и не можетъ быть названъ наблюдателемъ вполне безпристрастнымъ, такъ какъ не любилъ сильныхъ людей и былъ въ некоторыхъ случаяхъ слишкомъ уже ровностнымъ сторонникомъ „дальскаго интереса“, опытность его, частыя путешествія и любовь къ правдѣ доставляли ему возможность сообщить весьма живую картину отношеній дворянъ къ питейному дѣлу.

Въ заключеніе своего подробнаго изложенія финансоваго значенія питейнаго дѣла Посошковъ предлагаетъ преисъ-курантъ всѣмъ водкамъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ продавать водку по шести рублей ведро, а фунтъ по 20 копѣекъ, аптекарскую водку по 50 копѣекъ, съ сахарною приправою по 60 копѣекъ и пр. Наконецъ, онъ предлагаетъ разныя правила относительно меда и хмѣлю: тутъ показаны и цѣны, по которымъ слѣдуетъ продавать „меды варенные, чистые, малиновыя, смородиновые и прочіе, кои строятся изъ ягодъ безъ вина и съ виномъ, ставленные, бѣлые меду“, далѣе „пиво доброе густое, пиво расхожее“. Посошковъ предлагаетъ отставить акцизъ на пивовареніе, потому что „въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покормка, а Великому Государю вельми не великъ доходъ“; къ тому же „варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сварить кто четверть и объявить только одну осьмину, а кто сварить осьмину, а явить полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ.... А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меду ставить будутъ безопасно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не станутъ торопиться, чтобъ скорѣе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради своего здравія станутъ по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что лгать будетъ уже не для чего, и вѣтвы въ неправдѣ не будутъ чинить. А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пошлинъ наложить пошлину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля“ и т. д.“ Слѣдствіемъ этого будетъ, что „всякаго званія люди будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить“. Затѣмъ слѣдуетъ множество пра-

¹⁾ Соч. Пос., I, 234.

вилъ о контролѣ надъ исправнымъ платежѣмъ пошлинъ на хмѣль и о наказаніяхъ въ случаѣ утайки этой пошлинъ. Такія же правила отпосытаются и къ меду. ¹⁾

Мѣра, предложенная Посошковымъ, должна считаться цѣлесообразною. Предоставленіе права пивоваренія и медоваренія частнымъ лицамъ подъ условіемъ известной платы, за которую выдавались такъ называемыя *позволительныя ярлики*, давало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ ²⁾. При платежѣ пошлинъ на хмѣль, какъ надѣялся Посошковъ, „уже ни богатый ни убогой, ни самъ себѣ, не избудеть того платежа: захочетъ пива, купитъ и хмѣль“ ³⁾.

Монетная реформа.

Посошковъ въ разное время занимался вопросами, касающимися денежной системы. Изъ донесенія его къ боярину Головину „о ратовомъ поведеніи“ мы узнаемъ, что еще до 1701 года имъ была составлена записка по этому предмету. Говоря о военномъ бюджетѣ, Посошковъ замѣчаетъ: „И если-бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма.... И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управлять съ мелкою дробью, якожь прежде явихъ въ денежномъ письмѣ“ ⁴⁾.

Къ сожалѣнію, это сочиненіе Посошкова не сохранилось. Что же касается до его содержанія, то изъ словъ: „денежное дѣло управлять съ мелкою дробью“ можно заключить, что Посошковъ въ этомъ письмѣ говорилъ о недостаткѣ въ мелкой монетѣ, который именно въ то время былъ столь тягостенъ для обращенія. Въ одномъ современномъ указѣ сказано: „Во многихъ низовыхъ и во многихъ городѣхъ за скудостью денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебряныя копейки на двое и на трое и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ, а въ Кадугѣ и въ иныхъ городѣхъ вмѣсто серебряныхъ денежекъ торгуютъ же кожаными и иными жеребьями“ ⁵⁾. Этимъ предположеніемъ ограничивается наше знаніе о содержаніи этого денежнаго письма. По всей вѣроятности, оно было писано до указа 11-го марта 1700, которымъ правительство распо-

¹⁾ Соч. Пос., I, 246—250.

²⁾ П. С. З., № 2074. Толстой Ист. вѣст., 165.

³⁾ Соч. Пос., I, 247.

⁴⁾ Соч. Пос., I, 291.

⁵⁾ П. С. З., № 1776.

рядилось о выпускѣ мѣдныхъ денегежъ, полушекъ и полуполушекъ, и можетъ быть, именно по поводу появленія этихъ новыхъ мѣдныхъ денегъ. Въ 1718 году Посошковъ по поводу появленія новыхъ денегъ написалъ еще другое доносеніе о денежномъ дѣлѣ. Въ сочиненіи: „О скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „Нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимечное серебро на drobныя деньги предлагать мѣди большую честь. И я еще и самій мизирный человекъ, усмотря то начиненіе, не могъ утерпѣть, ежебъ не объявить объ нихъ, что въ нихъ проку будетъ. Въ 1718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся денюгахъ, изъявивъ, что такіа денюга весьма къ воровству способны и самое денежнымъ ворахъ предводительство будутъ“¹⁾. Мы ужъ изъ біографіи Посошкова знаемъ, съ какими затрудненіями боролся онъ, какъ „мизирный человекъ“ при стараніи доставить эту записку Петру чрезъ кабинетъ - секретаря Макарова. Посошковъ говоритъ, что поводомъ къ составленію этой записки были „новыя деньги“. Дѣйствительно, въ 1718 году были чеканены новыя деньги, а именно серебряныя монеты низкой пробы²⁾, и это послѣднее обстоятельство вызвало негодованіе Посошкова. Мы увидимъ, что онъ вообще возставалъ противъ всякой примѣси въ монетахъ. Можно считать вѣроятнымъ, что вопросъ о примѣси былъ главнымъ предметомъ „доношенія“ Посошкова въ 1718 году, потому что онъ затѣваетъ въ другомъ мѣстѣ: „И тѣ вышеназванныя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появились. И я, присмотра ихъ въ томъ году, двѣ копейки да алтыничъ воровской увидѣлъ и взялъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ господину Алексѣю Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походу былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я, видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и затѣмъ то доносеніе замоччалось“³⁾. Значитъ, попытка Посошкова выказывать правительству свои мысли о денежномъ дѣлѣ была неудачна, и рукопись записки пропала.

Къ счастью, въ послѣднемъ сочиненіи Посошкова мы находимъ подробный разборъ главныхъ вопросовъ о монетномъ дѣлѣ. Онъ помещенъ въ главахъ „о кунечествѣ“ и „о царскомъ интересѣ“.

¹⁾ Соч. Пос., I, 251.

²⁾ Chaudoir, Essai sur les monnaies russes; I, 152; П. С. З., № 3164.

³⁾ Соч. Пос., I, 255.

Вотъ главные мысли, высказанныя Посошковымъ: 1) Основаніемъ цѣнности денегъ служить не столько количество содержащагося въ нихъ металла, сколько авторитетъ государя. 2) Деньги должны чеканиться безъ всякой приливы. Въ связи съ этимъ иными иными мы находимъ: 3) проекты о выпускѣ желтой мѣдной монеты.

Посошковъ краснорѣчиво говоритъ о подданствѣ русской торговли иностранцамъ. Онъ, какъ мы видѣли, преподаетъ главные начала меркантилизма и надѣется, что русскіе купцы будутъ въ состояніи освободиться отъ этого перевѣса западно-европейскихъ купцовъ. Предлагая продавать всѣ товары иностранцамъ только по согласію всего русскаго купечества и по точно опредѣленнымъ цѣнамъ, онъ порицаетъ иностранцевъ за высокія цѣны, которыя онѣ требуютъ за свой товаръ, и продолжаетъ: „Такая цѣна устанавливается за нихъ не покорство; они на свои товары безъ причины наложили цѣну высокую и тѣмъ весь великій вывозили, а имъ вывоза не отъ насъ, не отъ своего имъ уграмяства. Они въ причину поставили русскія наши деньги, до чего имъ ни малого дѣла нѣтъ. Деньги наши когда въ ихъ землю придуть, то хотя они нашу копѣйку и за деньги не возьмутъ, то въ томъ они волевы: ихъ земля—ихъ и воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни малѣй власти, но волею нашѣ монархъ, а по его монаршеской волѣ и мы не имѣемъ нѣкую часть воли. А они, пришедъ въ нашу землю, цѣны наши деньги, да всякими своими товарамъ цѣну возвысили: червонные были безъ гривны по сроку алтынъ, а нынѣ по два рубля; ефимки были по осемнадцати алтынъ, а нынѣ по осьми гривень; мѣди нудъ были по три, а нынѣ по семи и по восьми рублевъ; олово было по ель большакамъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевъ; горючая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое выше продать. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривень, ту нынѣ продать по два рубля; оконечныхъ стеколъ ящикъ покупали по три рубля, а нынѣ продать по десяти рублевъ. Колимо ни есть заморскихъ товаровъ, на всѣ наложили они цѣну двойную, да и тройную“ и т. д. ¹⁾.

Жалобы Посошкова относительно повышенія цѣнъ на всѣ товары были справедливы. Въ 1671 году червонцы стоили, какъ мы знаемъ изъ сочиненія Кильбургера, 114—125 коп.²⁾, что довольно близко подходит къ указанію Посошкова: „прежде червонные были 110 коп.“

¹⁾ Соч. Пос., I, 123.

²⁾ Kiburger, 307.

Уже въ 1688 г. червоныя стоили 142 коп., а къ послѣднее время царствования Петра Великаго червоны обихаживались за 190 коп.¹⁾ Бѣники были въ 1671 году 55—56 коп. (Посошковъ: „прежде“ 54 коп.), а въ 1712 г. правительство хотѣло купить въ Архангельскѣ бѣники по 60 коп.²⁾ Это совершенно сходно съ цѣною уральскою Песошковымъ. Пудъ мѣди стоилъ въ 1675 г. 460 коп.³⁾ въ 1669 г. въ Брянскѣ цѣнили на „вружочныхъ“ двѣри посуду мѣдную по 3 и 4 рубли за пудъ⁴⁾. Въ то время, когда Посошковъ писалъ свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“, мѣдь стоила, по словамъ Посошкова, 7—8 р. и это подтверждается другими данными, напримѣръ, въ 1712 г. правительство хотѣло купить мѣди красной платовой по 7.25 коп., мѣди въ котлахъ по 7 р.⁵⁾

Посошковъ приписываетъ такую дороговизну ненависти иноземцевъ, желавшихъ „пригнать русское царство къ оскудѣнію“. Ему и въ голову не приходило, что перемены въ монетной системѣ могли быть причиною такого повышенія цѣнъ. Въ этомъ отношеніи мы должны удивляться нѣкоторымъ образомъ ограниченности Посошкова.

Подобный же случай незнанія главныхъ основъ теории цѣнъ встрѣчается въ XVII столѣтіи. Вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ, упавшихъ въ цѣнѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, началась страшная дороговизна. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые современники, напримѣръ, Котошихинъ, Мейербергъ, Коллинсъ и др. хорошо понимали, что главная причина повышенія цѣнъ было ничто иное, какъ лажъ на мѣдные деньги, правительство въ октябрѣ 1660 года обратилось къ боярамъ, гостямъ и людямъ гостинныхъ и суконныхъ сотенъ и слободъ и торговымъ людямъ съ вопросомъ: „отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городѣхъ передъ прежнимъ хлѣбу дорогая цѣна“. И правительство, и гости и торговые люди приписывали дороговизну закупщикамъ хлѣба, винокуренію въ чрезмѣрномъ количествѣ, безлюдію, превращенію дачи жалованья натурою въ денежное жалованье и другимъ причинамъ: о разстройствѣ въ монетной системѣ ни слова⁶⁾. Такъ и Посошковъ не могъ усмотрѣть причинъ дороговизны и хулил иноземцевъ за „упрямство“, не допуская основательности ихъ жалобъ

¹⁾ Gordon, Tagebuch (изд. Посошкова), II, 214.

²⁾ Weber, Neuverändertes Russland, I, 336.

³⁾ П. С. З., № 2606.

⁴⁾ Временникъ XV, Слѣсь, 30.

⁵⁾ П. С. З., № 2587.

⁶⁾ См. П. С. З., № 286, и мое сочиненіе — Мѣдные деньги въ Россіи, стр. 44.

на перемѣнѣ въ русскихъ деньгахъ. Посошковъ не замѣчалъ, что правительство дѣйствовало точно также, какъ и иностранцы, повышая цѣны на кабацкое питье каждый разъ, когда перемѣна въ деньгахъ, то-есть, въ монетной единицѣ, имѣла слѣдствіемъ уменьшеніе цѣны. Такое уменьшеніе цѣны, о которомъ говоритъ Посошковъ, было минималъ. По мѣрѣ того какъ монетная единица въ Россіи уменьшалась вслѣдствіе порчи монетъ и становилась меньше, цѣны на всѣ товары, выражаемыя въ этихъ деньгахъ, должны были падать. Вотъ какимъ образомъ уменьшалась монетная единица при Иванѣ Посошковѣ:

Во время царствованія царя Алексѣя Михайловича
изъ 1 фунта серебра чеканили 921 коп.

1696	"	—	"	"	"	10 ¹ / ₄ руб.
1697	"	—	"	"	"	10 ³ / ₄ "
1698	"	—	"	"	"	13 ¹ / ₆ "
1699	"	—	"	"	"	14 ¹ / ₆ "
1711	"	—	"	"	"	15 ¹ / ₃ " ¹⁾ .

Деньги становились легче: конечно, такой порчѣ монетъ должно было соответствовать повышеніе цѣны.

Не въ первый разъ этотъ вопросъ о дороговизнѣ и порчѣ монетъ былъ поднятъ въ Россіи въ отношеніяхъ къ иностранцамъ. Когда при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ англійскій посланникъ Мерикъ жаловался, что новыя деньги дѣлаются легче вѣсомъ, бояре отвѣчали: „Послѣ царя Ѳеодора Ивановича въ Московскомъ государствѣ учинилась смута, многое разореніе и земли заустѣніе, царская казна разграблена, а служивыхъ людей умножалось и жалованья дать нечего, государи христіанскіе пограничныя помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали легче, чтобъ государство было чѣмъ построить и служивыхъ людей пожаловать; да и на новое то дѣло, во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотыя имъ деньги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами, и теперь мѣдными деньгами торгуютъ мало не вездѣ; а какъ скоро которое государство поисправится, то тамъ и деньги поправляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой“. Такимъ образомъ, возражая англійскому дипломату на сдѣланный имъ русскому правительству

¹⁾ Chaudoir, I, 124.

упрекъ, боаре въ свою очередь, очевидно не понималъ связи между деньгами и цѣнами, обвиняютъ Англичанъ: „Англійскіе гости всякіе товары стали продавать дороже прежняго: при прежнихъ государяхъ продавали золоченое серебро въ двѣхъ гривенку по три рубля, а бѣлое и безъ четверти, а теперь продаютъ гривенку по пяти рублей и больше“ ¹⁾. Такая пережѣна въ цѣнѣхъ какъ разъ соответствовала происходившей въ Россіи пережѣнѣ въ монетной единицѣ: Англичане жаловались, что „прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шиллинговъ“ ²⁾.

Въ отношеніи къ измѣненію монетной системы существовали противоположныя мнѣнія. Иностранцы при возвышеніи цѣнъ на свои товары „поставляли въ причину русскія деньги“, а Посолшковъ утверждалъ, что имъ до этихъ денегъ „нивакого дѣла нѣтъ“.

Еще рѣшительнѣе Посолшковъ высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ онъ говоритъ: „Иноземцы въ своихъ иноземныхъ деньгахъ считаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, тамо честно и опасно хранимъ“ ³⁾. А далѣе: „Дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣхъ мѣди, но по соизволенію Императорскаго Величества.... Мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ, намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсь въ нихъ чинимъ, но считаемъ начертаніе въ ней. Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она еще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цѣнѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсь имѣетъ силу, но царская воля. У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ яко народъ, и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи кушцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а

¹⁾ Соловьевъ, IX, 193.

²⁾ Соловьевъ, IX, 190.

³⁾ Соч. Пос., I, 252.

королевскую персону полагають на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цѣта имѣетъ въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнью, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ. И тыи иноземцы кощутъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагають въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоила матеріаломъ своимъ того, за коликъ ей ходить" ¹⁾).

Мы видимъ тутъ двѣ совершенно противоположныя теоріи о деньгахъ. Въ одной утверждается, что единственнымъ основаніемъ цѣнности денегъ служить государственннй авторитетъ, а другая указываетъ на необходимость соразмѣрности между номинальною и реальною цѣнностями монетъ. Долго продолжалась борьба между этими двумя мнѣніями, сопровождаемая безчисленными денежными кризисами, и повлекла за собою громадныя потери.

Всѣ случаи порчи монетъ доказываютъ, что государи раздѣляли мнѣніе Посошкова. Вслѣдствіе того сдѣлалось возможнымъ, что золотыя монеты превращались въ серебряныя, какъ, напримѣръ, гульденн, — серебряныя въ мѣдныя, какъ, напримѣръ, копѣйки въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, — даже золотыя въ мѣдныя, какъ мараведи въ Испаніи; во Франціи въ продолженіе тысячелѣтія ливръ уменьшился на $\frac{1}{87}$ своей первоначальной цѣнности.

Въ русской публикѣ мнѣніе Посошкова имѣло приверженцевъ, а именно незадолго до Посошкова мы встрѣчаемъ любопытный примѣръ совершеннаго согласія мнѣній правительства и публики съ мнѣніемъ Посошкова. Алексѣѣ Михайловичъ, выпустивъ мѣдныя деньги, номинальная цѣнность которыхъ была въ 60 разъ выше чѣмъ реальная, и требуя, чтобъ эти деньги шли наравнѣ съ серебряными, конечно, основывалъ эту операцію на той же теоріи Посошкова, что „ащебъ государь повелѣлъ на мѣдной золотниковоѣ цѣтѣ положить рублево начертаніе, то бы она за рубль въ торгахъ ходить стала“. Хотя упадокъ въ цѣнѣ этихъ мѣдныхъ денегъ до 6% первоначальной номинальной цѣнности ²⁾ и доказывалъ, что публика не совсѣмъ раздѣляла это мнѣніе, однако иногда и въ публикѣ правительство находило ревностныхъ защитниковъ такой теоріи. Такъ, въ Малороссіи объ этихъ мѣдныхъ деньгахъ былъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 253—254.

²⁾ См. *Котомшннъ*, стр. 83; П. С. З., № 339; А. А. Э., IV, № 144.

сгѣдующій разговоръ между гетманомъ Выговскимъ и полковникомъ Пушваремъ. Выговскій вынулъ изъ кармана московскія деньги, бросилъ на столъ и сказалъ: „Хочеть намъ царь Московскій давать жалованье мѣдными деньгами, но что это за деньги какъ ихъ брать?“ На это Пушварь отвѣтилъ: „Хотя би великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать“¹⁾.

Наше предположеніе, что въ Россіи многіе раздѣляли тогда мнѣніе Пушваря и Песошкова объ авторитетѣ государя, какъ о единственномъ мѣрилѣ цѣнности денегъ, подтверждается также и тѣмъ достопамятнымъ обстоятельствомъ, что, какъ разказываетъ Котошинъ, „тѣ мѣдныя деньги многое время ходили съ серебрянными заровно и возлюбилъ тѣ деньги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали“²⁾.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на порчу монетъ Юрій Крижанничъ, который и въ этомъ отношеніи находился подъ вліяніемъ просвѣщенія Западной Европы. Тамъ, на западѣ, мало по малу получало верхе мнѣніе, что монетная регалія не должна служить источникомъ доходовъ, и что правительства не имѣютъ права стремиться въ обогащенію въ ущербъ интересамъ общества посредствомъ выпуска легковѣсныхъ монетъ. Говоря о „злыхъ способахъ или промыслахъ“, онъ относитъ сюда и монетную регалію въ томъ случаѣ, когда она служитъ обращеніемъ казны. „Ковачество и лити ковничны прѣметы“³⁾, пишетъ онъ, — „гдѣ изъ пѣняныхъ ковницъ ищутъ прибыли и злые пѣнязи куютъ: сей способъ не токмо есть несправеденъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ. Часть ся бытъ прибыленъ; а онъ есть сама истая убыль и тщета. Отнюдь и во вѣки не можетъ владатель изъ ковничныхъ прѣметовъ добыть еднаго пѣняза, дабы не пріялъ тщеты стократъ толико. У лѣваревъ есуть нѣкои промыслы, кои ся зовутъ *remedia desperata*, отчаяны промыслы, когда лѣварь больника приемлетъ за мертва и обсѣчетъ му кусъ мяса или разрѣжетъ тѣло и опять зашіетъ или инако лѣчитъ, да больникъ или здравъ постанеть, или отъ самаго лѣкарства умретъ. Сипевымъ отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ есть подобно злыхъ пѣнязей ко-

¹⁾ Соловьевъ, XI, 14 и 15.

²⁾ Котошинъ, I, с.

³⁾ Перелавна металловъ, *прѣметы* — оборотъ, см. замѣчаніе г. Безсонова въ изд. *Кривж.* I ч.

ваніе. И равно яко отчашна лѣкарства не чинятся никакъ, неже въ крайней нуждѣ, и гдѣ никакова иного способа имѣть мочь добыть, такожь и злыя пѣнныи пѣнають ся ковать безъ крайней нужи. А престать есть треба что найскорѣе: або ище долго провлекутъ, то жѣ ся учинить народу, что бы лѣкаръ учинилъ больнику, дабы жилу отворилъ и не заперлъ. Вся кровь бы истекла и человекъ бы умерлъ. Сяце и въ народу: все благо (кое ся зоветъ другая корвь) отъ народа истечеть“¹⁾.

Крижаничъ до того умѣлъ цѣнить количество заключающагося въ монетахъ металла, что въ предложенной имъ монетной системѣ мѣдныя деньги — „бродки“ — должны были имѣть въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ различную цѣну: „А цѣна да имѣть будетъ различна въ краlestвѣ, по томъ како гдѣ мѣдъ будетъ дража или дешевна. Вездѣ тако како ся мѣдъ кунуеть на торгу“²⁾. Въ тронной рѣчи, составленной Крижаничемъ какъ бы для Алексѣя Михайловича, сказано: „Вяще постановляемъ. . . . лехки, нестойны, скудны и злы всяки пѣнныи да будутъ отсежѣ изъ нашего краlestва навѣки неподвижнымъ закономъ скажнены, вышлицаны, затерты, завержены и преповѣданы. Да никто не будетъ долженъ пріять пѣнныи никакова, кій бы въ чемъ наимѣнемъ скуденъ былъ отъ уставъ. И аще бы кто въ услобоженные грады пришелъ подъ царскимъ именемъ, провѣдаты и удаваты таковыхъ пѣнныи; да градомъ будетъ вольно таковыхъ людей и смертію казнити давши имъ перво изповѣдъ“³⁾. Однако условіемъ такого неупотребленія мощной регалии въ пользу казни въ ущербъ народному благосостоянію должна быть, по мнѣнію Крижанича, готовность всѣхъ подданныхъ платить налоги; онъ однако не сомнѣвается въ томъ, что всѣ подданные предпочтутъ добровольный платежъ налоговъ столь страшнымъ злоупотребленіямъ, каковы, какъ полагаетъ Крижаничъ „вольно воровство, вабаки, самотержіе, злые пѣнныи и инородные торговцы“⁴⁾.

Совершенно согласно съ Крижаничемъ разсуждали объ этомъ предметѣ въ Западной Европѣ. Когда въ Англии, во время царствованія Карла I, правительство намѣревалось посредствомъ примѣса мѣди къ серебрянымъ деньгамъ превратить 40.000 фунт. стерл. въ

¹⁾ Крижаничъ, I, 2—3.

²⁾ Крижаничъ I, 327.

³⁾ Тамъ же, I, 328.

⁴⁾ Крижаничъ, I, 369.

160.000 фунт. стерл., купечество объявило, что никто не будет считать себя обязанным принимать въ торговых оборотахъ и т. п. столь худую монету ¹⁾, и членъ верхней палаты сэръ Робертъ Коттонъ произнесъ длинную рѣчь противъ порчи монетъ, которая впоследствии была издана въ печати неоднократно ²⁾. Въ Англии же знаменитый философъ и публицистъ Локкъ замѣтилъ, что посредствомъ порчи монетъ также невозможно помочь недостатку въ деньгахъ, какъ помочь недостатку въ сукнѣ посредствомъ уменьшенія аршина ³⁾. Уже Данте называетъ французскаго короля Филиппа IV, изъ-за порчи монетъ, „поддѣльникомъ монеты“; въ Аррагоніи короли при вступленіи на престолъ были принуждены давать обѣтъ, что они не переиживать монетной системы, не смотря однако на это, они позволяли себѣ разные проделки въ этомъ отношеніи, такъ что папа Иннокентій III грозилъ имъ за это проклятіемъ церкви ⁴⁾. Еще въ XVIII вѣкѣ деспотическія финансовыя предпріятія Людовика XIV заставляли Монтескье смѣяться надъ его незнаніемъ теоріи денегъ. Въ знаменитыхъ „Lettres persanes“ Рика пишетъ къ Иббену: „Французскій король—волшебникъ, онъ имѣетъ даже полную власть надъ умомъ и разсудкомъ своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ думать то, что ему угодно. Нуждается ли онъ въ деньгахъ и имѣетъ въ казѣ не болѣе одного милліона,—стоитъ ему только объяснить своимъ подданнымъ, что одинъ милліонъ—два, и они тотчасъ же вполне убѣждаются въ томъ. Предстоятъ ли ему значительные расходы на содержаніе войска, и онъ не располагаетъ достаточными для этого суммами, — то ему стоитъ только сказать своимъ подданнымъ, что кусокъ бумаги—деньги, и они вѣрятъ ему“ ⁵⁾.

Въ различныхъ странахъ экономисты старались распространять те понятіе о монетной системѣ, которое Посошкову казалось столь неприличнымъ. Во время реформациі въ Германіи Агрикола писалъ о металлахъ (*De re metallica*) столь дѣльно, что его металлургическія теоріи оставались господствующими до конца XVIII вѣка. Онъ же ратуетъ энергично противъ всякой порчи монетъ. Филиппъ Гесенскій считалъ содержаніе монетной системы въ исправномъ по-

¹⁾ *Raumer's Briefe r. neuere Gesch.*, II. 376.

²⁾ *Roscher*, *Z. Gesch. d. engl. Volkswirtschaftslehre*, стр. 101.

³⁾ *Roscher*, *Zur Gesch. d. engl. Volkswirtschaftslehre*, стр. 101.

⁴⁾ *Pecchio*, *Storia dell'economia pubblica in Italia*, стр. 42.

⁵⁾ *Lettres persanes*, XXIV.

рядкѣ признакомъ добродѣтели и способности къ управленію въ государствѣ¹⁾. Чрезвычайно основательными сочиненіями о монетномъ дѣлѣ явились въ продолженіе XVI вѣка въ Саксоніи. Въ нихъ весьма ясно излагается громадное значеніе количества содержащагося въ монетѣ металла²⁾. Въ 1592 г. явилось сочиненіе Шнагенберга „Объ употребленіи и злоупотребленіи монетъ“, въ которомъ авторъ замѣчаетъ, что каждое правительство должно считать себя обязаннымъ никогда не приступать къ какой-либо порчѣ монеты. Геттингенскій бюргермейстеръ Тилеманъ Фризель въ своемъ сочиненіи „Müntzspiegel“ (1592 г.) утверждаетъ, что цѣнность монеты основана не столько на чепанѣ, сколько на количествѣ содержащагося въ ней металла. Яковъ Борницъ въ сочиненіи „De numis“ (1608) замѣчаетъ, что примѣсь въ монетѣ должна обуславливаться только техническими, но не финансовыми соображеніями; онъ же говоритъ о необходимости соблюденія известной пропорціи между разнѣнною монетою и полновѣсными деньгами и доказываетъ, что порча монетъ всегда должна имѣть слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на всѣ товары, и что переиѣна въ монетной системѣ можетъ произойти только съ согласія публики. Во время Тридцатилѣтней войны, когда и въ отношеніи къ монетной системѣ, какъ и въ области государственнаго быта царствовала анархія, потому что въ Германіи въ то время существовало около 600 денежныхъ дворовъ³⁾, — когда каждый мелкій князь старался разбогатѣть чрезъ выпускъ легковѣсовой монеты, и въ публичѣ часто встрѣчалось обрѣзываніе монетъ (Kirren und Wirren), такъ что, по мнѣнію современниковъ, всѣ ужасы войны не представляли собою столько же неудобствъ, сколько влекло ихъ за собою повсемѣстное разстройство въ монетной системѣ, — возникла дѣлая литература о монетахъ вообще и о порчѣ монетъ въ особенности. Явились повѣсти, бесѣды, проповѣди и ученые статьи. Богословы и пасторы подробно объясняли, что правительства обязаны сохранять монеты въ чистотѣ и первоначальной цѣнности. Одинъ изъ нихъ сравниваетъ разстройство въ монетной системѣ съ бѣдствіями мороваго повѣтрія, съ неурожаемъ, съ пожаромъ и наводненіемъ и т. д.

¹⁾ Агрикола умеръ въ 1555 г. Филиппъ, ландграфъ Гессенскій, род. въ 1504, умеръ въ 1567 г.

²⁾ Roscher Gesch. d. Nat. ok. in Deutschland; стр. 108, 49, 107.

³⁾ См. напр. S. O. Opel, Deutsche Finanznoth beim Beginn des Dreissigjährigen Krieges. *Historische Zeitschrift* 1866. 4 Heft.

и заявляетъ протестъ противъ мнѣнія, что война и неурожай были причиною дороговизны, утверждая, что ничто иное какъ порча монетъ повлекла за собою это зло; всѣ другія бѣдствія, какъ-то: война и неурожай, кажутся ему какъ-бы карою Божіею за выпускъ легковѣсныхъ монетъ. Факультеты различныхъ университетовъ публиковали сочиненія о деньгахъ. Въ запискѣ, изданной Іенскимъ университетомъ, сказано: Такъ какъ деньги общее мѣрило всѣхъ цѣнностей (communis rerum mensura), то порча монетъ должна непременно привести въ разстройство весь хозяйственный бытъ ¹⁾. Такое же мнѣніе было высказано знаменитымъ современникомъ Посошкова, Лейбницемъ ²⁾.

Въ Англіи, напримѣръ, Мунъ (Mun, A discourse of trade, 1609) протестовалъ противъ всякаго возвышенія номинальной цѣнности монетъ. Основатель науки о политической ариаметикѣ, Петти, неоднократно писалъ противъ подобныхъ финансовыхъ предпріятій и подробно объяснял, какія бѣдствія должны они повлечь за собою. Онъ утверждалъ, что явное банкротство государства менѣе губительно для народнаго благосостоянія, чѣмъ порча монетъ. Дудлей Нортъ (North, Discourse of trade 1691) называетъ такіа перемѣны въ денежной системѣ обманомъ и замѣчаетъ, что единственною основою цѣнности денегъ служить количество драгоцѣннаго металла, въ нихъ содержащагося. Локкъ говоритъ, что возвышеніе номинальной цѣнности монеты заключаетъ въ себѣ обманъ и для государя, и для его подданныхъ и т. д. ³⁾. Эти теоріи въ Англіи имѣли прямое вліяніе на практику, какъ видно ужъ изъ того обстоятельства, что фунтъ стерлинговъ въ Англіи далеко не въ такой мѣрѣ убавился какъ во Франціи монетная единица ливра. Напротивъ того, въ Италіи самыя просвѣщенныя теоріи о рациональномъ управленіи финансовъ не могли спасти этой страны отъ страшныхъ злоупотребленій въ управленіи монетною регалией. По остроумному замѣчанію графа Пекціо, въ Италіи были постоянно въ обращеніи самыя худшія деньги, между тѣмъ какъ писались самыя лучшія сочиненія о монетѣ.

¹⁾ Roscher, Die deutsche Nationalökonomik an der Gräzseide des XVI u XVII Jahrhunderts. *Abhandl. d. pol.-hist. Klasse d. Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss.*, Bd. IV, № III, Leipzig, 1862, стр. 274, 276, 306, 330, 335.

²⁾ Roscher, *Gesch. d. N. Ok. u Deutschland*, стр. 336.

³⁾ См. соч. *Роснера*, Zur Gesch. der engl. Volkswirtschaftslehre, стр. 47, 81, 85, 95, 101.

Также разсуждали и нидерландскіе ученые, какъ, напримѣръ, Боксгорнъ, Мирисъ и другіе. Сальмавіусъ прямо замѣтилъ, что правительство никогда не будетъ въ состояніи, единственно въ силу своего авторитета, опредѣлить цѣнность монеты. Другіе писатели краснорѣчиво описывали гибельныя послѣдствія выпуска легковѣсной мѣдной монеты въ Испаніи въ началѣ XVII вѣка ¹⁾. Цѣлью такихъ сочиненій было: убѣдить нидерландское правительство въ опасности подобныхъ предриятій ²⁾.

Какъ мало практической бытъ въ Россіи вліяніе на развитіе теоріи, видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: когда по случаю операціи съ мѣдными пятикопѣечниками (1723—1756) правительство весьма тщательно занялось вопросомъ о вымѣнѣ этихъ денегъ изъ обращенія и при этомъ случаѣ были собираемы многія статистическія и историческія данныя, никто изъ составителей проектовъ о способѣ окончанія этой операціи не упомянулъ о страшномъ кризисѣ, случившемся въ Россіи вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Съ тѣхъ поръ до мѣръ, принятыхъ правительствомъ для отмѣны пятикопѣечниковъ, прошло менѣе вѣка ³⁾, однако, какъ кажется, никто не зналъ объ ужасныхъ бѣдствіяхъ 1660—1663 годовъ. Матеріалы, относящіеся къ этому дѣлу, хранились въ архивахъ. Равнымъ образомъ, и Посошковъ, какъ видно, ничего не зналъ объ этомъ происшествіи.

Въ практикѣ, наконецъ, мало по малу восторжествовала та теорія, противъ которой столь энергично возставалъ Посошковъ. Въ какой мѣрѣ она была извѣстна Посошкову—видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Онъ формулировалъ теорію иноземцевъ слѣдующимъ образомъ: „Тыи купцы по копецеству своему товары въ деньгахъ считаютъ, а королевскую персону полагають за свидѣтеля, что та цата имѣеть въ себѣ толико товару, за что она идетъ“. Эти слова могутъ считаться почти вполне точнымъ переводомъ правила, высказаннаго извѣстнымъ французскимъ экономистомъ Мишелемъ Шевалье: „L'empreinte que reçoivent l'or et l'argent dans les hôtels-des-monnaies, n'est

¹⁾ См. мое сочиненіе: Ueber das Kupfergeld in Spanien im XVII Jahrhundert въ сборникѣ Kupfergeldkrisen, St.-Petersburg, 1867, стр. 71—77.

²⁾ *Laspeyres*, Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer, Leipzig, 1863, стр. 14, 285, 286.

³⁾ См. мое сочиненіе: Матеріалы для исторіи оныясовъ въ Россіи. Пятикопѣечники 1723—56 гг.. С.-Петербургъ, 1867.

pas autre chose qu'une attestation, donnée par le souverain du poids et du titre de chaque pièce¹⁾.

Литатура или приѣмъ менѣе драгоцѣнныхъ металловъ къ серебру и золоту бываетъ необходима для большей твердости и прочности монеты. Не всегда однако исключительно техническія соображенія, но иногда и финансовыя, были причиною таковой приѣмъ. Посомиковъ возражаетъ противъ этого образа дѣйствій. „Въ Россіи“, говоритъ онъ, — „значала при великихъ князяхъ и при первомъ Россійскомъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавленнаго, чему явное свидѣтельство тыи старыя деньги, и нынѣ въ мѣрѣ обрѣтающіяся. А при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра, на кости не переплавлява“... Затѣмъ Посомиковъ разсказываетъ о появленіи новыхъ денегъ въ 1718 году, которыми онъ былъ крайне недоволенъ, и потому продолжаетъ: „И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тщаніе великое приложить, отъ чего царская сокровища могутъ наполниться, и народъ пользу не малу восприметь. И управитъ ево родствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было; и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, а во установленіи о томъ ни малыя бы измѣны не чинить, но яко столпу быти неподвижиму. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми уми, а не вѣтренными, помислить о нихъ, како бы ихъ устроити, дабы онѣ прочны и непорочны и похвальны были. И по моему мнѣнію зрителя: лучше, еже бы серебряныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче чтобъ денежнаго серебра ни въ каковыхъ вещахъ лучше не было. Яко у насъ въ Россіи вѣра сохранилась христіанская самая чистая, никакого приѣма еретическаго не имущая, тако требъ и деньгамъ російскимъ быти самымъ чистымъ безъ всякаго приѣма, и еже бы имъ отъ всѣхъ иностранныхъ отличеннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быти, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра. И аще великій нашъ монархъ Всероссійскій императоръ извелъъ противъ древнихъ нашихъ російскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то накі въ вѣчные роды онѣ будутъ похвальны... И таковыя деньги надлежитъ въ торгахъ русскихъ имѣть, за рубежи жъ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать... А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ пороку, еже по дѣнѣ

¹⁾ *Michel Chevalier*, Cours-d'écon. pol., III, Paris, 1850, стр. 24.

въ деньгахъ товару снизить Его Величества именованіе. Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погибнетъ. Третій порокъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великое предводительство, еще уже и явилсяя. Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бѣ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ всегдѣ надобно вымышлять и старатися о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое пореченіе отъ Россійскаго народа отлучить. И тѣ вышесказанныя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажко и воровскія появилися.... И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги не имѣются, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самна чистыя мѣди легкія“¹⁾...

Справедливо Посошковъ говорить, что прежде, а именно при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, серебро въ деньгахъ было чище позднѣйшаго. Въ 1830 году на монетномъ дворѣ былъ сдѣланъ химическій анализъ русскихъ монетъ различныхъ временъ, и при этомъ случаѣ оказалось, что копѣйка, относящаяся къ періоду царствованія Ивана Васильевича, была 92¹/₂ пробы²⁾. Впослѣдствіи, когда русскія деньги чеванились изъ ефимковъ, привезенныхъ иностранцами, это отношеніе нѣсколько измѣнилось. Иностранные талеры были мѣтѣ высокой пробы (85 - 90)³⁾.

О „новыхъ“ деньгахъ 1718 года, которыми Посошковъ былъ столь недоволенъ, мы знаемъ чрезъ правительственныя распоряженія слѣдующее: 24-го января 1718 года вышелъ указъ: „Съ 1-го февраля дѣлать копѣйки и алтынники противъ пробы съ мѣдью; а гривенники, полтинники и рублевники дѣлать изъ чистаго серебра, противъ копѣекъ, а мѣдники дѣлать полушеи тошкы, дабы ворагъ отливать было нельзя, и какъ серебряники; такъ и мѣдники, по крайнѣмъ опечатывать, до которыхъ допустить возможность“⁴⁾. О пробѣ этихъ новыхъ денегъ мы узнаемъ изъ указа 14-го февраля 1718 года: „Рублевники, полтинники и гривенники дѣлать изъ серебра противъ семидесятой пробы; алтынники и копѣйки дѣлать съ мѣдью противъ три-

¹⁾ Соч. Пос. I, 250—255.

²⁾ *Chaudoir*, l. c., I, 126.

³⁾ *Chaudoir*, I, 79.

⁴⁾ П. С. З., № 3148.

десяти осмой пробы; а двурублевки дѣлать изъ золота противъ семидесяти пятой пробы" ¹⁾.

Какъ видно, проба новыхъ денегъ была весьма низкая. Кажется; правительство опасалось, что новые деньги не будутъ пользоваться довѣріемъ публики. По крайней мѣрѣ, въ указѣ 9-го апрѣля 1719 года сказано: „чтобы новые деньги ходили по назначеннымъ на оныхъ подписанымъ обыкновеннымъ деньгами безъ всякаго спору. А буде кто не означеннымъ на нихъ цѣнамъ имать не станетъ: и тѣ будутъ по свидѣтельству штрафованы" ²⁾.

Изъ словъ Посошкова видно, что онъ не столько нападалъ на новые золотыя и серебряныя монеты, сколько на алтынники и копейки 38-й пробы. Онъ недоволенъ тѣмъ, что „иноземцы приглашаютъ чтобы въ ефимочное серебро на drobныя деньги (то-есть, на разныя монеты) прилагать мѣди большую часть". Посошковъ видѣлъ фальшивыя деньги 38-й пробы. И въ самомъ дѣлѣ тогда часто встрѣчались поддѣльные алтынники и копейки. Въ указѣ 24-го августа 1722 года говорится объ „оловянныхъ и стальныхъ деньгахъ", и велѣно: „для подлаго народа читать сей указъ во всѣхъ церквахъ и послать воровскія деньги по малому числу губернаторамъ и воеводамъ, дабы священникамъ при чтеніи о томъ сего указа народу объявлять" ³⁾. Изъ этого видно, какимъ количествомъ фальшивыхъ монетъ расплавалось правительство: оно имѣло возможность разслать по всей имперіи образчики оныхъ ⁴⁾.

Выпускъ этикъ скорѣе мѣдныхъ чѣмъ серебряныхъ денегъ встрѣтилъ противорѣчіе не одного Посошкова, но и другихъ современниковъ. Въ дошедшихъ кунетахъ бергъ-коллегіи къ правительствующему сенату въ 1721 году сказано: „Нѣсть полезно мнѣ много денегъ дѣлать, пожеме отъ того въ государствѣ уже великія суммы обрѣтаются, и хотя кажется, яко би еще на денежномъ дворѣ великую прибыль чинить, однакоже коммерціи великой ущербъ содѣлываетъ, когда пропорція мѣдной противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдныя деньги великими суммами тяжело возить и въ поварный случай оныхъ монетъ много погибнуть,

¹⁾ П. С. З., № 3164.

²⁾ П. С. З., № 3347.

³⁾ П. С. З., № 4076.

⁴⁾ Разныя данныя въ доказательство того, что фальшивыхъ денегъ тогда было много, см. въ моемъ соч. о пятикопѣечникахъ стр. 30—31.

а отъ серебряныхъ въ такое время чистое сохранится: полезно есть копѣйки и полушки изъ мѣди чеканить, и она въ мелкому расходу или на обмѣнъ большаго денегъ держать, только жъ бы ихъ не излишно, но по опредѣленной пропорціи противъ серебряныхъ дѣлать, а именно 10-ю часть мѣдныхъ. или какая пропорція Его Царскому Величеству угодно будетъ. Не худо бъ было алтынники отставить, а вмѣсто ихъ пятикопѣечники по 70-й пробѣ дѣлать; ибо такіе отъ фальшивыхъ скорѣе отличатся, нежели вышнѣшняго дѣла, которыя по 38-й пробѣ дѣлаются; къ тому же и въ стѣтахъ облегченіе будетъ" ¹⁾).

Поддѣлка монетъ 38-й пробы представляла въ самомъ дѣлѣ не нѣ затрудненій, чѣмъ поддѣлка монетъ высокой пробы. Уже въ XVII столѣтіи нѣмецкій экономистъ Борницъ утверждалъ, что пригнѣсъ къ монетамъ облегчаетъ поддѣлку. Онъ также, какъ и бергъ-коллегія, въ Россіи, требовалъ точнаго опредѣленія пропорціи между разнѣною монетою и крупными деньгами ²⁾. Но между тѣмъ какъ бергъ-коллегія ничего не имѣетъ противъ пригнѣсы вообще, что видно изъ ея предложенія выпустить пятаки 70-й пробы, между тѣмъ какъ Борницъ признаетъ необходимость лигатуры ради прочности монетъ, — Посоншковъ никакъ не хочетъ допустить какой-либо пригнѣсы. Въ чистотѣ металла для него заключается какая-то новизна, какой-то идеалъ, такъ что онъ сравниваетъ чистоту монетъ съ чистотой вѣры. Онъ смотритъ при этомъ случаѣ на денежную систему не столько какъ финансистъ или техникъ, сколько какъ философъ или какъ доктринеръ. Его сильно оскорбляютъ, что „червонные состресны маниромъ и мастерствомъ самыя честныя, а существомъ уронены“. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, золотыя двурублевики, выпущенныя въ 1718 году, были 75-й пробы и такимъ образомъ чистотою металла далеко уступали прежнимъ золотымъ монетамъ. Червонцы, въ 1701 году чеканенныя въ Россіи, были 93-й пробы; червонцы 1712—1716 годовъ — даже 93½ пробы; червонцы, привозимые въ Россію изъ Германской имперіи, были даже 95-й пробы ³⁾.

Согласно съ вышеприведенными соображеніями Посоншкова о главныхъ правилахъ монетной системы, написать и его финансовый проектъ о деньгахъ, основой котораго служатъ двѣ мысли, о которыхъ

¹⁾ П. С. З., № 3748.

²⁾ Roscher, Die deutsche Nationalökonomik, 307.

³⁾ Chaudoir, I, 140.

мы говорили, а именно: мысль о царскомъ авторитетѣ, какъ о единственномъ основаніи цѣнности денегъ, и мысль о необходимости сохраненія чистоты металловъ. „А дѣлать бы“, говоритъ онъ, — „не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдными деньгами можно дѣлать гривенники въ семь по золотнику, алтынники по полузолотнику, а копѣйки по четверти золотника. И еще кто речетъ ми: для чего въ добрыхъ копѣйкахъ золотникъ въ мѣди пойдетъ по четыре копѣйки, а въ алтынникахъ по пяти копѣекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ? Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ“ и т. д.... „И еще Его Императорскаго Величества изволеніе спичное будетъ, ежели ради пополненія казны и ради всенародной пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копѣйки, то изъ фунта будетъ ихъ 3 рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублей 25 алтынъ съ копѣйкой, а изъ пуда выйдеть ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фунта будетъ ихъ 9 рублей 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 884 рубля. И по тому развѣсу еще пудъ мѣди передѣлать въ копѣйки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублей. А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублей; а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублей, и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ ¹⁾ и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копѣйки, то прибыли у нихъ

въ годъ будетъ	70.000 рублей.
„а алтынники, если передѣлать 3.000 пудъ, то прибыли будетъ	66.000 „
„а въ гривенники если передѣлать 2.000 пудъ то будетъ у нихъ прибыли	37.000 „ ²⁾
„и всего у 10.000 пудъ мѣди за всѣми расходами будетъ прибыли.	184.000 рублей ³⁾ .

„И ради истребленія воровства прежнія мѣдные деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіе же деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если

¹⁾ Ошибка вмѣсто 10.000, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ цифръ.

²⁾ Ошибка: вдвое больше, то-есть, не 37.000 р., а 74.000 руб.

³⁾ Ошибка: 183.000, или если принять въ соображеніе послѣднюю ошибку 37.000 р. вмѣсто 74.000 р.)—210.000 р.

старых не переделывать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ оловянныхъ. И буде ихъ не окончить, то и впредь отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ ни отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно" ¹⁾.

Проектъ Посошкова можетъ быть названъ чрезвычайно смѣлымъ. Въ его глазахъ несораазмѣрность между реальною и номинальною цѣнностями ничего не значила, потому что, по его мнѣнiю, сiя послѣдняя поддерживается не столько „въ цѣтѣ положеннымъ товаромъ, сколько царскимъ именоваемъ“. Однако ужъ изъ вышеупомянутой записки бергъ-коллегии видно, что въ то время не всѣ раздѣляли мнѣнiе Посошкова. Тамъ говорится о такой мѣдной монетѣ, въ которой встрѣчается несораазмѣрность между реальною и номинальною цѣнностями, доставляющая „денежному двору прибыль“. И въ самомъ дѣлѣ въ алтынникахъ и копѣйкахъ 38-й пробы мы встрѣбаемъ такую несораазмѣрность, какъ видно изъ слѣдующей смѣты;

Пудъ мѣди стоитъ около 8 рублей; пудъ серебра 488 рублей ²⁾. Такъ какъ алтынники и копѣйки чеканились по 38-й пробѣ, то въ пудѣ этихъ монетъ было:

серебра	15 фунтовъ	80	золотниковъ	
мѣди	24	16	„	„
	40 фунтовъ.			

15 фунтовъ 80 золотниковъ серебра			
по 488 руб. за пудъ стоили	193 руб.	17 коп.	
24 фунта 16 золотниковъ мѣди по			
8 руб.	4	83	„
	198 руб.		

Въ фунтѣ алтынниковъ и копѣекъ было $7.08^{1/2}$ ³⁾ коп., слѣдовательно, въ пудѣ 283 руб. 57 коп.

Такъ какъ въ пудѣ алтынниковъ и копѣекъ			
номинальная цѣна была	283 руб.	57 коп.	
а реальная	198	—	„
прибыли при каждомъ пудѣ было	85 руб. 57 коп.		

При сравненiи прибыли, которую имѣло правительство, выпустивъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 250—256.

²⁾ Какъ видно изъ П. С. З., 3748 «серебра 2,000 пудовъ цѣною на 976,000 рублей».

³⁾ Chaudoir, I. 156.

алтынники и копейки 38-й пробы, съ прибылью, которую Посошковъ общаетъ правительству при исполненіи своего проекта, мы получаемъ слѣдующій результатъ.

Въ пудѣ гривенниковъ Посошкова прибыли	370 руб.
„ „ алтынниковъ „ „	220 „
„ „ копѣекъ „ „	140 „
„ „ алтынниковъ и копѣекъ 1718 года	85 „

Въ 1723 году правительство выпустило мѣдныя пятикопѣечники, которые чеканились по 40 руб. изъ пуда мѣди. Въ этомъ случаѣ правительство выигрывало у каждаго пуда 32 рубля.

При Алексѣѣ Михайловичѣ были вынуждены мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебрянныхъ. Такъ какъ пудъ мѣди тогда стоилъ 4.80 коп., а пудъ серебра 288 руб., правительство у каждаго пуда выигрывало 283 руб., что почти достигаетъ самаго смѣлаго соображенія Посошкова.

Мы видимъ, какъ ни оригинальны, какъ ни наивны могутъ казаться предложенія Посошкова о монетной системѣ, — подобныя мѣнія были примѣняемы въ практикѣ, хотя такія финансовыя предпріятія оказывались чрезвычайно опасными.

Не понятно, какъ Посошковъ могъ предполагать, что послѣ появленія легковѣсныхъ мѣдныхъ монетъ не будетъ никакихъ случаевъ поддѣлки ихъ. Въ Россіи именно это преступленіе встрѣчалось весьма часто: множество указовъ и распоряженій правительства свидѣтельствуетъ о распространеніи этого зла. На чемъ же основывалъ Посошковъ свое предположеніе, что такой опасности нѣтъ въ отношеніи къ мѣднымъ деньгамъ? Поддѣлка мѣдныхъ денегъ не представляла даже особенныхъ техническихъ затрудненій. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ сословія участвовали въ поддѣлкѣ мѣдныхъ денегъ. Поддѣлка монеты до того была распространена, что чеканы и маточники сдѣлались предметомъ торговли. Даже крестьяне и нищіе были покупателями маточниковъ ¹⁾.

Къ тому же Посошковъ предполагалъ дать предложенной имъ финансовой операциі нѣсколько болѣе значительные размѣры. Онъ приглашалъ правительство передѣлать всѣ мѣдныя деньги, находившіяся въ обращеніи, въ такіе гривенники, алтынники и копейки, общая „прилоду три-четыре милліона“. Для полученія такой прибыли нужно было выпустить этихъ монетъ на сумму четырехъ мил-

¹⁾ См. мое соч. Мѣдныя деньги и пр., стр. 31.

ліоновъ. И въ этомъ отношеніи его соображенія довольно сходны съ образомъ дѣйствій правительства. О количествѣ выпущенныхъ алтыничковъ и копѣекъ мы не знаемъ. Пятикопѣечниковъ же въ 1723—1730 годахъ было выпущено на сумму 3.500,000, при чемъ прибыли было почти 3.000,000 рублей ¹⁾.

Весьма сходенъ съ проектомъ Посошкова о выпускѣ легковѣсной мѣдной монеты проектъ директора С.-Петербургской типографіи Аврамова, составленный приблизительно въ то же самое время ²⁾.

О личности Аврамова не много извѣстно. Онъ состоялъ въ связи съ разными знатными лицами, имѣлъ мѣдный заводъ въ Казанской губерніи, составлялъ разныя записки о церковныхъ дѣлахъ и т. д. ³⁾. На заводъ было выплавлено до 10,000 пудовъ мѣди. Озабочиваясь сбытомъ ея, Аврамовъ подалъ царю просьбу о принятіи отъ него на денежномъ дворѣ 500 пудовъ мѣди. При этомъ было присоединено „нижайшее мнѣніе“ о пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ. По словамъ Аврамова, всѣ платежи изъ казны удобнѣе могли производиться не серебряною и золотою монетою, а мѣдною. „А нынѣ (то-есть, въ декабрѣ 1723 г.), за недовольствомъ серебряной монеты, какъ отъ неполученія въ подобныя времена по-всягоднаго жалованья, такъ и торговые и работные нижнихъ чиновъ люди имѣютъ великія скудости, а оное все отъ мѣдной монеты конечно пресѣчено будетъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ, Аврамовъ предлагалъ, для удержанія въ Россіи золота и серебра, выѣзжающимъ за границу иностранцамъ, вмѣсто имѣющихся у нихъ золота и серебра въ деньгахъ и вещахъ, выдавать по настоящей цѣнѣ русскими товарами ⁴⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1726 или 1726 г., онъ обратился къ верховному тайному совѣту съ такимъ же предложеніемъ ⁵⁾. Его

¹⁾ См. мое соч. о пятикопѣечникахъ, стр. 27.

²⁾ Г. Еуприядновъ открылъ рукопись его въ Новгородѣ и напечаталъ ее въ *Отечеств. Запискахъ* (т. CV) подъ заглавіемъ «Два неизвѣстные проекта Посошкова». Погодинъ помѣстилъ ее также въ II-мъ т. сочиненій Посошкова. См. мои замѣчанія объ этомъ предметѣ въ изслѣдованіи о сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, августъ 1874 года.

³⁾ См. нѣкоторыя данныя объ Аврамовѣ въ соч. *Пекарская*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 498—514.

⁴⁾ *Пекарскій*, 499.

⁵⁾ См. мои соображенія, почему можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что записка была составлена для верховнаго тайнаго совѣта и между 1726 и 1727 гг., въ моей статьѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, августъ 1874 года.

записка дѣлится на двѣ части: 1) о любви Божіей; 2) о любви ближняго. Во второй части заключается проектъ о мѣдныхъ деньгахъ. Аврамовъ указываетъ на недостатокъ въ деньгахъ вообще. По его мнѣнію, слѣдуетъ чеканить 600.000,000 рублей. Особенно же онъ предлагаетъ умножить „мелкую мѣдную монету“: „Отъ прирѣду оныхъ мелкихъ мѣдныхъ денегъ государству польза и народу помощь такая: при удовольствованіи оныхъ, какъ морскимъ адмиралтейскимъ, такъ и сухопутнымъ армейскимъ полкамъ и итацкимъ служителемъ будетъ дача по окладамъ ихъ жалованья повсегодно, безъ задержанія, мелкою мѣдною монетою, со всякимъ благодареніемъ, понеже подлей народъ, какъ купечество, такъ и поселянство, оную монету пріемлютъ благодарно паче мелкихъ серебряныхъ денегъ“.

Аврамовъ предлагаетъ чеканить пятикопѣечникъ вѣсомъ по 1 золотнику, то-есть, 192 рубля изъ пуда мѣди. За прибыль, получаемую при этомъ случаѣ, онъ считаетъ возможно купить „множество золота и серебра“, а изъ этихъ металловъ онъ предлагаетъ чеканить самыя лучшія „золотые и ефимки“. Двѣ трети этихъ денегъ должно „имѣть въ капиталъ, а на нужные расходы употреблять только одну треть, а вмѣсто капитальной суммы вездѣ употреблять вышерѣченную легкую мѣдную монету, а наипаче на покупку изъ странъ и въ своемъ государствѣ серебра и золота, тавоже и на вымѣнъ хлѣбчей серебряной и золотой монеты“. Затѣмъ предлагается учредить банкъ, въ которомъ всегда будетъ находиться большое количество наличныхъ денегъ, и который будетъ „всякаго званія людямъ давать деньги взаимно безъ процентовъ (!)“.

Аврамовъ ожидаетъ, что мелкая мѣдная монета по обычаю всего сѣвера (?) при лучшей нижней монетою безъ всякаго порока останется, что и торговля и промышленность стануть процвѣтать болѣе, чѣмъ когда-либо, что правительство будетъ имѣть средства въ устройствѣ громаднѣхъ хлѣбныхъ „магазинновъ“, что на мѣдныхъ деньги можно будетъ отсюду покупать „алмазы и другое каменіе драгое, жемчугъ и проіяя вещи драгія, что приходятъ изъ другихъ краевъ, и накупя, павя отвозить за море“. Онъ радуется, что всѣ эти „товары пришли на даровую монету, и чрезъ таковой способъ со всѣмъ свѣтомъ имѣть быть въ торгахъ славная комерція. Оттого же фабрики и рудные заводы будутъ въ Россіи сильны и весьма умножатся“. Впрочемъ, Аврамовъ все-таки считалъ возможнымъ поддѣлку такой легковѣсной монеты за границею. Онъ предлагаетъ, чтобъ „офи-

церы на заставахъ и у портовъ накрѣпко стерегли, дабы въ Россію мѣдныхъ и серебряныхъ фальшивыхъ денегъ не возили¹⁾.

Мы видѣли, что Аврамовъ считалъ возможнымъ купить иностран- ные товары мѣдными деньгами. На этотъ счетъ правительство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дѣйствовало болѣе рационально по случаю выпуска легковѣсной мѣдной монеты. Въ нѣсколькихъ указахъ встрѣ- чается запрещеніе торговать съ иностранцами мѣдными деньгами²⁾, хотя и само правительство нарушало это правило, уплачивая ино- странцамъ жалованье мѣдными деньгами³⁾.

Посошковъ, при составленіи своего проекта, вовсе не входитъ въ такія частности. Онъ, какъ кажется, не былъ въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о явленіяхъ международныхъ денежныхъ отноше- ній. За то Аврамовъ коснулся этого вопроса въ слѣдующихъ сообра- женіяхъ: „А и о векселяхъ ни малаго имѣть сумнѣнія не надлежитъ, понеже оваго не болѣе трехъ сотъ тысячъ въ годъ бываетъ, и мочно для него употребить одну вышерѣченную серебряную и золотую хо- рошую монету, которую и купцамъ, это вексельную потребу завод- лению доважетъ, давать изъ капитала на обмѣнъ мѣдной монеты рубль за рубль безъ всякаго задержанія. А хотя бы вексель и по- высился, и тогда неприлично считать и ровнять малую проху убытка съ великою горю прибытка“.

Значитъ, Аврамовъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ размѣнаго фонда, накопляющагося въ банкѣ. Такой „капиталъ“ могъ дѣйствительно со- дѣйствовать удержанію въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ. Но для этого было необходимо еще другое условіе: чтобы мѣдныя деньги оставались лишь размѣною монетой и вообще не играли бы первенствующей роли на денежномъ рынкѣ Россіи. Однако желаніе Аврамова мѣдными деньгами покупать золото, серебро, алмазы и т. д. не согласуется съ слѣдующими мыслями: „И за вышенисаннымъ сумнѣніемъ для насто- ящей нужды передѣлу мѣдной монеты отставивать не надлежитъ, но до нѣсколько милліоновъ умножить надобно, понеже нижней мо- нетѣ быть мѣдной не противно: ибо древній сей обмѣнъ и во мно- гихъ государствахъ ведется безпереводно, за нѣсколько сотъ лѣтъ дѣлать въ прибавокъ повсягдно, и потому вездѣ у нихъ надѣлано

¹⁾ О привозѣ фальшивой мѣдной монеты въ Испанію послѣ выпуска въ этомъ государствѣ легковѣсной мѣдной монеты см. мое сочиненіе: Kupfergeld- krise, стр. 71.

²⁾ См. мое соч. Мѣдныя деньги, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, стр. 27.

много миллионѣвъ, отъ которыхъ великая помощь народу, и оное благоразсуждается быть истинною, безъубыточною помощію, противъ чего и въ Россіи въ государственную помощь и въ народную пользу мѣдной нижней монетѣ быть и умножать оную надлежитъ даже до многихъ миллионѣвъ⁴.

Какъ видно, Аврамовъ не имѣлъ яснаго понятія о свойствѣхъ разнѣнной монеты. Въ одно и то же время онъ называетъ золотую и серебряную монету „корошею“, мѣдную „нижнею“ и все-таки предлагаетъ дать операциі выпуска легковѣсной мѣдной монеты большіе размѣры. Очевидно, Аврамовъ слыхалъ о мѣдныхъ плитахъ, бывшихъ въ употребленіи въ денежномъ обращеніи Швеціи. Онъ предлагаетъ слѣдующее: „Когда Богъ дастъ рудные заводы умножатся“, то можно купить легковѣсными мѣдными деньгами много мѣди, то есть, за 40 миллионѣвъ рублей мѣдными деньгами 4 миллионъ пудѣ мѣди и эту мѣдь передѣлать въ „плиты“. Этими плитами можно вымѣнять 40 милл. легковѣсныхъ мѣдныхъ денегѣхъ и т. д. „И тако 40 миллионѣвъ рублевъ внутренней цѣны въ государство войдутъ безъ казеннаго и народнаго убытку“. Эти „плиты“, по мнѣнію Аврамова, могутъ служить предметомъ вывоза.

Любопытно, что Аврамовъ все-таки считаетъ желательнымъ вымѣнъ мелкихъ мѣдныхъ денегѣхъ, замѣнъ ихъ „плитами“ съ „внутренней цѣною“. Онъ предлагаетъ еще другой „способъ убавки изъ народа мелкихъ мѣдныхъ денегѣхъ“: Изъ 10,000 пудѣвъ сибирской мѣди (по 4 руб. пудѣ) сдѣлать 2 миллионъ рублей легкой монеты; на эти 2 миллионъ купить серебра, сдѣлать рублевиковѣхъ 70-й пробы и этими серебряными монетами вымѣнять легковѣсныя мѣдныя деньги, затѣмъ повторить эту операцию, и такимъ образомъ „сколько потребно будетъ серебряной монеты скоро и безъубыточно ввести въ государство“.

Все это Аврамову кажется легко возможнымъ и удобнымъ. Онъ нисколько не думаетъ о какомъ-либо возвышеніи цѣнѣхъ. Онъ желаетъ, чтобы правительство покупало драгоцѣнные металлы химерными мѣдными деньгами, не подозрѣвая вовсе, что продавцы золота и серебра не возьмутъ такихъ денегѣхъ. Его главнымъ образомъ интересуеетъ вопросъ о размноженіи рудниковѣхъ. Лишь было бы достаточно мѣди — все остальное не представляетъ, по его мнѣнію, никакихъ затрудненій¹).

⁴) См. записку Аврамова въ соч. Пос., II, 304—311.

Все это было возможно въ силу того убѣжденія, которое, какъ мы видѣли выше, было высказано Посошковымъ, что цѣнность монеты обуславливается лишь авторитетомъ государя.

Какъ бы то ни было, правительство дѣйствовало въ духѣ Посошкова и Аврамова, именно въ то время рѣшаясь на вынужденъ легковѣсной мѣдной монеты. Даже можно спросить: не имѣли ли какого-либо вліянія на правительство мысли Аврамова? Сходство между послѣдними и мѣрами правительства бросается въ глаза. Аврамовъ считаетъ предложенную имъ операцію какъ бы временною мѣрою для снабженія казны и публики деньгами и для введенія хорошей денежной системы распространениемъ въ концѣ концовъ серебра и золота и вымѣномъ легковѣсной мѣдной монеты. Такая же мысль встрѣчается въ указѣ 27-го января 1727-го года, въ которомъ сказано: „Понеже мы, имѣя матернее милосердіе и разсужденіе о томъ, что подданные наши, а наипаче крестьяне, отъ великой подати и разныхъ многихъ неурядковъ въ великой нуждѣ обрѣтаются и отъ того подушнаго сбора многая доимка допускается.... (считаемъ нужнымъ) изъ двухъ одно выбирать: или денегъ умножить, или расходы убавить. Объ убавкѣ армейскихъ расходовъ опасно и думать,—того ради для облегченія подданныхъ при платежѣ сборовъ необходимая нужда требуетъ, чтобы умножить деньги; а понеже въ серебрѣ имѣется нужда, а мѣди получить мочно—сдѣлать пятикопѣечниковъ два миліона р.; сіе дѣло едино для облегченія народнаго въ податяхъ производится; но производить его во всемъ тайнымъ образомъ, дабы въ другихъ государствахъ прежде времени о томъ вѣдать не могли; а дѣлать тѣ пятикопѣечники подъ тѣмъ видомъ, что готовятся они только на перемѣну старыхъ копѣечниковъ, а что сверхъ того сдѣлано будетъ, чтобы о томъ никто вѣдать не могъ. Но чтобы оная монета не вовсе въ народѣ осталась, того ради трудиться надлежитъ серебряныхъ денегъ *капиталъ* запасать, на что серебро на мѣдныя деньги мочно поупать съ прибавкою цѣны; такожъ мѣдныя заводы распространить, мѣдъ умножать; изъ которой дѣлать плиты, и когда государственныи капиталъ во всемъ исправится, и подданные облегчены будутъ и въ доброе состояніе придуть, тогда всѣ мѣдныя деньги изъ народа выкупить въ казну, за которыя платить серебряными деньгами и плитами“¹⁾.

О проектахъ Посошкова мы имѣемъ основаніе думать, что они

¹⁾ П. С. З., № 5003.

не были известны правительству до его катастрофы. Что касается до проекта, то мы едва ли можем сомневаться въ томъ, что правительство, какъ видно изъ вышеупомянутаго указа, приняло предложеніе Аврамова хотя и не цѣликомъ, но въ главныхъ основаніяхъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ чрезъ выпускъ легковѣсныхъ пятикопѣечниковъ правительство надѣялось помочь народу. Или оно полагало, что умноженіе денегъ вообще поможетъ народу уплачивать подати, или оно надѣялось чрезъ выгоду при выпускѣ пятикопѣечниковъ миновать необходимости умноженія податей. Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденій видно, что правительство считало свою операцію въ нѣкоторой степени опасною. Оно, по видимому, желало устранить извѣстную долю этой опасности своего рода разнѣнностью пятикопѣечниковъ. Конечно, впоследствии оказалось невозможнымъ собрать такой *капиталъ*; но во всякомъ случаѣ любопытно, что правительство ласкало себя такою мыслию о благополучномъ окончаніи дѣла. Правительство, кажется, хорошо понимало, что выпускомъ легковѣсныхъ монетъ нарушались главныя основанія денежной системы. Поэтому оно надѣялось, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, извлечь изъ обращенія эти новыя монеты. Поэтому оно и желало совершенно тайнаго производства всего дѣла. Публика не должна была знать, въ какой опасности она находилась ¹⁾.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить различія между понятіями Посошкова, Аврамова и правительства въ отношеніи къ денежной системѣ. Посошковъ къ этому вопросу относится столь же наивно, какъ когда-то, нѣсколько десятилѣтій раньше, администрація при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Осуществленіе его предложеній, безъ сомнѣнія, повело бы къ такому же ужасному кризису, къ какому повели жѣдныя деньги 1656—1663 гг. Аврамовъ уже мыслить осторожнѣе, глубже, онъ уже имѣетъ въ виду что-то въ родѣ кредитной операціи; онъ имѣетъ нѣкоторое понятіе о различіи между разнѣнною монетою и „хорошими“ деньгами. Правительство относится къ этому вопросу еще осторожнѣе, высказываетъ, хотя косвенно, равныя опасенія и—главное—не рѣшается выпустить столь легковѣсную монету, какую предлагалъ чеканить Аврамовъ.

Въ заключеніе сообщаемъ слѣдующую таблицу отношенія реаль-

¹⁾ См. подробности по этому вопросу въ моемъ изслѣдованіи о пятикопѣечникахъ, а также въ моемъ изложеніи: «Ein Finanzproject in Russland 1726» въ журналѣ *Baltische Monatschrift*, въ апрѣлѣ 1866 года, стр. 152.

ной и номинальной цѣнностей во всѣхъ этихъ проектахъ и операціяхъ. Если принять номинальную цѣнность за 100, то реальная цѣнность была:

въ мѣдныхъ деньгахъ царя Алексѣя.	1,6%
„ гривенникахъ Посошкова.	3,6 „
„ алтынникахъ Посошкова.	4,4 „
„ пятикопѣечникахъ Аврамова.	5 „
„ копѣйкахъ Посошкова.	8,2 „
„ пятикопѣечникахъ 1728—56	20 „
„ алтынникахъ 1718 г. 88-й пробы	60 „

Такие проекты, составленные частными лицами, такіа финансовыя предприятия правительства доказываютъ, что вопросъ о денежной системѣ и въ Россіи занималъ многихъ и былъ весьма важнымъ моментомъ въ исторіи развитія политико-экономическихъ понятій. Нельзя не замѣтить при этомъ случаѣ, что въ то самое время, когда высказывались всѣ эти мысли, денежный вопросъ въ Россіи и на западѣ стоялъ на первомъ планѣ. Къ этому времени относятся и торговый кризисъ въ Англій, и черезъ чуръ смѣлыя операціи Шотландца Ло во Франціи, и выпускъ легковѣсныхъ мѣдныхъ „денежныхъ знаковъ“ въ Швеціи.

Заключеніе.

Таковъ былъ Посошковъ какъ экономистъ. Во многихъ вопросахъ онъ былъ прогрессистомъ, въ нѣкоторыхъ—консерваторомъ. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ понятіямъ обще-экономическимъ и къ разнымъ явленіямъ народно-хозяйственнаго быта онъ опередилъ многихъ современниковъ; иногда онъ оказывается даже болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ гениальный преобразователь, Петръ, котораго мы назвали наставникомъ Посошкова; въ отношеніи къ другимъ вопросамъ государственнаго или общественнаго хозяйства онъ оказывается ограниченнымъ, наивнымъ, даже ретроградомъ. Его сочиненія имѣютъ особенное значеніе какъ матеріалъ для изображенія экономическаго быта Россіи; что же касается до его предложеній, то реформы, о которыхъ мечталъ Посошковъ, были отчасти утопическими, неудобосуществимыми. Въ нихъ царствуетъ безусловный оптимизмъ, онъ чрезмерно увлекается своими идеалами. Онъ не государственный человѣкъ, а диалектантъ. Онъ постоянно надѣется, что только стоитъ примѣнить къ практикѣ его предложенія, чтобы спасти Россію, обезпечить народное богатство и положить начало новой эрѣ во всѣхъ отношеніяхъ. „Аще

Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ“, думаетъ онъ, — „по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелѣть, то я чаю... преизлище царская сокровища наводятся“; или: „если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится“; или: „аще вышесказанныя дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божію милость надеженъ, что Его Императорскому Величеству на каждый годъ милліоновъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходитъ будутъ“ и т. п. ¹⁾).

Главная черта всѣхъ разсужденій Посошкова, свидѣтельствующихъ о многостороннемъ знаніи, о необыкновенной опытности въ дѣлахъ,—глубокая нравственность. И въ области народно-экономическаго быта, какъ и, вообще въ жизни общества и государства, онъ прежде всего боролся съ „неправдою“. И на этотъ счетъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ былъ какъ-бы товарищемъ, сотрудникомъ Петра.

Современники почти не знали Посошкова; горькая судьба постигла его; есть даже основаніе думать, что его „Книга о скудости и богатствѣ“ считалась преступленіемъ. Потомство, напротивъ, безпристрастно можетъ судить о заслугахъ „мизирнаго“ крестьянина села Покровскаго“, занимающаго довольно важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и особливо въ исторіи развитія политической экономіи въ Россіи.

¹⁾ Соч. Пос., I. 3, 116, 258,

CHAP. II
INTERNAL SECURITY
- 1900. -
- 1910. -
- 1920. -
- 1930. -
- 1940. -
- 1950. -
- 1960. -
- 1970. -
- 1980. -
- 1990. -
- 2000. -

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>
Стр. 11	строк, 11 св. его	ему
» 19	» 9 св. ратномъ	ратномъ
» 36	» 3 св. записяхъ	мѣрахъ
» 66	» 9 св. царевомъ	царскомъ
» 99	» 1 св. Wevs	Volks
» 100	» 15 св. уврушецъ	укрушецъ
» 101	» 18 св. истощиваютъ	истончеваютъ
» 101	» 13 св. оттопчеваютъ	оттончеваютъ
» 102	» 7 св. лицъ	лицъ
» 111	» 7 св. снхъ	снлъ
» 114	выноска 2-я: прибавить къ автору <i>Пръжовъ</i> .	заглавію сочиненію о нищихъ имя
» 118	» 9 св. Посошкомъ	Посошковъ
» 119	» 22 св. Ионненсельсъ	Зонненселевъ
» 119	» 24 св. звѣрищевъ	звѣринцевъ
» 121	» 7 св. работа	забота
» 132	» 14 св. ея	ся
» 140	» 11 св. Берга	Бѣра
» 142	» 1 св. aodo	dodo
» 171	» 7 св. ревелю	ревеню
» 175	» 12 св. въ	къ
» 182	» 4 св. Мупъ	Мунъ
» 183	» 5 св. 1696	1646
» 187	» 13 св. преобраданіи	преобладаніи
» 192	» 2 св. Галей	Галей
» 194	» 7 св. хвосты	хвасты
» 211	» 7 св. гумсеальтумъ	гумсеальтумъ
» 214	» 4 св. домахъ	деньгахъ
» 223	» 10 св. въ 1711 года	въ указѣ 1711 года
» 224	» 7 св. мочи	моги
» 132	» 10 св. распутномъ	ратномъ
» 145	» 1 св. Италин	Испаніи

3725463